

Л84
926

В. Г. Луконин

ДРЕВНИЙ
И РАННЕ-
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ
ИРАН

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЭРМИТАЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

27.5
В. Г. Луконин

ДРЕВНИЙ И РАННЕ- СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИРАН

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

*Главная редакция восточной литературы
Москва 1987*

Составители

Г. Е. ЛУКОНИНА, Е. В. ЗЕЙМАЛЬ

Книга безвременно скончавшегося известного советского востоковеда Владимира Григорьевича Луконина (1932—1984) посвящена вопросам истории культуры Ирана эпохи древности и раннего средневековья, которыми ученый занимался всю свою жизнь. В очерках рассматриваются различные аспекты культурной истории иранских государств на фоне политической истории.

Предназначена иранистам широкого профиля, а также историкам культуры.

Л $\frac{4462000000-141}{013(02)-87}$ 74-87

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1987.

От составителей

Название этой книги отражает не только ее содержание, но и круг основных научных интересов В. Г. Луконина, более тридцати лет посвятившего исследованию культуры и искусства Ирана. Вошедшие в книгу очерки были написаны в разные годы, некоторые из них уже были напечатаны в виде статей или глав в других изданиях (иногда — в сокращенном по сравнению с этой книгой варианте), остальные ранее не издавались вообще или впервые публикуются на русском языке.

Работа «Художественная культура древнего Востока» (1983 г.), в сокращенном виде вошедшая в коллективную монографию «Художественная культура в докапиталистических формациях» <68>¹, по своему содержанию несколько шире тематических рамок, определенных заглавием этой книги, — в ней рассматриваются общие закономерности и процесс формирования и развития художественной культуры древнего Востока в целом. Но исследование культуры и искусства древнего Ирана, их истоков и типологических особенностей (в частности, анализ «имперской» стадии художественной культуры Ахеменидской державы) занимает и в этой работе одно из центральных мест. Многие положения, высказанные В. Г. Лукониным в его предшествующих публикациях (и в том числе в книге «Искусство древнего Ирана» <14>), получили здесь более углубленное теоретическое осмысление на широком историко-культурном фоне всего древнего Востока.

Сложению и ранним этапам развития художественной культуры Ирана посвящен второй очерк — «У истоков древнеиранского искусства» (1982 г.), — ранее не

¹ Здесь и далее в угловых скобках проставлены номера работ В. Г. Луконина по списку, приложенному в конце книги.

издававшийся. В нем широко использованы новые археологические материалы, а тематически он тесно связан со многими работами, не включенными в это издание <7, 13, 14, 16, 45 и др.>.

В сравнительно небольшой работе «Сокровища искусства древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии» (1971 г.), вышедшей отдельной брошюрой к временной выставке из собраний музеев СССР в Государственном Эрмитаже, В. Г. Лукониным были впервые изложены идеи, на базе которых впоследствии — уже в более полном виде, с более точными формулировками и с более детальной аргументацией — была создана его концепция развития культуры древнего Ирана.

Далее в сборник включены три работы разных лет, посвященные культуре Ирана, а также его политической и социальной истории в парфянский и сасанидский периоды. Эта тематика с самых первых публикаций В. Г. Луконина занимала главное место в его исследованиях <2, 8, 15, 27, 34, 44>, всегда строившихся на комплексном использовании разных видов источников — надписей и скальных рельефов, археологических материалов и торевтики, глиптики и нумизматических данных, каждым из которых он не только владел активно и свободно, но и всегда заново осмысливал источниковедчески.

Очерк о парфянской и сасанидской администрации (1971 г.) был написан и опубликован <66> как глава в «The Cambridge History of Iran» и по-русски издается впервые. По своему содержанию он намного шире заглавия. В нем дано не просто описание административного и социального устройства парфянского и сасанидского Ирана, но и анализ как отдельных институтов, так и системы в целом в развитии и в неразрывной связи с переменами в культуре и в идеологии. Эта работа (как и не включенная в это издание глава в «Истории древнего мира» <65>) во многих отношениях подытоживает и суммирует то, что было сделано и самим В. Г. Лукониным, и другими исследователями до него по отдельным проблемам и частным вопросам. Следует подчеркнуть, что, как и в других работах В. Г. Луконина, это «суммирование» — не механическое соединение в одно целое разрозненных частей, не сводка данных, а всегда — результат творческого переосмысления всей совокупности материалов и тех выводов, к которым они приводят, часто дающего качественно новый итог.

В этом смысле показательна и другая работа —

«Надпись Нарсе в Пайкули и Бишапурский рельеф», частично опубликованная ранее как заключительная глава в книге «Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции» <15>. В эту работу составители (при участии В. А. Лившица) включили хранившийся в научном архиве В. Г. Луконина новый перевод надписи Нарсе из Пайкули, выполненный в 1979—1980 гг., после публикации дополнительных блоков этой надписи Х. Хумбахом, но до появления перевода П. О. Шэрвё (1983 г.). Надпись Нарсе из Пайкули — источник, над которым В. Г. Луконин продолжал работать более тридцати лет, многократно обращаясь как к наиболее трудным и плохо сохранившимся местам текста, так и к общен исторической интерпретации сведений этой надписи. И дело не только в плохой сохранности надписи. Ее чтение требует не только блестящей лингвистической подготовки, оно невозможно и без детального понимания тех процессов, которые происходили в это время в Иране, — понимания, которое должно опираться на активное владение совокупностью всех остальных источников. Творческое начало проявляется не только в выдвижении новых идей, но и в умении пересматривать устаревшие точки зрения (и в первую очередь свои), если они приходят в противоречие с фактами, в умении отказываться от идей, которые некогда казались правильными, увлекали. Работа В. Г. Луконина над надписью из Пайкули — яркий пример именно такого творческого подхода, который был характерен и для других направлений в исследованиях В. Г. Луконина (в том числе и не нашедших полного отражения в этом издании). Такую же творческую эволюцию претерпела оценка личности Картира и его роли в истории Ирана III в. в работах В. Г. Луконина, прямо или косвенно затрагивающих эту тему <2, 8, 15, 27, 34, 44>. К этому вопросу он возвращается снова и в работе «Надпись Нарсе в Пайкули и Бишапурский рельеф».

В основе очерка «Хосров II и Анахита» — доклад, прочитанный В. Г. Лукониным в апреле 1979 г. на научной сессии в Государственном Эрмитаже, посвященной памяти Я. И. Смирнова. Эта ранее не публиковавшаяся работа, пожалуй, наиболее развернутое обращение В. Г. Луконина к позднему периоду в истории Сасанидов, к сложному и малоисследованному вопросу о взаимоотношениях зороастризма и христианства в Иране в это время, затрагивавшемся и в других его работах <4, 64

и др.>. Наряду со сведениями письменных источников, глиптикой, торевтикой и другими материалами В. Г. Луконин широко использует в этой работе и «Шах-наме», оценке которого как источника по истории культуры посвящены его комментарии к переводу «Шах-наме» в серии «Литературные памятники» <42, 69>.

Завершают сборник две работы, очень различающиеся и по характеру, и по материалам, на которых они написаны, но тесно связанные тематически: обе они посвящены сасанидским завоеваниям на восточных границах Ирана. Статья «Среднеперсидские надписи из Каратепе» (1969 г.), несмотря на преимущественно публикационный характер, содержит подробные данные о других находках среднеперсидских надписей на территории СССР <40>, тесно примыкая к другой работе В. Г. Лукониной (совместно с В. А. Лившицем), в которой исследованы среднеперсидские надписи на серебряных сосудах <28>.

Статья «Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии» (1969 г.), первоначально опубликованная в «Вестнике древней истории» <41>, содержит детальный анализ всех видов источников, освещающих кушано-сасанидскую проблематику, а ее выводы — развернутое основание новой хронологии этих событий, предложенной и разработанной на нумизматическом материале в других работах В. Г. Лукониной <33, 36, 37, 39, 53, 8, 9 и др.>.

Первоначально предполагалось включить в это издание и написанную в 1966 г. статью «Кушано-сасанидские монеты» <36>, основные положения которой сохраняют свое значение и сейчас (равно как и хронология монет сасанидских кушаншахов, впервые выдвинутая в этой статье). Однако от этого намерения пришлось отказаться, так как статья нуждается в некоторой переработке с учетом прежде всего тех замечаний и поправок, которые были сделаны самим В. Г. Лукониным в его более поздних работах, а также тех новых материалов, которые появились за двадцать лет, прошедших после ее написания.

В этой книге нашли отражение далеко не все темы и направления исследований В. Г. Лукониной: здесь нет работ по нумизматике <38, 2, 8 и др.> и глиптике сасанидского Ирана <4, 21, 22, 26, 47, 54, 64 и др.>, а также по археологии древнего и сасанидского Ирана <56, 57, 58, 16 и др.>. Большое исследование по торевтике са-

санидского Ирана (совместно с К. В. Тревер <18>), как и некоторые другие работы <19, 20>, к моменту сдачи этой рукописи в издательство еще находились в печати, но их можно найти в списке опубликованных работ В. Г. Луконина (см. ниже с. 275—279), составленном В. Г. Шкодой.

Вместе с составителями в подготовке этой книги к печати принимали участие А. А. Иерусалимская и В. А. Лившиц, который в частности, взял на себя труд выверить и унифицировать всю транскрипцию. В унификации библиографических обозначений (и частично проверке ссылок заново) большую помощь составителям оказали И. Н. Медведская и В. Г. Шкода.

Художественная культура древнего Востока

1. Три модели древневосточной цивилизации ¹

Понятие «древний Восток» охватывает цивилизации, складывавшиеся с VI—IV тысячелетий до н. э. и существовавшие до начала нашей эры на громадной территории от Египта до Китая.

Этим совершенно условным термином принято обозначать совокупность очень далеких по географическим и хозяйственным условиям областей, оседлых и кочевых народов, обществ, еще не вышедших из состояния первобытности, и более продвинутых в своем историческом развитии племен и народностей, говоривших на десятках языков и веривших в бесчисленное множество богов. Но за всем этим многообразием стоит то, что позволяет рассматривать их как некое единство: рабовладельческий способ производства с двумя основными секторами в экономике — государственно-храмовым и общинно-частным ².

Сколько-нибудь конкретное представление об особенностях возникновения древневосточных цивилизаций и путях их развития можно составить только для областей и стран, выдвинувшихся в ходе исторического развития на первый план; другие, остававшиеся по разным причинам в тени или просто пока плохо изученные (вообще или на определенных этапах их истории), не могут быть рассмотрены на одинаковом с ними уровне детальности.

В формировании цивилизаций Передней Азии и Египта прослеживаются три основных варианта путей развития — три модели.

Первая модель (месопотамская) — это разобщенные земледельческие общины на протоках Евфрата, управление разливами которого выделило их из других обществ, позволив получать огромный по тем временам прибавоч-

ный продукт. В результате из высвободившейся от непосредственных занятий земледелием части общества сформировалось жречество, аппарат управления, а впоследствии — профессиональные воины, ремесленники (в том числе зодчие, художники, скульпторы и др.) и т. д. Отличительная особенность, которую необходимо отметить для месопотамской модели, — длительное сохранение в общественно-экономической структуре как храмово-государственного, так и общинно-частного секторов, что сравнительно рано (уже в V—IV тысячелетиях до н. э.) приводит к возникновению первых городов-государств, каждого — вокруг храмов своих общинных божеств.

Вторая модель (египетская) возникает в принципе на той же основе («бассейновое» регулирование разливов Нила), однако расположение древнеегипетских общин-номов узкой полосой вдоль Верхнего и Среднего Нила исключало возможность их разобщенного существования. Поэтому усиление одного из номов и подчинение им соседних подобно цепной реакции создавало условия для раннего возникновения единой власти, распространявшей свое влияние на все номы Верхнего и Среднего Египта, а впоследствии завоевавшей и Нижний Египет. Становление сильной государственной власти (деспотии) фараонов неизбежно сопровождалось быстрым поглощением общинно-частного сектора государственно-храмовым, что составляет специфику экономики древнего Египта.

Третья модель (условно ее можно назвать хетто-ахейской) характерна для обществ, развивавшихся позднее — уже в условиях существования египетской и месопотамской моделей, но в иных географических и климатических условиях. Эти общества обладали продуктами, которых не имели в достаточном количестве ни Египет, ни Месопотамия (скот, изделия из металла, особые породы дерева, виноград, оливки и т. д.), и охотно обменивали их на зерно. Хотя собственное производство этих обществ и не давало еще большого прибавочного продукта, они участвовали в извлечении прибавочного продукта собственно земледельческих обществ через обмен.

В этих обществах государственно-храмовый сектор получил значительно меньшее развитие, чем общинно-частный. В результате мы наблюдаем очень пестрые государственные образования — монархии (например, у хеттов), где власть царя ограничивалась советом знати,

олигархии (например, в Тире) и пр. «Здесьние „державы” (Ахейская, Хеттская, Митаннийская, Среднеассирийская, египетская „империя” в Сирии времени Нового царства) имели скорее характер военных союзов» [Дьяконов и др., 1982, I, с. 43]. Одним из частных случаев дальнейшего развития этой модели был так называемый античный путь развития, при котором «возникает особый вид общинно-частного экономического сектора — полисная собственность и экономика, в то время как государственный сектор отходит надолго на задний план» [Дьяконов и др., 1982, I, с. 44].

Несомненно, существовали и другие модели оседло-земледельческих цивилизаций. Общинно-частный сектор в Индии, например, также оказался сильнее государственно-храмового, но там это происходило в условиях большего социального расслоения общества, что превратило сословную систему, возникшую еще в недрах первобытного общества, в структурную основу общинно-частного сектора экономики.

Принципиально отличались от всех моделей древнеземледельческих обществ кочевые общества Азии, долго остававшиеся на стадии первобытнообщинного строя. Специфика кочевого скотоводства с его неизменными в течение тысячелетий условиями ведения хозяйства обуславливала своеобразный, постоянно повторяющийся в основных чертах ритм общественного развития. Экстенсивное использование пастбищных земель неизбежно вело к завоеваниям и нашествиям, к захвату более сильными племенами владений своих соседей. Племенные объединения, осуществлявшие такие завоевания, находились на стадии военной демократии, с вождями и племенной знатью во главе. В результате нашествий возникали громадные кочевые «империи» с весьма непрочной экономической и социальной базой и недолгим периодом существования. Таковы были общества иранских племен — персов (до образования Мидийской державы), скифов и саков — или, значительно позднее, племенные объединения сюнну, да-юэчжей и даже эфталитов.

Для понимания хода исторического развития древнего Востока в целом очень важен факт постоянного присутствия на периферии древневосточных цивилизаций «варварских» (т. е. находящихся на заведомо более низкой ступени развития) племен и народов, взаимодействующих с этими цивилизациями. Формы этого взаимодействия и его интенсивность менялись в зависимости от

конкретных обстоятельств, но при этом: 1) постоянно расширялись границы цивилизованного мира, поглощавшего все более удаленные от первоначальных центров цивилизаций народы и племена, в результате чего возникала «варварская периферия» нового порядка; 2) первоначальные центры древневосточных цивилизаций в ходе этого процесса получали новые силы для своего развития в виде притока людских ресурсов, новых территорий, новых источников природного сырья разных видов и т. д.; 3) в тех случаях, когда «варварские» народы выступали в роли завоевателей (касситы, ассирийцы, кушаны и др.), их быстрая культурная ассимиляция далеко не всегда сопровождалась принятием завоевателями форм общественного устройства, уже существовавшего в завоеванных центрах, и вследствие этого ход исторического процесса здесь постоянно замедлялся и даже иногда регрессировал.

При этом следует иметь в виду, что почти неизвестны примеры полного уничтожения старых достижений: шел сложный процесс адаптации, охватывавший все стороны общества — как экономику, так и идеологию.

В целом же поступательный процесс в развитии социальных отношений был на древнем Востоке крайне замедленным, и некоторые социальные институты (община, город-государство, сословно-кастовое деление) сохранялись почти неизменными в течение тысячелетий.

Для разных моделей древневосточных земледельческих цивилизаций можно констатировать выраженное с разной силой доминирование храмово-государственного сектора в экономике на протяжении всего периода, а труд рабов в условиях застойности или, во всяком случае, довольно медленного развития социально-экономических отношений не давал значительного прибавочного продукта и поэтому никогда не занимал здесь такого места, какое он занял в античном обществе, структура которого и в этом отношении была лишь частным случаем развития хетто-ахейской модели.

* * *

Развитие материальной культуры древнего Востока — это история постепенного освоения человечеством важнейших хозяйственных и технических достижений на протяжении трех огромных этапов всемирной истории — переходной эпохи от каменного века к бронзовому, бронзового века и железного века. При этом последователь-

ность освоения многих достижений разными народами и обществами была примерно одинаковой, если брать каждую страну в отдельности, но, если сопоставлять их между собой и соотносить с абсолютной хронологией, окажется, что те или иные коренные перемены в сфере материальной культуры совершались у одних народов значительно раньше, чем у других. В некоторых случаях технические инновации распространялись из определенного центра с поразительной быстротой, но бывало и так, что проходили столетия, прежде чем какие-то древневосточные народы получали то, чем другие располагали уже очень давно. Очевидно, что даты появления тех или иных новинок прогресса могут быть названы, как правило, лишь широко и приблизительно, да и то главным образом для наиболее передовых (передовых именно по данному конкретному признаку) центров (обществ, стран).

Хотя переход от сбора дикорастущих злаков к посеву хлеба (ячменя) совершился еще на стадии первобытного общества — между X и VIII тысячелетиями до н. э. (Палестина, Малая Азия и западные склоны Иранского нагорья), а к VI тысячелетию раннеземледельческий способ ведения хозяйства уже распространился на обширной территории — в Египте, на Дунае, на Балканах, вплоть до Южной Туркмении на востоке, — превращение общества из присваивающего в производящее еще не привело к образованию классов и государства, не создало условий для возникновения и дальнейшего прогресса цивилизации. Искусство обработки камня, поднявшееся в VIII—VI тысячелетиях до н. э. до вершин совершенства (шлифованные орудия различного назначения, вкладышевая техника), ткачество и плетение, возникновение гончарного ремесла и даже появление первых укрепленных стенами поселений (Иерихон в Малой Азии, Чатал-Хюк в Малой Азии) — таков был уровень развития материальной культуры раннеземледельческих народов Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, обеспечивавший их существование, но не создававший резервов, необходимых для возникновения цивилизации. Земельные участки в предгорьях — с наиболее благоприятными условиями для ведения раннеземледельческого хозяйства — требовали больших затрат труда при обработке деревянными мотыгами, а жаркий и сухой климат — даже с использованием дождевой воды и ручьев для орошения — не позволял получать высоких урожаев в самые благоприятные годы.

Стремление освоить все наиболее удобные для раннего земледелия территории приводит к концентрации населения в предгорной зоне. Успешное одомашнивание в районах древнейшего земледелия в VIII—VI тысячелетиях до н. э. козы, овцы и осла, увеличивая хозяйственный потенциал раннеземледельческих обществ, требовало и обширных пастбищ, которыми предгорная зона в достаточном количестве не располагала. Так начался отток населения из районов, благоприятных для ведения раннеземледельческого хозяйства, в более сухие степные области и в долины больших рек с их сезонными разливами в пойменной части.

Оставаясь полужемледельцами, скотоводческие племена, вышедшие из предгорной зоны раннего земледелия, еще не были настоящими кочевниками, но именно этот процесс выделения скотоводов-полужемледельцев и их расселения в Африке и Западной Азии (VII—VI тысячелетия до н. э.) и в Европе (IV—III тысячелетия до н. э.) и составляет содержание первого великого разделения труда.

Скотоводы-полужемледельцы, ушедшие не в степи, а в долины больших рек (Нил, низовья Евфрата и Каруна, Керхе, Инд), выращивая в новых условиях хлеб, встретились с очень большими трудностями — посевы губил и чрезмерный зной, какого не было в предгорьях, и речные разливы; не было здесь также дерева и камня, необходимых для изготовления сельскохозяйственных орудий. Понадобились века (процесс этот длился с VI по IV тысячелетие до н. э.), чтобы приобрести опыт использования воды для искусственного орошения: это позволило превратить враждебные стихии, раньше уничтожавшие посевы, — ил и зной — в союзников, помогавших получать неслыханно высокие (если сравнивать с предгорной зоной) урожаи — сам-десять, сам-двадцать.

Именно в это время, когда труд человека стал давать значительно больше, чем это было необходимо для поддержания его жизни, возникли условия для быстрого прогресса в развитии материальной культуры (а в целом — для возникновения первых цивилизаций). Увеличение производства зерна дало толчок развитию скотоводства (одомашнивание крупного рогатого скота и свиньи происходило в V—IV тысячелетиях до н. э.). Наряду с мотыжной вспашкой появляется и плужная (ослами, затем — волами). Возникает избыток зерна для обмена его на дерево, медь (ее обработку уже освоили народы, живу-

щие непосредственно у источников сырья) и другие необходимые материалы.

Так было подготовлено и произошло второе великое разделение труда. Высвобождение от сельского хозяйства значительной части работоспособного населения привело к возникновению и очень быстрому росту специализированных видов ремесла, который, в свою очередь, сопровождался невиданным ранее техническим прогрессом, несомненно сказавшимся на всей дальнейшей судьбе человечества. В V—IV тысячелетиях до н. э. осваивается обработка меди и золота, несколько позднее — серебра и других металлов (кроме железа). В IV тысячелетии до н. э. появляется гончарный круг быстрого вращения, в конце IV или в начале III тысячелетия было изобретено колесо. Резкий скачок благодаря высвобождению от занятий сельским хозяйством множества рабочих рук происходит и в строительной технике: начинается возведение монументальных зданий (например, храмов) на специально изготовленных искусственных платформах, разного рода защитных стен большой протяженности, плотин, дамб и других сооружений. Если прежде основным строительным материалом была необожженная глина (в сочетании с тростником, деревом и т. п.), то с усовершенствованием орудий труда (в частности, с появлением медных пил) значительно облегчается обработка камня (особенно мягких пород), занимающего все большее место в монументальных постройках.

Точно так же, как выработанные в IV—III тысячелетиях до н. э. основные принципы и приемы орошаемого земледелия (в Египте — бассейнового, в Месопотамии — с помощью системы каналов и т. д.) остаются в странах древнего Востока практически неизменными вплоть до первой половины XX в., уже на ранних этапах существования первых цивилизаций складываются основные элементы архитектурного оформления разных типов зданий (сооружений), которые последующая традиция сохраняет вплоть до эллинистической эпохи, а иногда и позднее. Так, для храмовых построек Месопотамии на протяжении тысячелетий было характерно: 1) сохранение здания на одном месте (даже при полном разрушении одних построек и возведении других заново); 2) наличие высоких платформ с лестницами с двух сторон (со временем — по мере «воспроизведения» одного и того же храма на одном месте — число платформ увеличивается, давая характерный для месопотамского храма зиккурат);

3) трехчастность храма (центральный двор, позднее — зал, и симметричные боковые приделы по его сторонам); 4) членение наружных стен храма (и платформы или платформ) чередующимися выступами и нишами. В Египте уже во времена Раннего царства (около 3000—2800 гг.) сложились основные требования к сооружениям заупокойного культа и правила их устройства, строго соблюдавшиеся на протяжении почти трех тысячелетий.

Если говорить о древнем Востоке в целом, то возникновение и формирование к III тысячелетию до н. э. (или на протяжении первой половины этого тысячелетия) в древнейших центрах орошаемого земледелия — в Нижней Месопотамии, в Египте и в Эламе (бассейны низовьев Каруна и Керхе) — основных составляющих компонентов материальной культуры для каждой из этих стран (в Индии и в Китае это произошло позднее, если говорить об абсолютных датах) не только стало решающим для их дальнейшего развития на ближайшие тысячелетия, но и оказало существенное (а иногда и определяющее) воздействие на формирование общего облика материальной культуры соседних стран и народов, находившихся и в иных природных условиях, и на более низкой ступени социально-экономического развития.

Одной из наиболее крупных вех в дальнейшем развитии материальной культуры древнего Востока (и всего человечества) было освоение в конце III — начале II тысячелетия до н. э. производства бронзы, превосходившей медь по твердости и получавшейся путем приплава к меди олова. Оружие и доспехи, орудия труда (или их детали), даже зеркала и бритвы — эти и многие другие предметы, изготовлявшиеся ранее из меди или из камня, стали теперь делать из бронзы. Но общий облик материальной культуры древневосточных цивилизаций не претерпел с появлением бронзы коренных изменений. Другое важнейшее событие в истории человечества — доместикация в середине II тысячелетия до н. э. лошади и затем, спустя несколько веков, широкое распространение одомашненных верблюдов (первые случаи приручения верблюдов, видимо, относятся к началу II тысячелетия до н. э.) — вызвало намного более серьезные сдвиги и в хозяйственной жизни, и в материальной культуре населения, прежде всего скотоводческих народов степей и пустынь. Для оседло-земледельческих цивилизаций появление одомашненных лошадей и верблюдов не повлекло за

собой коренных перемен в организации и ведении хозяйства, хотя и привело к большим преобразованиям в военном деле и создало благоприятные условия для дальней караванной торговли. Не менее серьезное значение в этом плане имело и возникновение (в ряду других специализированных ремесел) кораолестроения, создавшее материально-техническую базу для последующего распространения мореплавания.

Новый скачок в развитии производительных сил произошел с освоением древневосточными цивилизациями производства стали. Само железо было известно ранее: в метеоритной форме оно встречается в Египте в погребениях IV тысячелетия до н. э., отдельные образцы железных изделий (главным образом украшения) производились и в III, и во II тысячелетиях до н. э. (одним из центров производства железа был в это время северо-восток Малой Азии, заселенной протохеттскими и затем хеттскими племенами). Но к концу II тысячелетия до н. э. производство железа и изготовление из него оружия и орудий труда распространяется довольно широко в Передней Азии (например, филистимляне уже были вооружены железным оружием, но тщательно оберегали секреты его изготовления от подчиненных им народов и соседей); железо было более дешевым и обладало лучшей ковкостью, чем медь, но уступало ей прочностью. Только с открытием в начале I тысячелетия до н. э. углеродистого железа, закаливание которого позволяло получать сталь, произошло новое резкое увеличение потенциала производительных сил человечества. Трудно переоценить значение для всей последующей истории культуры этого технического завоевания, оказавшего революционизирующее воздействие на все области человеческой деятельности, вызвавшего к жизни новые ремесла, приведшего к коренным переменам в военном деле (появление стального оружия, а к середине I тысячелетия до н. э. и оборонительного доспеха) и т. д.

* * *

Развитие духовной культуры древневосточных цивилизаций — их религиозного, социального и эстетического сознания в еще не расчлененном единстве — непосредственно определялось как системой существовавших в этих обществах социально-экономических отношений, так и характером их материальной культуры. Это особенно хорошо прослеживается и по тем общим чертам, которые

присущи, например, древнеегипетской и месопотамской цивилизациям, и по тем различиям, которые они обнаруживают.

Общее для них — результат сходного пути развития от самостоятельных сравнительно небольших территориальных общин, объединивших усилия своих членов в трудовой борьбе за управление разливами рек, через подчинение более слабых общин-номов более сильными и далее — к созданию единых централизованных государств. В ходе этого процесса главные божества отдельных общин-номов сливаются в единый общегосударственный пантеон, в котором верховное положение, как правило, занимает божество наиболее сильного нома (равно как и правитель этого нома становится верховным правителем над всеми общинами). Дальнейший шаг — обожествление царя (и его отождествление с верховным божеством) — в конечном счете завершает политическую и социальную централизацию, приводя практически к слиянию — полному или частичному — жречества, осуществляющего культ небесного царя, с государственным аппаратом, служащим царю земному. Такова общая и «идеальная» схема развития древневосточных цивилизаций, основывавшихся на ирригационном земледелии, и формирования их духовной культуры.

Но и все отклонения от нее, которые реально наблюдаются в ходе исторического процесса, определялись вполне конкретными причинами, из которых наиболее важны, во-первых, состояние общества к моменту его вступления на путь цивилизации, во-вторых, специфика природных условий, в которых осуществлялся переход к цивилизации и ее дальнейшее развитие, и, в-третьих, внешние факторы, оказывавшие замедляющее или убыстряющее влияние на сложение и развитие каждой конкретной цивилизации (в первую очередь характер военных, торговых и т. п. взаимоотношений с другими народами).

Египет вступил в процесс формирования цивилизации, видимо, стадильно находясь на более ранней ступени развития, чем первые общины-номы Нижней Месопотамии. На это указывает ряд признаков, в частности преобладание в верованиях тотемистических представлений. Каждый ном почитал свое верховное божество, как правило, в облике вполне определенного животного (в Сиуте — шакал Вепуат, в Бубасте — кошка Баст, ибис Тот — в Гермополе и т. д.), и во всем последующем развитии

древнеегипетской цивилизации эти проявления тотемизма сохранялись, создав — уже на стадии возникновения антропоморфной иконографии божеств — причудливые гибриды «человекозверей». Тотемистические представления нашли отражение и в месопотамской духовной культуре (изображения человекобыка и быка-андрокефала в глиптике и затем в монументальном искусстве), но в значительно ослабленном виде, не препятствуя уже на самых ранних этапах сложению и формированию антропоморфной иконографии божеств.

Природные условия Египта, способствовавшие, как было отмечено выше, очень рано начавшемуся (по сравнению с Месопотамией) процессу подчинения слабых общин более сильными, и в дальнейшем сохраняли значение фактора, облегчающего централизацию государства. Сравнительно быстрое объединение общин-номов сопровождалось не менее интенсивно протекавшим процессом слияния общинных божеств в единый пантеон, а местных верований — в единую религиозную систему, в которой четко разграничивались не только функции божеств, но и их ранг. Столь же быстро протекало и превращение общинных властей в номах в аппарат управления, а параллельно с этим — возвышение верховного правителя, его обожествление и затем отождествление с главным из богов.

В Нижней Месопотамии, где общины-номы, располагаясь на сравнительно коротких и беспорядочно расположенных протоках, были более разбросанны и изолированы, чем в Египте, географический фактор не способствовал объединению общин на раннем (догосударственном) этапе. Со временем, когда внутреннее социальное развитие привело к превращению таких общин (или нескольких небольших общин, «поглощенных» одной — более сильной) в самостоятельные города-государства, появились новые, уже социально-политические факторы, тормозившие процесс централизации и слияния номов в единое государство.

Главной фигурой такой месопотамской общины на раннем этапе ее существования оставался верховный жрец (*энси*), руководивший ирригационными работами, строительством, храмовым хозяйством и одновременно культовыми действиями в храме, которые, в соответствии с представлениями того времени, были не менее важны, чем работа в поле, очистка каналов, обтесывание камней и т. п. Храм, в котором сосредоточивались все

ресурсы общины, был и ее организационно-административным центром, и местом почитания богов своего, общинного, пантеона. И точно так же как в Месопотамии задержалось (по сравнению с Египтом) слияние номов в единое государство, так и слияние общинных богов и пантеонов в единый пантеон происходит здесь значительно позднее. Не только своих богов люди создавали по образу и подобию своему; но и весь мир, в котором живут эти боги, создавался как отражение мира земного.

Попытки объединения городов-государств Месопотамии предпринимались на протяжении III тысячелетия до н. э. неоднократно. Уже в протописьменный период (2900—2750 гг. до н. э.) храм бога Энлиля в городе Ниппуре считался общим для всех жителей Нижней Месопотамии (помимо их поклонения своим городским богам), а Энлиль претендовал на роль верховного божества, старшего по отношению к богам местным. Политическая основа такого выдвижения Ниппура неизвестна — возможно, оно совершалось без военных действий и иных актов насилия (Ниппур считают культурным центром шумерского племенного союза догосударственного периода), но и к объединению Месопотамии вокруг Ниппура этот процесс не привел. В раннединастический период (2750—2310 гг. до н. э.) подчинения себе всей Месопотамии (а также Элама и каких-то областей в Малой Азии) добивается царь Саргон Древний (2316—2261 гг. до н. э.), успех которого обеспечило военно-техническое превосходство — отряды лучников. Страна объединилась, и всего тридцать лет спустя один из наиболее могущественных потомков Саргона, царь Нарам-Суэн (2236—2200 гг. до н. э.), уж именуется «Бог Нарам-Суэн, царь четырех сторон света, бог Аккаде», т. е. объявляет себя богом и устанавливает свой культ. Однако правление Саргонидов оборвало нашествие с Иранского нагорья кутиев — племен, которые не только разорили страну, но и нарушили процесс «централизации» (унификации) духовной культуры — процесс постепенного приближения Месопотамии к той стадии единства, которой достиг древний Египет. При III династии Ура снова происходит объединение Месопотамии. Основателем этой династии был царь Ур-Намму (2111—2094 гг. до н. э.), а его сын Шульги (2093—2046 гг. до н. э.), создав «классическое, наиболее типичное древневосточное деспотическое и бюрократическое государство» [Дьяконов и др., 1982, I, с. 72], официально называвшееся «Царства Шумера и Аккада»,

завершил формирование общей духовной культуры Месопотамии: местные божества были сведены в единый иерархический пантеон, возникло учение о божественном происхождении «царственности», и все цари этой династии, начиная с Шульги, обожествлялись. Но дальнейшее поступательное развитие было вновь прервано внешним фактором — нашествием кочевых западносемитских племен амореев. И позднее — до периода древневосточных «великих империй» включительно — Месопотамия неоднократно подвергалась различным набегам и завоеваниям.

* * *

Система представлений о загробной жизни, будучи неотъемлемой частью древних представлений об окружающем мире и о месте в нем человека, оказывала в разных условиях неодинаковое воздействие на формирование древневосточных цивилизаций и их духовной культуры. Достаточно сопоставить древнеегипетскую цивилизацию с ее гипертрофированно развитым заупокойным культом и месопотамскую, в которой влияние этого культа почти неощутимо. Различие это оказывается весьма существенным, если учесть, что в древнем Египте сооружение пирамид, возведение храмов заупокойного культа, устройство гробниц и заполнение их необходимым погребальным инвентарем не только поглощало значительную часть ресурсов цивилизации, но также, составляя если не основную, то одну из самых главных забот прижизненного существования и фараонов, и вельмож, и вообще сколько-нибудь состоятельных людей, определяло собой и принципиальный характер художественной культуры, и ее важнейшие формы.

Окончательно сложившийся уже к началу эпохи Древнего царства (III династия — начало XXVIII в. до н. э.) заупокойный культ, исходя из веры в возможность — при соблюдении определенных условий — вечного существования души, требовал строгого выполнения разработанного до самых мельчайших деталей ритуала, громоздкого и сложного, целиком направленного на то, чтобы душа могла в потустороннем мире вернуться в свое нетленное (благодаря мумификации) тело или в образ этого нетленного тела — портретную статую. Заупокойный культ лежал в основе единой концепции видимого и невидимого мира в полярностях, так что загробный мир был точным до мелочей отражением мира земного,

Вера в «вечную жизнь» была основной концепцией древнеегипетского религиозного сознания, а требования ритуала, с помощью которого можно было достичь «вечной жизни», во многом обусловили не только репертуар типов древнеегипетской изобразительности (например, статуя сидящего фараона, создававшаяся для ритуала *хеб-сед* — празднества постоянного обновления физической мощи фараона; идеализированная портретная статуя — для воссоединения с одним из невидимых состояний бессмертной души — *ка* и т. п.), не только жанры в этой изобразительности и композиционные решения, но даже и место этих произведений в интерьерах гробниц или храмов. Представления о загробном мире наложили свой отпечаток и на концепцию государственного культа (культ фараона, культ общеегипетского верховного божества Амона-Ра, титулы фараона с именами бывших номовых божеств), и на древнеегипетскую модель сотворения и развития мира (единый бог-творец — солнце, создающее мир из водного хаоса), более четкую, чем в Двуречье.

Видимо, одна из причин такого гигантского развития заупокойного культа в древнем Египте — более раннее (стадиально) вступление Египта на путь цивилизации (по сравнению с Месопотамией) при более быстро протекавшем здесь процессе централизации как самого государства (это сосредоточило в руках фараона неслыханно большие для той эпохи экономические ресурсы), так и верований в нем. Древнеегипетская цивилизация закрепила и канонизировала ритуалом представления о потребностях человека после смерти, характерные для догосударственных стадий развития общества, в котором только начинает складываться имущественное неравенство.

О погребальном обряде древнего Двуречья известно мало. Но было бы ошибкой считать, что Месопотамия никогда не знала ничего аналогичного древнеегипетскому заупокойному культу. Раскопанные в Уре подземные гробницы XXV в. до н. э. (I династия Ура), стены которых облицовывались камнем или были сложены из кирпича, по сложности ритуала и по богатству инвентаря вполне могут быть сопоставлены — во всяком случае, типологически — с древнеегипетскими погребальными сооружениями. Главное погребение в Урских гробницах сопровождали погребенные там же (видимо, отравленные, поскольку следов насильственного умерщвления

нёт) еще несколько десятков человек «свиты» (на головах женщин из свиты — золотые диадемы и обильно украшенные золотом наряды; у воинов — связки копий с наконечниками из золота и из серебра и т. п.), и даже повозки с запряженными в них волами в сопровождении возничих. Среди погребального инвентаря множество произведений изобразительного и декоративно-прикладного (в нашем понимании) искусства: доски «штандартов» с мозаичными сценами битвы, угона скота и пленных и победного пира; деревянная инкрустированная арфа, которую украшала золотая голова быка с синей бородой из лазурита и т. д. Независимо от того «царские» это захоронения или жреческие, стадияльно они относятся примерно к тому же (или даже несколько более позднему) этапу развития месопотамского общества, на котором в Египте завершилась централизация и складывался единый культовый ритуал. То, что в Египте оказалось законсервированным на многие тысячелетия, в Месопотамии было лишь этапом (видимо, сравнительно коротким) в ее духовном развитии, совпадающим в социально-политическом отношении с периодом существования разобщенных городов-государств. Можно предполагать, что ко времени III династии Ура, когда происходило формирование общемесопотамской духовной культуры, в погребальном обряде уже произошли существенные изменения.

Система представлений о загробном мире и связанные с нею обряды — несомненно, важный типологический признак состояния общества. Однако, к сожалению, мы не располагаем пока достаточным материалом для сопоставления по этому признаку всех древневосточных цивилизаций. Погребения древнеиндийской цивилизации Мохенджо-Даро — скромные захоронения в земле с небольшим числом предметов домашнего обихода. Типологически к месопотамским склепам I династии Ура ближе всего подземные усыпальницы периода Шан (Инь) в Китае, относящиеся к концу II тысячелетия до н. э.: в главной погребальной камере такой усыпальницы были сложены изделия из золота и нефрита, украшения, оружие, жезлы и т. д., а захоронение вместе с *ваном* (князем) его насильственно умерщвленной «свиты» (вплоть до колесниц с лошадьми и возничими) сопровождалось, кроме того, убийством многих сотен пленников (их руки связаны за спиной), отрубленные головы которых складывались в специальные ямы рядом с усыпальницей.

2. Основные этапы развития художественной культуры древнего Востока

Развитие художественной культуры древневосточных цивилизаций можно только с определенными оговорками представить в виде единого процесса. В ходе истории даже географическая разобщенность (обособленное развитие нескольких цивилизаций с тенденцией сперва — к расширению границ каждой, затем — к установлению контактов между ними и, наконец, к слиянию) не была фактором постоянным, не говоря уже о разобщенности социальной, этнической, политической, идеологической (религиозной) и т. д. Только соотнеся видоизменения в художественной культуре с конкретными путями истории древневосточных цивилизаций, можно составить представление о сходстве и различии процессов на разных этапах и в разных обществах. Следует также учитывать, что относительно полные типологические ряды памятников, взаимно сопоставимые и во времени, и в пространстве (скорее историческом, чем географическом), дает нам пока только изобразительное искусство.

Сложным и пока слабо исследованным остается вопрос о преемственности художественной культуры древневосточных цивилизаций по отношению к первобытному искусству, если подходить к нему не теоретически-умозрительно (в рамках априорно и абстрактно постулируемой передачи традиций при смене общественных формаций), а попытаться представить тот конкретный художественный «багаж», с которым народы (каждый в отдельности — со своим) приступали к созданию древнеземледельческих ирригационных цивилизаций. Но можно с достаточной уверенностью предполагать, что прямой и непрерывной линии наследования — от вершин палеолитического искусства через лучшие достижения художественной культуры неолита к полускотоводческим племенам, вынужденным поселиться на наиболее неудобных (по тем временам) для земледелия землях, — нам протянуть не удастся.

Имеющиеся археологические материалы пока позволяют лишь в самых общих чертах представить, каков был уровень художественного сознания создателей найденных предметов.

Даже культовые статуэтки периода Убайд (середина IV тысячелетия до н. э.), непосредственно предшествующие по времени возникновению древнемесопотамской

цивилизации, и несколько более поздние — эламские были, по-видимому, информативны (т. е. что-то выражали) лишь для их создателя (если, конечно, не составляли часть какого-то ритуального действия или не сопровождалась вполне определенной молитвой, о чем мы, увы, не знаем и не можем знать). Зернышки злаков или финиковые косточки, которыми изображены глаза этих стран-ных — не человеческих и не звериных — лиц, значили, конечно, больше, чем сами фигурки, когда молились об урожае, а подчеркнутые признаки пола женских статуэток, иногда вообще безликих и безруких, изображали, конечно, не богиню плодородия, а были сами овеществленной молитвой о потомстве.

И даже когда были устроены первые оросительные каналы, а общины стали превращаться в города, мир этого человека был миром общего ритуального или магического действия — хорового пения мифа, магического танца или заклинания.

И как неотделим ритм чередования животных, побегов, геометрических фигур и т. п. в орнаменте на неолитическом сосуде от ритма вращения гончарного круга (и, может быть, песни, которой сопровождалось это вращение), так и сам узор неотъемлем от сосуда и его назначения. Все, что в первобытном искусстве изображается (включая и самого человека), еще неотделимо от окружающего мира, от природы.

Пожалуй, первым шагом в сторону отчуждения художественного сознания на заре цивилизации (и одновременно — абстрагирования и человека и бога из окружающего мира) было строительство специального «дома бога» (как бы прост и неказист на вид он ни был) — храма, воплощавшего идею главного божества общины. Видимо, культовая архитектура — храм или гробница — это то, с чего следовало бы начать обзор развития искусства древнего Востока. Путь развития храмовой архитектуры — от алтаря или священного камня под открытым небом к вознесенному на холм или искусственную платформу зданию со статуей или каким-то иным изображением божества — в древневосточных цивилизациях сравнительно короток, но достигнутое очень быстро консервируется и не изменяется в течение тысячелетий [Флиттнер, 1958; Андре, 1930; Парро, 1946]. Так, «храм обелисков» в Библие, датируемый II тысячелетием до н. э., по типу является храмом очень ранней стадии, а зиккурат III династии в Уре конца III тысячелетия до н. э.

почти такой же, как зиккурат Чога-Замбиль в Эламе середины II тысячелетия до н. э.

Второй шаг в сторону обобщения был сделан на Переднем Востоке и в Египте тогда, когда человеку потребовался такой надежный способ заочной (не устной) передачи информации, при котором не искажалось бы содержание. Ему нужна была система для передачи сведений хозяйственного характера (подсчет голов скота, сосудов с зерном или маслом и т. д.), ему нужен был знак собственности (уже не отпечаток ногтя или пальца) — его личная печать-амулет, которая не только магически связывала бы его с божеством-покровителем, но и показывала, кто он сам — к какой общине он принадлежит, какое место он в ней занимает. Божества общины еще не были персонифицированы, но их можно было обозначить посредством символов, например изображая колос, или парящую птицу, или животное — реальное или фантастическое.

Появление пиктографического и иероглифического письма, совпадающее на Переднем Востоке и в Египте со вторым общественным разделением труда, — это выделение из всей прочей изобразительности строго определенного набора рисунков и символов, каждый из которых легко опознается и надежно ассоциируется с закрепленным за ним (в первую очередь изобразительно) понятием, затем — со словом, выражающим это понятие, и, наконец, — с фонетическим значением этого слова (т. е. со строго определенным набором звуков) [Фалькенштейн, 1936; Шманд-Бессерат, 1977]. Не останавливаясь здесь на путях последующей эволюции этих знаков (и письма в целом), необходимо подчеркнуть, что общество, в котором происходит это разделение, тем самым как бы вступает в новую фазу развития художественной культуры: не только в пиктографической письменности, но и в «прочей изобразительности», из которой пиктограммы выделялись, существует к этому моменту определенная связь между изображением и понятием, имеющая уже устойчивый характер и уверенно «читающаяся» (а не случайная и понятная только самому «автору», как это характерно для изобразительности первобытного искусства). Наряду с письменностью, пока еще громоздкой и мало «рентабельной» (с точки зрения затрат труда), имеющей ограниченное применение там, где без нее действительно не обойтись, общество сохраняет и развивает способ передачи информации в зрительных образах,

в котором специализация приемов и знаков (символов, образов) идет иным, по сравнению с пиктографическим, путем.

На раннем этапе развития цивилизации и письма проще рассказать о каком-то событии (победа над врагом, принесение жертвы богам и т. п.) изобразительно, а надписью обозначить только то, что изобразительно передать невозможно (имя царя, жреца, бога и т. п.).

Именно с этого момента начинается целенаправленное развитие изобразительного языка (с его пока весьма примитивными морфологией и синтаксисом), отбор сюжетов, достойных изображения, и возникают первые намеренно накладываемые на изобразительность ограничения и запреты, появляются, наконец, люди, обладающие определенными навыками (обученностью, талантом) и специализирующиеся в исполнении этих изображений (возможно, наряду с какими-то другими занятиями, например работой писца).

Таким образом, появление рисуночного письма — надежный типологический признак возникновения искусства ранних цивилизаций (во всяком случае, развивающихся обособленно и не испытывающих воздействия извне).

Происходящий на самых первых шагах этого процесса отбор сюжетов очень быстро приводит к появлению основных циклов изобразительности, тематических направлений, в представлениях современного человека (исследователя) обособленных, но в древневосточных цивилизациях, видимо, существовавших в нерасчленном единстве. В древневосточной изобразительности с начальных страниц ее развития присутствуют две главные темы, одна из которых связана с верованиями, магией, религиозными представлениями, а другая — с событиями земной жизни, преимущественно с деяниями правителей. В зависимости от конкретной истории на определенных ее этапах в Передней Азии и в Египте превалировали одна или другая тема. Так, в Шумере в начале рассматриваемого периода находила отображение почти исключительно религиозная тематика (наиболее полно известна она по изображениям на штампах и цилиндрических печатях), в Египте же — преимущественно деяния фараонов и сюжеты, связанные с заупокойным культом [Матье, 1968].

В развитии религиозной изобразительности Двуречья важным этапом является объединение Месопотамии под

властью Саргонидов. В это время на цилиндрических печатях впервые появляются уверенно идентифицируемые изображения богов с их персональными атрибутами, эмблемами или знаками-символами. Правда, значение этих символов еще не совсем устойчиво, но позднее (уже в касситский период) происходит их более жесткая специализация. В целом же печати выполнены в старых традициях, и изображения богов на них как бы вставлены в рамки изобразительности дописьменного периода. Традиционные для цилиндрических печатей персонажи — изображения сверхъестественных героев, «хозяев зверей» и др. — на новом этапе превращаются в «божества второго порядка»: помощников, охранителей, проводников при главных божествах (так называемый обнаженный герой становится «охранителем» бога вод, человекобык — «охранителем» бога солнца и т. п.), возрастает и сюжетное разнообразие цилиндрических печатей. Но гипотеза, по которой цилиндрические печати этого времени повторяют не дошедшие до нас монументальные композиции храмов (например, сцены из настенной живописи), остается спорной.

В монументальном искусстве Двуречья (рельефы, большие каменные статуи и др.), которое если не возникает, то, во всяком случае, расцветает в это время, центральное место занимает тема обожествления царя. Если в предшествующий государству Саргонидов период «храмовую скульптуру» (насколько мы ее знаем) составляли не статуи, а приносимые верующими в храмы статуэтки божеств, не более 30—40 см высотой, с нарушенными пропорциями и намеренно подчеркнутыми деталями (огромные оттопыренные уши, обычно толкуемые как выражение мудрости — по-шумерски одно и то же слово означает и «ухо» и «мудрость»; непропорционально большие глаза и т. д.), то теперь создаются статуи вполне конкретных правителей, композиции, изображающие единоборство царя-героя со львом, его победоносные походы и т. п. [Афанасьева — Дьяконов, 1961].

Только эти две темы — религиозная и царская — занимают начиная с середины III тысячелетия до н. э. центральное место в древневосточном искусстве и развиваются, иногда перекрещиваясь, на протяжении последующих тысячелетий. При этом система изобразительности в религиозной сфере, близкая к знаковой, сохранялась очень долго и легко могла быть коренным образом реинтерпретирована в случае изменения политической

ситуации или идеологических концепций. Например, человек-скорпион, который в Шумере III тысячелетия до н. э. изображал охранителя пути солнечного бога, во II тысячелетии до н. э., не претерпев принципиальных перемен, уже изображается как один из злых гениев — спутников первородного чудовища Тиамат. Еще позднее, когда создавалась культовая изобразительность ахеменидского Ирана, «строительным материалом» для нее послужила иконография переднеазиатских божеств, не имевших ничего общего с зороастризмом и иранскими культами. Шумерский образ человека-быка, восходящий к IV тысячелетию до н. э. и первоначально связанный с космическими элементами, а затем выступавший в роли «охранителя» солнечного божества (аккадского и ассирийского), в иранской иконографии с VI в. до н. э. становится изображением-символом «первозданного быка» Гопатшаха. Примеров такого многократного использования приемов и сюжетов древнейшего изобразительного арсенала IV—III тысячелетий до н. э. (при полном их переосмыслении) особенно много в истории стран и народов, оказавшихся наследниками (непосредственными или через посредников) художественной культуры Месопотамии.

В эпоху так называемых великих империй, во II—I тысячелетиях до н. э., иконографический багаж предшествующих эпох использовался и для произведений царской темы. Особенно показательно в этом отношении искусство Ассирии, эклектизм которого во многом зависел от того, что в создании памятников этого искусства принимали участие не только месопотамские и малоазийские, но и сирийские, финикийские и египетские мастера. Каменные рельефы — основной вид памятников для ассирийского «царского» искусства — были заимствованы у хеттов, но вместо массивных каменных блоков использовались сравнительно тонкие плиты.

Главной темой при этом стало величие обожествленного царя — «царя вселенной», как именовали себя ассирийские цари в официальных надписях. Сюжеты — батальные сцены, сцены охоты и пиров, традиционные для искусства как Передней Азии, так и Египта, — напоминают, например, и фриз хеттских царей и батальные панно Рамсеса II в Фивах одновременно. Рельефы ассирийских царей — это изобразительные записи их победных анналов. Правила, по которым изображался царь, были «заданы» очень жестко (этот обобщенный

официальный портрет явно исходил из представлений об идеальном владыке), что, в сущности, сводило возможности творчества к варьированию композиционных решений. Многолюдность сцен — при обязательном подчеркнутом выделении фигуры царя — вынуждала организовывать пространство членением рельефа на горизонтальные полосы; действие в них разворачивалось последовательно. Привычные для нас законы перспективы не учитывались, некоторые сцены представлены одновременно и «взглядом сверху» и «взглядом сбоку». Тщательность, даже скрупулезность в передаче деталей — мебели, вооружения, упряжи, украшений, одежд, драгоценностей и т. п. — иногда достигала особенной изощренности и, видимо, поощрялась «заказчиком», но вряд ли могла быть строго регламентирована и предписана во всех подробностях. Нельзя не отметить, что ассирийские рельефы — один из немногих примеров в искусстве древнего Востока в целом, когда в одном памятнике могли сочетаться навыки и достижения мастеров ареала египетской цивилизации с опытом и традициями месопотамского ареала, преломленными через искусство Малой Азии [Парро, 1961]. Другой случай, когда можно говорить о еще более сложном синтезе, в котором участвовали, кроме того, и мастера из греческих городов Малой Азии, — монументальное «имперское» искусство ахеменидского Ирана (и прежде всего пластическое убранство Персеполя) [Гиршман, 1963].

Таковы те общие соображения, которые необходимо учитывать, переходя к рассмотрению основных этапов развития художественной культуры древнего Востока, которые будут здесь показаны лишь на наиболее типичных примерах, в сопоставлении с типологически сходными явлениями у других народов.

* * *

В Двуречье процесс создания и развития изобразительности проходил (если говорить об общей схеме, а не об отклонениях от нее) тремя большими этапами.

1. Середина IV — середина III тысячелетия до н. э. В Нижней Месопотамии вырабатываются постепенно образы божеств в антропоморфной форме, их символы и знаки, вначале локальные («читаемые» в пределах одной или нескольких общин) и соответствующие такому состоянию религиозного сознания, когда воплощение

получают лишь образы устно передаваемых мифов и ритуальных текстов, а их символика еще не превратилась в систему, доступную широкому пониманию. Изображения либо были преимущественно магические и потому воспринимаемые замкнуто, узко (стало быть, нам совсем непонятные), либо представляли собой «запись» анналов, рассказы о важнейших событиях (походах, победах). Таковы, например, «стела охоты» из Урука (начало III тысячелетия до н. э.), показывающая единоборство царя с хищником, или культовый сосуд периода Джемдет Наср из храма богини Инанны в Уруке, где изображение «читается» по регистрам (как и записи на глиняных табличках), снизу вверх: шествие домашних животных, принадлежавших храму; ряд одинаковых мужских фигур с дарами храму; алтарь со сложенными дарами, отмеченный символом богини, рядом с которым — жрица, изображающая Инанну [Афанасьева, 1976].

2. Середина III — конец II тысячелетия до н. э. Создаются образы богов со своими устойчивыми символами и с четкими различиями в иконографии. Происходит упорядочение (по иерархической схеме) всей культовой изобразительности, созданной до того. Символика и иконография, закрепляясь постепенно за божествами с определенными функциями (независимо от имени, которое они носят в той или иной общине, городе и т. п.), обретают специализированную интерпретацию, облегчающую опознавание персонажей. Расцветает монументальное искусство (статуи, большие рельефы, стелы, позднее — настенная живопись и т. д.). Получает развитие определенный канон (в особенности — в тематике подвигов правителя), базирующийся на четкой идеологической основе. В канонизированном изображении выделяются «значимые признаки», которые никак не связаны с индивидуальностью, — строго определенные «инвеститурные знаки» правителя, занимаемое им место в композиции, жест и поза и т. д. Во всех темах, но в особенности в тематике подвигов правителя, доминирует нарративность, а «текст» изображается последовательными эпизодами («кадрами»).

3. II—I тысячелетия до н. э. Созданный «банк образов» обслуживает любые религии, любой этнос и идеологические «заказы» любых правителей — к нему мало что добавляют хурриты, касситы, амореи, хетты, иранцы и т. д. Слабо пополняясь, он только приспосабливается к новым персонажам с помощью реинтерпретации, и на его

основе формируется изобразительность не только различных «великих империй» Передней Азии, но и памятники искусства вторгавшихся (иногда на очень короткий срок) на Ближний Восток кочевников (например, так возникла определенная часть изобразительности раннескифского искусства). Создаваемые в ходе этого процесса каноны менялись в составляющих их конкретных чертах, но в сущности все искусство Переднего Востока канонично в том смысле, что развивает лишь две взаимно переплетающиеся темы, имеет в этих темах одних и тех же «героев», наделяет их схожими отличительными особенностями («знаками»). При всей эклектичности искусства Переднего Востока заимствования у тех или иных народов и даже стили разных школ (мастеров) вполне могут быть выделены, но при этом вклад искусства разных народов не нарушает базисных идей, касаясь главным образом «синтаксиса», а не содержания «текста».

* * *

В древнем Египте сложение монументальной архитектуры, монументальной скульптуры, рельефов, мозаики, настенной живописи и т. д. произошло уже на заре существования цивилизации. Как и в Месопотамии, здесь получают развитие те же темы — религиозная и тема «подвигов правителя», хотя из-за особенностей древнеегипетской религии эти темы переплетены здесь много теснее.

Вся изобразительность древнего Египта стала очень рано гораздо более упорядоченной и иерархичной, чем на Переднем Востоке; вместе с тем типологически и в стилевом отношении она менее эклектична. В этой художественной культуре, пожалуй наиболее близкой к «идеально традиционной» модели, роль канона играют требования, связанные с ритуалом заупокойного культа. Ослабление действия канона (например, в амарнский период), предполагавшее отклонение от буквы ритуала, было посягательством на идеологические устои древнеегипетской цивилизации, духовным мятежом, и не проходило безнаказанно даже для самого фараона — верховного владыки и верховного божества.

Как уже отмечалось выше, ритуал определял не только содержание изобразительных памятников, но и способы выражения этого содержания до мельчайших под-

подробностей и деталей. Специальные трактаты с такого рода наставлениями до нас не дошли (известно, например, что еще в III—II вв. до н. э. в Эдфу, в храмовой библиотеке, имелась рукопись «Предписания для стенной живописи и канон пропорций»), но о них можно составить представление по указаниям, разбросанным (наряду с описаниями того, когда и какие необходимо совершать действия, читать молитвы, приносить жертвы, произносить или записывать заклинания и т. п.) в сочинениях, посвященных ритуалу заупокойного культа («Книга мертвых») и существовавших в неизменном виде на протяжении тысячелетий. Даже в эллинистическое время рядом с изображениями (в частности, в тайной молельне храма Дендера) могли появляться надписи такого содержания: «Священные статуи богини изваяны каждая по верным пропорциям, согласно древним книгам, высота изображений — согласно „Душам Ра“ (т. е. священным писаниям)» или: «птицы нарисованы по предписанию, сообразно „Душам Ра“».

«Реализм», который иногда усматривают в произведениях древнеегипетской изобразительности, так же был задан этим ритуалом (опознавательные знаки социальной принадлежности, правильная передача анатомии, и особенно подчеркнута мощной мускулатуры в изображениях фараона), как и «портретность» статуй (но не всех, а вполне определенных, чтобы одно из состояний вечной души — *ка* — могло узнать своего владельца; другие статуи в той же гробнице могли быть «официальными», т. е. для них требовалось в первую очередь выразить социальное положение изображенного) или изображений на рельефах, предназначенных для гробниц и храмов. Мог расширяться круг лиц, помещавших свои статуи в храмах и строивших для себя гробницы, могли увеличиваться или уменьшаться затраты на заупокойные сооружения, но все таинства ритуала следовало соблюдать слепо и неукоснительно, как они были установлены в начале III тысячелетия до н. э. [Дьяконов и др., 1982, I, с. 263—274].

Но и в этих жестких рамках скованности, несмотря на предельное сужение возможностей для проявления творческого начала, если рассматривать искусство древнего Египта в целом (географически) и на всем протяжении существования цивилизации, достаточно хорошо прослеживается на разных этапах истории возвышение одних художественных центров (с очень определенно выра-

жёнными стилевыми особенностями) и упадок других. Как правило, в роли ведущего художественного центра (для каждого конкретного периода) выступали города, становившиеся на какое-то время столицами всего Египта (в III тысячелетии до н. э., при III—VIII династиях, — Мемфис; в XVI—XII вв. до н. э., при XVIII—XX династиях, — Фивы; с середины VII в. до н. э. — Саис) [Ланда — Лапис, 1977]; иногда они сохраняли это значение даже после того, как политический центр перемещался в другой город. Для определенных периодов (например, XXIII—XXI вв. до н. э., когда ослабление центральной власти приводит к резкому возрастанию значения отдельных номов, или XXI—XVII вв. до н. э.) можно констатировать расцвет провинциальных художественных школ, каждая из которых по-разному проявляла свою «индивидуальность». Другой пример — выдвижение в конце эпохи Древнего царства города Абидоса как крупнейшего религиозного центра, связанного с культом бога Осириса, царя мертвых: мастерские Абидоса, получая заказы из различных городов, превратились в художественный центр всего Египта, остававшийся авторитетным и в I тысячелетии до н. э.

* * *

Если искусство древнего Египта — это просуществовавшая тысячелетия в законсервированном виде ранняя стадия развития древневосточной художественной культуры, если искусство Двуречья в периоды его наибольшего процветания отражает в целом следующий этап развития изобразительности, то как итоговую стадию этого процесса следует рассматривать состояние и развитие искусства в эпоху древневосточных «великих империй» (конец II—I тысячелетие до н. э.), в котором эклектичность, характерная уже и для второй стадии, достигает максимальной степени.

В сущности, в сфере художественной культуры владыки «государств мира» делали то же, что и в экономике: параллельно с захватом колоссальных по тем временам территорий (и в результате таких захватов) происходило вовлечение в общеимперский «котел» самых разнообразных идей, стилей, жанров; осуществлялась небывалая депортация населения захваченных стран, и согнанные со всех концов света (тогдашнего, во всяком случае) мастера составляли в метрополии (в столице, при дворе, при

определенном центре) громадные «цехи»; «цари вселейной» грабили чужие города и сокровищницы покоренных стран и увозили памятники искусства (в нашем понимании), т. е. особо почитаемые реликвии и драгоценности, наполняя ими свои дворцы, храмы и просто кладовые, хотя ценились они при этом совсем не за то и не так, как там, где их создавали. И в такой же мере как захват чужих территорий, перекачивание рабочей силы, контроль над путями международной торговли и прямое ограбление городов и храмов в покоренных странах обеспечивали экономическое процветание и расширенное производство, увеличивая прибавочный продукт (т. е. военное дело в этих условиях оказывалось наиболее доходной «производственной деятельностью» [Дьяконов и др., 1982, II, с. 15—18]), так и художественная культура эпохи «великих империй», сплавляя чужеродные (а иногда и полярные) идеи и стили в едином, хотя и не скрывающем своей эклектичности, синтезе, утверждала саму идею власти над покоренными народами и обеспечивала ее пропаганду. «Оборотная сторона» этой идеи, практически от нее не отделимая, — декларация единства многих народов под властью великого царя (единства хотя и мнимого, но продолжавшегося иногда столетия). Искусство «великих империй» (в меньшей степени — хеттской, в несравненно большей — ассирийской и ахеменидской) при всем бесспорном их своеобразии, опознаваемости в целом, легко разложимо при более углубленном подходе на множество чужеродных элементов, из которых оно «смонтировано». И это не удивляет: дворец ахеменидского царя Дария в Сузах (Элам) возводили и украшали лидийские, ионийские, вавилонские, египетские, мидийские, бактрийские и прочие мастера [Гиршман, 1963; Ниландер, 1970; Порада, 1965; Луконин, 1977; Дандамаев — Луконин, 1980, с. 255—258], точно так же как убранство дворца ассирийского «царя могучего, царя вселенной, великого мужа» Саргона II в Дур-Шаррукине создавали финикийцы и вавилоняне, египтяне и хетты [Парро, 1961; Афанасьева, 1968, с. 41—54].

По счастливой случайности (а может быть, в силу далеко не случайной приверженности владык «великих империй» древнего Востока к «вечному материалу» — камню) изобразительность этой эпохи нам очень хорошо известна. Это не только архитектура прекрасно сохранившихся (во всяком случае, с точки зрения археологов) дворцов, храмов и целых городов (хеттский Кархемиш,

ассирийские Ашшур, Ниневия, Кальху, урартский Кармир-Блур, ахеменидские Персеполь и Сузы), но и километры (без преувеличения) каменных ортостатов или рельефов, это десятки квадратных метров настенной живописи или панно из глазурованных кирпичей. Это тысячи изображений, состоящих из множества воинов, рабов, пленных и т. п. Один из памятников ассирийского царя Синаххериба (705—680 гг. до н. э.), рассказывающий о перевозке каменного изваяния, содержит, например, на 15 квадратных метров рельефа более 120 фигур. И одновременно с этим — это десятки старых и новых сюжетов (сцены захвата городов и торжественных приемов, охоты на разных животных и пиров, жизни военного лагеря и строительства и т. п.), прославляющих великого царя, исполненных монументальности, а иногда и подавляющих простого зависимого человека своей фантастической мощью: человекобыки шумеро-аккадской глиптики вырастают до гигантских размеров (ассирийские *шеду* в Дур-Шаррукине и ахеменидские *гопатшахи* в Персеполе высотой более 4 м), равно как и статуи правителей, превышающие нормальный человеческий рост более чем в 2 раза, — например, ассирийского царя Ашшур-нацир-апала II или того же Дария (одна из них, кстати, была изготовлена египетским скульптором и сопровождается египетской надписью наряду с эламской, аккадской и ахеменидской клинописью).

Для этого этапа развития древневосточной художественной культуры достаточно типичной моделью может служить искусство Хеттской державы и история его формирования. Хетты (неситы) — индоевропейцы по языковой принадлежности — захватили в XVIII в. до н. э. в Малой Азии земли, принадлежавшие ранее хаттам (или протохеттам) и хурритам, города-государства которых (с сильным развитием общинно-частного сектора) к концу II тысячелетия до н. э. не достигли сколько-нибудь устойчивых форм объединения. «Протохеттская» и хурритская религиозная изобразительность в силу периферийности Малой Азии в III—II тысячелетиях до н. э. еще не обладала сложившейся собственной «знаковой системой» и развитой символикой образов. На той же (или несколько более ранней) стадии развития находились и хеттские племена. Скрещение этих двух культур — хатто-хурритской и хеттской — и дало культуру древнехеттского царства (1650—1500 гг. до н. э.). Из «тысячи богов Хатти» (так называется в хеттских надписях пан-

теон этого царства) главным был бог грома («царь неба, господин страны Хатти»), символом которого (не вполне, впрочем, устойчивым) был топор. Но главное женское божество (богиня Солнца) еще не имело развитой иконографии. Особо почитали хетты камень — отдельно стоящий или статую, — и даже небосвод, по их представлениям, был каменным. Но «тысяча богов Хатти» — длинная процессия, представленная на скалах Язылыкая, — совершенно неотличимы иконографически, например, от «портрета» хеттского царя Муватали на скале у р. Пирам в Киликии. Только развитие контактов с северными областями древнемесопотамской цивилизации и в особенности последующий захват этих областей хеттами во времена Новохеттского царства (1400—1200 гг. до н. э.) открыли для хеттской художественной культуры передневносточный «банк образов»: заимствовались изображения «спутников богов», различных фантастических существ, символы и атрибуты отдельных божеств, но ни четкой символики, ни изобразительной иерархии с их помощью в хеттской иконографии так и не возникло.

Архитектурное достижение хеттов — так называемое *бит-хилани* (прямоугольное в плане, разделенное на несколько неравных частей по продольной оси здание, вход в которое — с продольной стороны — был оформлен портиком со столбами, замкнутым с двух сторон прямоугольными башнями) использовалось прежде всего как храмовое помещение (по плану *бит-хилани* строили и дворцы, и частные дома), и тогда каменные колонны портика были выполнены в виде скульптур богов. Каменные ортостаты, украшавшие стены *бит-хилани* снаружи (основное достижение хеттов в монументальном искусстве), могли изображать — без какой-либо связи и упорядоченности — и «тысячу богов Хатти» (и в их числе бога грома), и хеттского царя, и зверей и птиц, но где при этом кончались сюжеты протохеттско-хурритские и начиналась символика индоевропейских божеств, определить пока невозможно [Акургал, 1961]. Статуи богов в портике дворца-храма в Телль-Халафе (начало I тысячелетия до н. э.) — одинаковые мужские фигуры в облачении царя, стоящие одна на спине льва, другая — на спине быка, — возможно, и изображали в данном случае разные божества (на льве и в Вавилоне, и в Ассирии обычно восседало солнечное божество, на быке — водное), но закрепления этой иконографии, повторения ее в других памятниках не произошло.

Изображения хеттских правителей — мускулистые, преувеличенно мощные, каменно-застывшие фигуры (такая демонстрация преувеличенной мощи характерна позднее и для искусства Ассирии) — еще нельзя назвать изображениями «царя-героя», а в многофигурных композициях царь — охотящийся на колеснице или едущий на битву — показан так же, как и его свита, многочисленностью которой хеттский царский двор был особенно знаменит («сыновья дворца», «оруженосцы золотого копья», «люди жезла», «начальник лестницы» и т. п.).

Пример дальнейшего развития изобразительности древневосточных «великих империй» — искусство Ассирии (XIII—VII вв. до н. э.), о котором уже упоминалось выше. Центром Ассирийской державы был город Ашшур, первоначально форпост на основном торговом пути из Месопотамии на север. Ассирийское могущество и началось с овладения этими торговыми трассами.

Наверное, среди всех «великих империй» Передней Азии Ассирийская держава была самой грабительской, ведшей бесконечные захватнические войны (к XII в. до н. э. ассирийские цари владели всем Ближним Востоком), и, видимо, здесь существовала самая жестокая власть среди всех древневосточных «великих империй», самый большой аппарат подавления оппозиции, самая грозная армия.

Многое в ассирийской архитектуре и изобразительности было унаследовано от хеттов (планировка *бит-хилани* для дворцов и храмов, широчайшее использование каменных ортостатов, превратившихся здесь в связанные единым повествованием вереницы каменных рельефов), но достаточно велики были и заимствования из передневосточного иконографического арсенала предшествующих эпох.

Богам посвящались наряду с храмами *бит-хилани* и зиккураты — например, известны три зиккурата в Ашшуре (двойной — посвященный богам Ану и Ададу, одинарный — Ашшуру). И на рельефах, и в особенности на изобразительных памятниках «малых форм» (печатах, резной кости, торевтике) изображались божества, заимствованные из вавилонской или эламской «зон», — образы вавилонской мифологии и демонологии (например, знакомый нам с III тысячелетия до н. э. человек-скорпион или крылатые и рогатые львы с лапами грифа и хвостом скорпиона), древние передневосточные образы «охранителей» божеств, «священное дерево» в вавилон-

ской его трактовке (первоначально финиковая пальма, претерпевшая со временем чудовищные перемены и стилизованная почти до неузнаваемости). Но при этом верховный бог ассирийцев Ашшур изображался в виде торса ассирийского царя между двух распахнутых крыльев, а среди основного вида ассирийской изобразительности — каменных рельефов — боги и их символы занимают второстепенное место и почти никогда не изображаются сами по себе, но только включенными в сюжеты царской героической темы, явно доминирующей в ассирийском искусстве (от рельефов и стенных росписей во дворцах до костяных шкатулок, стенок бронзовых саркофагов и личных печатей).

Разнообразие светской тематики в искусстве Ассирии резко отличается последнее, например, от вавилонской изобразительности, где, в сущности, повторяется в разных вариациях один сюжет: правитель у статуи (или у жертвенника, или у символа) божества. Вообще в ассирийском искусстве светская тематика явно преобладает, тогда как вавилонская изобразительность наполнена бесконечными богами-демонами, изображениями звезд и солнца, «штандартами» божеств, их знаками и символами [Парро, 1961; Афанасьева, 1976, с. 115—143].

На ассирийских рельефах царь охотится не вообще, а в горах или в степи, на львов или на газелей, пирует не «абстрактно», а во дворце, в саду, с музыкантами, слугами, в беседках, увитых виноградом, с поющими птицами. И охота его жестокая — звери истекают кровью и корчатся в смертных муках (едва ли не самый известный памятник искусства древнего Ближнего Востока — истекающая кровью раненая львица на рельефе из дворца Ашшур-бан-апли в Ниневии), и пир жесток — на увитых виноградом деревьях висят отрубленные головы врагов (рельеф из того же дворца).

На ассирийских рельефах более позднего времени — бег царских колесниц, поверженные враги, осаждаемые крепости, переправа войск через реку, военные трофеи, изображения военного лагеря — передана и последовательность событий: отдельные эпизоды (сцены — «кадры») составляют единую «ленту» повествования, иногда довольно длинного, а ход времени «задан» расположением сцен. В целом же рельефы читаются как анналы ассирийских владык [Барнет, 1959]. Так, например, на бронзовой обкладке Балаватских ворот «записано» в картинках то же самое, о чем словами рассказывается

в надписи царя Салманасара, — взятие Салманасаром урартского города Сугунии, даже изображены захваченные в сокровищнице оронзовые котлы, ритуальное оружие и т. п. (сцены «читаются» начиная с нижнего левого угла), а на рельефах Саргона II все изображения точно соответствуют событиям военного похода 714 г. на город Муцацир, описанным в «реляции» царя богу Ашшуру.

Создание этих анналов было под силу только целой армии профессионалов, согнанных из захваченных стран. Мы не знаем, в какой форме получали эти мастера «заказ», но задавался он, видимо, в каждом случае (несмотря на обилие персонажей и множество сцен) достаточно обстоятельно и жестко. Единые правила изображения фигуры царя, место ее расположения, ее размеры строго каноничны и целиком подчинены идеологической программе — показать мощь и силу царя-героя и его «великие» «божественные» деяния. При этом реалии — оружие, украшения, платье — хотя и показаны с максимальным вниманием к мелким деталям, к фактуре, но изображаются в разных эпизодах одного повествования настолько стандартно, что позволяют предполагать довольно широкое применение различного рода трафаретов. Трафареты применялись и для изображения архитектурных сооружений (например, все города, захваченные ассирийцами, выглядят одинаково — крепость с высокими зубчатыми стенами, на высокой платформе, с высокими башнями, увенчанными балконом с арочными проходами и зубчатым парапетом). Даже изображения животных, несмотря на кажущееся разнообразие поз, как правило, «составлены» из стандартных деталей. Трафаретами (или стандартизованными приемами) вводится и пейзаж («река», «горы» и т. п.). Только размещение изображений на плоскости и в пределах ограниченного размерами рельефа пространства нельзя было строго регламентировать. И в этом, видимо, художник сравнительно долго оставался свободным от «заказа», однако его возможности могли сужаться требованиями изобразить как можно больше персонажей, показать несколько планов (вид сбоку и вид сверху одновременно), совместить начало действия и его результат (в охотничьих сценах) и т. п. Успешно найденные в одном рельефе композиционные решения могли закрепляться, особенно при повторении сюжетов, что было чревато в конечном итоге орнаментализацией композиций. На одном из сирийских рельефов, например, изображен царь

на летящем коне, на которого спереди нападает лев; за царем — запасной конь, также летящий, на которого лев нападает сзади. От этой композиции один шаг до замкнуто-симметричной, так называемой геральдической композиции, дальнейшее повторение которой — с упрощениями и потерей первоначального содержания — неизбежно должно привести, как мы увидим ниже, к орнаментализации.

Но в целом вклад разноплеменной армии ассирийских мастеров в древневосточную художественную культуру огромен, особенно если сравнивать их произведения (пусть даже стандартизованные «трафаретами») с начальной стадией изобразительности эпохи «великих империй» — с робким и «немым» искусством хеттов и с застывшим в своей многозначительности жреческим искусством Двуречья в его позднеавилонском варианте. Даже заимствуя древние переднеазиатские образы, ассирийские художники делали свои маленькие «открытия». Так, древние персонажи-охранители *шеоу* (человекобыки), стоявшие по сторонам арочного прохода в Дур-Шаррукине, были изображены ассирийскими мастерами сразу в двух положениях — стоящими и идущими: зритель, обращенный лицом к ним, мог видеть только две передние ноги неподвижных *шеоу*, но стоило ему сделать шаг и взглянуть на них сбоку, и *шеду* двигался — одна передняя нога была теперь скрыта, но зато была видна «дополнительная» — пятая — нога, показанная в позе шага. Принципиальное значение имеют и те случаи, когда мастера-иноземцы навязывали ассирийскому искусству свой синтаксис. Так, на ассирийских рельефах мы встречаем впервые на Ближнем Востоке правильные профильные изображения (без разворота плеч в фас), но, конечно, так показаны не фигуры царей или богов — это второстепенные персонажи: солдаты, враги, пленные и т. д.

В странах древней культуры (Египет, Двуречье) влияние ассирийского искусства совсем (или почти совсем) не ощущалось, но в исторически сходных государственных образованиях и «молодых» государствах достижения и принципы ассирийского искусства были легко приняты и унаследованы. Так, в Урарту его влияние явно доминировало над «вкладами» других древневосточных областей, особенно в придворном искусстве урартских владык [Пиотровский, 1962]. Но, войдя в состав урартской изобразительности (имеющей, несомнен-

но, собственную очень богатую традицию) уже в стадии «геральдизации» и распада повествовательных композиций на отдельные сцены, оно развивалось здесь в сторону еще большей скрупулезности в передаче деталей, сужения числа композиций, уменьшения набора используемых трафаретов (и, стало быть, образов) и потери содержания при подчеркнуто старательном воспроизведении формы, что не могло не привести к орнаментализации («ассирийские» мускулы животных, например, постепенно превращаются в декоративные завитки и далее — в «ковровый стиль» урартских львов, быков, монстров). Таков был путь угасания ассирийской изобразительности, отчасти заложенный в ней самой, но прошли по нему до конечной стадии далеко не все народы, оказавшиеся под воздействием ассирийской художественной культуры.

Племена, вторгшиеся во владения Ассирии, Урарту и Элама, включили часть завоеванных территорий в созданные ими новые государственные образования. Это были кочевники-иранцы — мидийцы, скифы, саки и персы. Мидийцы и персы проникали на Передний Восток постепенно, не одно столетие соседствуя с ассирийцами, хурритами, касситами и прочими народами. Так же постепенно создавалось и искусство мидийцев и персов: от изобразительности для вождя племени или царька на его «престижных» вещах-знаках (парадном оружии, княжеском шатре и других эмблемах власти) и до изобразительности для царей «великой Мидийской державы» или для ахеменидского «царя всех народов». Что же касается изобразительного искусства для вождей скифских племен, оно было создано быстро (во время недолгого существования так называемого Скифского царства — эфемерного государственного образования в границах Ассирии и Урарту), но столь же быстро эта изобразительность исчезла или предельно исказилась.

Схожие верования иранских народов (у скифов много более примитивные, чем у мидийцев и персов) еще не знали антропоморфности богов (как это вообще характерно для кочевых народов), а оформление их в стройную (или хотя бы приближающуюся к стройной) религиозную систему (зороастризм) произошло значительно позднее рассматриваемой эпохи древневосточных «великих империй». У скифов и саков (а первоначально и у мидийцев и персов) вся их изобразительность — это тотемические образы (олень, пантера, гриф) на предме-

тах труда и быта (в широком понимании — оружие, сбруя, попоны, войлоки для жилищ, посуда и т. п.), а также татуировка на теле.

Внедрившись в среду, где изобразительность играла активную роль в духовной и в социальной сфере (во всяком случае, не меньшую, а может быть, и большую, чем письменный текст), и мидийцы, и персы на стадии создания своих империй и позднее были вынуждены воспользоваться «языком образов», который они застали у завоеванных народов, не прибегая к отбору, поскольку у них не было предубеждений против религиозных изобразительных систем других народов (они не были знакомы с ними). Еще в большей мере это характерно для сложения скифского искусства.

В качестве завершающего этапа эпохи древневосточных «великих империй» здесь будет рассмотрено искусство Ахеменидской державы. Предшествующая ему стадия, связанная с Мидийским государством, сокрушившим могущество Ассирии, известна пока значительно хуже, но, видимо, принципиально не отличалась от ахеменидской стадии, хотя и размеры Ахеменидской державы, и более длительное ее существование обеспечили, конечно, более полное выражение наиболее характерных черт этого этапа в памятниках ахеменидского «имперского» искусства.

Главное отличие этого искусства от ассирийского, имеющее принципиальный характер, определяется тем, что горизонты Ахеменидской империи были намного шире (она простиралась от Ганга до Нила), а это значительно увеличило количество «вкладов» в «казну» общеимперской художественной культуры. Период существования Ахеменидской державы — это время, когда страны и народы, составлявшие некогда периферию древнемесопотамской и отчасти древнеегипетской цивилизаций, уже сформировали новые «миры» (в том числе эгейский мир побережья Малой Азии, островов и материковой Греции), а очаги древнейших цивилизаций затерялись и растворились в этих мирах, уступив им ведущую роль. Одновременно с огромным увеличением стран и народов, вставших на путь цивилизации, пропорционально расширились не только границы изведанного мира: новая цивилизация, создавая себя, создавала и новую «варварскую периферию». С этой точки зрения особенно примечателен факт первого соприкосновения региона египетско-месопотамской цивилизации — через Бактрию — с другим

регионом, в котором также существовала и расширялась еще одна древнейшая цивилизация — индийская.

Зороастризм в его ранней, еще не догматизированной форме стал официальной религией империи. Это учение о пророке Заратуштре и о единственном боге Ахурамазде («премудром»), вознесенном над всеми другими *ахурами* — благими богами, уже не приспосабливалось в новых исторических условиях к старым верованиям и культам, существовавшим на территории подвластного Ахеменидам государства, не адаптировало древние религиозные системы, тем самым расширяя (или сужая) собственную. Зороастризм остался религией ахеменидских царей. Иранские верования, из которых он вырос — почитание света, солнца, огня, земли, воды, ветра, вера в Митру (бог солнца — бог договора), Анахиту (первоначально, видимо, богиня вод, затем — плодородия), — были религией персидского «народа-войска». Но в Вавилоне ахеменидский царь царей Кир II восстанавливал храмы и приносил жертвы богу Мардуку, в Иерусалиме он почитил Яхве, в Египте ахеменидского царя царей Камбиза короновали в городе Саисе короной Верхнего и Нижнего Египта, а в храме богини Нейт Дарий I объявил себя сыном Нейт, и он же построил храм Амону. Полководец Мардоний, главнокомандующий персидской армией в Греции, запрашивал греческие оракулы об исходе его военных операций, а перед битвой при Платеях он даже принес жертвы местным, эллинским богам по эллинскому обычаю. В Персеполе, священном городе Ахеменидов, из царских сокровищниц и кладовых отпускалось серебро, зерно и овцы для отправления культа эламских богов Хумбана и Симута и вавилонского бога Адада. В чужих странах судьбы вершили их собственные боги. И чтобы наказать непокорную страну, царь царей Ксеркс после восстания в Вавилоне разрушил Эсагилу — главный храм верховного бога Мардука, а статую Мардука увез в Персию. Даже уже вполне оформившись в религию государственную, зороастризм не адаптировал старых богов и не подминал их под себя.

Из старых символов и образов религиозного круга было заимствовано (через Ассирию и Элам) довольно мало: *шеду*, получившие крылья, звери и монстры (видимо, отобранные еще мидийцами) и случайные, жившие недолго образы, например ассирийское «древо жизни», вавилонские «рыболоуды» и т. п. Символом Ахурамазды

(или, может быть, символом божества царской предназначенности — Хварены) стал символ ассирийского бога Ашшура (погрудная фигура с крыльями или просто крылья), символом Митры — египетский солнечный диск с крыльями. Сохранялась и символика (но только поверхностная, не смысловая-иносказательная) таких композиций, как царь в борьбе с чудовищами или сцена терзания львом быка, оленя и т. д.

Государственная «программа» изобразительности связывалась, как и в Ассирии, не с храмами, а с царским дворцом и его оформлением. После покорения Ахеменидами Мидии, Малой Азии, Вавилона, Египта они стали создавать свои дворцовые комплексы и целые «священные города» — идеологические центры, в которых был использован архитектурный опыт и мастерство строителей со всех концов империи.

Дворцы, лестницы, ворота украшались рельефами и скульптурой. Ассирийские принципы при этом были заимствованы не как «цитата», а с определенной переработкой идеи, хотя первоначально (например, в Пасаргадах) именно «цитаты» из Ниневийского дворца (остатки рельефов, изображающих демонов с чудовищами) вводятся в новый текст — возможно, и без понимания подлинного смысла этих цитат. Собственно ахеменидские сюжеты рельефов далеки от ассирийского разнообразия: это царь царей, или восседающий на троне во время торжественного приема, или борющийся с чудовищами (в особо «священных» местах), но главным образом это бесконечно повторяющиеся фигуры его воинов, его вельмож либо делегации подвластных царю стран и народов, то несущие ему дань, то поддерживающие его трон. Главное действие, которое на этих рельефах (в отличие от ассирийских) происходит, — назойливо монотонное шествие подданных царя царей к его престолу. Не похож на ассирийский и канон, который создается для этого искусства: слишком много своего «синтаксиса» вносят в него ионийцы и лидийцы, принадлежащие к принципиально иному художественному миру — миру Эгейского моря, миру греческой античности. В изображении человеческих фигур уже господствует «правильный» профиль, пропорции фигур близки к нормальным, хотя по-прежнему ахеменидское искусство при всей его тщательности и большей свободе — это искусство типажа (например, этнического), но не искусство индивидуального образа. Старый ассирийский канон изображения человеческих

фигур полностью сохраняется только для наиболее знатных участников шествия (например, сатрапов).

Можно утверждать, что именно рельефы и канонизированные архитектурные формы дворцов были ведущими направлениями «имперского» искусства Ахеменидов. На окраинах Ахеменидской империи персепольские каменные дворцы детально повторялись в ином материале — жженом или сырцовом кирпиче, а каменные колонны с импостами в виде протом чудовищ — в дереве. Даже выработанные для камня приемы изображения мускулатуры животных переносились в иной материал — на металл, ткань, резную кость.

Искусство Ахеменидов не содержало особых сюжетных богатств или композиционных открытий. Но это подлинно «имперское» искусство, связанное единой тематикой и жестким общегосударственным канонам, воспроизводившееся в самых далеких частях империи и в самом разном материале по одному «стандарту». В завоеванных персами странах оно обслуживает их самих, существуя параллельно с развитием местного искусства и почти не оказывая на него никакого воздействия. Искусство эпохи древневосточных «великих империй» на этой завершающей стадии (предэллинизм на Востоке) становится для каждой из завоеванных стран искусством двух художественных методов — местного (традиционного) и общеимперского, точно так же как в эллинистическую эпоху на Востоке эллинистическая художественная культура параллельно сосуществует с местными художественными культурами.

3. Типологические особенности художественной культуры древнего Востока

Как было показано выше, состояние изученности древневосточных цивилизаций позволяет составить — с неодинаковой степенью детальности для разных стран и народов и для разных периодов — только самое общее представление об основных вехах на пути развития их художественной культуры. Приблизительность воссоздаваемой картины ощущается еще сильнее, если вспомнить, что выбор доминирующего вида искусства — искусства изобразительного — отражает не реализованный на самом деле морфологический состав художественной культуры (о нем почти ничего не известно), а определяется

наличием имеющихся в нашем распоряжении памятников, из которых равноценно сопоставимые ряды (как для вариантов на уровне ниже типа, так и для межтиповых сопоставлений) образуют только произведения изобразительного искусства. Все последующие рассуждения будут вынужденно основываться на допущении, что именно изобразительное искусство если и не доминировало в составе древневосточной художественной культуры, то, во всяком случае, адекватно отражало ее состояние.

Мы знаем о значительном развитии музыкального искусства в Месопотамии (арфы сложного устройства найдены уже в усыпальницах времени I династии Ура и т. п.), в Египте (бесчисленные изображения музыкантов с различными инструментами; сложная иерархия титулов и званий для музыкантов и певцов; рассуждения Платона о сочетании в египетских храмах изображений, которым должна следовать молодежь, с «бодрящими песнями» и т. п.), в древнем Китае, в Хеттском царстве или в Ассирии, но нет почти никаких надежд узнать, какова же была сама древневосточная музыка, музыкальная культура.

Более полное (и более непосредственное) представление можно составить о древневосточной литературе, но равноценно сопоставимыми при этом окажутся памятники в рамках одного этнолингвистического варианта (исключение, пожалуй, составляют только памятники шумерской литературы, переведенные на аккадский язык, т. е. в данном случае два этнолингвистических варианта слились в вариант по признаку системы письма), а сопоставление между вариантами, образованными по иным признакам, будут носить случайный характер (если окажутся возможными), поскольку о представительности выборки дошедших до нас памятников в большинстве случаев невозможно судить обоснованно.

Даже памятники шумеро-аккадской литературы, казалось бы сравнительно хорошо исследованные [Афанасьева, 1981], не могут быть в полной мере использованы для сопоставления с памятниками изобразительного искусства. Этому препятствует и непреодолимый разрыв между временем создания памятника и временем его записи, иногда превосходящий тысячелетие, и ритуализация многих текстов (гимны, обрядовые тексты, плачи), и, наконец, стадийная многослойность тех литературных текстов, которыми мы можем сегодня располагать. Бесспорно ритуальными являлись и те произведения, кото-

ры у современных исследователей получили название «поэм» («Хожжение богини Инанны в преисподнюю», «Смерть Думузи» и др.). Распространенный «жанр» сказаний о подвигах героев — далеко еще не эпос, хотя для позднего периода и отмечается некоторая циклизация, устанавливаются «родственные связи» между героями и т. п., но, видимо, это уже весьма поздние памятники, хотя в качестве героев в них и выступают полубогендарные цари I династии Урука (Лугальбанда, Гильгамеш).

Еще одна огромная трудность, которую необходимо преодолеть в ходе типологического анализа памятников древневосточного изобразительного искусства, связана с тем, что мы практически не располагаем древними документами (текстами), в которых художественные принципы (установки, интенции, каноны) того или иного этапа в истории этого искусства были бы сформулированы и изложены в словесной форме.

Это вызывает необходимость, сопоставляя доступные нам произведения и наблюдая их в развитии, самим выводить те правила и нормы, которыми должны были руководствоваться древние мастера, исходя при этом из «поведения» дошедших до нас объектов (в том числе и древних инструктивно-образцовых макетов, учебных пособий и т. п.). В ходе такого анализа мы неизбежно приводим специализированное художественное сознание человека 80-х гг. XX в. (исследователя) в соприкосновение с произведениями искусства, чуждого для него не только исторически (принадлежность к иной эпохе в рамках одного историко-культурного региона, как это бывает при изучении искусства европейского средневековья), но и принципиально иного по целому ряду (или по всему набору) признаков. Ясно, что оценки по шкале «хорошо — плохо» здесь неприменимы. Но столь же неприменимы при этом и любые завуалированные формы таких оценок: попытки определить степень соответствия изображения реальным объектам («реализм» разных градаций — от «жизнеподобия» и «натуралистичности» до «магического реализма»; «условность» изображения в разных градациях и терминологическом обрамлении), рассуждения о том, «справился» или «не справился» художник с передачей перспективы и т. п. Такие попытки «препарировать» древневосточное искусство с помощью заложенной в современном исследователе системы критериев, основы которой были положены античным типом

художественной культуры, а окончательное оформление произошло в рамках европейского ренессансного типа, уже предпринимались неоднократно и пока не давали удовлетворительных результатов.

Следует признать, что полная и точная адекватность постижения современным исследователем образа мыслей, системы художественного мышления древневосточного мастера, видимо, вообще недостижима. Можно только максимально стремиться отчасти уменьшить этот неизбежный «зазор» между умозрительно воссоздаваемым и древней реальностью, налагая на сознание исследователя определенные ограничения, с поправками на которые и следует проводить типологический анализ древневосточного искусства.

Очевидно, что поправки эти (или ограничения) должны отражать наиболее общие отличия древневосточного искусства в первую очередь от искусства античного или ренессансного типов, а их выявление составляет первый шаг в типологическом осмыслении древневосточной изобразительности, в определении ее места среди других типов (или надтипов) художественной культуры, засвидетельствованных в истории человечества.

Таких отличий несколько, и необходимо сразу же подчеркнуть, что в разных древневосточных цивилизациях и на разных этапах их развития они могли проявляться (точнее, прослеживаться) с неодинаковой интенсивностью.

Первая (и, может быть, наиболее важная для правильного понимания исследуемых памятников) особенность древневосточного художественного сознания — его неотделенность от сознания религиозного и от сознания «производственного» (технологического), точно так же как в объекте, который мы рассматриваем с е г о д н я как памятник изобразительного искусства, его художественные достоинства были когда-то неотделимы от его назначения утилитарного или от того значения магического (или религиозного), которое ему придавалось. И поскольку именно назначением предмета определялись и сообщенные ему магические свойства, и его художественные особенности, мы, видимо, вправе именовать эту особенность древневосточного искусства, в значительной степени унаследованную от искусства первобытного, утилитарностью. Ясно, что на разных этапах существования и развития древневосточного искусства эта особенность проявлялась с разной степенью определенности

(и соответственно неодинаково остро и отчетливо воспринимается сознанием современного человека), но присуща она ему всегда: мы не знаем ни одного памятника древневосточного искусства, который был бы создан только для того, чтобы продемонстрировать мастерство ваятеля, живописца и т. д., памятника, в котором художественное совершенство исполнения «подмяло» бы под себя его практическое назначение, оказало бы скольконибудь существенное воздействие на его утилитарные качества.

Другая общая особенность памятников древневосточного искусства — отчетливое преобладание в них информационного начала. Речь идет в данном случае не о противопоставлении эмоционального и рационального или об их соотношении в тех или иных конкретных памятниках (видах, жанрах) изобразительного искусства и тем более не об умозрительной оппозиции «информация — фасцинация», вряд ли когда-либо существовавшей в чистом виде в действительности и лишь искусственно «сконструированной» в процессе разработки современными исследователями приемов препарирования памятников искусства.

Информативность, которая здесь имеется в виду, — это изначально присущая изобразительному искусству в целом способность сохранять и сообщать те сведения (представления, впечатления, ощущения), которые были специально заложены в конкретных произведениях в процессе их создания, независимо от того, передаются эти сведения в расчете на разум или на чувства. Преобладающее значение такой информативности в памятниках древневосточного изобразительного искусства неразрывно связано с их утилитарностью.

Как уже говорилось выше, на раннем этапе развития древневосточных цивилизаций — в предписьменный период (додинастический Египет, Нижняя Месопотамия протописьменного периода, памятники раннего этапа культуры Мохенджо-Даро в Индии и т. д.), когда из круга памятников изобразительного искусства еще не вычленились (но уже существовали как бы в зародыше) условные изображения-символы, к которым восходят различные формы рисуночного (пиктографического) письма, такого рода информативность выражена особенно полно. Необходимо подчеркнуть, что и в дальнейшем, с возникновением многочисленных видов иероглифической, слоговой и алфавитной письменности, памятники

изобразительного искусства лишь частично «разгружаются» от закладывавшихся в них сведений — надписи, сопровождающие скульптуры, рельефы, живопись и т. п., содержат, как правило, имена собственные и другую до пол и т е л ь н у ю информацию, ранее изображений не передававшуюся. Полной замены изображений письменными текстами (если рассматривать этот процесс с точки зрения уменьшения информативности в памятниках изобразительного искусства), видимо, не происходило никогда, даже если выйти за рамки истории древневосточных цивилизаций.

Третья важная особенность древневосточного искусства — его иерархичность, проявляющаяся в постоянном стремлении показать, какое место в обществе занимает изображенный (если это изображения людей), показать ранг божества и его функции и т. п. Достигается это, как правило, наиболее простыми для восприятия способами — тщательным изображением соответствующих регалий царя (корона, облачение, жезлы, «ожерелья», «передники» и прочие знаки особого достоинства), инсигний вельмож или должностных лиц, жреческих знаков и облачений, оружия — у воинов, орудий труда — у работников, этнических различий — у иноземцев и т. п. Уже в аккадский период в Месопотамии (а в Египте начиная с додинастического времени) царь (верховный жрец, вельможа) всегда изображается крупнее других персонажей, ему отводится главное место в композиции, особенно в многофигурной, или подчеркивается иными способами его высокое положение (незаурядность и т. п.), превосходство над остальными людьми. Такими же приемами и разработанной системой символов передавалась и «табель о рангах» для богов.

Эти три признака, принципиально отличающие древневосточное искусство от античного или ренессансного искусства, не могут, однако, рассматриваться как специфические, характерные только для древневосточного искусства, т. е. признаки типобразующие. Утилитарность возникает одновременно с первыми образцами художественного творчества еще в древнейших типах первобытного искусства (палеолитического, неолитического и фольклорного), но ее проявления, хотя и неодинаковой интенсивности, можно проследить (во всяком случае, теоретически) для всех типов художественной культуры, вплоть до наших дней (картина, написанная в условиях обособившегося художественного сознания как выраже-

ние определенных эстетических позиций автора, сохраняет значение и как предмет, украшающий интерьер, имеющий материальную ценность и т. п.), т. е. является признаком универсальным. Но об утилитарности оказалось необходимым вспомнить, подчеркивая отличие древневосточной художественной культуры от античной и от ренессансной, поскольку в последних она выражена крайне слабо (а современным человеком, воспринимающим античные и ренессансные произведения искусства прежде всего как музейные ценности, практически не ощущается).

Эти же три признака, явно присутствующие, например, в средневековом типе художественной культуры (если это один тип, а не совокупность нескольких типов), видимо, следует отнести к надформационному уровню. Они должны корректировать наше восприятие древневосточного искусства, но не могут быть использованы ни для описания отличий древневосточного типа художественной культуры от других типов, ни для различения — в рамках древневосточного искусства — его вариантов на уровне ниже типа.

Специфической особенностью искусства древнего Востока (т. е. теоретически типобразующим признаком) является его тесная связь с ранними видами пиктографической (иероглифической) письменности. Ни первобытное, ни античное, ни средневековое искусство и его дальнейшее — после эпохи Возрождения — развитие не знает этой особенности (воздействие арабского письма на декоративное искусство и орнаментику мусульманского средневекового мира, несомненно, вторично). Правда, и в формировании изобразительности древневосточных цивилизаций воздействие письменности на искусство проявлялось в зависимости от конкретных обстоятельств по-разному.

Наиболее активную роль иероглифика сыграла в развитии художественной культуры древнего Египта. Выделившись из круга изобразительных памятников еще в глубокой древности (IV тысячелетие до н. э.), древнеегипетская письменность устойчиво сохраняла (в отличие от подавляющего большинства известных иероглифических письменностей) свой рисуночный характер вплоть до IV в. н. э. Такая удивительная «стойкость» древнеегипетской иероглифики определялась, видимо, не только тем, что наряду с ней — для хозяйственных документов и для литературных и научных сочинений — су-

ществовало также скорописное иератическое («жреческое») письмо (его дальнейшее развитие в сторону беглости привело затем к появлению демотического письма), но и тем, что иероглифика была одним из необходимейших элементов заупокойного ритуала (в первую очередь царского) — наиболее консервативной части египетской идеологии.

Как бы то ни было, обучение грамоте в древнем Египте автоматически совпадало с приобретением основных навыков рисования, а традиционные начертания иероглифов не могли при этом не оказывать нормативное воздействие на древнеегипетское изобразительное искусство в целом. Наиболее определенно эта связь прослеживается в рельефах, где рядом с миниатюрными контурами иероглифических знаков можно встретить точно такие же, но с завидным автоматизмом многократно увеличенные — уже в изобразительных композициях. Навыки иероглифического письма проявляются в рельефах и в построении композиции — искусство заполнения пространства достигает весьма высокого развития. Можно проследить влияние иероглифики даже в круглой скульптуре. Позы статуй, несмотря на то что при их оценке в современной литературе часто фигурирует термин «фронтальность», изначально были явно рассчитаны и на обозрение сбоку и как бы повторяют при этом начертания соответствующих иероглифов.

Месопотамия, где очень рано совершился переход от пиктографического (рисуночного) письма к клинописи и быстро утратилась какая-либо связь письма с изобразительностью, в этом отношении принципиально отличается от Египта, да и положение писцов в этих двух цивилизациях было совершенно иным. Египетские писцы были ближе к жреческим таинствам, чем месопотамские, а месопотамские жрецы III—II тысячелетий до н. э., как правило, не знали грамоты. Но и в Месопотамии — на самом раннем этапе — изобразительность, видимо, была несвободна от воздействия только возникавшей письменности.

В последнее время получены материалы, позволившие разработать довольно стройную (хотя и не всеми принятую) теорию взаимосвязи пиктографии с изобразительностью на Ближнем Востоке. Основой этой теории является постулат о появлении религиозной изобразительности, информативно достаточно широкой, прежде всего на личных печатях-амулетах. В нескольких пунк-

тах Месопотамии и Ирана (в Уруке — в храме главного божества, в Чога Миш, в Сузах — тоже в храмах) обнаружены глиняные буллы — полые шары, на которых печатями-штампами или цилиндрами оттиснуты цифровые знаки и символы исчисляемых предметов: профильные (т. е. наиболее узнаваемые) изображения голов животных, сосудов, колосьев и т. д. Внутри булл содержались вылепленные из глины объемные цифровые знаки и исчисляемые предметы — «фишки», изображавшие то, что было оттиснуто на них снаружи (возможно, этими самыми «фишками»). Сторонники данной теории полагают, что здесь мы имеем дело с протописьменным хозяйственным документом, сообщаящим адресату о каких-то действиях (например, о получении, выдаче и т. д. определенного количества голов скота, сосудов с маслом и т. п.), что фиксируется как на наружной стороне, так и при помощи «фишек», спрятанных внутри этого своеобразного конверта [Фалькенштейн, 1936, с. 32; Делугац — Кантор, 1972, с. 26—33; Шманд-Бессерат, 1977, с. 31—70]. Отсюда остается лишь шаг к созданию глиняной таблички, на которой будет запечатлена с помощью тех же знаков та же информация, скрепленная печатью отправителя послания. Для создания знаков на этих предметах и на личной печати выбираются наиболее легко опознаваемые изображения исчисляемых предметов. Они в принципе сходны и в пиктографическом тексте, и на печати-памятнике, который мы уже называем изобразительным. Поэтому для раннего этапа изобразительности Ближнего Востока, как и для пиктограмм и иероглифов, характерны не реалистически (или натуралистически) увиденные и запечатленные образы, а именно такие, где на плоскости совмещены разные проекции образа, отражающие все его существенные черты, его полную характеристику — например, профильное изображение птицы, но с двумя крыльями. Значительно позднее изображение человека строилось аналогично: голова в профиль с глазом в фас, плечи в полном развороте, ноги в профиль и т. п.

Зависимость возникшей таким образом изобразительности от созданной тогда же письменности (разумеется, эти процессы на раннем этапе нельзя отделять друг от друга) отражает и организация пространства изобразительных памятников: и в Двуречье, и в Египте это были прежде всего сравнительно большие плоскости (в Месопотамии — рельефы, цилиндрические печати, керамиче-

ские и каменные сосуды, в Египте — плоские каменные плитки, или палетки), разделенные, подобно письменным документам, на полосы-регистры, так что изображенные на них события «читались» в последовательности, принятой для письменных текстов.

К сожалению, древнейшие образцы письма других древневосточных цивилизаций, развивавшихся на ранней стадии обособленно (без «помех» извне), пока еще недостаточно исследованы с источниковедческой точки зрения (в том числе и надписи древнеиндийской цивилизации Мохенджо-Даро).

Нет пока твердого ответа на вопрос о связи между древнекитайским искусством второй половины II тысячелетия до н. э. и наиболее архаичными образцами китайской иероглифики — надписями на лопатках костей животных и на панцирях черепах, которые являются записями вопросов и ответов к Иньскому оракулу и относятся к периоду Шан (XIII—XI вв. до н. э.). Их известно сейчас более 100 тысяч, но большинство не издано и пока недоступно для изучения. Дальнейшие исследования должны установить, кроме того, отражают ли эти записи периода Шан звуковую сторону речи или же являются лишь мнемоническим письмом, передававшим не слова, а только понятия (идеографическая стадия развития письма). И наконец, нет полной уверенности, древнейшее ли это письмо в Китае: на бронзовых сосудах периода Шан есть знаки-рисунки, в которых, по мнению некоторых исследователей, в схематизированном виде зафиксирована еще более ранняя стадия развития древнекитайской иероглифики.

Таким образом, зависимость изобразительности от ранних рисуночных форм письменности действительно должна служить типобразующим признаком в тех случаях, когда такую зависимость удастся проследить, однако в других случаях действие этого признака может иметь и ослабленный характер, мешающий его распознаванию, т. е. он участвует в описании (и выделении) типа факультативно.

Выше (раздел 2) было показано, через какие стадии в разных цивилизациях прошло развитие древневосточного искусства. При этом выявилось огромное число вариантов этнолингвистических (они никогда не были непреодолимой преградой для древневосточного искусства), вариантов по состоянию контакта с другими цивилизациями, по степени развития культовой (религиозной)

идеологии, по формам организации власти и степени ее централизации и т. д.

Можно констатировать существование по крайней мере трех исходных вариантов древневосточной художественной культуры — египетского, месопотамского и малоазийского (хетто-ахейского), а на заключительной стадии и «имперской» модели (ассирийско-ахеменидской).

Со временем, несомненно, можно будет выделить и другие подтипы и переходные формы: многообразие путей развития древневосточного искусства наблюдается уже и сейчас, но ощутимые пробелы в том, что нам известно, еще препятствуют более подробному типологическому членению художественного наследия. Но и для выделения моделей, и для описания типа приходится использовать не один признак, а совокупность их. Кроме того, ряд признаков приходится учитывать не как типобразующие (вариантообразующие), а как ускоряющие или создающие условия для ускоренного развития художественной культуры.

К числу последних принадлежат, в частности, признаки «технологические», т. е. связанные с освоением тех или иных материалов и производственных навыков, существенных для развития искусства. Так, раннешумерское искусство (доаккадский период) вполне можно назвать искусством «глиняным». Глина, хотя и не была единственным материалом для изготовления памятников искусства, в это время оказывала — и исторически, и практически — огромное воздействие на пропорции фигур и на их моделировку, на способы украшения и т. д. Нижняя Месопотамия не имела своего дерева, камня и металла и никогда поэтому не могла развить навыки и приемы их обработки до такой виртуозности, какой — уже в эпоху неолита — достигали племена, постоянно имевшие дело с камнем или деревом. Художники I династии Ура, например, даже обращаясь к камню, кости или дереву, переносили в этот материал изобразительность, выработавшуюся для глины. В аккадский период, когда происходит объединение месопотамских городов-государств под властью семитских племен, живших в богатых камнем предгорьях (северная часть Двуречья), общемесопотамским достоянием становится их мастерство в «преодолении» твердости материала. Условия для дальнейшего развития изобразительности реализовались в памятниках раннеаккадского периода (статуя Гудеа и

др.): вместе с техническим нововведением меняется и пластика произведений, «исправляются» пропорции фигур, появляется соразмерность композиции и материала и т. п. Но именно на этой ступеньке дальнейшее совершенствование как бы приостанавливается: лишь переход к бронзе (в сочетании с целым комплексом других факторов) снова создает технически благоприятные условия для дальнейшего развития изобразительности, приводящие в малоазийской модели к расцвету в хурритской глиптике «сиро-митаннийского изысканного стиля», а в египетской модели — к переломному этапу в развитии египетского рельефа, давшему шедевры пластики конца XVI—XV вв. до н. э. (храм Хатшепсут в Дейр аль-Бахри). Следующий принципиально новый скачок в развитии ваяния происходит только с широким освоением стали в VIII в. до н. э. (рельефы ассирийских царей).

Однако воздействие технологических новшеств на развитие художественной культуры в целом, имеет, как правило, ограниченный характер. И даже «летающий галоп», фасовые изображения животных и людей, правильные — без разворота плечей в фас — профильные изображения (только для второстепенных фигур), которые можно встретить в лучших образцах египетского рельефа в период наивысшего расцвета искусства Нового царства, — это достижения, лишь перенесенные в каменную пластику из живописи, где они возникли и развивались как художественный прием до этого.

Художественная культура древнего Востока в значительно большей степени, чем все последующие типы искусства, зависела от состояния контактов с соседними народами, но и от этого признака (как и от «технологического») могло зависеть (в разных вариантах типа) более быстрое или более медленное развитие. Прежде всего при этом играют роль контакты между цивилизациями, описываемые (на уровне ниже типа) несколькими состояниями («обособленность», «соприкосновение» в военных столкновениях, торговле и в культурном обмене, «частичное наложение» зон двух и более цивилизаций, «слияние» двух и более зон в единую «надцивилизацию»), но самостоятельное типоразличительное значение (если не принимать во внимание страны Нового Света) имеет только состояние «обособленности»: через эту стадию прошли и египетская, и месопотамская модели древневосточной художественной культуры.

Полный перечень типологических признаков худо-

жественной культуры древневосточного типа и его вариантов слишком обширен, чтобы приводить его целиком. Для целенаправленного отбора наиболее характерных признаков, видимо, следует руководствоваться, во-первых, тем, что отличие древневосточного типа искусства от других типов (и в первую очередь от типов первобытного искусства) должно описываться не одним признаком, а совокупностью нескольких признаков, а во-вторых, тем, что состояние художественной культуры задается состоянием общества. Последний тезис, общепризнанный и самоочевидный априорно, нуждается в конкретизации — в формулировании того, что именно в состоянии общества, его идеологии и организации определяет развитие искусства и каков реально механизм, управляющий этим развитием.

Относя древневосточный тип художественной культуры к числу типов с «консервативной» установкой, нельзя, однако, не учитывать, что в его рамках на протяжении нескольких тысячелетий осуществлялась художественная деятельность древнейших цивилизаций человечества, происходило поступательное развитие художественного мышления и именно древневосточный тип привел — на определенной стадии развития и в определенных условиях — к появлению античного типа, т. е. (вопреки «консервативной установке») древневосточное искусство — важный и неизбежный этап в развитии художественного творчества человечества (через него не прошли только те народы, которые вступили на путь цивилизации уже в условиях сосуществования с более передовыми типами искусства — античным и феодальным), заложивший (как и первобытное искусство) значительную часть фундамента, на котором возвышается здание современной мировой художественной культуры.

Целый ряд признаков, отличающих древневосточный тип художественной культуры от типов первобытного искусства, неразрывно связан с древневосточным обществом и описывает именно его состояние — возникновение и развитие деления на классы; возникновение и сложение государства как силы, выделившейся из общества (поставившей себя над ним) и регулирующей его жизнь, его устройство и его развитие; переход в идеологии от мифологической формы к сознанию религиозному; невыделенность (слитное существование) сознания религиозного и сознания социального и политического; отделение ремесел (и в том числе художественных) от земледелия

(второе общественное разделение труда) при различных степенях неотделенности художественной деятельности от деятельности производственной и религиозно-магической (древнеегипетские «рисовальщики», «живописцы», «ваятели» и «зодчие», несмотря на сложную иерархическую систему званий, отражавших их ранг и специализацию, могли одновременно занимать жреческие и/или чиновничьи должности — иногда очень высокие). Важное, но не определяющее значение имеют и состояние производительных сил общества (уровень его технической оснащенности в сфере, непосредственно связанной с художественной деятельностью), и взаимодействие с другими народами (цивилизациями). Всеми этими признаками описывается отличие древневосточного типа художественной культуры от искусства первобытного.

Варианты древневосточного типа, которые выделены выше, в большей или в меньшей степени обладают этими общими признаками типа, хотя и могут при этом различаться по тому или иному признаку (или по нескольким), иногда весьма значительно. Так, состояние идеологии древнеегипетского общества додинастической эпохи, когда Египет вступает на путь цивилизации (состояние, частично закрепленное в египетской религиозной системе и сохранявшееся — с некоторыми модификациями — на протяжении последующих трех тысячелетий), стадияльно соответствует в месопотамской модели идеологии периода I династии Ура (или даже несколько более ранней стадии, поскольку в Двуречье пережитки тотемических представлений ощущаются слабее) состоянию, не закрепившемуся в последующем развитии месопотамской модели с таким определяющим все стороны жизни значением, какое имел для египетской модели заупокойный культ.

Из признаков, существенно различающих варианты в пределах древневосточного типа, следует выделить, во-первых, несходство основной базы хозяйства (и египетская модель, и месопотамская опираются на земледелие с применением развитой системы ирригации; для малоазийской модели определяющим является сочетание земледелия с другими формами хозяйственной деятельности; для ассирийско-ахеменидской модели — сочетание различных форм хозяйственной деятельности с насильственным ограблением зависимых народов); во-вторых, различную степень централизации власти в каждой из этих моделей: в месопотамском и, видимо, в малоазий-

ском вариантах она чаще разделена — в разных пропорциях — между царем, жречеством и городом; в египетском, как правило, сконцентрирована в руках царя, отождествленного с верховным божеством, но могла ослабляться возвышением жречества или номовой знати; в ассирийско-ахеменидском варианте «царь царей» обладает всей полнотой власти над сведенными в одну империю царствами и их царями.

Если основной способ хозяйственной деятельности лишь косвенно влияет на формирование художественной культуры, то степень централизации власти — признак, непосредственно связанный с воздействием общества (точнее — правящего класса, т. е. сословий и групп, из которых он состоит) на развитие искусства. Именно власть в обществе (государственная, жреческая, сословная, сепаратистская и т. п.) — это силы, возникающие для сохранения данного общества (данного состояния общества) и обеспечивающие его неизменность всеми доступными им средствами, — силы, которыми приводится в действие механизм контроля общества над художественной культурой (передаваемая от мастера к ученику традиция художественных ремесел; религиозные, сословные, государственные и прочие установления, ограничивающие отбор тем и определяющие их воплощение; различные формы прямого воздействия со стороны этих сил на мастера и т. п.).

Используя этот признак в типологическом анализе, важно учитывать, что речь идет не о силе или слабости только царской, только жреческой или какой-то иной власти, а об их взаимном соотношении в обществе. Если представить каждую из этих сил в качестве вектора, то степень концентрации власти будет описываться шкалой, на одном полюсе которой все силы в обществе сложились в один вектор, направленный на сохранение общества («идеальная деспотия»), а на другом — все силы разлагаются на векторы равной величины, но с разными направлениями (т. е. взаимопогашаются), и не способны обеспечить неизменность общества («идеальная демократия»). Изменением соотношения сил в правящем классе, расположением между полюсами этой шкалы векторов, имеющих одинаковое направление (их суммой), и определяется степень консервативности общества, его устойчивости (а в кризисных ситуациях — и переход власти от одного класса к другому).

Применительно к художественной культуре и ее раз-

витию эта закономерность целиком сохраняет свое значение, если учитывать, что вслед за изменениями суммы векторов в обществе происходит и максимальное приспособление художественной культуры к новому соотношению сил (период деструктивно-креативной «вспышки»), после чего следует период относительного покоя (т. е. подавления деструктивно-креативного начала началом консервативным), продолжительность которого зависит непосредственно от длительности сохранения и единонаправленности преобладающей суммы сил. Было бы ошибкой и упрощением считать, что разные степени «деспотии» всегда противостоят творчеству, творческому началу, а разные степени «демократии» (т. е. вторая половина «шкалы») всегда оппозижны консерватизму.

Если рассматривать древневосточное искусство под этим углом зрения, то ассирийско-ахеменидскую модель можно считать самостоятельным типом искусства в рамках рабовладельческой формации (как и искусство древнеримское), а различия между месопотамской и малоазийской моделями древневосточного искусства и античным искусством, обычно выделяемым в самостоятельный тип, можно признать равноценными по типобразующему значению признака (т. е. располагающимися на разных участках «шкалы», отражающей концентрацию власти). Принципиально существенными для их различения окажутся условия, при которых данное общество вступает на путь цивилизации (степень развития самого данного общества, с одной стороны, и внешние по отношению к нему условия — степень развития цивилизации или цивилизаций, окружающих данное общество и поглощающих его). Точно так же как древневосточные города-государства, пройдя в своем стремлении к сепаратизму, к независимости от царской власти сложный путь развития, привели — при идеальном стечении обстоятельств — к появлению античного полиса, так и древневосточное искусство, со всеми его небыстрыми открытиями-скачками и творческими победами (и в области технического мастерства, и в развитии языка изобразительности), стало необходимой составной частью античного «чуда».

У истоков древнеиранского искусства

Уже более 100 лет в научной литературе обсуждается вопрос о времени и путях проникновения на Иранское плато иранских народов, прежде всего мидийцев и персов.

Несмотря на то что упоминания этих народов встречаются лишь в ассирийских текстах IX в. до н. э. (впервые — в надписи ассирийского царя Салманасара III, ок. 843 г. до н. э.), иранские названия некоторых местностей и имен правителей ученые находят в более ранних клинописных текстах.

Согласно одной из наиболее аргументированных теорий [Грантовский, 1970], расселение иранских племен на современной территории Ирана относится по крайней мере к XI в. до н. э., причем путь их миграции (во всяком случае, путь миграции значительной части этих племен) шел через Кавказ. Существует и другая точка зрения, выводящая иранские племена с территории Средней Азии, с последующим их продвижением (к IX в. до н. э.) к западным границам Иранского плато [Дьяконов, 1956]. В любом случае это было постепенное проникновение нового этноса в чрезвычайно пеструю языковую среду — в области, где наряду с землями, подчинившимися великим державам древности Ассирии и Эламу, существовали десятки княжеств, мелких городов-государств¹.

Иранские племена — скотоводы и земледельцы, — первоначально селясь на землях, принадлежавших Ассирии, Эламу, Манне, Урарту, попадали в зависимость от владык этих государств.

Эти вопросы — и о путях проникновения иранцев на плато, и о методах их внедрения в пестрое автохтонное население Ирана в XII—XI вв. до н. э. [Гиришман, 1963; Дандамаев — Луконин, 1980], казалось бы, имеют кос-

венное отношение к истории культуры и искусства Ирана. Однако именно они вызвали целенаправленную и очень широкую по охвату территории программу археологических исследований доиранского и протоиранского периода, или, если использовать археологическую терминологию, периода железного века в Иране. В результате интенсивных работ археологов многих стран, ведущихся в Иране с начала 50-х гг. и до самого последнего времени, большинство ученых пришло к выводу, что в западных областях Ирана (в Загре) в период «Железный Век I» (ок. 1300—1000 гг. до н. э.) появляются новые племена, оказавшие определяющее влияние на облик материальной культуры этого региона. Как полагают некоторые археологи, вторжение «совершенно ясно и драматично». Резко меняются формы и орнаментация керамики: вместо расписных появляются сероглиняные или красные сосуды новых форм (так называемые чайники, бокалы на высокой ножке, «триподы» и т. д.). Отмечена смена погребальных обрядов: возникают обширные кладбища за пределами городских стен, совершаются погребения в так называемых каменных ящиках, или цистах [Янг, 1965, с. 53—87; Дайсон, 1973, с. 686—715]. В дальнейшем, в эпоху «Железный Век II» (1000—800 гг. до н. э.) и «Железный Век III» (800—550 гг. до н. э.), происходят постепенные изменения в рамках этой единой, в существенной своей части привнесенной извне культуры. Ее распространение в Загре вначале пространственно ограничено и, кажется, в принципе может быть согласовано с расселением иранских племен, известным по письменным памятникам. Позднее (в эпоху «Железный Век III») она распространяется на широкой территории, фактически охватывая весь Западный Иран, что в принципе может быть связано с образованием и экспансией государств Мидии и Персии.

Однако детальное исследование всех изданных до сих пор материалов как будто нарушает эту стройную картину.

Во-первых, не существует строгих доказательств бесспорности связи новых форм керамических изделий, их новой орнаментации и т. д. обязательно и исключительно с этническими, а не иными (изменение техники, мода, культурные влияния и т. д.) переменами.

Во-вторых, и в обрядах захоронения (считающихся фактором, более привязанным к определенному этносу) картина по всему Ирану получается смазанной; обряд

захоронения неустойчив, варьирует в весьма широких пределах.

Наконец, более точное рассмотрение фактов «археологической революции Железного Века» приводит к выводу о том, что начало этого периода совсем не демонстрирует ни всеобщего единства культуры, ни внезапных перемен.

С процессом, фиксируемым письменными источниками, в значительно большей степени согласовывалось бы постепенное накопление новых черт материнской культуры, занявшее не одно столетие².

Казалось бы, споры об археологических моделях ранней истории Ирана, о переменах в керамике и обрядах тоже лишь косвенно связаны с историей культуры и искусства Ирана. Но ведь именно благодаря археологическим работам в 50—70-х гг. была открыта неожиданная и чрезвычайно яркая страница древнейшей иранской культуры — великолепные памятники искусства, прежде всего торевтики, до тех пор совершенно неизвестной. Археологи более или менее уверенно датируют эти памятники, но ведь именно от решения вопроса, кому эти памятники принадлежали — местному населению или иранцам — и что они изображают — местные древневосточные композиции или новые, иранские, зависят и поиски истоков иранской культуры.

Летом 1958 г., расчищая от остатков рухнувших перекрытий одно из помещений в крепости Хасанлу (район оз. Урмия), археолог Р. Дайсон наткнулся на руку человека, кости пальцев которой были покрыты зеленой окисью от пластин боевой бронзовой перчатки. «Когда я начал расчищать кости, — пишет Р. Дайсон, — блеснуло золото. Вначале я подумал, что это золотой браслет, но золото шло все глубже и глубже, пока наконец не появился тяжелый золотой сосуд. Тщательная расчистка еще двух скелетов, найденных рядом... показала: сосуд выносил из горящего здания один из этих трех людей; все они в момент пожара находились на втором этаже. Рухнули перекрытия, и первый из них упал лицом вниз на вытянутые вперед руки; его железный меч с обложенной золотым листом рукоятью при этом ранил его в грудь. Вторым — тот, кто нес сосуд, — упал на правый бок, его правая рука в перчатке из бронзовых пластин оказалась прижатой к стене, сосуд упал рядом с ним, а голову ему проломил его тяжелый бронзовый шлем. Когда человек с сосудом падал, третий воин находился слева от него.

Этот воин тоже упал вниз, споткнувшись о ногу второго воина, а сверху свалились остатки крыши и стен» [Дайсон, 1959].

Крепость Хасанлу — ставка одного из местных царей — пережила осаду и сокрушительный разгром, по-видимому, в конце IX или самом начале VIII в. до н. э. Золотой сосуд, который воины из охраны дворца или храма пытались спасти, был сакральным предметом. На нем (его размеры 20,6×28 см, вес — 950 г) вверху изображены три божества на колесницах, в двух колесницах запряжены мулы, в одной — бык. Перед быком стоит жрец с сосудом в руке. Представлены, вероятно, божество грозы, дождя или неба (из пасти быка льется вода), божество данной страны в короне с рогами и солнечное божество (с солнечным диском и крыльями).

На сосуде больше двадцати различных персонажей — богов, героев, зверей и чудовищ, сцены заклания овец, борьбы героя с человекодраконом, ритуального убийства ребенка, полета девушки на орле. Все это, конечно, иллюстрации к каким-то мифам. Однако к каким?

Скорее всего это иллюстрации к местным хурритским мифам (сохранились в хеттской передаче: «Божественное царство», «Песни Улликуммы»), где главным героем выступает сын хурритского божества Ану, драконоборец Куммарби. Иконографические и композиционные параллели для сцен на сосуде известны и в хеттских рельефах Малатьи и Арслантепе, и на староассирийских и вавилонских печатях [Порада, 1965, с. 96—100; Меллинк, 1966, с. 71—87]. Именно сосуд из Хасанлу открывает серию произведений торевтики, техника и стиль которых свидетельствуют о новой местной школе, о крупном художественном центре, образовавшемся в Северо-Западном Иране в конце II или начале I тысячелетия до н. э.

Более десятка золотых сосудов, выполненных в сходной технике и близких по стилю, были обнаружены иранскими археологами в 1962 г. во время раскопок могильника Марлик (в Гиляне, в 14 км к востоку от сел. Рудбар).

В Иране уже издавна ведутся нелегальные раскопки — крестьяне раскапывают древние памятники, и в антиквариате появляются иногда замечательные произведения искусства, к сожалению, полностью лишенные научной документации. Так случилось и на этот раз: золотые и серебряные кубки, найденные «где-то в Гиляне, около г. Амлаш» (центр района, где расположен Марлик), по-

явились и в антикварных лавках, и в частных коллекциях уже в середине 50-х гг. Вместе с ними продавались великолепные керамические зооморфные сосуды — скульптуры, изображавшие или зебувидных быков, или антилоп. Археологический департамент Ирана направил в этот район научную экспедицию. Она и открыла на холме Марлик 53 могилы (каменные могилы четырех различных видов). Там были найдены золотые кубки (некоторые очень большие — высотой до 20 см, весом более 300 г; один из них воспроизводился даже на современных иранских денежных знаках), серебряные и бронзовые сосуды, бронзовое оружие, детали конской сбруи, керамика, в том числе множество зооморфных сосудов — зебувидных быков, украшения и т. д. Но, к сожалению, до сих пор изданы только предварительные отчеты об этих находках и большое количество популярных работ.

Среди марликих находок — пусть и не очень определенные по дате³, но замечательные произведения торевтики. Технически и по ряду стилистических деталей они относятся, несомненно, к той же школе, что и сосуды из Хасанлу, по между этими памятниками, по-видимому, значительная временная разница. На сосудах из Марлика вообще нет сюжетных изображений. Здесь представлены по преимуществу птицы и звери, реальные и фантастические. В отличие от сосуда из Хасанлу здесь изображения четко делятся на регистры.

Рассмотрим один из этих сосудов — большой золотой кубок (высота 20 см, вес 229 г) с «историей козы»⁴. Руководитель раскопок в Марлике Е. Негахбан так описывает изображения на нем: «В нижнем ряду (А) маленькая козочка сосет молоко матери. Во втором ряду (В) — молодая коза, у которой только что отросли рога, обгладывает листья «древа жизни». В третьем ряду (С) изображен дикий кабан (вероятно, тот, что задрал козу). В четвертом ряду (D) простерто тело козы уже старой, о чем свидетельствуют ее длинные загнутые рога; ее внутренности клюют две громадные хищные птицы. В пятом ряду (Е) небольшое по размерам существо, эмбрион или, может быть, обезьяна, изображено сидящим перед небольшим предметом. Если это эмбрион — он должен обозначать новое рождение; если же обезьяна — то, вероятно, она рассказывает всю эту историю. Для древних иранских сказок характерно, что именно животное, чаще всего — обезьяна, рассказывает их» [Негахбан, 1964 с. 54—55 (англ. текст), с. 57 (перс. текст)].

К этому описанию добавим следующее: в регистре А («коза-мать») вообще не коза, а лань. Композиция (лань и сосущий ее детеныш) почти точно скопирована с плакеток из слоновой кости «провинциально-ассирийского» стиля, датирующихся VIII в. до н. э. Точно такая композиция есть на плакетках знаменитого клада из Зивие [Вилкинсон, 1975, с. 29—30, рис. 10, а, б].

Регистр В — обычный козел, композиция типично ассирийская, известная по многочисленным памятникам, прежде всего по цилиндрическим печатям, она имеет определенное символическое значение в местном (ассирийском) религиозном контексте. Регистр D представляет, наконец, горную козу, но композиция (птицы, клюющие козу) известна в касситской глиптике (XVI—XIII вв. до н. э.), на эламских цилиндрах, на каменных хеттских рельефах. Данный мотив связан в контексте этих культур с символикой выигранного сражения, «удачи во время боя» [Порада, 1972, с. 163—182].

Нет прямых иконографических соответствий лишь для кабанов (регистр С) и для странного «эмбриона», хотя он и изображен перед типично ассирийским «древом жизни». Только здесь и сказалось творчество мастера кубка.

Итак, перед нами четыре разнородные цитаты, входящие в символику различных религий (Ассирии, Элама, касситов и хеттов), но вырванные из первоначальных контекстов и объединенные на одном сосуде местным мастером в простой, бесхитростный рассказ о жизни и смерти, начисто лишенный той сложной символики и смысла, который имели в своих языках отдельные фразы, из которых он составлен. Кто этот мастер? Иранец, мидиец? Во всяком случае, он не ассириец, не хуррит, не эламитянин — он не понимает их изобразительного языка. Он составляет свой рассказ, используя не памятники высокого «придворного искусства» (рельефы и др.), а резную кость, печати, может быть, изображения на других сосудах. Но существенное различие между тем, что изображено на сосуде из Хасанлу и на этом кубке, вот в чем: на сосуде из Хасанлу все картинки объединяются в один сюжет, который мы можем непротиворечиво истолковать, исходя из одной религиозной или эпической традиции (хурритские мифы). На кубке из Марлика, напротив, рассказывается новая история при помощи старых картинок, но очень разных. Используя аналогию с языком, можно сказать, что мастер марликовского кубка

применяет иноязычные идеограммы, для того чтобы составить свой связный текст. Может быть, здесь мы впервые встретились с примером формирования иранского искусства в целом. Ниже об этом будет сказано подробнее, но уже сейчас, на этом примере, можно предположить, что иранское искусство создается из разнородных цитат, вырванных из контекста, из элементов религиозных изображений различных древневосточных цивилизаций, перетолкованных, приспособленных местными мастерами для иллюстрации своих мифов или (позднее?) изображения своих божеств. Такая модель предполагает возможность иранской интерпретации для памятников, даже целиком состоящих еще из иноязычных идеограмм, но лишь для тех из них, где эти идеограммы — из разных художественных языков. Сосуд из Хасанлу как раз является один из примеров, где нет необходимости искать иранскую интерпретацию для изображений хурритских мифов. Кубок из Марлика — пример разноязычных (и разновременных по прототипу!) цитат, где поиски иного, иранского содержания кажутся возможными.

В 1946 г. у высокого холма, в 40 км к востоку от г. Саккыз (сравнительно недалеко от Хасанлу), был случайно обнаружен громадный клад. Очень скоро история его находки превратилась в противоречивые легенды. Рассказывали, например, о двух пастухах, в поисках козленка случайно наткнувшихся на край бронзового сосуда. Пытаясь откопать его, они якобы увидели большой бронзовый саркофаг, набитый золотыми, серебряными, бронзовыми, железными и костяными предметами. Все это было поделено между крестьянами близлежащего селения Зивие, причем при дележе многие ценные предметы были разломаны на несколько частей, разбиты или растоптаны. Тогда же часть предметов оказалась в Тегеране, в руках нескольких антикваров. Один из них, выговорив себе предварительно долю от участия в научных раскопках, сообщил место находки А. Годару, тогдашнему генеральному инспектору Археологической службы Ирана. А. Годар в 1950 г. опубликовал часть изделий из золота, серебра и слоновой кости, дал описание обстоятельств находки клада (впрочем, весьма противоречивое), предложил дату для основной части материалов — IX в. до н. э. [Годар, 1950]. Он определял эти памятники как «искусство „звериного стиля“ Загра с элементами искусства Ассирии и прилегающих областей, искусства, которое впоследствии было воспринято ски-

фами и персами ахеменидского периода». А. Годар отмечал, что многие предметы того же стиля и ранее находили в этом районе, в частности на древнем городище, которое он отождествил с Изирту — столицей Манны.

С 1950 г. началась «мода на Зивие». Активная деятельность торговцев древностями привела к тому, что предметы изклада разошлись по частным коллекциям, а также попали в различные музеи США, Франции, Канады, Англии, Японии. До недавнего времени большая частьклада хранилась в Археологическом музее Тегерана. Один из первых его исследователей, Р. Гиршман, составил список находок. Он отнес к кладу 341 предмет, из них 43 — из золота, 71 — из серебра, 103 — из слоновой кости [Гиршман, 1979].

Такой многообразный составклада вызывал недоумение. Уже А. Годар указывал на то, что к кладу приписывали вещи, случайно найденные в соседних районах или даже вообще в Южном Азербайджане. В последние годы полемика еще более обострилась: некоторые ученые вообще отказались считать большинство предметов «списка Гиршмана» найденными действительно в Зивие, объявляя часть из них современными подделками. Нужно сказать, что сомнения оправданны — ведь археологическое обследование холма Зивие (археологи смогли побывать там лишь более чем через десять лет после находкиклада), в сущности, ничего не дало: весь холм был изрыт ямами кладонскателей. На холме некогда возвышалась небольшая крепость (найлены остатки стен), судя по керамике, возведенная в конце VIII — середине VII в. до н. э. Но клад ведь мог быть и не связан с крепостью. Как заметил один из исследователейклада, «к сожалению, все, что осталось в конюшне после того, как лошадь была украдена, говорит нам только о том, что некогда здесь все же была лошадь, а совсем не о том, как она выглядела» [Вилкинсон, 1975, с. 7]. Однако это ироническое замечание, по-моему, весьма важно. Ведь от того, была ли действительно в Зивие лошадь — по настоящая, а не метафорическая, — зависит ответ на вопрос, чем же был этот комплекс вещей — кладом или остатками богатого захоронения иранского или, может быть, скифского вождя с его конем, оружием, личными вещами — такого, как, например, скифский Келермесский курган. Р. Гиршман со всей определенностью считает весь холм Зивие могилой скифского вождя Мадия, сына Партатуи, «царя скифов», могущественного союз-

ника Ассирии (умер ок. 624 г. до н. э.) [Гиршман, 1979]⁵. Но как же тогда быть с остатками стен, обнаруженных археологами? Как уже говорилось, вместе с другими вещами из Зивие в Тегеранском музее и в музее Метрополитен хранятся обломки края и стенок большой бронзовой «ванны». Подобные изделия, бесспорно ассирийские (приблизительно второй половины VIII в. до н. э.), находили и в других местах. Иногда их использовали как ванны (например, в Зинджирли), иногда — как гроб (в Уре). Но в любом случае — было ли это захоронение или клад, спрятанный в большом бронзовом сосуде, — ясно, что все эти вещи были награблены из разных мест. Среди предметов из Зивие много костяных плакеток с различными изображениями. Часть из них, выполненные с великолепным мастерством, несомненно ассирийские, такие же, как обнаруженные в ассирийских дворцах Арслан Таша, Нимруда или Куюнджика. Другая группа создавалась под влиянием ассирийского искусства в провинциальном стиле середины — конца VIII в. до н. э., с некоторыми чертами искусства Финикии, Северной Сирии и, быть может, Урарту. Ассирийской следует считать и упоминавшуюся уже бронзовую «ванну». Часть ювелирных украшений не имеет ни точной даты, ни точной локализации — такие же серьги, ожерелья, браслеты характерны для многих территорий Передней Азии. Среди бронзовых изделий (детали мебели, колокольчики, бронзовые булавки, фигурки животных) есть бесспорно урартские вещи. Урартскими и ассирийскими (VIII—VII вв. до н. э.) являются и некоторые керамические сосуды, якобы найденные в том же кладе. Но наиболее интересны золотые и серебряные вещи клада. Часть из них (в особенности серебряные предметы) — также урартские. Большая часть золотых предметов относится к так называемому смешанному стилю, где несомненно урартские, несомненно ассирийские, по-видимому, малоазийские и почти наверняка сирийские черты стиля сочетаются с новыми (точнее, наиболее ярко представленными здесь), скажем осторожно, «местными» чертами стиля, техники и, главное, с новым набором образов.

Все это — предметы престижного искусства: богатое вооружение, инсигнии власти царя или вельможи (такие, как пектораль — нагрудное украшение, символ власти, диадема, золотой пояс и др.)⁶.

Почти на всех этих памятниках композиция строится по геральдическому принципу: по сторонам «древа жиз-

ни» развертываются симметричные сцены, составленные из образов фантастических существ. «Древо жизни» в Зивие (известно не менее чем в десяти вариантах) состоит из стандартных деталей — S-образных завитков в сложном переплетении. Наиболее близкие параллели — изображения «древа жизни» на урартских бронзовых поясах VIII—VII вв. Фантастических существ, изображенных по сторонам «древа жизни», на памятниках Зивие не так уж много — всего дюжина.

На золоте (как и на кости) есть просто ассирийские композиции: например, царь, поражающий мечом вздыбившегося льва. Но, кроме того, и на золотых предметах, и даже на фрагментах керамики представлены пять зооморфных образов: олень с поджатыми ногами и ветвистыми рогами, выполненный в типично скифском стиле, почти такой же, как, например, на знаменитых памятниках из скифских курганов — келермесском и мельгуновском мече или келермесской секире; пантера с лапами, свитыми в кольцо, почти совсем такая, как, например, знаменитая келермесская или как пантера на золотой обложке зеркала; голова грифа совершенно такая же, как знаменитая келермесская; горный баран с поджатыми ногами, трактовка тела и поза которого ничем не отличаются от келермесского оленя, и, наконец, заяц.

Среди памятников Зивие есть такие, на которых представлена только первая группа образов (фантастические звери: золотой нагрудник, золотая обложка колчана и др.) или только вторая (золотой пояс: олени и бараны; детали золотой диадемы: пантеры и головы грифов и др.), и, наконец, один памятник — золотая пектораль, знак власти царя или вельможи, — на котором сочетаются и та и другая группы.

Теперь следует подчеркнуть одну важную деталь: все без исключения изображения, как на золотых и серебряных вещах, так и на части резных вещей из кости, выполнены с применением одних и тех же стилистических приемов (например, на телах фантастических существ и на пантере изображены своеобразные «подкрылья»).

Итак, мастера Зивие, во-первых, создают престижные памятники, инсигнии власти царя или вельможи (парадное оружие, пектораль, диадема, пояс и т. д.). Во-вторых, они используют изобразительный язык Урарту, Ассирии, Элама, Сирии, Финикии и, наконец, «звериного стиля» скифов. В-третьих, они употребляют многие из технических приемов торевтики предыдущей стадии (Марлик и

связанные с ним памятники). В-четвертых, как и ранее, их изобразительный язык — это те же, вырванные из различных чужеродных контекстов цитаты, komponующиеся в некий новый текст.

Здесь важны три обстоятельства: то, что многие памятники Зивие созданы для царей или знати; то, что в них ярко выявляется новый для этой территории элемент — скифский «звериный стиль», и наконец, то, что большинство аналогий (и «древо жизни», и монстры) связывают эти памятники с искусством Урарту.

Но все эти параллели неизбежно ставят перед нами новые вопросы. Прежде всего, кем были заказчики драгоценностей из Зивие, какова дата всех этих памятников? Если они созданы раньше, чем скифские памятники Келермесса, или даже одновременны им, то каков их удельный вес в создании искусства скифского «звериного стиля» и всего того искусства Переднего Востока, о котором писалось выше? Как можно истолковать эти памятники? И наконец, что случилось с этими образами в дальнейшем?

Вначале следует хотя бы кратко ответить на вопрос о сложении искусства «звериного стиля».

Происхождение, первоначальное место обитания, пути миграции и этническая принадлежность кочевых племен, известных древним авторам под общим названием «скифы» или «саки», вызывают в науке не меньшие споры, чем прародина и миграция иранцев. Для истории культуры Ирана важно, однако, что боевые отряды кочевников впервые упоминаются в письменных источниках Ближнего Востока в VIII в. до н. э. (древнейшие из известных — донесения ассирийских шпионов из Урарту 720-х гг.) под разными названиями: «умман (племя) манда», «гуммару» (киммерийцы), «ашкузай, ишкузай» (скифы), «сака» (саки). В 70-х гг. VII в. эти племена уже активно участвуют во внешней политике Передней Азии и впоследствии даже создают недолго существовавшее «скифское царство» в Южном Азербайджане, где-то поблизости от Манны.

Не меньше споров вызывает и происхождение скифского «звериного стиля» в искусстве. Образы зверей в особой, скифской стилизации объединяют ряд археологических культур на громадной территории — от степей Монголии до Крыма. В последнее время в советской археологической литературе принято определение «скифо-сибирский звериный стиль». Полагают, что этот стиль

зарождается на востоке степей, возможно уже в конце IX в. до н. э., и затем мигрирует (разумеется, вместе с его носителями) на запад⁷. Две черты «скифской стилизации» характерны и для образов Зивие. Это, как правило, замкнутое построение фигуры животного (например, свернутое в кольцо), приводящее к деформации и упрощению форм, и построение изображения из нескольких резко выделенных, геометрически почти правильных поверхностей [Раевский, 1985].

Следовательно, очень важным является вопрос о датах. Он в настоящее время неразрешим. Не исключено, конечно, что именно племена скифов принесли с собою на Передний Восток мотив оленя с поджатыми ногами и ветвистыми рогами, мотив пантеры, стилизованное изображение головы грифа⁸. Однако сейчас нельзя указать ни на одну твердо датированную, происходящую из бесспорно скифского комплекса подобную вещь, которая была бы заведомо старше предметовклада из Зивие⁹.

Вместе с тем, не говоря уже о позе оленя или барана, распространенной весьма широко в искусстве Передней Азии еще в конце II тысячелетия до н. э., на территории Ирана найдены памятники с изображением тех же животных, хотя и в иной стилизации. Голова грифа венчает обухи луристанских топоров еще в X—IX вв. до н. э., олень с поджатыми ногами есть на луристанских «пса-лиях» конца VIII в. до н. э., пантера — на бронзовой булавке из Бабаджан-тепе также VIII в.

Но примем даже ту точку зрения, что Зивие синхронно Келермесским курганам¹⁰. Несмотря на обилие урартских и ассирийских образов, заказчиком этих вещей не мог быть ни ассирийский, ни урартский владыка, потому что в изобразительном ряду фантастических существ — громадная путаница, недопустимая для единых систем религиозных образов Ассирии и Урарту. Следовательно, нужно искать другого адресата, обязательно иранца. Только в этом случае «скифские звери» должны были присутствовать на его вещах, поскольку являлись тотемом или знаком его племени (например, по мнению В. И. Абаева, термин *saka* — название, под которым и известны на Переднем Востоке все скифские племена, обозначает «олень») [Абаев, 1965]. Напомним, что мастера, поместившие их на инсигниях власти, применили те же технико-стилистические приемы, что и для знакомых им древневосточных образов фантастических существ —

например, рога оленя изображены теми же S-образными завитками, что и ветви «дерева жизни».

Кандидат на роль заказчика этих вещей должен быть царем — поскольку изготовлены были царские инвестиционные знаки. Цари державы скифов, осевшие в области Сакасена в Закавказье и совершавшие отсюда набеги на Урарту и Ассирию, или владыки «скифского царства» (одним из них был упоминавшийся выше Мадий), возможно заимствовавшие обычаи восточных владык, или цари Мидии — первой иранской империи, созданной на этой территории в 670-х гг. до н. э., — вот наиболее вероятные заказчики «золота Зивие».

Два обстоятельства заставляют считать, что указанные памятники были созданы именно для мидийских владык. Во-первых, политическая ситуация в данном районе в конце VIII — начале VII в. до н. э. [Дандамаев — Луконин, 1980, с. 71—86]; во-вторых, дальнейшая история памятников такого стиля.

Как быстро теряют ранние скифские вещи тот пласт фантастических образов, который связан с искусством Переднего Востока! Уже в раннескифских памятниках из курганов Северного Причерноморья (VI—V вв. до н. э.) он исчезает вовсе: там скифское искусство приходит в соприкосновение с искусством Греции. Однако эти образы живут в искусстве Ирана эпохи Ахеменидов. Они встречаются на ахеменидских печатях, на серебряных и золотых сосудах (в особенности на ритонах), на изображениях ахеменидских мечей, даже в «большом» искусстве — на капителях колонн, на рельефах ¹¹.

Естественнее всего такая ситуация объясняется тем, что в скифской среде передневносточные образы никак не интерпретировались: на самых ранних скифских памятниках для их заказчиков они были просто экзотическими украшениями. Зато образы собственно скифских «тотемов», пусть и созданные первоначально передневносточными торевтами с использованием передневносточного стиля и даже моделей, получают в скифском искусстве дальнейшее развитие. В искусстве Ирана, наоборот, «скифские образы» быстро деградируют ¹², но получают дальнейшее развитие как раз передневносточные фантастические образы. И это свидетельствует о том, что их набор и в начале (в Зивие), и потом (при Ахеменидах) был не случайным и как-то интерпретировался.

Итак, часть памятников Зивие создана для иранских (скорее всего — мидийских) владык. Мастера-торевты

этих памятников, продолжатели «школы» торевтов Хасанлу и Марлика, создают произведения искусства того же «цитатного» стиля, что и мастера Марлика, «цитируя» на одном памятнике вырванные из контекстов различных религиозных изобразительных систем разных «злых духов» и «добрых гениев». Горизонт отбора таких цитат (повторяя аналогию с языком, можно сказать: количество используемых текстов) много шире, чем на стадии Марлика. Но сам отбор более строг: какой-то десяток образов, повторяющихся на всех памятниках. При отборе не придается особенно серьезного значения той символике, которую имели эти образы в собственных изобразительных системах. «Цитаты» иногда заменяются «пересказом своими словами». Наконец, в передневносточный, пусть и идеографический, «текст» вводятся в качестве «фонетических показателей» образы уже бесспорно иранские. Если бы такая система встретилась на памятниках письменности, мы заключили бы, что, несмотря на то что весь (или почти весь) текст составлен из чужих слов, он должен был, исходя из наличия фонетических показателей, читаться по-ирански. Вот какова ситуация в иранской письменности: «Еще в ахеменидское время стали вырабатываться стандартные соответствия между арамейскими словами и выражениями и соответствующими иранскими (канцелярия Ирана ахеменидского времени велась на арамейском, семитском языке. — В. Л.). Высшим же чиновникам (арамейский) текст прочитывался по-ирански. Постепенно... у писцов вошло в привычку читать весь текст на родном (иранском) языке даже и для самих себя. Арамейские написания превратились в своего рода условные знаки для иранских слов — идеограммы, или, точнее, гетерограммы. Само употребление гетерограмм было подчинено определенным правилам: так, например, из многочисленных арамейских глагольных форм были произвольно отобраны каждый раз одна-две, служившие на все случаи... К избранной раз навсегда арамейской форме часто присоединялось окончание иранского глагола — фонетический комплемент, для того чтобы отличать, какая действительная иранская глагольная форма скрыта под гетерограммой» [Дьяконов, 1961, с. 193—194].

Иранцы, пришедшие на плато, не имели своей собственной письменности. Они воспользовались переднеазиатской клинописью для того, чтобы создать официальные манифесты ахеменидских царей, и арамейской письмен-

ностью и языком для того, чтобы вести свои хозяйственные и иные дела. Но эти иранцы не имели и собственной изобразительности. И потому аналогичный процесс прослеживается и в искусстве — «цитаты» и строгий отбор можно объяснить тем, что созданные в результате памятники также интерпретировались по-ирански.

Только в поздних зороастрийских сочинениях мы встречаем слабые намеки на антропоморфную изобразительность. Пожалуй, лишь одна иранская богиня — богиня Анахита — в весьма поздних текстах описывается антропоморфно. Все остальные божества древнеиранской религии представлены абстрактно и имеют лишь свои «ипостаси», перевоплощения (главным образом в определенных зверей и птиц). В «Ясне семи глав», одной из старейших частей Авесты, древнеиранской религиозной книги, упоминается почитание мифических существ, таких, например, как священный трехпогий орел Хара, и некоторых других, но божества древних иранцев не имели зрительного образа.

Это обстоятельство, всего вероятнее, и явилось причиной того, что, когда возникла необходимость изобразить иранских богов, пришлось искать подходящую для них иконографию в чуждых и по религии, и, разумеется, по этнической принадлежности (но в то же время широко известных и почитаемых) образах искусства древнего Востока, которые были перетолкованы по-своему.

Для мидийских царей было вполне естественным использовать в качестве основы богатейшую изобразительность Ассирии, Урарту, Элама и в особенности искусство того историко-культурного региона, где создавалась их держава, но при этом отбор должен был быть и целенаправленным, и сравнительно узким.

В Марлике и Зивие на основе чужих изобразительных языков создавался собственный иранский изобразительный язык, практически собственное иранское искусство, которое уже на стадии Зивие вполне можно назвать мидийским.

В надписи ахеменидского царя Дария I о строительстве его дворца в Сузах (строки 49—50), отстоящей от времени создания комплекса Зивие более чем на столетие, говорится: «Золотых дел мастера, которые выполняли работы по золоту, были мидийцы и египтяне». При перечислении иных мастеров — специалистов в работе по камню, глазурованным изразцам, скульпторов и строителей (ионийцев, лидийцев, вавилонян, египтян) —

Дарий был точен, и это можно доказать с помощью археологии. Всего вероятнее, что он был столь же точен, говоря о мидийцах — признанных мастерах-торевтах.

Уже упоминались связи описываемых памятников с искусством Луристана.

Интерес к культуре этой области Ирана возник в конце 20-х гг. Рассказывают, что в 1928 г. в небольшом городке Харсин один из кочевников-луров предложил местному торговцу за несколько лепешек старинный бронзовый предмет — «идол» с телом человека, оплетенным фантастическими зверями. «Идола» этого лур нашел в древней могиле.

Может быть, эта история и недостоверна, но зато хорошо известно: появление подобных предметов в антикварных лавках Тегерана, а затем Лондона, Нью-Йорка и Парижа вызвало такой интерес к ним, что вскоре тысячи «луристанских бронз» разошлись по частным коллекциям и по музеям, а приехавшим в Луристан ученым-археологам не осталось почти ничего, кроме изрытых ямами, полностью разграбленных древних могильников. Потребовалось немало времени и усилий, чтобы планомерные широкие научные раскопки открыли наконец древнюю цивилизацию Луристана.

Сейчас в числе громадной коллекции этого древнего центра выделены так называемые типичные луристанские бронзы, для которых, по сравнению со всеми остальными, характерны оригинальные формы и иконография.

Это бронзовые ритуальные топоры, часто украшенные литыми фигурами людей или животных (на некоторых из них — надписи с именами эламских царей XII—XI вв. до н. э.), бронзовые кинжалы (также иногда с надписями, например вавилонского царя Мардук-надин-аххе, 1100—1083 гг.), бронзовые ручки для точильных камней, заканчивающиеся протомами козла с величественными рогами или птицами (похожие были изображены на ассирийской стеле IX в. до н. э.).

Несколько более поздним временем (VIII—VII вв. до н. э.) датируются бронзовые псалии (детали конской упряжи), выполненные вполне в ассирийском духе (подобные воспроизведенным, например, на рельефе ассирийского царя Синаххериба) или изображающие эламских и местных, луристанских божеств, или, наконец, псалии, представляющие образы зверей — муфлонов, лошадей, «единорогов» (отмеченных в торевтике Марлика), оленей, даже лосей.

Изображения каких-то местных божеств, фантастических существ, «демонов», антропоморфных фигур в сочетании со сложными зооморфными образами не только на псалиях, но и на тяжелых бронзовых булавах, на «навершиях штандартов», на вооружении и т. д. не имеют иконографических параллелей за пределами самого Луристана. Наиболее характерны навершия штандартов (их и называли «идолами») в виде гибридного образа — антропоморфного божества в переплетении с фантастическими хищниками, зверями и птицами и богини-женщины с вырастающими из ее плеч головами птиц. Не менее типичны большие дисковидные или ажурные навершия булавок, украшенные растительными орнаментами или представляющие женское божество в окружении зверей, птиц, рыб, растений; иногда это пластины с полиморфным божеством, сочетающим в себе женское и мужское начала или черты юноши и старца.

Видимо, этот пласт образов не удастся понять еще долго — ведь до сих пор в Луристане не раскопан полностью ни один местный храм, где бы содержались такие вещи (исключение — лишь храм в Сурх-и Думб, подвергшийся разведывательным раскопкам в 30-х гг.; материалы этих раскопок до сих пор не изданы). Но те вещи, которые выполнены в ассирийском или эламском духе, представляют, видимо, «работу по заказу». Мастера Луристана, которые, как это показывают раскопки, имели тысячелетние традиции и громадный навык в области металлургии, изготавливали оружие и детали конской сбруи для разных заказчиков, в числе которых были цари, царьки и вожди различных по этносу племен.

Вот эти мастера и изготовили псалии в виде оленя с поджатыми ногами, горного козла, лося; они же делали бронзовые колчаны, на которых мы видим те же образы «цитатного» искусства эпохи Марлика. Но только в этом случае не создавалось никакого единого изобразительного языка из таких образов, просто эти вещи делались во вкусе заказчика. Свое собственное — и очень сложное — искусство жило здесь рядом с иноземными вещами. Но важно, пожалуй, то, что их можно датировать много точнее, чем, положим, памятники Марлика и Зивие¹³. И вот оказывается, что изображенные на них «иранские звери» имеют дату VIII в. до н. э., т. е. заведомо более раннюю, чем любая из до сих пор обнаруженных вещей, выполненных в скифском «зверином стиле».

В Луристане нет «престижных» памятников с иран-

скими индикациями. Это и понятно — ведь в IX—VIII вв. до н. э. иранские племена, в то время уже осевшие на территориях, близких к Луристану, еще не образовали каких-то сильных и стабильных государственных объединений.

* * *

Приступая к анализу художественных форм, созданных в Ахеменидской империи — мировой империи древности, не избежать описания хотя бы одного архитектурного комплекса — Персеполя.

Персеполь (древнеиранск. Парса) расположен в 50 км от Шираза, на юге Ирана. Его строительство началось около 520 г. до н. э. и продолжалось приблизительно до 450 г. Город был возведен на высокой искусственной платформе, куда вела парадная лестница в 111 ступеней, сооруженная из известняковых блоков.

На платформе — единый архитектурный ансамбль из дворцов двух типов: *тачара* (жилой дворец) и *ападана* (парадный зал). Наиболее известна *ападана* Дария — Ксеркса — квадратный парадный зал, потолок в котором поддерживали 72 каменные колонны. *Ападана* была приподнята над террасой на высоту 4 м, и к ней вели парадные лестницы, украшенные рельефами. Слева, в трех регистрах представлены абсолютно одинаковые, сделанные как бы по трафарету, солдаты эламских полков — с копьями, луками и колчанами, персидской гвардии — с копьями и щитами, мидийцев — с мечами, луками и копьями. Там же изображены воины, которые несут царский трон, ведут царских коней и царские колесницы. Справа на рельефах показано «шествие народов», включенных в империю Ахеменидов. Главу каждой группы ведет вельможа в парадном персидском платье, с высокой тиарой, возможно, сатрап — глава провинции назначавшийся из персов знатных родов. «Народы» эти изображены приблизительно в том же порядке, в котором в официальных надписях ахеменидских царей перечисляются царства, входившие в империю. Здесь мидийцы со своими знаменитыми «нисийскими» конями, несущие золотые вазы, кубки и гривны, эламитяне с прирученными львицами и золотыми кинжалами, негры с окапи, вавилоняне с быками, армяне с конями, вазами и ритами, арабы с верблюдами и другие народы.

Лестница, ведущая в другой дворец, так называемый

трипилон, украшена по внешней стороне торжественным шествием царской гвардии, а по внутренней — шествием слуг, несущих баранов, сосуды, бурдюки с вином. У восточной двери *анаданы* Дария—Ксеркса изображен восседающий на троне царь царей Ахеменидской державы Дарий I, а за ним стоит наследник престола Ксеркс. Руки обоих подняты и протянуты в жесте поклонения символу царского божества — Хварене. У северного входа в тронный зал показан царь царей, борющийся с чудовищем, у которого голова, туловище и передние лапы льва, шея, крылья и задние ноги птицы, хвост скорпиона, — с почти таким же чудовищем, как на некоторых памятниках Зивие.

Рельефы Персеполя — медленное, назойливое, ритмичное, торжественное и пышное шествие сотен солдат, вельмож, чиновников, жрецов, сотен представителей подвластных народов, изредка, в определенных местах, прерываемое изображением самого царя царей на троне, который поддерживают те же представители покоренных народов, или борьбы царя царей с чудовищем, или, наконец, сценой нападения льва на быка — древневосточным религиозным символом. Понятие «последовательность» выражено здесь не отдельными фигурами и сценами, но их комплексами («комплекс *анаданы*», «комплекс трипилон» и т. д.). Внимательное и медленное рассмотрение их вызывает у зрителя впечатление, что армии царя несть числа, что царю подвластен весь мир, что сам он подобен богу и борется с чудовищами зла, как борется с ними сам бог света и добра. Канон изображения выработан необычайно тщательно, следование ему видно в таких деталях, как вооружение, платье, головные уборы, виртуозное воспроизведение драгоценных сосудов, украшений, деталей конской сбруи. Немногие дошедшие до нас образцы прикладного искусства эпохи Ахеменидов отображены на рельефах Персеполя с предельной точностью. Здесь можно ограничиться одним примером: на одежде Дария на рельефе западного косяка дверей *анаданы* гравировкой изображена кайма ткани с процессией львов. Точно такая же кайма, вытканная из шерсти, с точно такими же (до мельчайших деталей!) фигурами львов была найдена в одном из Пазырыкских курганов на Алтае.

Представленные в Персеполе «портреты» в высокой степени типизированы. Их различия выражены именно через детали убранства, короны, оружие или браслеты.

место в композиций, резко выделенные «этнографические» черты.

В первой столице Ахеменидов, Пасаргадах, которая была построена на двадцать пять лет раньше Персеполя, найдены только остатки рельефов, украшавших стены и дверные проемы дворцов. Сравнивая их с рельефами Персеполя, можно проследить происхождение «ахеменидского стиля» в скульптуре и его эволюцию. Прежде всего, в Пасаргадах лучше виден прототип этих рельефов, восходящий к каменным ортостатам ассирийских дворцов. Их стиль и набор образов также относится к месопотамской — ассирийской и эламской — традиции. Некоторые из них имеют точные аналогии в ассирийском искусстве, особенно среди ортостатов ниневийского дворца Синаххериба, где изображения людей-рыб и «демонов» повторялись множество раз. Эти изображения, вероятно, были восприняты персами как «охранители ассирийских владык».

Возможно, что в Пасаргадах эти мотивы были повторены в каких-то политических целях. Возможно, что здесь была осуществлена попытка прокламировать идею преемственности власти от ассирийских царей. Но тот же хаос в «цитатах», как и в Зивие, полная потеря смысла ассирийских композиций свидетельствуют о том, что первоначальный религиозный акцент никак не учитывался. Во всяком случае, здесь перед нами первый пример использования прокламативных изображений, заимствованных у сокрушенных Ахеменидами царств, для прославления собственного величия и мощи.

Важно, что и здесь, в Пасаргадах, из громадного богатства рельефных композиций Ассирии и Элама выбирается ограниченный круг сюжетов — только изображения «чудовищ», «демонов», фантастических существ, только изображения процессий воинов и данников, царя, вельмож. В ахеменидских рельефах нет столь характерных для искусства Ассирии сцен охот, боев, взятия городов, пиров, разного рода религиозных действий или пейзажей.

При анализе памятников искусства эпохи Ахеменидов можно вспомнить и египетский гипостильный зал, и изображение египетского крылатого солнечного диска, и египтизированную корону одного из фантастических существ на рельефе Пасаргад, и несомненно ионийское влияние в конструкции колонн, и, вероятнее всего, лидийские черты в планировке дворцов, и урартские при-

емы возведения зданий на громадных искусственных платформах, и уже упоминавшиеся ассирийские и эламские рельефы.

Надпись царя Дария о возведении его дворца в Сузах (на трех, официально принятых в ахеменидском Иране языках: аккадском, эламском и древнеперсидском) уже упоминалась. В ней перечисляются самые разнообразные материалы, доставленные в Сузы из многих подвластных Ахеменидам царств (от Средиземноморского побережья до Индии), и разноплеменная армия мастеров (ионийцы, карийцы, египтяне, мидийцы, вавилоняне и т. д.).

Исследователь ахеменидского искусства К. Ниландер описывает примерно такую ситуацию. Покорив Мидию и Малую Азию, сокрушив Вавилон, ахеменидский царь царей Кир II стал главой громадной мировой державы [Ниландер, 1970]. Он приказал начать строительство в Пасаргадах, имея в виду новые, вставшие перед ним политические и религиозные цели. Здания в его резиденции должны были быть выстроены из камня и украшены рельефами. При этом использовались или мидийские концепции и приемы¹⁴, или те, которые были распространены в покоренных Киром Ассирии и Эламе. В других же случаях готовые традиционные формы отсутствовали. В результате и появляется некий синтез — например, соединение идеи месопотамского зиккурата с иранским типом целлы (гробница Кира) или открытые портики с колоннами и их план во дворцах Персеполя и Пасаргад, которые, быть может, возникли из сочетания анатолийского дворца с ионийской стойей. Но, поскольку все дворцы должны были возводиться из камня, а подобная строительная практика в то время засвидетельствована только в Малой Азии, это и стало причиной того, что кроме мастеров, выученных в месопотамских и мидийских традициях и занятых главным образом в скульптурных работах, необходимо было привлечь специалистов по каменному строительству из Сард и Эфеса.

В Пасаргадах сформировалась школа мастеров, расцветшая затем в Персеполе, в которой соединились различные «формальные языки» под эгидой единого государственного заказа. Другими словами, здесь перед нами та же принципиальная модель, которая характеризовала формирование искусства ранних мидийцев. Искусство, созданное мидийцами, включено в эту модель как определяющая составная часть.

Теперь можно подвести итог.

Иран эпохи Ахеменидов — это первый период собственно иранского искусства, от которого сохранились многие памятники и письменные источники. Те его черты, которые будут сформулированы ниже, возможно, характеризуют и предшествующий этап — мидийский. Но ведь историю мидийского искусства приходится реконструировать из того немногого, что сохранилось, и сейчас возможно сравнение главным образом не конкретных памятников, но моделей.

Прежде всего, несмотря на колоссальную сумму заимствований (причем в этом случае — заимствований из престижных отраслей искусства покоренных стран), это искусство уже нельзя характеризовать как искусство «прямых цитат» или «пересказа». Заимствования быстро теряют свои исходные качества. В этом заключается парадокс искусства Ахеменидов: все или почти все детали того или иного образа, той или иной архитектурной постройки можно возвести к прототипам прошедших эпох и разных стран, а сам образ тем не менее отличен от всего известного и является специфически ахеменидским.

Во-вторых, весь изобразительный репертуар этого искусства создается при участии разноплеменных мастеров довольно быстро и распространяется до мельчайших деталей на все памятники — от рельефов дворцов и царских гробниц до торевтики, тканей, украшений и т. д. Создается единый «имперский ахеменидский стиль» и, более того, прослеживается единство культуры от Инда до побережья Малой Азии. План *ападаны*, например, выработанный в Персеполе, был повторен Дарием в Сузах, а в Армении (в Эребуни) по тому же плану был переделан урартский храм. Такой же дворец был возведен для ахеменидского сатрапа в Хорезме (Калалыгыр), хотя при этом вместо камня могли использовать местные традиционные материалы.

В-третьих, искусство Ахеменидов, то, каким мы его сейчас представляем преимущественно по памятникам Пасаргад, Персеполя, Суз, рельефу Бехистунской скалы, скальным гробницам ахеменидских царей в Накш-и Рустаме, многочисленным памятникам торевтики и глиптики, по своему существу прокламативно: памятники провозглашают и утверждают вслечение царской власти, величие империи, величие царской религии. Эта черта, в частности, объясняет и отмеченный выше парадокс искусства Ахеменидов, и происшедший отбор. Именно такая офи-

циально-пропагандистская тематика, а не напряженные, динамичные сцены охот или боев интересовали ахеменидских монархов. Здесь виден сознательный отбор, или, если угодно, программа изобразительного ряда, очень жесткая, диктуемая определенными прокламативными целями. Можно было бы заключить, например, что сюжетное однообразие рельефов Персеполя объясняется его статусом ритуального города: здесь, по-видимому, совершались торжественные празднования священного Нового года иранцев (Ноуруза), когда происходила коронация царя царей. В таком случае очевидно, что на персепольских рельефах изображен этот ритуал, запечатлены мифы и образы древних иранцев: борьба между добром и злом, символизируемая битвой царя с чудовищем, праздничные процессии и доставка покоренными народами новогодних даров и податей царю [Ниландер, 1970; Бируни]. Можно было бы считать, что рельефы Пасаргад — это конкретная политическая программа основателя Ахеменидской империи Кира. Но ведь преимущественно эти образы заполнили абсолютно все искусство Ахеменидов! Программа, стало быть, много шире конкретных целей, возникавших при строительстве Пасаргад и Персеполя. В это время созданы и каноны определенных «главных» сцен: сцена торжественного приема царя, сцена, демонстрирующая его веру (царь у жертвенника с пылающим огнем), определенные символические композиции. Все эти каноны будут жить в Иране не одно столетие.

Как и для всего искусства Переднего Востока, для искусства ахеменидского Ирана характерен «веризм» в изображении мельчайших «прикладных» деталей, сочетающихся с типовым, «идеальным» портретом — без всяких индивидуальных черт.

Наконец, в отличие от искусства Передней Азии в ахеменидском искусстве нет, так сказать, «частной» иллюстративности и почти все композиции имеют определенный символический смысл. Так, например, символом божества «царской предназначенности», Хварены, был выбран символ верховного бога ассирийцев — Ашшура. При этом даже не потребовались серьезные иконографические изменения — на позднеассирийских цилиндрических печатях Ашшур изображался в виде фигуры царя между двух распахнутых крыльев в солнечном диске. Символ Хварены появляется, вероятно, при Дарии и при нем же эволюционирует: на Бехистунской

скале тиару божества венчает шар со звездой, в руке у него гривна — инсигния власти. В Персеполе Хварена изображен точно так же, как и царь Дарий. Ассирийские «охранители врат» — шеду, воссозданные в гигантских масштабах в «Воротах всех стран» в Персеполе, сохраняют многие детали прототипа, трансформированные скульпторами, но символизируют иранское божество — Гопатшаха. Этот образ очень популярен и в прикладном искусстве. На скальной гробнице Дария (в Накш-и Рустаме) над дверью изображена скульптурная композиция, в сущности повторяющая «тронные композиции» Персеполя: представители покоренных народов поддерживают парадную платформу. На ступенчатом пьедестале показан сам Дарий, опирающийся на лук, с рукой, обращенной в сторону алтаря огня. Над этой сценой «парит» символ Хварены. Эта сцена немедленно канонизируется — гробницы поздних ахеменидских царей воспроизводят ее в деталях. Она же встречается и на ахеменидских печатях.

* * *

Весной 330 г. до н. э. Александр Македонский сжег *ападану* Персеполя, и это событие явилось поворотным пунктом в истории Ирана и в истории культуры. Походы Александра на Восток открыли эпоху, которую обычно называют эпохой эллинизма¹⁵. Вместе с фалангами Александра в Иран проникали художественные вкусы Эллады, ее мастера и памятники ее искусства.

Стремление Селевкидов — наследников Александра, его военачальников, ставших монархами покоренных им стран, — создать единство в пестроте социальных условий, верований и обычаев, нашедшее выражение, в частности, в процессе образования по всему Востоку городов-полисов, было облегчено и тем, что у Ахеменидов уже существовала единая «концепция мира», и тем, что в принципе сходный социальный строй и сходные политические нормы существовали на Востоке и до прихода туда фаланг Александра. В результате на весьма продолжительный период ведущей становится идеология «космополитизма» — некое культурно-политическое «койнэ».

Сами греки первоначально никого не пытались эллинизировать. Убежденные в превосходстве своей политической структуры, своего образа жизни, они тем не ме-

нее проявляли терпимость к местным культурам и даже поддерживали их. В конце концов было установлено сотрудничество персов и эллинов — персы трудились наравне с завоевателями и в создании государственного аппарата, и в области культуры — все это облегчало процесс синкретизации. Во многих сатрапиях, несмотря на перемену власти, местные правители сохраняли древние традиции.

Этот синкретизм показателен для всего Востока: столкновение греческого искусства, связанного с «демократической» мифологией и культами Эллады, с царским, имперским искусством Ахеменидов, вначале порождало те же контрасты, что и в политике, но постепенно, с формированием монархий, становясь монархическим, прокламативным искусством, формировало единство культурного мира. Монеты правителей Греко-Бактрии (государства, возникшего на территории Афганистана и Северо-Западной Индии во второй половине III в. до н. э.) представляют собой великолепные образцы эллинского медальерного искусства, с тончайшей психологической характеристикой изображенных на них эллинских монархов, но именно на их основе возникает на этой территории восточный «официальный портрет» последующих правителей, лишенный всякой индивидуальности, снабженный в качестве отличительных знаков только определенными инсигниями власти. Работы французских археологов в Афганистане, на городище Ай-Ханум (на берегу р. Пяндж), открывают культуру большого эллинского города на территории, отдаленной от основных центров Селевкидской державы; многое из этой культуры используется при создании династийного искусства восточных владык — во дворцах и храмах, созданных позже на той же территории. Искусство Северо-Западной Индии эпохи Кушан — так называемое гандхарское — было результатом творческого освоения греко-римских влияний, прошедших через греко-бактрийский этап, и местной буддийской школы.

Нет необходимости перечислять предметы эллинистического искусства, найденные на территории Ирана, или греческие надписи, или статуи эллинистических божеств, или, наконец, эллинистические архитектурные сооружения — этому посвящено немало специальных работ. Система еще более усложняется со II в. до н. э., когда Иран оказывается завоеванным династией восточноиранского происхождения — парфянами, принесшими в Иран свою

культуру, и возникает новая империя — Парфянской царство, просуществовавшее более 500 лет.

Мир парфянского искусства — это до сих пор еще пестрая мозаика отдельных памятников, различных стилей, различных концепций, которые трудно сложить в осмысленную картину. Следует иметь в виду, что как раз территория Ирана этого периода является «белым пятном» — мы хорошо знаем многие памятники на территории Средней Азии, Афганистана, Северо-Западной Индии и в Месопотамии, но почти ничего не известно о самом Иране — этот период археологически не исследован. Можно, конечно, провести прямые линии через его территорию, объединяя, скажем, искусство Месопотамии с искусством Средней и Центральной Азии. Получится тогда, что для этого искусства характерны (в отличие от искусства Греции и от ахеменидского искусства) изощренность форм, насыщенность символикой, фронтальность в изображениях. Вместе с тем в этом искусстве больше, чем в ахеменидском, движения, пространства, «иллюзорности».

Процессы синкретизма в искусстве, в особенности на рубеже эр, связаны, конечно, с определенными социально-экономическими сдвигами.

Владыки империй — и поздние Селевкиды, и парфяне — пытаются получить свое «небесное отражение» в виде единых божеств, и почти каждая из религиозных систем Востока в то время претендует на роль «мировой религии». Общий религиозный язык возникает уже в раннеэллинистический период. Культ солнечного божества, носившего разные имена — семитских богов Бела (в Эламе), Афлада (в Сирии), иранских Ахурамазды и Митры, — распространяется по всей Парфянской империи. То же происходит и с культом бога победы — иранского Вретрагны, отождествлявшегося иногда с греческим Гераклом, и культом богини-матери, или богини плодородия, называвшейся у иранцев Анахитой, у семитов Нанайей или Атаргатис, которые сопоставлялись с греческой Артемидой или малоазийской Кибелой. Легко представить себе, как много новых черт должно было впитать в себя религиозное искусство парфянского периода. Здесь много больше жанрового разнообразия, чем в религиозном искусстве Ахеменидов.

Следует сказать, что некоторые иранские божества именно в это время получают антропоморфный облик.

Особенно значительно влияние Восточного Ирана.

Установлено [Бойз, 1957], что при дворах парфянских владык громадную роль играли гусаны — поэты-музыканты, менестрели, которые пели эпические баллады о подвигах древних иранских героев — кейянидов (царях, впервые принявших веру иранцев — зороастризм), о богатырях, сражавшихся с демонами, таких, например, как победитель дракона Трайтаона или победитель кочевников Зарер. Эти предания, более светские, чем религиозные, и представляли собой важнейшую часть парфянской династийной доктрины — ведь парфянские цари возводили свои роды к этим героям древнего эпоса. На эпосе зиждился династийный легитимизм, эпосом оправдывалось божественное право парфян на престол Ирана, эпос являлся иранской династийной историей. Его остатки сохранились в священных текстах — их сбережению способствовали зороастрийские жрецы. Но эпическая иранская традиция, которая принципиально важна для искусства Ирана всех последующих периодов, вплоть до XIX в., возникла на северо-востоке Ирана и была перенесена на Иранское плато северо-восточными иранцами во главе с парфянами.

Эта эпическая традиция породила такие важнейшие темы иранского придворного искусства, как охота, бой, пир. Эпические циклы иллюстрировались, быть может, в полихромных росписях на стенах дворцов. Такие росписи вместе с глиняной скульптурой — портретами знатных предков — археологи находят на северо-восточных границах Ирана (в частности, и в Парфии — на родине парфян), но в самом Иране ни росписей, ни ясных сюжетов с тематикой охоты, пиров и боев еще не найдено (за исключением сомнительно датированных росписей дворца Кух-и Ходжа в Сеистане).

Однако тот факт, что эти сюжеты — решающие для последующего искусства Ирана — зародились в парфянский период под влиянием искусства северо-восточных провинций (Средней Азии, Афганистана), по-видимому, можно считать установленным.

Вот в основном те главные изменения, которые произошли в искусстве Ирана за период существования селевкидской и парфянской монархий.

Сокровища искусства древнего Ирана,
Кавказа, Средней Азии
(временная выставка из собраний музеев СССР) ¹

Не так уж часты случаи, когда археологи-профессионалы, систематически обследуя тот или иной район, наталкиваются на сокровища во время раскопок. Намного чаще их обнаруживают случайно. Тогда ценные предметы растекаются по рукам, и ученому, поспешившему на место открытия, выпадает на долю работа детектива — он должен не только собрать находки, но и установить, составляли ли эти предметы клад или же принадлежали богатому захоронению.

Выставка, устроенная в Георгиевском зале Эрмитажа, — это выставка сокровищ. Здесь собраны вещи, найденные случайно или раскопанные археологами. Среди них — золотые и серебряные сосуды и украшения, присланные Петру I сибирским губернатором в 1716 г. и переданные в коллекцию первого русского музея — Кунсткамеры. О том, откуда происходят эти замечательные памятники, до сих пор известно только, что числятся они в списке драгоценных предметов, «найденных частью около Астрахани и в стране между Камою и Волгою, а частью вырытых из татарских могил в Сибири». Здесь же выставлены великолепные серебряные сосуды, которые принес в музей города Самарканда в 1961 г. житель небольшого узбекского поселка Чилек. Но вместе с тем на выставке представлены прекрасные золотые и серебряные украшения, сосуды и парадное оружие, обнаруженные археологами при раскопках могильников в Закавказье, и знаменитый на весь мир комплекс скифского гургана, раскопанного около станицы Келермесской.

Все эти сокровища, а также изделия из бронзы, кости, рога и глины, часто даже более ценные, чем предметы из золота и серебра, собраны для того, чтобы на примере

лучших образцов из музеев СССР показать сложение и развитие искусства древнего Ирана.

Искусство Ирана представлено на выставке в сопоставлении, а иногда в противопоставлении с искусством Кавказа, Средней и Центральной Азии VIII в. до н. э. — VIII в. н. э. Такое сопоставление оправдано исторически не только общими судьбами народов, населявших эти территории, но и тем, что вклад народов Кавказа и Средней Азии в культуру Ирана весьма значителен. Обусловлено оно и тем, что в качестве основной идеи выставки выдвинута проблема взаимосвязи культур. Эта проблема основывается на изучении культур не в конкретных политических границах или в отдельных государствах, менявшихся от эпохи к эпохе, а на более широкой территории — в пределах историко-культурных ареалов, где в разное время существовало иногда несколько государств, и почти всегда — несколько этнических групп.

Разумеется, в пределах временной выставки невозможно показать все многообразие и всю сложность этой взаимосвязи, поэтому здесь выбраны отдельные, наиболее яркие памятники, относящиеся к самым интересным эпохам в истории древнего Ирана и сопредельных территорий.

Выставку открывают памятники периода IX—VII вв. до н. э. Этот раздел посвящен искусству иранских племен, которые жили на территории Северо-Западного Ирана в ту эпоху. Изучение этого периода предпринято недавно, и памятники его культуры в собраниях Эрмитажа представлены бедно.

Открытие новой эпохи в истории древнего искусства началось с находки «кладов». Рассказывают, что осенью 1928 г. крестьянин-лур раскопал древнюю могилу и нашел в ней много странных бронзовых предметов. Он обменял их на несколько лепешек в соседнем городке Харсин (район Луристана), а оттуда эти вещи попали к какому-то европейскому археологу-любителю, который хорошо заплатил за них. С этого времени десятки и сотни бронзовых предметов «из Луристана» наводнили антикварные рынки и, поскольку изображенные на них звери, фантастические существа и неведомые никому боги были очень новы, очень интересны и превосходно выполнены, породили моду на «луристанские бронзы».

С первых же шагов изучения этого «странного мира луристанских бронз» была подмечена их связь с искусством племен Закавказья.

Случайные находки не давали возможности ученым установить дату этих замечательных памятников. Научные экспедиции проникли в этот труднодоступный район Ирана совсем недавно (в 60-х гг.), теперь раскопаны не только могильники, но и поселения, и ученым удалось с несомненностью доказать даты вещей, в особенности похожих на памятники скифского «звериного стиля». Они принадлежат к IX—VIII вв. до н. э., т. е. старше скифских.

Двадцать лет спустя после находок в Луристане, на юге оз. Урмия, около деревни Зивие, был найден клад, состоящий из золотых, серебряных, бронзовых и костяных вещей. Предметы из драгоценных металлов были поделены между находчиками, причем некоторые из памятников разломали на несколько частей. Через антикваров они попали в Тегеранский музей, а также в музеи и частные коллекции Америки и Европы. Их публикация вызвала громадный интерес среди историков древнего искусства — ученые снова столкнулись с новым стилем и новыми образами. Некоторые из них были выполнены под влиянием образов искусства Ассирии и Урарту, но несли на себе черты какого-то нового стиля (названного «местным»). Но наиболее интересными оказались предметы, на которых наряду с перечисленными выше образами встретилось и несколько образов, относящихся к типичным образцам скифского «звериного стиля». Это — свернувшийся хищник, олень с поджатыми ногами, грифон. Сходные фигуры и композиции выявлены и на предметах, извлеченных из скифских курганов, — Келермесского и так называемого Литого. Эти «скифские» элементы вставлены в ряд образов с ассирийскими и урартскими.

Археологическое обследование холма, у которого был найден клад, показало, что вещи были связаны с небольшой крепостью, принадлежавшей государству Манна, существовавшему на этой территории в IX—VII вв. до н. э., что они составляли некогда инвентарь богатых погребений, относящихся ко второй половине VII в. до н. э.

Наконец, спустя еще десятилетие, местные жители стали находить в иранском районе Амлаш (на юго-западном побережье Каспийского моря) великолепные золотые и серебряные кубки и чаши, а также глиняные сосуды в виде фигур быков и птиц. Направленная в этот район археологическая экспедиция Департамента древно-

стей Ирана открыла большой могильник у сел. Марлик, в котором были найдены многочисленные предметы вооружения, золотые и серебряные кубки «амлашского типа» и прекрасные керамические зооморфные сосуды. При тщательном исследовании этих материалов оказалось, что, несмотря на некоторые детали стиля и техники, объединяющие их в одну группу, изображения, помещенные на сосудах, были очень разнообразны и отмечали по крайней мере четыре направления связей с соседними культурами. Прежде всего, часть из них обнаруживала связи с искусством центра Иранского плато — на некоторых сосудах Марлика представлены те же образы, что и на керамике, найденной при раскопках могильника Тепе Сялк под Кашаном (так называемый стиль Сялк VI). Второй путь вел в район Луристана и показывал тесные связи с группой «луристанских бронз». Третий уводил на северо-запад Каспия, в Талыш и далее в Закавказье. Наконец, четвертый вел в Южный Азербайджан, в район крепости Хасанлу, раскопки которой проводит американская археологическая экспедиция.

Данные, полученные этой экспедицией, предоставили в распоряжение ученых колонку точных дат², в результате чего весь этот сложный узел локальных «культур» оказался распутанным — была выдвинута идея, что часть материалов, о которых говорилось выше, демонстрирует искусство иранских племен, населявших все эти районы по крайней мере с IX в. до н. э.

Если в качестве аналогии для объяснения того, чем являлось искусство Иранского плато в описываемый период, взять язык, понимая под этим язык художественных образов, созданных на этой территории между IX и VII вв. до н. э., то мы получим как бы три «диалекта» этого единого «языка»: первый — скифский (имеются в виду только самые ранние памятники), который имеет свои и отчасти общеиранские образы (олень, свернувшийся зверь, гриф и др.), а также заимствования из искусства древнего Востока, в частности древнего государства Урарту.

Вторым «диалектом», расцветшим уже в VI—V вв. до н. э., является персидский (ахеменидский). В нем слабы элементы общеиранского «языка», но зато очень усилены заимствования из других «языков» древнего Востока — Урарту, Ассирии, Вавилонии и далеких (территориально) «языков» Египта, Малой Азии и Греции. Эти заимствования, однако, касаются как бы иного

«класса слов», чем это было в Зивие или у ранних скифов, — заимствуются образы, прокламирующие богов и царя царей.

Наконец, третий «диалект» (быть может, исходный для двух остальных) — это диалект Мидии — первого крупного иранского государства, возникшего в VII в. до н. э.

Указанные три «диалекта» формируют проблему возникновения иранского искусства как самостоятельного явления, достигшего больших высот в своем развитии.

Археологические памятники, названия которых уже не раз появлялись на этих страницах, согласно принятой сейчас археологической классификации, относятся к двум этапам: «Железный Век II» и «Железный Век III».

Эти этапы представлены материалами из раскопанных могильников (Марлик, Хурвин под Тегераном, Сиалк под Кашаном, Гиян, Вар Кабуд в Луристане и др.) и поселений (Хасанлу на южном берегу оз. Урмия, Тепе Нуш-и Джап под Хамаданом, Бабаджан в Луристане, «ахеменидская деревня» в Сузах и др.).

Получены большие комплексы глиняных сосудов, как серых по цвету, так и красных лощеных (их меньше).

Формы сосудов даже в крайних точках распространения составляли единство (особенно сосуды с длинным выступающим сливом). Принятые абсолютные даты для этих памятников — 1200—900 гг. до н. э. К этому этапу относятся: золотые и серебряные сосуды Марлика, некоторая часть «луристанских бронз», великолепный бронзовый сосуд, найденный в Таджикистане в сел. Фатмев, а также аналогичные по форме сосуды из Закавказья. Керамика этого периода представлена на выставке сосудами из Марлика и комплексом из-под Тегерана.

Позже появляется новая керамика — так называемый поздний красный расписной стиль. Эта керамика датируется 750—550 гг. до н. э. и тесно связана (в своей конечной стадии) с керамикой ахеменидской эпохи, в частности из раскопок ахеменидских столиц — Пасаргад и Персеполя.

Рассматриваемый тип глиняных сосудов охватывает три основных географических центра — южные районы оз. Урмия (а также районы Курдистана и Луристана); центр Иранского плато (Сиалк) и юго-запад (Сузы, Фарс). Из памятников искусства к этому горизонту (в ранней его стадии) относятся комплекс Зивие, некоторые из наиболее характерных «луристанских бронз», а также,

возможно, часть металлических и керамических ритонов, найденных при случайных раскопках в Северо-Западном Иране.

Но единый облик глиняных сосудов не обязательно должен объясняться распространением единого этноса во всем Северо-Западном Иране, хотя именно в этом периоде мы впервые улавливаем диалекты общеиранского «праязыка». Для искусства последующих эпох характерно заимствование чужих образов и их переосмысление в иранском духе с включением божеств иранской религии. Установив связи с развитыми религиями «великих цивилизаций» Передней Азии, иранцы должны были, в особенности при образовании иранских государств, представить и свои божества, иногда по образу и подобию близкие к древневосточным. Поэтому, когда мы переходим к новому этапу в истории культуры древнего Ирана — этапу, непосредственно связанному с временем существования державы Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), мы снова сталкиваемся с элементами из самых разнообразных областей, но эти заимствования были совершенно иными, чем те, о которых речь шла выше.

Памятники ахеменидской эпохи прежде всего можно характеризовать по линии влияний. Это — египетский гипостильный зал; широкое использование для украшения дворцов популярных в дворцовой архитектуре Ассирии барельефов; это, несомненно, ионийское влияние в конструкции колонн (исключая капители); вавилонская техника глазурованных кирпичей; влияние плана эламских дворцов и храмов Суз и урартский прием возведения зданий на обширных платформах.

И вместе с тем для всех исследователей ясно, что ахеменидское искусство и архитектура — совсем не простая сумма заимствований. Заимствования теряют свои первоначальные качества. Впечатление эклектики опровергается самими памятниками. Парадокс искусства Ахеменидов в том и состоит, что детали того или иного образа — все или почти все — известны из прошлых эпох и различных стран, а сам целостный образ отличен от всего и является специфически иранским.

Многие памятники искусства Ахеменидов по своему существу прокламативны: они демонстрируют величие царской власти, величие империи, величие царской религии. Эта сфера искусства, прямо связанного с политикой и идеологией государства, и будет интересовать нас прежде всего.

Само Ахеменидское государство характеризовала этническая, культурная и религиозная пестрота. Несмотря на отдельные попытки ахеменидских царей ввести почитание верховного бога зороастризма (или, точнее, маздеизма) — Ахурамазды, культ этот так и не стал государственной религией. По-прежнему чтились вавилонские, сирийские и финикийские божества.

Религией иранского народа было почитание древних, дозороастрийских божеств, таких, как бог солнца Митра, богиня плодородия Анахита и др. Экономическая, этническая и культурная пестрота государства вынуждала ахеменидских монархов все время переходить от настойчивой пропаганды к религиозной терпимости — одному из главных средств удержать покоренные народы в составе персидского государства.

Ахемениды использовали для изображения Ахурамазды символ главного бога ассирийцев — Ашшура (крылатая фигура в солнечном диске); все основные детали были сохранены, но Ашшур был изображен в парадном платье и тиаре царя царей из династии Ахеменидов. Так же как и в Египте, порталы и двери ахеменидских дворцов венчало изображение солнечного диска с крыльями.

То же случилось и с «охранителем врат» ассирийских дворцов — шеду. Заимствовав этот образ вплоть до передачи мелких деталей, ахеменидские мастера венчали его тиарой Ахурамазды и сделали этот образ более грандиозным.

На выставке ахеменидское искусство показано в основном на памятниках торевтики и монетах. Однако и эти прикладные памятники несут на себе те же образы, что и памятники «большого искусства». Так, например, на персидской ткани, найденной в одном из Пазырыкских курганов (Горный Алтай), вытканы точно такие же львы, как на изображении балдахина парадных носилок царя царей Дария на рельефе в «Зале ста колонн» в Персеполе. На той же ткани показана довольно сложная сцена — царица (или богиня) и ее прислужницы перед алтарем.

Выдающимися можно считать и изделия иранских ювелиров, тесно связанных с традициями древних культур Закавказья, памятники, близкие по форме и изображениям к ахеменидским, — изделия местных торевтов, которые, подражая «ахеменидскому дворцовому стилю» (распространившемуся на очень широкой территории), насыщают свои произведения традиционными мотивами.

Ярким примером изделий одного из таких центров ахеменидского времени, тесно связанного с культурными традициями Урарту, является клад, состоящий из четырех серебряных ритонов, найденных недавно на территории урартской крепости Эребуни (в г. Ереване).

Ахеменидское царство рухнуло под ударом македонских фаланг Александра. Судьба империи была решена уже в битве при Гаугамеле (1 октября 331 г. до н. э.), хотя Александру понадобилось еще несколько лет для того, чтобы окончательно подчинить Иран. Рассчитанным жестом был поджог *ападаны* (дворца для торжественных приемов) Дария—Ксеркса в городе-святыне Ахеменидов — Персеполе. Он символизировал окончательное крушение «великого царства» Ахеменидов.

После смерти Александра территория Ирана была включена в состав монархии Селевкидов. В этот период на Востоке столкнулись не только две культуры — эллинская и восточная, но и две идеологии — идеология свободных граждан полисов и подданных восточных деспотий. Процесс был взаимопроникающим: стремление селевкидских монархов создать единство в пестроте социальных условий, верований и обычаев (средством к достижению которого служило, в частности, основание по всему Востоку городов, получивших права полисов) было облегчено тем, что ко времени прихода на Восток греко-македонцев в отдельных, наиболее развитых областях Востока уже существовали сходный в принципе социальный строй и сходные политические нормы. В результате на весьма продолжительный период ведущей становится идеология «космополитизма», внешне выразившаяся в появлении в иранском искусстве греческих мотивов и образов.

Национальная иранская династия Аршакидов, около 250 г. до н. э. возглавившая движение «восточных сатрапий» за свержение греко-македонского владычества и поддержанная кочевниками-дахами, образовав новое, парфянское, государство, даже в прокламативных памятниках вначале придерживается «эллинистических» норм, ставших к тому времени привычными. Парфянские цари выпускают монеты по селевкидским образцам, называют себя в официальных титулах «филэллинами», обращаются к городам с посланиями на греческом языке.

Но наряду с этим в Селевкидской монархии вторым официальным языком, кроме греческого, остается арамейский — язык еще доахеменидских и ахеменидских

канцелярий, а в период существования Парфянской державы деловые документы пишутся также на парфянском языке — парфянской, созданной на основе арамейской, письменностью.

В раннеэллинистическую эпоху создается единый историко-культурный ареал — от Евфрата до Ганга: монеты правителей Греко-Бактрии (государства, возникшего на территории Афганистана и Северо-Западной Индии во второй половине III в. до н. э.) представляют собой великолепные образцы эллинистического медальерного искусства, а последние результаты работ Французской археологической миссии в Афганистане на городище Ай-Ханум, на берегу р. Пяндж, открывают культуру крупного эллинского города на столь отдаленной от остальных центров Селевкидской державы территории.

Однако в Иране нам известно не так уж много эллинистических центров, расположенных по торговым трассам, связывавшим Запад с Востоком. Парадоксально то обстоятельство, что влияние греческой культуры, столь сильное на западе, в Месопотамии, и на востоке Ирана, в том числе и в культуре ядра аршакидской династии и ее первого «домена» — Парфиены, намного слабее ощущается в северных, западных и южных районах Ирана. Интересно, что парфянский период в истории Ирана — а он продолжался с конца III в. до н. э. по начало III в. н. э. — начисто выпал из исторических и литературных сочинений эпохи раннего средневековья, так как парфянская династия считалась тогда ненациональной, парфянские владыки — узурпаторами трона Ахеменидов.

Такой подход к парфянской эпохе у ранних арабских и персоязычных авторов имеет определенное объяснение. Что касается культуры Ирана парфянского периода, то мы действительно вынуждены упомянуть тот факт, что, хотя Иран парфянской эпохи на самом деле был сильным государством с могущественной иранской династией во главе, в эту эпоху не было создано единого парфянского искусства — такого, как, скажем, ахеменидское искусство или искусство Сасанидов. На выставке показано искусство двух областей парфянской эпохи: Парса, ядра державы Ахеменидов и Сасанидов, и Парфиены, ядра парфянской державы. Хотя памятники Парса представлены исключительно монетами, а памятники Парфиены — прекрасными произведениями искусства, открытыми советскими археологами, сравнение этих областей необычайно контрастно.

В Парсе — области вокруг Персеполя — с середины III в. до н. э. правила местная династия, находившаяся в зависимости от парфянского царя царей. Культура этой области, мало затронутая эллинистическими влияниями, продолжала развивать древневосточные ахеменидские традиции. Об этом свидетельствуют не только изображения на монетах, но и титулы и имена тех правителей, которые считали себя потомками Ахеменидов.

Искусство Парфии парфянской эпохи показано на памятниках, обнаруженных археологическими раскопками в Туркменской ССР, на городище Ниса, главным образом в крепости Михрдаткерт — заповеднике, где была усыпальница первых парфянских владык. На этих памятниках ясно видно сильнейшее влияние образов и идей эллинистического искусства. Прежде всего, в этом комплексе есть памятники искусства, импортированные с запада: статуя так называемой нисийской богини и статуя «Родогуны» — тип Афродиты-Анадиомены, относящийся скорее всего к александрийской школе. Очень сильно эллинистическое влияние в изображениях на ритонах из слоновой кости — сосудах типично иранской формы и на терракотовых метопах.

Большая часть этих предметов найдена в царском заповеднике и выражает, очевидно, сильно эллинизированные вкусы парфянских царей и знати. В архитектуре и Михрдаткерта, и всей древней Нисы — крупного парфянского города, возможно столицы, — много местных, иранских черт, так же как и в больших глиняных статуях, украшавших дворцы и храмы Нисы. И все же общий облик памятников культуры Нисы резко отличается от общего облика памятников Парса.

Значительное число комплексов парфянского периода раскопано на территории Месопотамии (города Ашшур, Хатра, Дюра-Европос и др.). Здесь открыты великолепная настенная живопись и скульптура, также имеющие связи с памятниками территории Ирана, но следующие старым местным традициям.

Таким образом, перед исследователями стоит задача изучения культуры различных историко-культурных областей эпохи эллинизма, изучения сочетания единого койнэ и автохтонного развития древневосточных традиций в этих различных областях. Для Ирана эта проблема весьма важна, в частности потому, что следующий за селевкидско-парфянским период раннего средневековья

внешне выглядит как резкая реакция на эллинизм, как «ренессанс» древневосточных черт культуры и идеологии.

Иран парфянского времени с точки зрения политико-экономической представлял собой три ареала: ареал самоуправляющихся городов (преимущественно в Месопотамии), ареал полузависимых царств и владений (Парс, Элам, Месена, Атропатена, Гиркания и др.), с собственным правом (например, в Месопотамии — преимущественно греческим), собственными экономическими институтами (на западе сохранившимися еще от селевкидского времени, в некоторых самостоятельных государствах на востоке — восходящими к Ахеменидам). Политическое единство достигалось в значительной степени благодаря военной силе и контролю над путями международной торговли. И потому в отличие от искусства династий Ахеменидов и Сасанидов парфянское искусство — это искусство городов и регионов.

Культурные регионы парфянского периода не вполне сопрягаются с указанными зонами. Однако в области политики и отчасти в области идеологии и искусства парфянский период имеет и некоторые единые черты. Так, например, хорошо известными фактами являются сходная планировка городов, распространение *айванов* — открытых с одной стороны помещений, подведенных под кровлю, ряд общих черт в планировке храмов в таких различных областях, как Ниса, Таксила, Ашшур, Дур-Европос. В парфянском искусстве для всей территории характерно распространение сюжетов охоты, пира, поединка — тех самых, которые позже будут характерны для искусства эпохи Сасанидов.

В Иране времени правления династии Сасанидов (227—651) создаются яркие памятники культуры. Этому периоду в искусстве Ирана посвящено немало работ, в том числе и таких, где подробно описывается гордость Государственного Эрмитажа — самая крупная в мире коллекция памятников сасанидской торевтики.

Для сасанидской эпохи характерно широкое использование культурного наследия древности не только в сфере материальной культуры (например, архитектурные детали раннесасанидских дворцов и храмов повторяют детали архитектурных украшений Персеполя), но и в иных сферах. Так, в раннесасанидских надписях используются стандартные формулировки ахеменидских царских надписей, восходящая к Ахеменидам «география» Ирана, традиционные религиозные формулы. Государст-

венное устройство раннесасанидской монархии было схоже с государственным устройством парфянской эпохи.

Раскопки в Бишапуре (юг Ирана) открыли придворное сасанидское искусство. Эти памятники имеют ярко выраженные черты стиля, которые связывают их, с одной стороны, с современными им произведениями искусства римских восточных провинций, а с другой — с позднеэллинистическим искусством предшествовавшего Сасанидам этапа. Это относится и к мозаикам дворца Бишапура, выполненным по картонам сирийских мастеров, и к живописи дворца владельца Сакастана (в Кух-и Ходжа), демонстрирующей также и восточные влияния.

На выставке представлено раннесасанидское блюдо, где римская композиция (сражение гладиаторов со зверями) истолкована в сасанидском духе: гладиаторы представляют собой просто орнамент, а протомы зверей, выделенные в медальоне, являются, так сказать, «ипостасями» зороастрийских божеств.

Появление «западных» черт в искусстве и архитектуре этой поры вполне объяснимо, ибо именно в это время в Иране распространяется манихейство — типичная позднеэллинистическая «мировая» религия с характерным для нее синкретизмом. В это время на территорию Ирана, после побед над императорами Рима, насильственно переселяли многих жителей римских провинций Месопотамии, и прежде всего мастеров-ремесленников. Вместе с ними в Иране распространялось христианство, а зороастризм еще только завоевывал позиции единой религии империи. Характерной чертой сасанидской династии является терпимость к «иноземной» философии и религии, проявившаяся, в частности, в том, что в тексты Авесты были включены идеи «западной» и «восточной» философии и науки. В Авесте наряду с концепциями позднеантичной философии (например, связанными со знаменитым сочинением Птолемея «Алмагест») имеются и следы влияния индийских трактатов по астрологии, риторике, логике, так же как и в манихейском учении, популярном в то время в Иране, были распространены концепции гностицизма и многие идеи буддизма и брахманизма.

Однако сасанидское придворное искусство — это лишь незначительная часть сасанидской культуры. Наиболее яркой категорией сасанидских памятников, той, с которой обычно связывается понятие «сасанидский

стиль», являются памятники официального прокламативного искусства.

Именно в этой сфере уже в III в. были созданы превратившиеся впоследствии в строгий канон «идеальные» образы сасанидского шаханшаха, сасанидского вельможи, антропоморфные образы основных богов династии — Ахурамазды, Митры, Анахиты, а из наследия древневосточного искусства были взяты образы различных зверей-символов зороастрийских божеств. Многие черты этой сферы искусства Сасанидов восходят еще к парфянскому времени. Официальное сасанидское искусство кажется нам столь новым лишь потому, что оно отбирает из своего парфянского наследия узкий круг образов, прямо связанный с прокламативной тематикой.

Эта сфера искусства Сасанидов демонстрируется на выставке монетами сасанидских шаханшахов, произведениями торевтики с изображениями сасанидских шаханшахов и их вельмож на охоте или на пиру, а также рисунками с громадных скальных рельефов, на которых представлены сасанидские цари, их боги и поверженные ими враги. Эти рельефы были скопированы в 1818 г. известным английским архитектором и путешественником Робертом Кер-Портером, рисунки которого хранятся в Эрмитаже.

В русле официального искусства Сасанидов впервые появляются изображения зверей — символов зороастрийских божеств, одного из самых характерных сюжетов, представляющих третью сферу сасанидского искусства — «маздеистское искусство». Вскоре эти изображения становятся чуть ли не главным сюжетом на всех памятниках — и на печатях, и в торевтике, и на тканях, и в штукатурных декорациях. Таков, например, образ человека-быка, уводящий нас к «пропилеям Ксеркса» в Персеполе и еще дальше — в искусство Ассирии. Такова и весьма популярная в сасанидском искусстве сцена борьбы зверей, также имеющая многочисленные параллели в древности. И здесь перед нами линия связей сасанидского искусства со всем циклом древневосточных идей и образов и с древним этапом искусства Ирана, описанным в самом начале этого очерка.

Понятие «древнеиранское искусство» не имеет ни строгих географических, ни точных временных пределов. Влияние иранских памятников ощущается на громадной территории — от Атлантики до Тихого океана, так же как и в произведениях искусства, созданных в Иране, можно

различить определенные черты искусства Кавказа, Средней и Центральной Азии, Китая. Падение Сасанидского государства не означало прекращения художественной традиции; под сильным влиянием сасанидских образов и идей находилась культура всего халифата омейядской и аббасидской эпох.

В самом начале этого очерка отмечалась связь искусства иранцев VI—IV вв. до н. э. с искусством скифов и народов Кавказа. Еще более сложными становятся связи между различными культурами в парфянскую и сасанидскую эпохи. На выставке представлено искусство обширного историко-культурного региона, включавшего в разные периоды территории, принадлежавшие парфянскому, а затем сасанидскому Ирану, владыкам Кушанской империи и эфталитского царства, отчасти индийской династии Гуптов, правителям Согда и тюркам. Это — восток Ирана (провинция Хорасан), Средняя Азия, районы Афганистана и Северо-Западной Индии и даже более восточные районы, например Восточный Туркестан.

На выставке, разумеется, нельзя было показать все этапы развития искусства этого региона — многое дополняется постоянными экспозициями отдела Востока. Здесь же отобраны предметы, наиболее тесно связанные с искусством Ближнего Востока и в особенности Ирана. Среди них, как и в более ранних комплексах Кавказа, есть просто иранский импорт. В курганах Алтая V—IV вв. до н. э. найдена, например, замечательная иранская ткань, которая датируется также V в. до н. э. В погребении вождя в Ноин-Уле (Северная Монголия) обнаружены великолепные «западные» ткани, но предметы иранского искусства встречаются и восточнее. Их распространению способствовал в первую очередь так называемый шелковый путь, торговая трасса, идущая от Китая в Иран. Первые упоминания об этом пути относятся к I в. до н. э.

По этой трассе с востока на запад перевозили шелк — один из самых драгоценных товаров древности, а также другие восточные редкости. По ней путешествовали ученые и пророки, писатели и воины, по ней шел обмен не только (быть может, даже не столько) товаров, но и идей. И Восточный Туркестан, и Согд, и районы Кушанской империи, и Северный Кавказ были, если можно так сказать, этапными станциями этой трассы, но вместе с тем перечисленные территории, в особенности в

IV—VI вв. н. э., обнаруживали и тесные политические связи с Ираном. Согласно исторической традиции, отсюда, с Востока (из царства мифического царя Виштаспы, помещаемого обычно в районе г. Балха), Заратуштра — пророк веры ахеменидских и парфянских царей, ставшей религией сасанидского государства, — принес в Иран зороастризм; и здесь же, через тысячу лет после Заратуштры, возродил древние верования Мани, пророк другой религии — манихейства. Сюда — в Согд, а потом и дальше — в Китай, бежали, спасаясь от арабов, последний сасанидский царевич, его свита и всадники, пытаясь найти поддержку у могущественных владык Востока.

Тесное переплетение разных художественных влияний демонстрируют памятники этой эпохи. На городище Чилек в 1961 г. случайно были найдены четыре серебряных сосуда. В составе этого клада — сасанидская чаша с портретом шаханшаха Пероза, массивная чаша с портретом знатного эфталита и два тонкостенных согдийских сосуда. Они находились в доме согдийского горожанина, жившего на рубеже VI—VII вв., но попали в эту страну на столетие раньше.

Искусство этого историко-культурного региона характеризуют и другие произведения торевтики, представленные на выставке. В них мы видим переплетение эллинистических, сасанидских, индийских и местных черт. С эфталитской чашей из Чилека их объединяют общность формы, некоторые технические детали, общность композиционных приемов. Но на ней, как и на других сосудах, имеются черты греко-римского влияния. Вместе с тем и на более поздних сасанидских сосудах, экспонируемых на выставке, ощущается некоторое влияние этой группы. Как далеко начали распространяться эллинистические сюжеты, характерные и для искусства Ирана парфянского и ранесасанидского времени, и, быть может, для позднесасанидского (но уже в новом, римско-византийском варианте), показывают среди других и две чаши: одна с изображением сцены из трагедии Эврипида, выполненная в Индии в эпоху Гуптов (или под сильным индийским влиянием), и другая — с изображением Геракла и сценой свадебного пира, сделанная согдийским мастером в VI в.

Влияние сасанидского искусства заметно и на памятниках искусства Согда VII—VIII вв., демонстрирующих на выставке.

Наконец, здесь же показаны два комплекса предме-

тов, один из которых представляет искусство аланов, а другой — искусство тюрков эпохи раннего средневековья. Первый из них — это комплекс могильника Мощевая Балка (Северный Кавказ), где в могилах, относящихся к VIII—IX вв., найдены вместе с местными вещами образцы великолепных шелковых тканей сасанидского Ирана, Византии, Согда и Китая. Материалы этого могильника наглядно раскрывают реальное содержание понятия «Великий шелковый путь» и связи, осуществлявшиеся по этому пути — в данном случае по его боковому рукаву, призванному связать страны Средиземноморья со Средней Азией и Дальним Востоком в обход Ирана.

Другой комплекс (конца VII—VIII в.) — это знаменитый громадный клад золотых и серебряных вещей, найденный случайно в 1912 г. недалеко от сел. Малая Перещепина, около Полтавы. Обстоятельства его находки, его интерпретация и даже состав внешне напоминают клад Зивие, с описания которого начинался этот очерк. Так же как и там, на самом деле это было богатейшее захоронение, в данном случае, видимо, хазарского или булгарского князя. Он был похоронен вместе со своим конем, убранным и оседланным, вместе со своим оружием, пиршественным прибором и украшениями своего парадного платья. И здесь, в могиле князя, сошлись сокровища и сасанидского Ирана, и Византии, изделия тюркских и согдийских мастеров. В их числе — культовые сосуды христианских храмов Византии: блюдо — дискос, принадлежавшее когда-то епископу города Тома Патеру, прибор для омовения рук христианского священника, блюдо с изображением креста. На обороте стоят пробирные клейма византийских императоров от начала VI до середины VII в. В числе утвари были и добытые где-то на территории Ирана массивные золотые пиршественные предметы, быть может самого шаханшаха Ирана или, во всяком случае, очень знатного вельможи. Это — ложчатая чаша, кувшин и еще несколько золотых сосудов.

Этот комплекс, содержащий также изделия местных мастеров, помогает понять реальные черты понятия «искусство степей» и связи этого искусства с искусством сопредельных стран.

Шестнадцать веков развития искусства Ирана и сопредельных стран ярко показывают его выдающуюся роль в развитии общемирового искусства.

Парфянская и сасанидская администрация

Письменные источники, касающиеся устройства парфянского и раннесасанидского государства, разнохарактерны и разнородны. Историк у приходится иметь дело как бы с двумя, редко совпадающими точками зрения. Первая из них представлена по преимуществу авторами, писавшими на греческом, латинском (в основном для парфянского периода), а также на сирийском, армянском, арабском, китайском и других языках (в основном для сасанидского периода). Таким образом, некоторые разделы истории парфянского и сасанидского государств освещены лишь «взглядом с Запада» или «взглядом с Дальнего Востока», и остается только догадываться, какие именно парфянские или сасанидские институты имел в виду тот или иной автор, адаптируя по-своему чуждую ему терминологию и малопопятные идеи. Вторая точка зрения отражена местными (иранскими) источниками.

Источники на парфянском языке представлены эпиграфическим материалом, преимущественно фрагментарным. Это прежде всего острака, обнаруженные Южно-Туркменистанской археологической экспедицией в Нисе, — архив винохранилища (*mdwstn*) I в. до н. э., в который входят более 2700 документов, найденных к настоящему времени¹. Небольшое количество остраков, представляющих собой списки выдач зерна персидскому гарнизону [Хеннинг, 1954б, с. 478—480], обнаружено в Дур-Европосе [Харматта, 1958]. Они датируются серединой III в. н. э. Там же найдены разноязычные (в том числе парфянские) граффити и несколько пергаментов на парфянском и греческом языках — контрактов и хозяйственных документов. В разных районах Ирана обнаружены также наскальные надписи парфянского времени на греческом (рядом с парфянским рельефом на Бехистунской скале), арамейском (стела из Ашшура, надписи

в Танг-и Сарваке, в Хатре и др.) и парфянском языках (стела из Суз, надписи из Кал-и Джангал)². Большую известность получили три пергамента (два — на греческом, один — на парфянском языке), найденные в Авромане (Курдистан) и представляющие собой документы о продаже виноградника, а также письмо Артабана III (?) городу Сузы [Миннз, 1915; Кюмон, 1932; Уэллес, 1934]. Очень важным и еще не вполне оцененным источником являются парфянские монеты и монеты зависимых от Парфии государств³. Уже давно известен и обширный эпиграфический материал из полузависимых царств и городов на западе (Пальмира, Селевкия, Эдесса и др.).

В целом, анализируя эти источники парфянского периода, необходимо учитывать по крайней мере три обстоятельства:

1) фрагментарность получаемой при этом картины (источниками освещены далеко не все периоды);

2) случайность дошедших сведений (источниками освещены далеко не все районы Ирана парфянского времени, в них отражены далеко не все государственные и хозяйственные институты);

3) уже отмеченную трудность интерпретации сведений (поскольку мы имеем дело с разноязычными материалами).

Источников по истории Сасанидского государства значительно больше, хотя и здесь у нас отсутствует единый исторический свод, а памятники весьма разнохарактерны. Но все же от этого времени дошел значительно больший эпиграфический материал. Это прежде всего большие надписи первых сасанидских шаханшахов — Шапура I на «Каабе Зороастра» (ŠKZ) [Марик, 1958] и в Хаджиабаде (ŠHjab) [Нюберг, 1964, I, с. 122—123], Нарсе в Пайкули (NPK) [Херцфельд, 1924], менее пространные надписи всех первых сасанидских шаханшахов, сопровождающие их изображения на скальных рельефах [Херцфельд, 1924, I], несколько надписей сасанидских вельмож, например *вузург-фраматара* Михр-Нарсе в Фирузабаде [Хеннинг, 1954а], царя Сакастана Шапура и судьи (*d'twbl*) из города Кавара Селевка в Персеполе (IV в., Pers. I, II) [Нюберг, 1964; Херцфельд, 1924, I—2; CII, pt. 3, vol. 2, portf. 3], вельможи Нарсе в Южном Азербайджане (IV в.) [Камбахшфард, 1967; Нюберг, 1970], писца (*dpywr*) Апасая в Бишапуре (III в., Šbš [Гиршман, 1936; Нюберг, 1964, I, с. 124—125], надгробная эпитафия дочери военачальника из рода Сурен из Север-

ного Китая (IX в.), надписи *хамаркара* Азербайджана Бурзнеша (?) из Дербента (VI в.) [Пахомов, 1929; Нюберг, 1929] и ряд более мелких наскальных надписей, надписей на торевтике, остраках, папирусах, геммах, монетах и т. д. Весьма важны также четыре большие надписи верховного жреца Сасанидского государства Картира (III в.) из Сар-и Мешхеда (KŠM), Накш-и Рустама (KNRu), Накш-и Раджаба (KNRj) и на «Каабе Зороастра» (KKZ) ⁴. Некоторые данные содержатся также в «посетительских надписях» сасанидских солдат, путешественников и паломников, таких, как, например, надписи в синагоге Дура-Европоса (III в.), в пещерах буддийского монастыря Кара-тепе, около Термеза (IV в.), или в Канхери (VII—VIII вв.). Весьма обширен и особенно важен материал, который можно извлечь из произведений по сасанидскому праву, различных религиозных и исторических сочинений сасанидского и после-сасанидского времени, а также из арабо-персидской исторической и географической литературы. К этому, как уже говорилось, следует прибавить сообщения различных нарративных источников на греческом, латинском, сирийском, армянском и других языках ⁵.

К трудностям интерпретации всех этих сведений, уже отмеченных для парфянского времени, прибавляется, пожалуй, обилие данных и их противоречивость.

Таким образом, раздел, посвященный государственному устройству Ирана парфянской и сасанидской эпох, при попытке составить связную картину на основе слишком разрозненных фактов не может обойтись без гипотетических в известной мере построений. Часто в этой попытке придется прибегать к методу ретроспекции.

1. Царь царей Ирана. Концепция царской власти

Источники, которые могут быть использованы для реконструкции характера царской власти парфянской эпохи (концепция власти царя, характер престолонаследия, идеология царской власти), представляют главным образом «западную точку зрения» ⁶ и потому от них естественно ожидать искажения действительной картины, подгонки не всегда понятных античным авторам иранских или кочевнических (в зависимости от выбора между версиями о происхождении рода Аршакидов) обычаев, терминологии и концепций под обычаи, терминологию

и концепции эллинистических и эллинских государств. «Парфянская точка зрения» представлена фрагментарными и к тому же косвенными данными.

Материалов, позволяющих судить о концепции власти царя царей в Иране династии Сасанидов, несравненно больше, но ретроспекция применима лишь в том случае, если удастся доказать возможность аналогии концепции царской власти при парфянах и при Сасанидах.

Легенды парфянских монет (до I в. н. э. они содержат лишь греческую титулатуру и эпитеты) ⁷ не дают ответа на вопрос о системе наследования престола, так как вплоть до I в. н. э. все парфянские цари называют себя в этих легендах тронным (точнее, родовым) именем Аршак ⁸.

В разнообразных пышных легендах на монетах парфянских царей отчетливо звучит эхо международной политики — все эти титулы и эпитеты присутствуют и на монетах основных противников парфян — селевкидских и греко-бактрийских царей. Вплоть до конца существования селевкидской династии мы видим как бы соревнование в пышности титулатуры между великими монархами Востока ⁹. Это отражение на монетах внутренней и внешней политики государства, разумеется, весьма интересно, однако именно оно и препятствует однозначному ответу на вопрос, какой смысл вкладывался парфянами в такие понятия, как, например, βασιλεύς, Θεός Θεοπότορος ¹⁰.

Мы можем предположить за этим с равной степенью вероятности и эллинскую систему взглядов на происхождение власти царя [Бикерман, 1938, с. 11 и сл.], заимствованную кочевниками-дахами у селевкидских государей или у греко-бактрийских монархов, или иранскую концепцию власти «царя царей», принятую знатным иранским родом Парфиены, считавшим себя потомками Ахеменидов. То же относится и к идее обожествления царя, представленной монетными легендами ¹¹.

Из существующих версий о происхождении парфянской династии наиболее достоверной сейчас признается версия Помпея Трога (Юстина), согласно которой Аршак — глава кочевого племени парнов, входивших в конфедерацию дахов (или даев). Захватив Парфиену, Аршак *quaesito simul constitutoque regno* (Just. XLI, 5.5). Версии Арриана (согласно которой парфянская династия происходит из местной знати Парфиены; власть в Парфиене была захвачена двумя братьями — Аршаком и Тиридатом, которые были поддержаны другими знатны-

ми родами Парфиены и использовали для захвата власти кочевников) и Страбона (Аршак — бактриец, который, «чтобы спастись от растущего могущества Диодота и его преемников, поднял восстание в Парфии — Strabo, XI, 9, 3), признаются сейчас легендарными¹². Выбор между этими версиями зависит от раннепарфянской генеалогии: согласно Юстину, Аршак провозгласил себя царем парфян, после его смерти ему наследовал его сын, тоже носивший имя Аршак (Аршак II), затем Фриапаций и сын последнего — Фраат I, назвавший преемником своего младшего брата Митридата. Доказательство именно этой генеалогии и, еще уже, историчности Аршака и легендарности Тиридата считается ключом к решению проблемы [Вольский, 1962].

Благодаря найденным в Нисе (древний Михрдаткерт) трем памятным записям о вступлении на престол нового царя с точными датами (в них указаны и царские предки), а также ряду нововавилонских документов, в которых упоминаются аршакидские цари под их личными именами (также с точными датами), оказалось возможным реконструировать династийный список первых одиннадцати парфянских царей¹³. В результате версия Помпея Трога оказывается подорванной в самом существенном звене — независимые от сообщений античных авторов материалы свидетельствуют об историчности Тиридата, к которому и возводится генеалогия парфянских царей, что заставляет скорее склоняться к версии Арриана¹⁴. Таким образом, парфянская династия представляется местной, иранской по происхождению¹⁵, стало быть, аналогия с Сасанидами в известной мере допустима.

С этой позиции следует обратиться к одному из важнейших текстов о характере царской власти при парфянах — тексту Страбона (XI, 9, 3): «Согласно Посидонию, высший совет (συμβούλιον) у парфян состоит из двух частей: в одну входят родственники царя, в другую — мудрецы и маги; царей выбирают из обеих частей». Сторонники «кочевой теории» происхождения парфянской династии, естественно, интерпретируют это сообщение как указание на рудимент родовых традиций кочевников-парфов¹⁶. Однако возможны и иранские аналогии, например данные «Письма Тансара» [Минови, 1932, с. 38—40] — псевдоэпиграфа (VI в. н. э.), повествующего о «совете знати» при сасанидском монархе: «А относительно того, что ты (Гушнасп, правитель Табаристана, — В. Л.)

написал мне (Тансару, верховному жрецу. — В. Л.): „необходимо, чтобы шаханшах (в «Письме Тансара» — Арташир I) посовещался об этом деле (речь идет о выборе наследника. — В. Л.) с главами, советниками и мудрецами, чтобы именно они выбирали наследника“, то пусть знает [Гушнасп], мы хотим того, чтобы шаханшах в этом деле был бы единственным из жителей мира и не советовался бы ни с кем... Он напишет три письма своей рукой и каждое вручит одному из глав: одно — главе *магунатов* (*mowbedān mowbed*), другое — главному секретарю (*Ērān-dibīrbed*), а третье — спяхбеду спяхбедов (*spāhbedān spāhbed*). Когда мир останется без шаханшаха, то *магунат магунатов* и эти двое пусть соберутся и снимут печати с тех писем и на ком-либо из сыновей шаханшаха пусть они остановят свой выбор. Если мнение *магуната магунатов* будет соответствовать мнению остальных — известят [о наследнике] людей. А если *магунат* будет против — ничего не расскажут, ни о том, что написано [в письмах], ни о мнениях [каждого из них], ни о словах *магуната*... *Магунат* пусть тайно посовещается только с *хербедами*, знатоками религии и [религиозными] подвижниками, и пусть помолится богу... И когда они покончат с этим к вечерней молитве, то пусть окажут предпочтение тому, что бог... возбудит в сердце *магуната*»¹⁷.

В этом отрывке речь идет о проверке *магунатом* законности завещания шаханшаха (с точки зрения зороастрийского семейного права) и обсуждении этого завещания на тайном совете с ведущими государственными чиновниками. Характерно, что в случае разногласий (чиновничество на этом «совете», естественно, выступало с позиции возникшей конкретной политической ситуации и возможных ближайших последствий) решающее слово остается за верховным жрецом, т. е. предпочтение отдается зороастрийскому семейному праву, а не политике.

Хотя сообщений о связанных с престолонаследием функциях, которые имел совет знати при сасанидском дворе, и немного, мы все же можем представить себе его состав, который оказывается очень близким составу страбоновского «синедриона»¹⁸. Если сообщение Страбона выглядит не более чем иностранной адаптацией реального института и реальных иранских обычаев парфян, восходящих еще к ахеменидскому прототипу, то это объясняет и странные для античных авторов и не сопоставленные с идеей предполагаемой выборности и ролью «си-

недриона» обычаи парфянских царей: «почитаемым друзьям и телохранителям» царя царей бросали кости с царского стола, их заставляли простирались ниц перед царем, поклоняться его статуе и т. д. [Бикерман, 1966б].

Для того чтобы углубить аналогию парфянской и сасанидской концепций царской власти, необходимо определить характер престолонаследия при парфиях, который на первый взгляд совершенно отличен от сасанидского (выборность монарха, по Страбону). Уже упоминавшиеся генеалогические списки Нисы, надпись на «стеле Хвасака» [Гиршман, 1950; Хеннинг, 1952а, с. 176] из Суз (дата надписи — 215 г. н. э.: 'rtbnw MLKYN MLK' BDU wlgšy MLKYN MLK' «Артабан, царь царей, сын Вологеза, царя царей») и косвенные данные, содержащиеся в нововавилонских текстах,— это, в сущности, весь материал, которым мы можем проверить сообщения античных авторов. Тем не менее среди многочисленных дворцовых кризисов и ожесточенной борьбы за престол лишь один как будто бы вносит существенные перемены в порядок прямого наследования: это эпоха царствования Артабана III и Готарза II. Если Артабан III принадлежал к основной ветви рода Аршакидов¹⁹, то сменивший его на престоле Готарз, по-видимому, происходил из побочной линии рода. Об этом свидетельствует легенда его монет (βασιλέως βασιλέων ἀρταχου υἱος χαχλοῦμενος ἀρταβανοῦ ὑωτέρης)²⁰, а также надпись на бехистунском рельефе, которую Э. Херцфельд относит к Готарзу II (ΓΩΤΑΡΣΗΣ ΓΕΟΠΘΕΡΟΣ «Готарз, сын Гева») ²¹.

В I в. н. э., как уже упоминалось, мы встречаемся с рядом новшеств (постепенная замена греческой терминологии местной, появление парфянских легенд на монетах, сведения «Денкарта» о том, что «при Валахше Ашканиде» происходит сбор текстов и кодификация «Авесты» и др.) ²². Обычно это связывают с приходом к власти в Иране «младшей», или «боковой», ветви Аршакидов [Массон, 1955, с. 14]. Однако кажется, что этот внутренний кризис, подобно аналогичным ситуациям и в сасанидскую эпоху, вызвал немедленную реакцию: Готарз, судя по некоторым данным, был убит [Дибвойз, 1938, с. 174], и уже при коротком царствовании Вонона II престол вновь вернулся к «старшей» линии (Вологез II — брат или сын Вонона II) ²³.

Эти немногочисленные данные, быть может, подтверждают патрилинейность передачи власти в парфянской династии.

Ко всему сказанному следует добавить вполне «сасанидское» по колориту сообщение Страбона (XVI, 1): «Парфянин понимает, что никто самостоятельно не может успешно бороться с ним без помощи кого-нибудь из рода Аршакидов, так как парфяне исключительно преданы этому роду»²⁴. Мы можем, следовательно, вновь обратиться к сасанидским аналогиям.

Генеалогию Сасанидов, сохраненную в эпиграфических источниках, а также в исторических трактатах более позднего времени, можно разделить на «историческую» и «легендарную». Что касается последней, то она менялась на протяжении периода несколько раз в зависимости от определенных политических и религиозных событий в Иране. «Историческая» (действительная) генеалогия представлена во всех без исключения раннесасанидских царских надписях (вплоть до царствования Шапура III) и подтверждается монетными легендами и иным материалом. Она весьма показательна — в надписях обычно упомянуты отец и дед правящего царя. В истории сасанидского Ирана известны, конечно, дворцовые кризисы и государственные перевороты, но их исследование четко показывает характер царской власти в Иране этого времени.

В 70—90-х гг. III в. Иран был охвачен первым из таких кризисов. После смерти Шапура I и недолгого царствования его старшего сына, Хормизда-Арташира право на престол Ирана оспаривали два сына Шапура — Варахран и Нарсе. Характерно, что престол в этом случае достался Варахрану, т. е. старейшине рода, а не перешел к сыну Хормизда-Арташира. В дальнейшем, в результате жестокой борьбы придворных партий и в особенности благодаря деятельности верховного жреца Ирана Картира, пытавшегося посадить на престол своего ставленника в обход семейного права, сасанидский престол, минуя старшего в роде — Нарсе, был передан сыну Варахрана — Варахрану II. Это обстоятельство дало поднятому Нарсе в 293 г. (после смерти Варахрана II) восстанию знамя легитимизма — восстановления на престоле законного государя (придворная партия пыталась возвести на престол сына Варахрана II — Варахрана III). Этот пример показывает роль придворных группировок и партий (вероятно, составлявших «совет» шаханшаха), их влияние на порядок престолонаследия, их цели, зависевшие от конкретной политической и экономической ситуации в стране²⁵, но вместе с тем и то обстоятельство,

что вмешательство в «законный» порядок вызвало острый политический кризис.

Обратная ситуация возникла во второй кризисный период, в конце 70-х гг. IV в., после смерти Шапура II. На престол вступил «старейшина рода» — Арташир II, однако сменивший его на престоле сын Шапура II — Шапур III в надписях, на рельефе и на монетах (т. е. в своего рода «официальных актах») провозгласил «законность» этого события. Наконец, весьма показательны борьба за иранский престол в бурный период восстания Вистахма, который был связан с правящим родом, но по материнской линии, и подчеркивание Хосровом II своего права на престол — ясное и в дошедших до нас арабских переводах «Хватав-намак», и в официальных памятниках (монеты, быть может — рельефы «большого айвана» в Так-и Бостане).

Эти три примера (их число, конечно, можно увеличить), вместе с данными «исторической» генеалогии сасанидской династии, отчетливо показывают, что характер царской власти в эпоху Сасанидов обуславливался семейным зороастрийским правом. Мы имеем дело с порядками патронимической общины, о чем, в частности, говорит и счет предков (по мужской линии), отстоящих на три поколения [Периханян, 1968а]. Такого рода община (союз семей или агнатическая группа, др.-ир. *nāfa*) была вполне реальным юридическим институтом и в позднесасанидскую эпоху.

Если порядок престолонаследия при парфиях был в общем сходен с сасанидским, одинаковым был и характер власти царя, то и с точки зрения идеологической концепции царской власти также должно наблюдаться известное сходство. Семейно-родовой характер власти Сасанидов подтверждается наличием почитания душ умерших предков и обычая *pat ruwān*, связанного с основанием специальных храмов огня.

Тот же институт, возможно, зафиксирован и в документах из Нисы, где часть виноградников, из которых доставлялось вино в Михрдаткерт, была выделена на литургии *pat ruwān* ²⁶.

Сасанидские цари в своих официальных надписях (легенды монет, надписи на рельефах) называли себя *mzdysn bgy... MNW čtry MN yzd'n* — «поклоняющийся Ахура Мазде, владыка (*bgy* — «греческий эквивалент ΘΕΟΥ) ²⁷, происходящий от богов». Когда сасанидский царь умирал, он причислялся к числу язатов ²⁸. О том,

что Сасаниды считали себя богами — «сопричастниками солнца и луны», сообщает Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 5). Однако иранская идея божественного происхождения власти царя и обожествления его предков была значительно сложнее понятия Θεός или δαίμων — «божественный дух» царя (термин встречается в греческой эпиграфике парфянского времени)²⁹. В этом отношении интересны данные современной Сасанидам агиологической литературы о том, как воспринимались своими подданными сасанидские цари³⁰.

Пожалуй, наиболее ярко иранская концепция mzdysn bgu проявляется в инвеститурном рельефе основателя сасанидской династии Арташира I в Накш-и Рустаме. Здесь представлено одно из первых антропоморфных изображений Ахурамазды на коне, попирающем копытами Ангроманью. Арташир получает от бога венец власти (божественное происхождение царской власти)³¹. Конь Арташира I попирает его поверженного врага — парфянского царя Артабана V. Таким образом, языком прозрачных символов в облике царя царей устанавливается земное воплощение верховного божества, но не их идентичность. Как известно, в честь коронации сасанидского царя возжигался огонь; храм этого огня назывался 'twr ZY MLK' — «царский храм огня»³² и от момента его основания велось летосчисление царствования. Сходный обычай в парфянскую эпоху, как будто бы, засвидетельствован³³.

Таким образом, если исходить из сходства парфянской и сасанидской монархий, то, вероятно, политические и идеологические концепции этой власти должны были основываться, в частности, на одной из главных особенностей зороастрийской патронимической общины: на культе божественного предка рода и культе душ умерших предков по отцовской линии³⁴.

Все остальное в концепции власти царя может быть восстановлено лишь гипотетически. Так, можно легко представить, что в парфянскую эпоху могли слиться иранская зороастрийская концепция с концепцией греческой, и в результате могло оформиться представление о личности царя как божества³⁵. Однако в настоящее время мы не располагаем доказательствами в пользу этой, вполне вероятной, гипотезы.

«Легендарная» генеалогия парфянских монархов также напоминает сасанидскую. Вероятно, с самого начала³⁶ парфянские династии провозглашают связь своего

рода с легендарными царями — героями Авесты³⁷. Кроме того, как уже говорилось, версия о происхождении парфянской династии, представленная Аррианом, свидетельствует о ее переработке с целью сблизить обстоятельства захвата власти в Парфии Аршаком и Тиридатом с обстоятельствами прихода к власти в Иране Дария. Арриан упоминает также о том, что парфяне возводили свой род к Артаксерксу II (Arrian. Parthica, fr. 1 — Syncellus, с. 539). Эта идея представить себя законными преемниками славных царей древности возникла, вероятно, еще в начале I в. до н. э. (или ранее)³⁸.

«Легендарная» генеалогия Сасанидов сходна с парфянской. Связь сасанидских монархов с Ахеменидами упоминается уже в первом варианте «Книги о деяниях Арташира Папакана», который восходит к IV в.: здесь отражена идея родственных связей основателя династии Сасана, с одной стороны, с потомками Дария, с другой — с древними правителями Парса³⁹. В дальнейшем, в V в., сасанидские шаханшахи простирают свою генеалогию к «кавиям» Авесты, включая, таким образом, в свой династийный цикл и династию Кейанидов⁴⁰.

Итак, можно считать, что и парфянская и сасанидская концепции власти царя имели в основе один и тот же прототип и этот прототип восходит к Ахеменидам. Принципиальная разница между парфянским и сасанидским периодом заключается, следовательно, не в концепции власти, а в характере государства, его социально-экономическом устройстве.

II. Царский совет, категории знати

Ряд сасанидских надписей III—IV вв. описывают категории знати Ираншахра. Эти категории указываются в строгой последовательности. Особенно интересны те строки надписей, где имеются в виду не конкретные персонажи — те или иные государственные чиновники и вельможи, а вся знать в целом. Эти строки следующие:

1) Надпись шаханшаха Шапура I в Хаджиабаде⁴¹ (стк. 1—3). Описывается метание стрелы шаханшахом в присутствии «шахрдаров, принцев, „великих” и „свободных”»⁴².

2) Надпись шаханшаха Нарсе в Пайкули (дата надписи 293-94 г.)⁴³. Перечисляются вельможи, входившие в «партию» Нарсе, которая поддержала его претензии

на престол Ирана, «и другие *шахрдары*, и принцы, и „великие“, и главы общин⁴⁴, и „свободные“ и персы, и парфяне „по родам“, и все [жители] Ираншахра»⁴⁵.

3) Надпись Нарсе, сына Хормизда, о строительстве крепости⁴⁶, (дата — 336-37 г.). Нарсе уверяет, что крепость (*dzy*), которую он построил за шесть лет, будет одобрена «шахрдарами, и „великими“, и „знатными людьми“ (*'z'ty GBR'*).

В надписи SKZ подобных контекстов нет, но при перечислении состава двора Шапура I и придворных его отца Арташира I строго соблюден тот же порядок — шахрдары (цари), принцы, «великие» и «свободные».

Таким образом, сасанидские наскальные надписи обнимают период с начала III в. и до середины IV в. Более поздние данные хотя и фрагментарны, но представляют, в сущности, ту же иерархию знати вплоть до конца сасанидского периода.

Итак, надписи представляют нам следующую иерархию и терминологию:

- 1) *štdl'n* (MP); *hštrdryn* (Prth.); *MLK'* (греч.: βασιλῆως);
- 2) *wspwtk'n* (MP); *BR BYT'n* (греч.: τοῦ ἑῦ βασιλῆως);
- 3) *wčlk'n* (MP); *RB'n* (греческий термин неизвестен);
- 4) *'z'tn* (греческий термин неизвестен).

Все эти термины восходят к эпохе Ахеменидов⁴⁷, однако в собственно парфянских письменных памятниках они почти не встречаются, что, бесспорно, объясняется крайней малочисленностью материалов этого времени. Помпей Трог, описывая обычаи парфян, сообщает: «ближайшим к царской власти (к царю?) является сословие высших (*ordo praepositorum*), из которых они имеют военачальников и правителей в мирное время» (Just. XLI, 2).

Определить иранский термин для «сословия высших» позволяет сообщение Сенеки (Epistula, IV, 7) о том, что парфянская знать и главы знатнейших родов носили титул *μεγιστῶνες*, т. е. возможно, *mhysty* = *RB'n* = *wčlk'n*. Наконец, сведения Помпея Трога (Just. XLI. 2) о парфянском войске, которое хотя и «в небольшой части состоит из зависимых» (*servitores*), но во время войны с Антонием включало «50 тысяч конных, из которых 400 были свободными» (*liberi*), отчасти поддержанные Плутархом (Crassus, 21, 7; 27, 2), позволяют сопоставить термин *liberi* с термином *'z'tn* (букв. «свободные») ⁴⁸. В то же время, поскольку все эти термины и их опреде-

ленная иерархия встречаются в самых ранних сасанидских надписях (уже для эпохи царствования основателя сасанидской династии Арташира I), можно считать, что те же категории знати и та же иерархия титулов существовали и при дворе парфянского царя царей.

Реальное содержание этих терминов устанавливается также лишь по документам сасанидской эпохи. Ниже рассмотрены три ранга знати, составлявшие, видимо, «совет» царя царей.

1) *štdl'n* (=MLK') (букв. «владеющий царством», «царь») ⁴⁹. В эту высокую категорию знати входили правители царств и крупных областей государства — *шах-ров*. Это были местные полузависимые или независимые династии (преимущественно для конца парфянского периода) или принцы царского рода, назначавшиеся в различные *шахры* царем царей в качестве наместников (преимущественно для середины сасанидского периода).

В I в. н. э. самостоятельные царства, слабо подчиненные (иногда — лишь традиционно) центральному правительству, существовали в Иберии, Армении, Атропатене, Гордуэне, Аднабене, Эдессе, Хатре, Месене, Элимаиде, Парсе, быть может — в Гиркании [Фрай, 1962, с. 187—190]. Владетели этих царств иногда чеканили собственную монету (часто с весьма громкими титулами) [де Морган, 1936]), вели независимую политику, поддерживая то интересы Ирана, то Рима. Процесс распада Парфии на отдельные самостоятельные царства шел подобно снежной лавине, приведя к началу III в. к тому положению, которое «Карнамак» характеризует как «240 независимых владений». Военные усилия первых сасанидских монархов Арташира I и Шапура I, описанные в раннесредневековых арабских сочинениях и раннесасанидских надписях, показывают, что им пришлось фактически завоевывать весь Иран.

При Шапуре I в составе его двора из местных династий парфянского времени упомянуты лишь царь Кермана, царь Адиабены и царь Иберии. Другие владения к этому времени уже были завоеваны Сасанидами, местные династии смещены и заменены сыновьями царя царей: Нарсе владел теперь вновь образованным шахром (разрушившим существовавшие до этого границы между царствами Мерв, Апаршахр и Сакастан), называемым «Сакастан, Турестан и Инд до побережья моря» (*skst'n twrst'n W hndy 'D YM' dnby*), Хормизд-Арташир получил в удел (*dstkrty*) Армению, Шапур был назна-

нен царем вновь завоеванной Месены, Варахран владел Гилянном. Титул MLK' (štld'ly) сохранился, но теперь он был наполнен новым содержанием — наместник *шахра* был представителем центральной власти. Это, разумеется, не было нововведением Сасанидов — из фрагментарного парфянского материала известно, что при дворе парфянского царя царей существовала практика выделять крупные наместничества представителям рода Аршакидов. В этом случае достигалась большая централизация, но возможные конфликты с центральной властью переносились в иную сферу — наместники значительных царств начинали борьбу за престол всего Ирана. В качестве примера можно упомянуть обстоятельства прихода к власти в Иране Артабана III, бывшего наместника Гиркании, или, для раннесасанидского периода, захват престола Ирана Нарсе, ранее правившим с титулом «великий царь» Арменией. Однако то, что было исключением для парфянского периода, становится правилом в период Сасанидов.

2) BR BYT' (τοῦ ἐγ βασιλέως). Судя по содержанию этого термина и его греческому переводу, титул BD BYT' не был связан с какой-либо определенной должностью⁵⁰. Мы можем судить о положении BR BYT' в позднепарфянский-раннесасанидский период лишь при анализе надписи ŠKZ.

В этой надписи упомянуты следующие BR BYT':

а) В составе рода Сасанидов (первый список надписи ŠKZ): Пероз, Нарсе, Роддухт (Prth. BR BYTH) — дочь Анушака.

б) В составе двора Шапура I⁵¹: Валарш, сын Папка⁵²; Сасан, «вскормленник» в роду Фарреканов⁵³; Сасан, «вскормленник» в роду Кидуканов; Нарсе, сын Пероза⁵⁴; Нарсе, сын Шапура⁵⁵.

Из ŠKZ, таким образом, ясно, что термином BR BYT' обозначались не прямые потомки царя царей (тем более не наследники престола), но лица обоего пола, близкие к царскому роду и высшему разряду знати — царям, быть может, также дети от «неполноправных» форм брака — брака с подопечной или побочного брака⁵⁶.

3) wčlk'n (MP RB'n) — «вельможи». Этот ранг знати (как, по-видимому, и ранг *азатов* — «свободных») состоял из глав знатных родов, полузависимых владельцев мелких областей, а также из лиц, находящихся на государственной службе. В этом отношении, как уже от-

мечалось⁵⁷, разряды раннесасанидской (а следовательно, и позднепарфянской) знати были сходны с армянскими, отраженными в так называемых *гах-намаках*. Вероятно, первыми среди «вельмож» в позднепарфянское и раннесасанидское время числились знатнейшие роды Варазов, Суренов, Каренов и владетелей (Prth. hwtwy) Андекана⁵⁸. Более поздние источники прибавляют к этому списку знатные роды Спендиадов и Михранов, которые относят еще к парфянскому времени, что, по всей вероятности, не соответствует действительности⁵⁹. В источниках парфянского времени упоминаются лишь два из этих родов — Сурены, представитель которых, победитель Красса в битве при Каррах, красочно описан Плутархом⁶⁰, и Карены, один из которых был главой парфянских войск, поддержавших Митридата в борьбе против Готарза II (Tacitus, Annales, XII, 10—14).

Однако и все остальные роды, упомянутые в раннесасанидских надписях, бесспорно, занимали при позднепарфянских царях одно из первых мест⁶¹. Это видно хотя бы из анализа списков знати надписи ŠKZ при дворе Папака, царя (MLK') Парса (около 210—224 гг.), где упомянут ряд представителей знатных родов Парса (Фарреканы, Аспаруканы и др.), но не встречается представителей «пэрства». Уже при дворе Арташира I Сурены, Карены, Варазы, Андеканы занимают самые почетные места, оттеснив представителей знатных родов Парса. В данном случае это является полной аналогией появления при дворе царя царей Ирана из новой династии царей Мерва, Апаршахра, Кермана, Сакастана, Иберии, Адиабены, упоминаемых в рангах знати на самых почетных местах. Ведь и обширные владения Суренов, Каренов и Варазов первоначально, должно быть, входили в состав Сасанидского государства на правах полузависимых владений: род Каренов владел землями в Мидии, Сурены — частью Сакастана (одна из ветвей — районом Нишапура). Представители одного из этих владетельных родов — Андеканы (при дворе Арташира I — Сасан, при дворе Шапура I — Нарсе), — упомянуты с титулом hwtw, MR'HY (*ῥῆτορ, βασιλεύς*)⁶². В надписи NPK вельмож с таким титулом упоминается уже более десятка⁶³. В данном случае — это владельцы более мелких, чем «царство», областей, которые, как и ряд царств, вошли к концу III в. в сасанидскую конфедерацию. Титул hwtw, таким образом, имел еще и политический смысл, иерархически более низкий, чем титул štld'ly,

MLK', и вельможи, посящие его, входили в ранг wčlk'n.

В этот же ранг входили и государственные чиновники (по более поздней сасанидской номенклатуре — kārđārān — MhD 25, 15), во всяком случае — bthšy (βιδιαξ), hz'lwpt (αξαρπτ), 'sppt (ἀσπιπιδ). Возможно, что к этому рангу принадлежали и сатрапы царских родов.

Высшие должности в государственном аппарате чаще всего были наследственными, но в случае назначения на такую должность то или иное лицо одновременно приписывалось к рангу wčlk'n. Так, крупнейший религиозный деятель III в. Картир, получив при шаханшахе Хормизде-Арташире (274 г.) высший жреческий титул — «магупат (верховный жрец) Ахурамазды» и инвеститурные знаки титула — тиару и пояс⁶⁴, лишь при Варахране II, став «религиозным наставником» шаханшаха и главой династийного храма в Истахре, был введен в ранг wčlk'n⁶⁵.

Вельможи, входящие в эти три ранга знати, составляли совет царя царей, с правом голоса по «местнической» системе. Каждый вельможа имел определенное место в зале совета в зависимости от его знатности. При дворе армянских Арашкидов, обычаи которого были сходны с сасанидскими и, возможно, парфянскими, каждый вельможа имел отличительные знаки своего ранга — *гах* (трон), *балиш* (подушка) и *патив* (почетная головная повязка, диадема — Фавст Бузанд, кн. 3, гл. IX, XI) и имел право на определенное место у трона государя. Большой изобразительный материал парфянской и сасанидской эпох (в особенности рельефы) показывает, что знать при парфянском и сасанидском дворах в качестве инвеститурных знаков титула и сана имела тиары и драгоценные пояса. Цари, кроме того, восседали на драгоценных тронах, которые им даровал шаханшах за особые отличия.

Обычаи парфянского и сасанидского дворов отражены, например, Аммианом Марцелином в его рассказе о некоем Антонине, перебежавшем к Шапуру II из римского лагеря во время военных действий. За предательство Антонину при персидском дворе «было предоставлено почетное право носить тиару — эта честь дает право на участие в царском столе, голос на совещаниях с царем и право давать советы»⁶⁶.

Теперь, если вновь обратиться к тексту Страбона о «парфянском синедрионе», то можно конкретизировать

это сообщение, используя раннесасанидские надписи. Вот что представляет собой совет шаханшаха Шапура I, взшедшего на престол Ирана через 16 лет после смерти последнего царя из династии Аршакидов (вряд ли эти 16 лет могли существенно изменить обычаи двора).

Первый совет — *συγγένεια*. В него входили мать царя царей, его братья и сестры⁶⁷, его дети⁶⁸, жены его сыновей⁶⁹, его внуки и внучки⁷⁰, а также прочие царевичи (*BR BYT'*)⁷¹.

Второй совет — *τὸ δὲ σὺν καὶ μάγων*: цари (*stld'ly*; *MLK'*) Арташир, царь Адиабены, Арташир, царь Кермана, Амазасп, царь Иберии, *bythš* Шапур, *hz'lwpt* Папак, пачальник кавалерии Пероз; Арташир из рода Варазов, Арташир из рода Суренов, Нарсе, владетель (*MR'HY*) Андекана, Арташир из рода Каренов, *фра-матар* (первый министр) Вахунам и, возможно, сатрапы царских городов. Через некоторое время в совете принимает участие и верховный жрец (*магунат*) страны⁷².

Придворные титулы

Об устройстве двора парфянских шаханшахов не сохранилось почти никаких данных. Мы можем судить о его пышности и великолепии лишь по случайным замечаниям античных авторов [Бикерман, 1966б] и по археологическим раскопкам, например, в родовой резиденции парфян — Нисе и Мерве, где обнаружены замечательные парадные залы царских дворцов и храмов, украшенные росписью и статуями⁷³. Некоторое представление о «протоколе» парфянского двора можно составить на примере придворных порядков в Эдессе при Абгарах⁷⁴. Знатные шейхи (с селевкидским титулом *τῶν πρώτων καὶ προτιμωμένοι φίλοι*) делились на ранги, которые имели право «сидеть на коленях перед царем», и знатных, которые должны были стоять в присутствии царя. Как и у парфян, у Абгаров были вельможи, обязанностью которых было венчать царя диадемой.

Парфянский двор можно представить себе также по описанию «протокола» при дворе армянских Аршакидов. Этот «протокол» почти тождествен сасанидскому⁷⁵.

Многие титулы придворных раннесасанидского времени известны в парфянском написании, что позволяет

представить себе знаменитый на всем Востоке своим блеском двор сасанидских шаханшахов ⁷⁶ как развитие устройства и обычаев двора Аршакидов.

При первых сасанидских монархах придворных возглавлял «глава протокола» — nywdpty (Prth.); 'dnyk (MP); δεῖπνοναρχὴς ⁷⁷. В позднесасанидское время сходные функции выполнял 'ndym'ng'l'n sld'l — «главный церемониймейстер» ⁷⁸. Дворцом и дворцовыми слугами заведовали plstkpt (MP), греч. τοῦ ἐπὶ τῆς οὐκονομίας — мажордом ⁷⁹ и «глава придворных» — dlyk'n sld'l (MP); агукнс'гг (Prth) ⁸⁰. Этот титул известен и для позднесасанидской эпохи — согласно Феофилакту Симокатте, он был равнозначен титулу *куропалат*. Существовало также звание гофмейстера различных дворцов шаханшаха. Так, гофмейстером великолепного дворца, возведенного Хосровом I в новом квартале Ктесифона — «Антиохия-Хосров», был назначен знаменитый Вазургмихр, сын Бухтака ⁸¹. Следующим по рангу был оруженосец царя (špšyl'ly — «меченосец») ⁸² и глава личной гвардии царя — полка «бессмертных», который носил титул m'dknpt (MP), m'dknpty (Prth.) ⁸³. Придворными чинами считались также начальник охраны дворца и тюрьмы (zynd'nyk, τοῦ ἐπὶ τῆς φυλακῆς) ⁸⁴, дворцовый привратник (MP: dlpt, Prth.: brypty) и начальник царского арсенала (zynpt). Провизией, поставляемой во дворец, заведовал специальный интендант (MP: glstpty) ⁸⁵. При дворе состояли также казначей (MP: gnzwbr) ⁸⁶, конюший (Prth. 'hwrpty) ⁸⁷, начальник царской охоты (nhčyrpt) ⁸⁸, виночерпий (MP: md'ly, Prth.: mdwdr) ⁸⁹. Интересна должность специального эпистолога, в обязанности которого входило кроме составления писем и записи царских распоряжений и указов вести дневник о деяниях царя и его изречениях. Составление подобных записей специальным лицом известно из практики ахеменидского двора ⁹⁰ и дворов монархов эллинистического времени ⁹¹. В позднесасанидскую эпоху, по сообщению Балазури, приказы и распоряжения, отдававшиеся шаханшахом, записывались в его присутствии шахским секретарем, а другой чиновник заносил их в свой дневник, который проверялся ежемесячно, запечатывался царской печатью и хранился в архивах [Балазури, с. 464]. Большую роль и при парфянском, и при сасанидском дворах играли певцы, версификаторы и знатоки легенд — *госаны*.

«Женская половина» дворца возглавлялась старшей

женой царя царей, имевшей титул «царица цариц» (MLKT'n MLKT')⁹². Жены царевичей и правителей *шахров* носили титул «царица»⁹³ или «госпожа». Титул «госпожа» обозначал также младших жен шаханшаха и царей различных *шахров*⁹⁴.

Весьма высок (особенно в позднесасанидское время) был титул евнуха (Prth.: špystn). Им жаловали крупных вельмож: он упомянут, например, в Р. 20.4, из Дура-Европоса (128 г. до н. э.) как титул некоего Фраата, который одновременно был и *арканатом* (ἀρχανᾶτης — о значении титула см. ниже). Титул «евнух» в числе других носили первый министр двора Хосрова I Вузургмихр и вельможа Макан (VI в.), обладавший кроме него титулами «глава земледельцев», «советник двора» и рядом других⁹⁵.

Нет данных о том, какое место при дворе парфянских владык занимали зороастрийские жрецы, поскольку роль зороастризма в парфянском государстве не совсем выяснена. При сасанидском дворе, когда зороастризм стал государственной религией, их роль, во всяком случае, была выдающейся. Жрецы были наставниками царя царей, цариц, «госпож» — при раннем сасанидском дворе существовали титулы MLKT'n hndzpty (Prth.) — «советник цариц» и b'nykn hndrčpt (MP) — «наставник госпож».

IV. Города-полисы и их администрация

Как известно, селевкидская эпоха в истории Ирана характеризуется созданием многочисленных городов-полисов. Права полисов получали военные лагеря, катойкии, или древние городские центры и храмовые общины. На территории иранских сатрапий были основаны, в частности, Антиохия в Персиде, три Селевкии в Элимаиде, Лаодикея в Мидии (Нехавенд). К городам приписывались земли из фондов «царской земли» [Чериковер, 1927]. Некоторые особенно значительные города Селевкидской державы рассматривались Селевкидами как «союзники» — они имели больше свободы во внешней политике, им дано было право убежища, право чеканки собственной монеты. Хорошо известно административное устройство таких городов [Ростовцев, 1941, II], их обязанности по отношению к царю в выплате фороса, цели их основания: центральная власть, предоставляя

городам самоуправление, вместе с тем сохраняла за собой право решения важных вопросов внешней политики; селевкидские монархи, приписывая к полисам большие земельные массивы, как бы перекладывали на города обязанности по экономическому развитию этих территорий, по сбору налоговых поступлений с них. Царские чиновники — эпистаты, назначаемые царем обычно из представителей местной знати, осуществляли в полисах контроль местной администрации. Таким образом, и в политическом, и в экономическом, и в социальном отношении полисная система была важной опорой селевкидских монархов.

Известно, что эта система не явилась для Востока неожиданностью — к моменту завоеваний Александра сходную, по существу, организацию уже имели некоторые древние города и храмовые объединения Востока. Эта структура возникла совершенно независимо и обладала рядом специфических черт [Саркисян, 1952; Периханян, 1959]. Местное население иногда образовывало внутри полиса свою независимую группу (πολίτευμα,⁹⁶ — этнические вопросы не имели существенного значения.

Эта политика Селевкидов, как и в дальнейшем настойчивые усилия Рима в том же направлении, имела своим следствием создание единства в необычайной пестроте царств и владений Востока. Это единство было в какой-то мере достигнуто в наиболее развитых в экономическом отношении областях Месопотамии к тому моменту, когда туда пришли войска парфян. Не так было в Иране. Города полисного типа на этой территории были очень редки — громадными земельными массивами (Мидия, Атропатена, Персида, Керман и т. д.) владели древние независимые и полузависимые династы. Кроме них существовали владения староиранской знати. При парфянах, вследствие этого, их обширное государство представляется состоящим как бы из трех во многом отличных частей: (1) семитической Месопотамии со значительным городским населением, объединенной полисной системой с греческим правом и селевкидскими государственными институтами; (2) ряда независимых государств (как в той же Месопотамии, так и по всем границам Ирана), где эта система и эти институты если и встречались, то носили слишком поверхностный характер; и (3) коренных областей Парфии (восток и северо-восток Ирана). Разумеется, здесь не было резких гра-

лиц, однако это ощущалось и в политике, и в экономике, и в культуре [Виденгрен, 1960].

Исследование фрагментарных материалов парфянского времени из районов Месопотамии показывает, что, завоевав эти области, парфянские цари оставили без изменений и политическую систему, и многие гражданские институты, не рискуя нарушить созданное единство [Мак Доуэлл, 19356, с. 220]. Но это единство было неоднородным⁹⁷. Каждый из полисов Месопотамии, так же как и входившие в ареал их политики мелкие государства, имел собственную судьбу и собственные тенденции развития.

Лучше всего по многочисленному эпиграфическому материалу и археологическим памятникам известен город Дура-Европос на Евфрате, который был превращен Селевком в полис из катойкии и долгое время служил военным целям, но уже в I в. до н. э. стал торговым городом, вся жизнь которого зависела от транзитной и караванной торговли. Он был очень тесно связан с Пальмирой (в Дура-Европос была обширная колония пальмирцев), но стоило захиреть караванной торговле, как почти замерла и жизнь города. Иная судьба была у Эдессы. Основанная Селевком на месте небольшого поселения Урха как македонская колония, Эдесса со временем превратилась в центр самостоятельного государства с арабской династией Абгаров во главе. Крупнейший караванный центр Месопотамии Пальмира в III в. также стала столицей государства Одената и Зенобии, а полис Селевкия на Тигре, в I в. н. э. насчитывавший около 600 тысяч жителей, после восстания, поднятого против парфян, фактически потерял самостоятельность. С течением времени города меняли свое лицо, менялось и их население. «Подобно тому как растения и животные изменяются под влиянием почвы, на которой они растут, македонцы превращаются в сирийцев, парфян, египтян» (Liv. XXXVIII, 17, 10). Краткая характеристика некоторых городов Месопотамии, вероятно, дает представление об общих процессах в этих районах парфянского Ирана. В мою задачу не входит, однако, подробное описание устройства самоуправляющихся городов эллинистического времени.

Среди названий городских магистратур встретится немало греческих терминов, которые транскрибируются в текстах на местных языках, из чего следует, что они имели техническое значение. Большая часть терминологии

гии — целиком селевкидская, но в данном случае это не иностранная адаптация местных понятий, это именно та система, которая существовала в городах в парфянский период их истории, во всяком случае при ранних Аршакидах.

* * *

В парфянский период Дура-Европос — один из основных пунктов транзитной торговли с Востоком. Население города необычайно пестро — это сирийцы, вавилоняне, набатеи, евреи, македоняне, греки, арабы, персы, это то, что Тацит называет «варваризированным городом». Язык контрактов, деловых документов, официальных реляций — преимущественно греческий с многими арамеизмами, своеобразное койнэ, как и везде в Месопотамии. Все контракты составлены в соответствии с греческими правовыми нормами и греческой системой оформления документов (*scripta interiora* и *scripta exteriora*)⁹⁸. Город является административным центром большого района — приписанных к нему земель⁹⁹. Здесь регистрируются все сделки в *хремастерии* специальным чиновником — *хреофилактом*. При Селевкидах существовал городской совет, причем, судя по надписям, булевты носили преимущественно семитские имена. Документов парфянского времени с упоминанием городского совета не обнаружено¹⁰⁰. Из надписей ничего не известно и о филах. Раскопано немало храмов, посвященных различным божествам (в том числе христианская церковь и синагога). Многие храмы возводились на частные средства. Крупнейшим из них был храм пальмирских богов (центр культа пальмирской торговой общины), храм Артемиды-Нанайи (вероятно, центр культа некоторых греческих семей), Зевса-Кюриоса и другие. Характерной чертой Дура-Европоса является отсутствие храма городских божеств или святилищ отдельных фил [Ростовцев, 1935].

В течение всего парфянского периода в Дура-Европосе почитается основатель города Селевк I. Особенно показательное сохранение ведущих магистратур города за *εὐρωπαῖοι* (македонцами) вплоть до конца жизни города. Как и во всех селевкидских полисах, во главе Дура-Европоса стояли *стратег* и *эпистат* из местной знати — из македонской семьи Лисиев: выборная должность (*стратег*) и должность государственная (*эпистат*) соче-

тались в одном лице¹⁰¹. Представители этой семьи титуловали себя, как и при Селевкидах, «первыми и самыми почитаемыми друзьями и телохранителями» (например, P. Duga 28). Точно таким же титулом называли себя и другие крупные чиновники¹⁰². В данном случае мы имеем дело, конечно, с традиционной для полиса титулатурой знати, но не с какими-то официальными титулами парфянского двора. Таким образом, тенденция развития города не засвидетельствована номенклатурой городских магистратур или изменениями в правовом статусе. Она проявляется, например, в судьбе дочери стратега и эпистата Дура-Европоса Селевка, сына Лисия, которую звали Тимонесса. Сохранился контракт о том, как Тимонесса, заняв деньги у Никанора, сына Ксенократа, сына Адая, т. е. у ростовщика-сирийца, и обеднев, не смогла вернуть ему долг. Никанор, женившись на ее дочери, простил ей этот долг как родственнице, отобрав, однако, трех рабынь (P. Duga 18, [Уэллес, 1936, с. 112]). Это — наиболее характерный пример, но в документах из Дура-Европоса немало и других данных, говорящих о том, что богачи-сирийцы проникали в среду городской аристократии, скупая у них принадлежащие им земли (P. Duga 25), как торговцы, банкиры и ростовщики, все более прибирая к рукам городские магистратуры¹⁰³. Торговый город рождал новую знать.

Власть парфян в Дура-Европосе отражается в надписях и археологических материалах лишь косвенно. У нас нет, например, данных о наличии в городе парфянского гарнизона, хотя именно в парфянский период укрепляются городские стены и возводится ряд укреплений. Неизвестно также о значительном иранском населении, хотя тип жилищ — несомненно восточный. Происходит ориентализация культов, в том числе и тех, которые считались специфичными для селевкидской династии, но неясно, какую роль в этом процессе играют парфяне [Шишова, 1956, с. 117].

Датировочные формулы документов начинаются словами: «В царствование царя царей Аршака, Эвергета, Дикайона» и т. д., но приводится также и традиционная дата по эре Селевкидов¹⁰⁴ (это характерно для многих городов и государств Месопотамии парфянского времени).

Конечно, исходя из фрагментарных материалов, дошедших из Месопотамии парфянской эпохи, можно думать, что в Дура-Европосе в этот период происходили

некоторые изменения. Известно письмо Артабана III (?) Сузам (21 г. н. э.) (парфянские цари, так же как и сселевкидские, сносились с городами посредством специальных писем) [Уэллес, 1934], которое свидетельствует, возможно, об усилении царской партии в автономных городах и сильном вмешательстве царя в городские дела¹⁰⁵. Характерно описание пребывания Апполония Тианского в Вавилоне, городе, который, согласно Плутарху, был «неизменно враждебен парфянам» (Plut. Crass. XVII, 1, 145; Philostrati Vit. Apoll. I.27). Тем не менее в городе стояла позолоченная статуя парфянского царя, перед которой каждый входящий в город должен был падать ниц. В городе имелись царские шпионы («уши царя»), которые следили за «приезжающими и их поведением». Эти факты, быть может, скорее свидетельствуют о внешних изменениях в облике городов и городской жизни, чем о переменах по существу. Они могли, вероятно, зависеть от определенных политических обстоятельств. Внутренние изменения в городской жизни были вызваны развитием экономики.

Роль полиса Селевкии в политике, его вклад, в частности, в борьбу претендентов на престол Ирана — Тиридата и Артабана III, а затем — Вардана и Готарза II, и, в особенности, во время восстания 30—40-х гг. н. э., показывает действительное положение городов Месопотамии в системе парфянской администрации.

Основанная Селевком I на месте древнего Описа, Селевкия при парфянах¹⁰⁶, по выражению Тацита, — «город могущественный, не варваризированный (в отличие от Дура-Европоса.— В. Л.), сохранивший порядки, установленные Селевком» (Annales. VI, 42).

Связанная с Евфратом «царским каналом», являясь центром торгового пути из Пальмиры вниз по Евфрату¹⁰⁷, Селевкия была, пожалуй, самым значительным торговым и политическим центром парфянской Месопотамии. На парфянских тетрадрахмах Аршакид иногда изображался венчаемым городской богиней — по мнению Р. Мак Доуэлла, это могло свидетельствовать о том, что полис как бы распространял на парфянского царя идею власти селевкидских монархов — «союзников» полиса [Мак Доуэлл, 1935б, с. 220].

Сведения, сохраненные Тацитом, о напряженной борьбе городских партий и этнических групп, приведшей к семилетнему восстанию, характеризуют ту позицию, которую занимали парфянские цари по отношению к неза-

висимым городам. Город управлялся еkkлeсией, выбиравшей сенат из 300 представителей по принципу «богатства и мудрости»¹⁰⁸. Выборы в сенат проходили в острой борьбе между «народной» и «аристократической» партиями. Тацит пишет: «Когда они приходят к согласию — город независим от парфянского царя, а как только у них начинаются раздоры, и каждая сторона призывает его в помощь против соперников, призванный против одной стороны, он приобретает силу против всех» (Annal. VI, 42). Артабан III, вмешавшись в эту борьбу, поддержал городскую аристократию, исходя из принципа, что «власть народа — всего ближе к свободному правлению, а господство немногих — ближе к царскому самовластию» (Annal. VI, 42). Парфянский царь поступил точно так же, как и в спорном случае с казначеем Гестиеем из города Сузы, но, как и там, это скорее свидетельствует о непрочных позициях центральной администрации в самоуправляющемся городе. Во всяком случае, стоило ставленнику Рима Тиридату «позволить заниматься селевкидскими делами жителям (этого города)», как он получил мощную поддержку города в своих притязаниях на престол. Характерно, что в этой ситуации ставленник Аршакидов — сатрап Фраат¹⁰⁹ отправил Тиридату письмо, советуя повременить с коронацией (очень скоро Тиридат все же был коронован в Ктесифоне «по отечественному обычаю Суреном» — Annal. VI, 42). Это выясняет позицию в городах полисного типа аршакидских правительственных чиновников: даже им политические симпатии сената не позволяли открыто выступить в поддержку неугодных городам парфянских царей.

После победы Артабана над Тиридатом Селевкия подняла восстание. В течение семи лет «не без срама для парфян один город столько времени издевался над ними» (Annal. XI, 9). Лишь в июне 42 г. Селевкия сдалась Вардану после длительной осады. Автономия города после этого была сильно урезана (в частности, прекратился выпуск собственной монеты).

О внутренних причинах восстания в Селевкии можно только догадываться, но ясно, однако, что, несмотря на «пропарфянскую» ориентацию части жителей города, вмешательство аршакидских государей в ее городские дела было затруднено и не всегда приводило к желаемым для монарха результатам. Борьба за автономию и в Селевкии, и в Сузах, и в Вавилоне [Пигулевская, 1956, с. 29—37], и в ряде других городов (в том числе

и таких, которые античные авторы называют «парфянскими», например Гал и Артемида) (Dio Cass. XL, 14) приводила к тому, что эти города оказывали широкую поддержку Риму: «сильно притесняемые», они с «радостью переходили на сторону римлян, возлагая надежды на дружелюбное отношение к эллинам» (Annales. VI, 41). Так было, например, во время похода Красса.

Сохранение традиционной терминологии при полной внутренней перемене тех или иных институтов, явствует и из материалов Эдессы и Пальмиры парфянского времени.

В Эдессе «демократические» греческие титулы носят шейхи арабских племен и принцы¹¹⁰, селевкидскими придворными титулами называют себя придворные царей из династии Абгаров¹¹¹. Так же, как и в Эдессе, в Пальмире существовала племенная структура. Племена выступают и здесь под терминами *φυλῆ* или *γένος* (в местной терминологии — *hny*) и являются структурными ячейками организации города¹¹². В Эдессе «македонская» практика сохраняется даже в IV в.¹¹³. Еще во времена царствования Кавада упоминается городской совет, который имел право выбирать своих представителей на ряд должностей, например городского поставщика зерна.

Структура самоуправляющихся городов, как видно, была столь действенна в Месопотамии, что ее не нарушило парфянское владычество. Часть налога, собираемого городами с подвластных им территорий, и другие поборы, вероятно, сравнительно регулярно отчислялись в казну царя царей. Скорее всего и в парфянскую эпоху сохранялись все те же налоги и «штрафы», которые были установлены еще Селевкидами, но некоторые налоги взимались только при парфянах. Так, судя по документам Дур-Европоса, члены царского суда, назначаемые в город аршакидским царем, так же как и специальный чиновник, следящий за взиманием судебных пошлин, обязаны были отчислять в казну царя суммы, равные тем, которые получали по решению суда пострадавшие¹¹⁴.

Стержнем, на котором держался этот своеобразный союз самоуправляющихся городов и центральной власти, была, в частности, международная торговля, приносившая баснословные доходы и городам, и парфянской династии. Судьба торговых караванов, следовавших из гаваней Персидского залива в Сирию или идущих через Экбатаны в Пальмиру, во многом зависела от центрального правительства, которое, кроме всего прочего, обес-

печивало им безопасность. Кроме того, центральное правительство диктовало направление торговых путей, централизовало тарифы и т. д. Основав Вологазкерт, например, парфянское правительство добилось того, что торговые караваны уже больше не шли в Селевкию.

Разумеется, этот «союз» полностью зависел от могущества Парфянского государства, от силы его влияния на торговых путях. При любом кризисном состоянии парфянского Ирана, при любой потере позиций в районе Месопотамии торговые города круто меняли ориентацию. Это особенно сказалось в эпоху общего экономического и политического кризиса III в.

Материалов, характеризующих города парфянского времени, расположенные на территории Ирана и в коренных областях парфянской державы, к сожалению, слишком мало. Несколько городов на востоке Ирана упоминают Плиний, Аммиан Марцеллин, Исидор Харакский; сравнительно хорошо изучена планировка городов парфянского времени в районе Маргианы, однако почти полностью отсутствуют письменные памятники.

V. Царские и прочие города и их администрация

При Сасанидах процесс «градостроительства», который известен из ряда письменных источников, внешне весьма напоминает эпоху Селевкидов — уже первые сасанидские монархи основывают или благоустраивают многочисленные города в различных районах Ирана¹¹⁵, давая им свое имя. Но «царские города» в сасанидскую эпоху — это первоначально ставка военного гарнизона во вновь захваченных землях, затем — центр вновь образованных административных округов, местопребывание государственных чиновников, распорядившихся в этих округах.

Во время войн в Месопотамии первые сасанидские шаханшахи — Арташир I и Шапур I захватили в числе прочих городов и Дура-Европос¹¹⁶. В то время город, находившийся под римским господством со времени Люция Вера, был римской военной крепостью на Евфрате. Немногочисленные иранские надписи Дура-Европоса¹¹⁷ свидетельствуют о том, что за несколько лет сасанидского господства городское устройство там претерпело существенные изменения. Во главе города был поставлен сасанидский наместник — *шахраб*¹¹⁸ или *хватав*¹¹⁹ по

имени Рашн. Как свидетельствует Р. Дуга 153, он владел имением с виноградниками недалеко от Дура-Европоса, что, видимо, говорит о раздаче «городской земли» сасанидским поселенцам ¹²⁰.

В иранских документах упоминаются различные титулы сасанидских офицеров и государственных чиновников, составлявших канцелярию *шахраба*: gnzbr (казначей), špstn (евнух), ps'nyk (телохранитель), dt[br(?)] (судья), dpywr (писец, в парфянском граффити — SPR'), dpywr ZY thmy (надпись № 43) ¹²¹ и другие. Хозяйство города было восстановлено, судя хотя бы по тому обстоятельству, что в парфянских остраках — отчетных документах о выдаче хлебного довольствия сасанидскому гарнизону и сасанидской администрации — упоминаются весьма значительные количества зерна.

Однако вскоре Дура-Европос был покинут и разрушен (Ammianus Marcellinus, XXIII, 5, 7). Иная судьба была у Селевкии: захваченная сасанидскими войсками в то же время, она была превращена в «царский город» и стала называться Вех-Арташир ¹²². Город этот также управлялся *шахрабом* по имени Растак ¹²³.

Из раннесасанидских надписей явствует, что переименование старых городов или основание новых происходило в тех именно областях, которые были захвачены сасанидскими войсками и вошли в состав «дастакерта» — владения сасанидских царей ¹²⁴.

Рост количества «царских городов» идет параллельно расширению «дастакерта» царя царей. Так, согласно раннесасанидским надписям, Арташир I основал на западе Ирана лишь три города — 'rthštr šnwmy, why 'rthštr, 'rthštr prgy. При Шапуре I, значительно расширившем личные владения царя царей, упоминаются уже более 15 основанных им городов, и в их числе why 'ndywk šhpwhr (на месте города Бет-Лапат), thm šhpwhr, šhpwhr šnwmy на западе и nyw šhpwhr (на месте Апаршахра) на востоке страны. Всеми этими городами управляли *шахрабы*, которые при дворе царя царей и в системе государственного управления занимали одно из самых важных мест. Из тех же источников видно, что шахрабы были назначены центральным правительством и в старые (не переименованные) города, такие, как (уже при Шапуре I) Гудман, Габу, Ринд, Рей, Хамадан и др. К городам, как и в парфянскую эпоху, была приписана сельская округа, эксплуатировавшаяся центральной администрацией ¹²⁵.

Таким образом, вместо самоуправляющихся городов селевкидской и парфянской эпох (преимущественно в западных районах страны), осуществлявших контроль над значительными территориями помимо центрального правительства, уже в раннесасанидскую эпоху возникают города — ставки центрального управления. Вместо «союза» царя и городов мы видим расширяющийся царский «дастакерт» и гибнущие «вольные» города.

Институт *шахрабов*, важнейший политический институт в раннесасанидскую эпоху, существовал и при парфянах. В то время *шахрабы* управляли небольшими по территории областями — административными округами парфянской империи¹²⁶. Уже при Селевкидах государство делилось на 72 сатрапии¹²⁷, в дальнейшем их, возможно, было еще больше¹²⁸. В парфянскую эпоху, судя по некоторым данным, в коренных областях государства, прежде всего в Парфии, Маргиане и других *шахрах*, административное устройство было внешне сходно с тем, которое упоминается в раннесасанидских надписях. Во всяком случае, в документах винных кладовых Михрдаткерта — крепости, на территории которой, вероятно, находилась и родовая усыпальница парфянских царей, упоминаются титулы *dzypty* (начальник крепости), *hštrp* (РНТ) и *mrzwrn*. Издатели документов полагают, что территории, с которых собирались налоги в Михрдаткерте, были объединены в «марзбанство» (Михрдаткерт являлся административным центром), в котором существовали более мелкие административные единицы — сатрапии [Дьяконов — Лившиц, 1966]. Однако титул *hštrp* имел, вероятно, и другие значения — этот титул носил, например, представитель царской администрации (эпистат) города Сузы. В парфянскую эпоху существовал также титул «сатрап сатрапов» (надпись на рельефе Готарза в Бехистуне). Сохранившиеся данные не позволяют полнее осветить роль сатрапов в системе парфянской администрации, однако она кажется все же несколько иной, чем в сасанидскую эпоху. Этот институт, развитие которого тесно связано прежде всего с расширением царского «домена», прекращает свое существование, вероятно, уже в IV в., когда Сасанидское государство окончательно централизуется¹²⁹. Об управлении городов в позднесасанидскую эпоху наиболее интересные данные содержит сасанидский «Судебник». Представителями центральной администрации в городах были судьи и *хамаркары*, осуществлявшие свои функции в соответст-

вии с инструкциями управителя провинцией — *остандара*. В компетенцию *хамаркаров* входили, в частности, контроль за поступлением налогов в царскую казну, выдача документов о правах собственности и владения и т. д. Все судебные процессы, связанные с государственным имуществом, вели судьи ¹³⁰.

В орбиту городской администрации входили сельские округа (*рустаки*) с деревнями (*deh*, QRYT'). В некоторых деревнях, не говоря уже о городах, находились храмы, имевшие земельную собственность. Реестры, связанные с земельными владениями и поступлениями податей с этих земель, хранились в специальных архивах ¹³¹.

Эти данные (они относятся, судя по упоминаниям различных исторических деятелей и шаханшахов Ирана, к V—VII вв.) свидетельствуют о существенном изменении (и не только терминологическом), происшедшем за два века существования Сасанидской державы.

Арташир-Хварре, основанный в III в. прежде всего как военный форпост в завоеванных землях — «дастакерте» Арташира I и управлявшийся наместником царя царей, превратился со временем в административный округ, в главном городе которого (Горе) все дела, связанные с эксплуатацией этого округа, осуществляли представители гражданской администрации централизованного государства — *kārdārān* ¹³².

VI. Царства и владения

Кроме городов в состав парфянской империи на правах «союзников» входил ряд сравнительно небольших или совсем мелких полузависимых царств и областей. Среди них наиболее крупными были Персида (Парс), цари ¹³³ которой, судя по их именам, считали себя потомками Ахеменидов, Элимаида, где правила династия Камнаскиров ¹³⁴, а также ряд пограничных с Ираном государств в районе Месопотамии. Число таких государств особенно возросло к концу II в. В то время самостоятельную политику кроме Персиды и Элимаиды вели Армения, Атропатена, Керман, Месена и ряд других владений. К моменту захвата власти в Иране династией Сасанидов подобных государств стало еще больше. Как уже упоминалось, владельцы этих царств выступают в источниках с титулом MLK'. Кроме них существовали более мелкие государства, чьи владельцы носили титул

MR'HY//hwtw (в надписи NPK упомянуты, например, владетели Махелонии, Борсиппы, Мокса, Антиохии и др. [Фрай, 1956; 1962, с. 187—190]).

Положение этих владений в системе Парфянского государства в определенные периоды было столь независимым, что от политической ориентации того или иного царя порой зависела судьба парфянского престола. Так, например, царь Адиабены Изад II решительно выступил на стороне Артабана III во время неурядиц в Парфии. Парфянский царь с небольшой свитой нашел убежище в Адиабене. По сообщению Иосифа Флавия, Изад II добился восстановления на престоле Артабана, за что ему было дано право «носить тиару и возлежать на золотом ложе»¹³⁵. Кроме того, Артабан III присоединил к Адиабене отторгнутый у армянского царства Нисибин.

Местные владетели обладали весьма широкими правами. Так, например, экзилархи иудеев — наследственные владетели, утверждавшиеся парфянскими царями, осуществляли верховный суд в своих областях, назначая местных судей. Их чиновники — ἀγοράνομοι устанавливали рыночные цены, следили за торговлей, собирали пошлины и подати. Экзилархи регулярно выплачивали парфянским царям земельную подать и могли посылать свои военные отряды в парфянское войско — этим ограничивались их обязанности по отношению к центральному правительству¹³⁶. Сходное положение было и в других царствах — Адиабене¹³⁷, Осроене (Dio Cass., LXVIII, 18), Хараксе, Хатре. Источники указывают, что при парфянском дворе существовала иерархия полувисимых правителей: цари Мидии и Армении считались наиболее значительными. Во время политической стабилизации власть царей и владык, находившихся под эгидой Парфии, во многом зависела от воли царя царей, подобно тому как другие владыки, попавшие под власть Рима, заискивали перед римскими наместниками¹³⁸.

Нет ничего странного в том, что лоскутная Парфянская держава уже в середине I в. н. э. воспринималась римлянами не как единое государство, а как конфедерация, состоящая из многих (согласно Плинию, например, из восемнадцати) царств (Plinius, Nat. Hist., VI, 29). Поэтому в любой сложной политической ситуации всегда проявлялась тенденция отдельных правителей к сепаратизму. В сущности, переход власти в Иране от парфянской династии к сасанидской, первоначально захватившей власть в царстве Парс (основатель дина-

этии Сасан носил титул MR'HY, Папак, отец Арташира, был царем Парса), был проявлением именно такого жестокого кризисного состояния страны в условиях общего экономического и социального кризиса III в. Парфянская конфедерация, состоявшая из автономных городов Месопотамии и различных полузависимых царств и владений, распалась, и сасанидские цари, захватив престол Ирана, должны были заново подчинять своей власти всю страну.

VII. Процесс централизации в сасанидский период

Сасанидский период характерен постоянно растущей тенденцией к централизации, однако раннесасанидское государство в этом отношении почти не отличается от позднепарфянского: первоначально оно также представляло собой конфедерацию отдельных царств и более мелких владений, находившихся в разной степени зависимости от центральной власти, по-разному связанных с ней экономически. В раннесасанидских надписях упоминаются местные полузависимые династии парфянского времени: цари Аpreneка, Мерва, Кермана, Сакастана (они состояли при дворе Арташира I), Адиабены, Иберии (при дворе Шапура I), Спандуртана, Макурана, Абхиры (при дворе Нарсе) и др. Все эти царства, судя по ряду данных, добровольно подчинились сасанидским монархам¹³⁹. Однако те же раннесасанидские источники показывают постепенный процесс централизации Ирана. Уже при Шапуре I была уничтожена самостоятельность Аpreneка, Мерва. Сакастан вошел в провинцию (*шахр*) «Сакастан, Турестан и Инд до побережья моря» (таково полное название этой провинции в надписях ŠKZ, Pers. I) и был передан в удел сыну Шапура I Нарсе, а затем (после 274 г.) — сыну Варахрана I, будущему шаханшаху Варахрану II. Этот титул сохранялся по крайней мере до 326 г. Судя по некоторым данным, царство Керман (после 262 г.) стало управляться сыном Шапура I Варахраном. То же случилось и со вновь завоеванными царствами — Месёной, отданной в удел сыну Шапура I Шапуру, и частью Армении, которой стал править сын Шапура I Хормизд-Арташир (с титулом «великий царь»). В IV в., при Шапуре II — Арташире II, завоеванное Кушанское царство также было передано в наместничество сыновьям Арташира II — Перозу и Хормизду, которые титуловали себя «царь кушан» или

«великий царь кушан» [Луконин, 1967]. Самостоятельное царство в Элимаиде просуществовало до середины IV в.

Описание административного устройства Ирана к 262 г. представлено в SKZ: «И я (Шапур I) владею [следующими] царствами: (Prth. hštr) Парс, Партав¹⁴⁰, Сузиана, Месена, Асурестан, Адиабена, Аравия, Атурпатакан, Армения, Иберия, Махелония (Prth. sykn), Албания, Баласакан и дальше, вплоть до (Prth. HN prhš' L) гор Кап (Кавказ) и «Албанских ворот», и все горы Парешхвара (Эльбурз), Мидия, Гурган, Мерв, Герат, весь Апаршахр, Керман, Сакастан, Гуран, Мекран, Пардан, Инд, Кушаншахр вплоть до Пашкабура и дальше до гор Кашагара (Prth. k's), Согда и Чача, а с другой стороны моря — Оман (Prth. mzw[n h]štr). И все эти многие царства (Prth. hštr), и их цари (Prth. nštrdr), и управители «сторон» (Prth. ptykwspn) — все они стали приносящими нам дань и подчиняющимися (Prth. LN pty b'z W'BDkpy HQ'YMWt HWYn)¹⁴¹.

В этом списке «царств» упомянуты области и провинции, находившиеся в разной степени зависимости от центрального правительства (обязанные данью — т. е. полувисимые и подчинившиеся). Некоторыми из них управляли наместники царя царей, в других правила местные династы. Страна делилась на полувисимые царства (*шахры*) со старыми городами, царства, вошедшие в «домен» царя царей с новыми («царскими») городами, а также царские земли (Мидия, Гурган и другие пограничные территории), которые назывались kwst (букв. «сторона») и управлялись государственными чиновниками — «правителями сторон»¹⁴².

«География» SKZ описывала как «Иран», так и «не-Иран» в полном соответствии с новым (принятым, вероятно, около 260 г.) титулом сасанидского государя — «царя царей Ирана и не-Ирана»¹⁴³.

Политическая централизация была достигнута в Иране, по-видимому, лишь к концу сасанидского периода, когда полностью была завершена реформа перехода от системы *шахров* к системе четырех крупных частей государства во главе с наместниками, назначаемыми центральным правительством и осуществлявшими как военную, так и гражданскую власть в своем наместничестве — своеобразное возрождение института *шахрабов*.¹⁴⁴ К этому времени относятся и данные «Письма Тансара», где сообщается о том, что титул малик жалуются шаханшахом лишь членам царского рода и пограничным

владельцам (mrzr'n; kanārang¹⁴⁵ «аланов, областей запада, Хорезма и Кабула». Однако еще и в эту пору владельцы полузависимых царств в случае подчинения центральному правительству могли рассчитывать на сохранение своего титула. В качестве примера автор «Письма» приводит случай, некогда происшедший с царем Кермана Кабусом, и дает совет Джашнаспу (Гушнаспу), царю Табаристана, также последовать этому примеру. Здесь же сообщается, что ни титул MLK', ни область, куда назначается правитель с этим титулом, ни в коем случае не должны превращаться в наследственные.

Деление Ирана на четыре военно-административных округа упоминается у арабских географов и отражено послесасанидским сочинением «Города Ирана». В этом сочинении засвидетельствованы следующие rāyḡōs: Север (abāxtar), Восток (xwarāsān), Юг (nēmroz) и Запад (xwarwagān), что вполне соответствует четырем *марзбанам* «Письма Тансара». Правители «сторон» позднесасанидской эпохи входили в число пяти важнейших вельмож двора.

VIII. Администрация областей и округов

Об управлении отдельными частями государства в позднесасанидское время сведений почти не сохранилось. Счастливым исключением является Парс, о котором содержится немало данных в сасанидском «Судебнике». Эти данные могут быть пополнены материалом надписей на буллах, найденных американской археологической экспедицией в Каср-и Абу Наср, в округе Шираза¹⁴⁶. Надписи на официальных печатях, оттиснутые на этих буллах, тесно перекликаются с данными «Судебника»¹⁴⁷.

Административный округ (nahang или tasūg)¹⁴⁸, часто упоминаемый в «Судебнике», — Арташир-Хварра. Его главный город (štrdstn) — Гор. В этом округе существуют два типа земельной собственности — царская (государственная)¹⁴⁹ и храмовая. В соответствии с этим существуют и две параллельные административные системы — государственное ведомство во главе с *остандаром-карффраманом* (dewān ī ōstāndārih — MhD, A 27, 12—13) и храмовое ведомство во главе с *магунатом*. И *магунат*, и *остандар* являются конечной инстанцией для дел, касающихся всего округа (городов, городской округи, деревень), тогда как дела, относящиеся к от-

дельным местностям округа (города, селения) подлежат компетенции *хамаркаров* (государственное ведомство) и *ратов* (церковное ведомство) (MhD, A 26, 17; 27, 4; 28, 3—5). И *магунат*, и *остандар* имеют соответствующие инструкции, в которых определены их функции (*xwēškārīh-nātag*)¹⁵⁰. Все документы, которые касаются дел округа, скрепляются или печатью *магуната*, или печатью *остандара*. Документы, связанные с делами более мелких территориальных единиц, скрепляются печатями *хамаркаров* или *ратов*¹⁵¹.

В «Судебнике» определены функции *остандара*, *магуната*, *хамаркара*, *рата*, которые совершенно сходны, — разница заключается лишь в том, какой категории собственности они касаются (государственной или храмовой). *Остандар* управляет имуществом царской казны (*магунат* — храмовой), начисляя сумму податей, решая вопросы о продаже и покупке имущества (земель) отдельными лицами, лишает земли или жалует ее в условную собственность (все эти земли занесены в специальные реестры)¹⁵², а также разрешает выдачи из царской казны и следит за поступлением в нее налогов.

Те же функции осуществляет *хамаркар* в городах и деревнях, подведомственных округу. Кроме того, *хамаркар* обязан оформлять налоговые и иные документы, сообщать о состоянии налогообложения, об убытках и т. д. Судопроизводство в государственном ведомстве осуществляется *остандаром* (для округа) и судьями в городах.

Функции *магуната* и его *ратов* абсолютно тождественны. Судопроизводство в храмовом ведомстве осуществляется *магунатом* (для округа) и *ратами* в городах. Этот полный параллелизм в гражданской и храмовой администрации относится, возможно, еще к IV в. Во всяком случае, судя по данным «Судебника», приказ Шапура II об изъятии имущества у манихеев был санкционирован (для храмового ведомства?) *магунатом* Ирана (MhD, A 38, 16).

Административное устройство Парса было скорее всего типичным для позднесасанидского Ирана. Об этом свидетельствуют прежде всего буллы. Большое количество булл, найденных в Тахт-и Сулеймане (более 200), в Серахсе (более 40), в Нехавенде и других частях Ирана, представляют на официальных печатях те же титулы и ту же стандартную формулу, что и буллы Парса (их более 500), надписи которых часто идентичны данным «Судебника».

Итак, приведенные при описании политического положения городов и областей данные показывают тенденцию развития Ирана в парфянскую и сасанидскую эпохи. Иран парфянского времени представлял собой три ареала: ареал самоуправляющихся городов (преимущественно в Месопотамии), ареал полузависимых царств и владений (на границах Ирана) и ареал коренных парфянских земель (Парфиена, Маргиана) с собственным правом (в Месопотамии преимущественно греческим), собственными политическими институтами (на Западе — сохранившимися еще от селевкидского времени, а в некоторых самостоятельных государствах на Востоке — восходящими к Ахеменидам).

Единство при парфянах достигается в значительной степени лишь благодаря военной силе и контролю над путями международной торговли. Это единство непрочное; в начале III в. Иран окончательно разваливается на ряд независимых областей.

Раннесасанидская монархия, в сущности, мало чем отличается от парфянской, однако изменившиеся условия способствуют постепенной централизации государства. На смену полису приходит «царский город», на смену системе полузависимых царств — единая государственная административная система, на смену религиозной терпимости парфянских царей и множеству религий — единая государственная религия — зороастризм.

Все эти процессы нашли свое отражение и в памятниках культуры, и прежде всего в наскальных рельефах, т. е. в тех памятниках, которые имели характер официальных актов. Основным сюжетом более чем дюжины парфянских рельефов, обнаруженных к настоящему времени на территории Ирана, является сцена инвеституры местного владельца парфянским царем (Митридат I(?), царь Элимаиды и его придворные — на рельефе в Хунг-и Ноурузи, Митридат IV и местный правитель — на рельефе в Сар-и Пул, Артабан V и сатрап Суз Хвасак — на стеле из Суз и т. д.) или иные сцены, где представлены владельцы самостоятельных царств и их придворные (например, комплекс Танг-и Сарвак). Характерно, что не существует ни одного рельефа парфянского времени со сценой божественной инвеституры царя царей богом — наиболее распространенным сюжетом рельефов сасанидского времени. С другой стороны, среди двадцати восьми

рельефов эпохи Сасанидов ни разу не встречена сцена венчания на царство какого-либо местного династа сасанидским шаханшахом. Разумеется, это различие в официальных актах, записанных языком изображений, показывает различие в существе парфянского и сасанидского государств.

IX. Государственные чиновники

Центральная гражданская администрация парфянской эпохи почти не упоминается в источниках. В ранне-сасанидских надписях, данные которых, как уже неоднократно подчеркивалось, мы можем распространять и на Парфянское государство (во всяком случае — его позднюю стадию), упоминаются гражданские чиновники в следующем порядке: двор Арташира I — *питуахш* (MP *bthšy*; Prth. *bythš*), *хазарапат* (MP *hz'lwpt*; Prth. *hzwpt*), главный секретарь (MP *dpyrwpt*; Prth. *dpyrwpt*), главный судья (MP *d'tbry*; Prth. *d'tbr*; греч. *δικαστοῦ*). Двор Шапура I — *питуахш*, *хазарапат*, *фра-матар* (MP *prmt'r*; Prth. *prmt'r*; греч. *ἐπίτροπος*), главный секретарь (греч. *ἀρχιγραμματέυς*), главный судья¹⁵³. Двор Нарсе — *харгунат* (Prth. *hrgwpty*), *питуахш*, *хазарапат*, *фраматар*, главный судья.

Более поздние данные содержатся в обширном эпиграфическом материале эпохи Сасанидов — в надписях на печатях, на буллах и т. д. Среди них упоминаются такие титулы, как *'yl'n 'nblkpty* — «главный интендант Ирана»¹⁵⁴, *w'slwš'n sld'l* — «глава земледельцев»¹⁵⁵ и ряд других. Изучая все эти данные, можно прийти к выводу, что сасанидская государственная административная система в результате государственных реформ претерпела существенные изменения по крайней мере дважды — в IV в.¹⁵⁶ и в VI в. (при Хосрове I).

Титул *bthšy* открывает *notitia dignitatum* ранних сасанидских монархов. Этот титул встречается неоднократно и в парфянскую эпоху. Так, он засвидетельствован в надписях Мцхеты (I—II вв. н. э.), где указан и его арамейский эквивалент — *rb trbš* [Фрай, 1952]. Тем же титулом (*βατήρα*) назван Манес в P. Dura 20.4 [Крелинг, 1959; Фрай, 1962a]. В сасанидскую эпоху титул *bythš* встречается лишь до конца III в.¹⁵⁷. Функции *bythš* до сих пор не выяснены. Возможно, этим титулом обозначалось «второе лицо» (после царя?) [Нюберг, 1946,

с. 237, примеч. 2 — *bitiya* < **dvitiya*; Хеннинг, 1958, с. 62, примеч. 2]. Как полагает Р. Н. Фрай, *bythš* в раннесасанидское время являлся чем-то вроде регента во время отсутствия царя ¹⁵⁸.

Титул *хазарапат*, следующий за *bythš*, был, возможно, военным титулом, равнозначным префекту претория. Он засвидетельствован и для более позднего времени и встречается, в частности, — заимствованный из среднеперсидского, — на геммах эфталитского времени ¹⁵⁹.

Непосредственно с гражданской администрацией связан титул *фраматар*. Его греческий (*ἐπίτροπος*) арамейский (*rb trbš*) эквиваленты, а также упоминание этого титула в документах ахеменидского времени позволяют заключить, что первоначально *фраматар* являлся распорядителем царского хозяйства ¹⁶⁰, затем — распорядителем хозяйства царского *дастакерта* и, наконец, в эпоху, когда самостоятельность отдельных царств в составе Сасанидской империи была полностью уничтожена, — первым министром государства (*RB'plmt'l*) ¹⁶¹.

Титул *wuzurg-framādār* характерен для позднесасанидского времени; он, насколько известно, впервые засвидетельствован для эпохи Ездигерда ¹⁶², но уже при первых сасанидских царях — Варахране II и Нарсе — *фраматар* стал играть ведущую роль в государстве ¹⁶³. Эта его выдающаяся роль была обусловлена ходом развития Ирана: как уже подчеркивалось выше, царский «дом» постепенно становился ведущим в хозяйстве страны. В распоряжении *фраматара* находились секретари (*druwr*) во главе с *дапирпатом*, а также *хамаркары* во главе с *шахрхамаркаром*. Вероятно, *фраматару* был подчинен и *харгунат* — этот титул встречается уже при первых сасанидских царях, и чиновник, его носивший, был главой ведомства по сбору налогов ¹⁶⁴. При поздних Сасанидах административный аппарат усложняется. Администрация округов позднесасанидского Ирана выше уже была описана. По некоторым фрагментарным материалам можно было бы представить существование *фраматаров* (*kārframān*), *хамаркаров* и *харгунатов* отдельных округов ¹⁶⁵.

Судя по сообщениям арабских географов и историков, отчасти поддерживаемым и среднеперсидскими сочинениями, в конце сасанидской эпохи при дворе существовали титулы «глава ремесленников» (*hutuxšbed*) и «глава земледельцев» (*wastaryōšbed*) ¹⁶⁶. Последний титул (в варианте *w'slwš'n*) зафиксирован и на одной поздне-

сасанидской печати. Чиновник, владевший этой печатью, обладал и рядом других титулов, что, видимо, вообще было характерно для позднесасанидской эпохи¹⁶⁷.

Х. Торговля

Важная роль международной торговли в парфянский период выше уже была отмечена.

К началу I в. до н. э. одним из важнейших торговых путей стало ответвление «царской дороги» от Герата на север к Мерву и далее через Амуть к Самарканду, где в дальнейшем этот путь сливался с «шелковым путем», проходящим из Китая по оазисам Восточного Туркестана¹⁶⁸. Этот «шелковый путь», согласно «Дорожнику» Исидора Харакского, в границах Парфии насчитывал 685 схейн¹⁶⁹. Из Маргианы дорога шла через Арею, Дрангиану и Сакастан в Арахосию — к современному Кандагару или в район Газни, где связывала восточную Парфию с Индией. Глубинные районы Малой Азии и Сирии (в частности, Пальмира) приевфратским путем связывались с Селевкией и получали выход по Евфрату в Персидский залив (с 24 г. н. э. дорога шла, минуя Селевкию, в Вологазкерт) или на караванные маршруты, проложенные через Иран. Морской путь в Индию (через Красное море и Персидский залив), открытый александрийскими моряками в середине I в. н. э., а также «путь благовоний» — караванная дорога из приморской Сирии в Южную Аравию и Хадрамаут — были вне парфянского контроля. Таким образом, главными товарами для парфянского Ирана были китайский шелк-сырец (*sericum*), торговля которым осуществлялась через посредство согдийских торговых факторий, распространившихся по трассе «шелкового пути» уже со II в. до н. э., а также индийские товары, такие, как драгоценные камни, благовония, опиум, рабы-скопцы, пряности (например, разные сорта перца) и т. д.

Особую торговую активность проявляли сирийцы, в частности пальмирцы, торговые поселения которых существовали не только в городах Месопотамии, но, возможно, даже в Мерве¹⁷⁰.

Международная торговля была преимущественно караванной. Караваны из Месопотамии доставляли в восточные области Парфии, а оттуда — караванами местных купцов — в Китай и Индию сирийское стекло,

шелковые ткани, шерстяные ткани, окрашенные в пурпур, изделия из металла, вино, масло. Эта торговля приносила колоссальные доходы ¹⁷¹.

Во II в. н. э. главным центром торговли с Востоком в Месопотамии была Пальмира. Караванные пути из Пальмиры шли на Восток к Евфрату. Через Дура-Европос караваны шли вниз, к гавани Харакса, куда прибывали корабли из Индии, или же на Вологазкерт-Ктесифон и далее — в Иран, на Экбатаны, Гекатомпил. Существовал и другой торговый путь, не менее оживленный: от Селевкии к Зевгме и оттуда через Эдессу и Нисибин в Армению и дальше, к Каспийскому морю. В Зевгме ежегодно устраивалась громадная ярмарка, на которой индийские и китайские товары продавались местным купцам (Plin., NH, VI, 29, 30). Эта ярмарка находилась под контролем парфянской администрации — специальные государственные чиновники собирали торговые пошлины в казну царя царей (Philostratus Vit. Aroll., I, 20, 2). Парфянские монархи, поощряя деятельность месопотамских купцов и городов, заботились о благоустройстве и безопасности торговых путей, строили военные крепости для защиты караванов. Вместе с тем и центральное правительство, и сами парфянские купцы стремились захватить монопольное положение на отрезках торговых путей, проходивших через Иран, препятствуя установлению прямых контактов между Римом и Китаем.

Об организации караванной торговли можно судить по надписям Пальмиры. Караван (*šjrbth*, *šjrth*) возглавлялся *синодархом* (*rb šjrth*). Быть может, первоначально его составляли члены одного племени. Во всяком случае, *синодархи* Пальмиры по большей части принадлежали к одному роду ¹⁷². *Синодарх* обычно субсидировал купцов, он же возглавлял охрану каравана. О том, сколь опасна была караванная торговля, говорит хотя бы то, что в так называемом «Сборнике Ишобохта» — юридическом сочинении, составленном в VIII в. (многие статьи этого сборника восходят к более раннему времени — [Захау, 1914; Пигулевская, 1956, с. 132—137]), указывается, что, прежде чем заключался тот или иной торговый договор, необходимо было установить характер товара — «надежного или ненадежного». «Ненадежными» считались товары международной караванной торговли: в сборнике перечисляются «опасности», которым они подвержены. Это — «море», «огонь», «враги» и

«власть» [Пигулевская, 1956, с. 253—254]. Сильнее стихийных бедствий были, конечно, «опасности», зависевшие от «власти». Это бесконечные пошлины, которые приходилось платить на любых границах и в любых городах ¹⁷³, государственная монополия на продажу определенных товаров (прежде всего на шелк-сырец), военные действия в районе караванной дороги и т. д. Однако огромные доходы оправдывали все. Караванная торговля была стержнем экономики Парфянского государства. Она почти прекратилась в эпоху общеэкономического кризиса на Ближнем Востоке ¹⁷⁴. Однако с образованием Сасанидского государства международная торговля вскоре была налажена. И в эту эпоху, как и раньше, главным товаром был шелк, он представлял наиболее существенный интерес в экономических и тем самым дипломатических отношениях ¹⁷⁵. Шелковыми тканями платили подати, ими одаривали послов и монархов, покупали союзников, расплачивались с солдатами.

Помимо фрагментарных сведений в письменных источниках (на разных языках), в которых содержатся данные о торговле Ирана в сасанидскую эпоху [Пигулевская, 1951], своеобразными документами этой торговли являются глиняные буллы с оттисками печатей, обнаруженные при раскопках памятников сасанидского времени ¹⁷⁶. На буллах оттиснуты многочисленные печати частных лиц (некоторые из них повторены несколько раз) и, как правило, одна официальная печать (только с надписью, без изображения), в которой указаны названия населенного пункта и провинции.

В тех случаях, когда имеется точное описание обстоятельств находки булл (раскопки в Тахт-и Сулеймане, Каср-и Абу Наср, Ак-Тепе), выясняется, что все они находились в тесных помещениях, как будто бы мало приспособленных для хранения обширнейших архивов (если каждая булла служила печатью к одному документу, то в маленькой комнатке Каср-и Абу Наср, например, должно было храниться не менее пятисот свитков). На оборотной стороне булл сохранились оттиски широкого ремня, к которому они некогда прикреплялись. Это также отрицает возможность их использования для опечатывания документов. Интересно и то обстоятельство, что на буллах, найденных в разных местах Ирана — на юге (Шираз), северо-западе (Тахт-и Сулейман), северо-востоке (Ак-Тепе), встречаются оттиски одних и тех же печатей, а в надписи на официальной печати жреца

или *хамаркара* упоминаются самые различные иранские города (в буллах Каср-и Абу Наср: Хамадан, Мад, Демавенд, Серахс-Апаварт и т. д.). Наконец, выясняется, что на некоторых буллах дважды, а то и трижды оттискивалась одна и та же печать.

Наиболее вероятной гипотезой об использовании этих булл, как мне кажется, является гипотеза о том, что некогда ими опечатывали тюки с товарами, предназначенными для караванной или морской торговли. Такая практика была известна в более позднее время. Ибн ал-Балхи сообщает: «В давние времена посредники (баййā'ān) связывали в тюки казерунские грузы (речь идет о тюках с тканями, в частности со знаменитым тавваджжийским полотном. — В. Л.) и опечатывали их. Приходили чужеземные купцы и покупали эти тюки, не раскрывая их, ибо доверяли посредникам. И в какой бы город они (купцы) ни приходили — предъявляли сертификат посредника (хатт-и баййā'), и (другие купцы) перекупали эти тюки, не раскрывая их, так что бывало, что казерунский тюк проходил через десятки рук нераскрытым» [Ибн ал-Балхи, с. 146].

Это сообщение, как кажется, сразу же объясняет несколько обстоятельств. Если сасанидские буллы опечатывали когда-то тюки с товарами, то на них оттиснуты печати компаньонов и официальная печать жреца или *хамаркара*, фиксирующая, вероятно, что в тюке — товар хорошего качества, и что его — должное количество, и что с компании получены все полагающиеся подати (все это — в полном соответствии с функциями *ратов* и *хамаркаров*, о которых писалось выше). Булла сопровождала тюк с товаром, служа гарантией, а после того, как товар был продан, булла выступала как отчетный документ: печати, оттиснутые на ней, показывали, кому и какое количество долей прибыли следует получить.

Из источников сасанидского времени (прежде всего сасанидского «Судебника») известно о существовании торговых товариществ (*hambāyih*)¹⁷⁷. Торговым компаньонам, ведшим дальнюю караванную торговлю, и принадлежали, возможно, глиняные буллы. Их исследование в дальнейшем откроет новые страницы экономики сасанидского Ирана.

Как и в парфянский период, в сасанидскую эпоху известны крупные торговые рынки — в Персиде (Персеполикон), ежегодная ярмарка в Батне, куда, по сообщению Аммиана Марцеллина (XVI, 3,3), «сходится в нача-

ле сентября великое множество людей всяких состояний для закупки товаров, присылаемых индийцами и сѣрами, и всяких других, которые свозятся сюда по морю и суше», и др. Организация торговли и перечень товаров описывается многими источниками, например «Полным описанием мира и народов», сочинением, составленным около 350 г. н. э. [Мюллер, 1855—1861, с. 513—528; Пигулевская, 1951]. Торговля, особенно международная, была тесно связана с политикой: уже указывалось на политический аспект торговли шелком, «стратегическим товаром» (в VI в.) считались медь и железо: византийские императоры запрещали продавать их персам.

XI. Налоги, денежная система

О налоговом обложении в западных областях парфянской империи известно главным образом из иноземных источников (данные Талмуда, сообщения римских и сирійских историков, надписи на официальных печатях). Для ядра парфянской державы — областей на востоке страны мы располагаем данными архива Нисы.

Основным налогом в парфянскую эпоху был поземельный налог — денежный или натуральный, называвшийся и исчислявшийся по-разному — в зависимости от категорий земель и областей, где он собирался (*tasgā* — в Талмуде, *bāga*, *bāz* — в Иране, *ἐκρόσιον* — в западных областях и т. д.). В документах из Нисы наиболее часто встречается налог с земель *uzbar* (*uzbari*, *'wzbry*), который, судя по ахеменидским документам, представлял собой натуральный (реже — денежный) налог непосредственно для казны царя царей [Дьяконов — Лившиц, 1960, с. 17]. Второй термин, наиболее распространенный в документах из Нисы — *pathbāžik* (*ptbzyk*), также известен из материалов ахеменидского времени (**patibāži* *πατιβαζή*). В ахеменидскую эпоху этим термином обозначались натуральные поставки царскому двору — плодов, винограда, вина и т. д. Судя по документам из Нисы, земли, с которых собирались эти два вида налога, включали в себя не только царские имения, но и наделы, выделенные сатрапам, *дизпатам* (если верна трактовка издателей формуляра некоторых документов: MN... LYD *hštrp* (*dyszpty*) — «виноградники, которые в распоряжении сатрапа» (*дизпата* — LYD вместо BYD); наделы общинников, возможно, земли, часть доходов с которых поступала на нужды культа.

Кроме этих категорий налогов теми же документами зафиксированы поступления «от себя» (MN NPŠH), вносившиеся не только рядовыми виноградарями, но и главным начальником конницы (tyrydt mzn 'sppty), казначеями (pšyr gznbr, rnyš gznbr и т. д.), сборщиками вина (mdwrn), всадниками (документ Nov. 280-бис: ssn 'sb'r — «всадник Сасан»). Об арендной плате и строгом контроле за ней свидетельствуют и знаменитые авроманские пергаменты, и ряд пергаментов из Дура-Европоса¹⁷⁸.

Кроме поземельного налога существовал еще и подушный налог (в Талмуде — keroga), которым, судя по ряду источников, облагалось население Месопотамии (этот налог для Восточного Ирана в парфянское время неизвестен)¹⁷⁹. В Сирии подушной податью облагались мужчины от 14 до 65 лет и женщины от 12 до 65 лет¹⁸⁰. Этот налог исчислялся разными способами: поголовная дидрахма с иудейского населения, сотая часть имущества сирийцев (διδράχμα) и т. д.

Наиболее значительным поступлением в царскую казну с земель, подлежащих юрисдикции самоуправляющихся городов, был, как и в селевкидскую эпоху, фторос. Помимо него существовала система «царских» налогов — налоги на ремесло (χρυσάργεον), квартирный налог. Очень развита была система местных налогов — на товары, являвшиеся царской монополией, на рабов, выпас скота, за пользование водой и т. д. Многие из таких налогов упомянуты, например, в пергаментах Дура-Европоса.

Следует иметь в виду, что из-за фрагментарности источников парфянского времени налогообложение в эту пору освещено далеко не полностью и дошедшие случайные данные могут получить разную интерпретацию [Бикерман, 1938; Ростовцев, 1941, 2]. Значительно полнее известно налогообложение времени Сасанидов, в частности налоговая реформа Хосрова Ануширвана, описанная у Табари [Нёльдеке, 1879, с. 241—245]. Анализируя эту реформу, можно заключить, что до VI в. поземельный налог взимался нерегулярно, ибо не существовало земельного кадастра; каждый год количество поступлений в царскую казну менялось из-за запустения земель, неурожая и т. д.¹⁸¹ Кадастр земель начал составляться, по-видимому, при Каваде и завершился в эпоху Хосрова Ануширвана. В кадастровый список были занесены измеренные земли и составлен перечень земельных масси-

вов, обложенных налогом, причем один экземпляр находился в центральном архиве, другой — разослан царскими чиновниками по округам. Единицей обложения, согласно Табари, стал *гариб* (приблизительно $\frac{1}{10}$ га). Налог взимался в зависимости от того, что произрастало на земле. Он начислялся в денежном эквиваленте (с *гариба* пшеницы или ячменя — 1 драхма, с *гариба* виноградника — 8 драхм, с *гариба* люцерны — 7 драхм и т. д.), но его выплачивали скорее всего и деньгами, и натурой (подобно хараджу-мисаха аббасидского времени). Специальному обложению подлежали плодовые деревья (с четырех финиковых пальм — 7 драхм, столько же с шести оливковых деревьев и т. д.).

Исследователи уже отмечали зависимость этой налоговой реформы от реформы Диоклетиана [Пигулевская, 1937; Штейн, 1920], а также основные ее цели — стремление увеличить поступления в казну, необходимые для второй важнейшей реформы Хосрова — реорганизации армии.

Вероятно, в эту же эпоху все население Ирана от 20 до 50 лет было обложено подушной податью. До этой поры подушную подать платили преимущественно христиане.

* * *

Выше уже говорилось об основных особенностях парфянских монет, о характере изображений на них и о содержании легенд. Коллекции монет Парфии, хранящиеся в разных музеях мира, весьма значительны (самая большая коллекция, насколько известно — в Британском музее), что дает возможность установить в общих чертах монетную систему Парфии. Для периода расцвета парфянского государства известны следующие монетные номиналы: тетрадрахма (начало чеканки — при Митридатe I, на селевкидском монетном дворе), драхма и фракции драхмы: триобол, диобол и обол. Некоторые независимые государства и «свободные города» чеканили также медные монеты. Первоначально парфянские монеты выпускались по аттическому стандарту, который затем редуцируется.

Изредка на монетах чеканилось название монетного двора (ΑΡΕΙΑ, ΜΑΡΤΙΑΝΗ, ΤΡΑΞΙΑΝΗ, ΝΙΣΑ, ΝΙΣΑΚ и др.) или же место выпуска обозначалось с помощью монограмм, однако мы имеем слишком мало данных для того, чтобы судить конкретно об организации чеканки

монет. Особенности легенд на монетах препятствуют однозначному распределению многочисленных монетных серий по периодам правления отдельных царей (особенно много споров вызывают начальные серии монет)¹⁸².

Парфянские монеты — это еще не вполне изученная область восточной нумизматики. Многого можно ожидать от исследования монетных кладов, находимых на различных территориях (часто в этих кладах кроме парфянских монет встречаются и римские), и монет, найденных в археологических комплексах¹⁸³. Постепенное накопление материалов о парфянском искусстве и религии в парфянскую эпоху даст возможность использовать в будущем и богатую монетную иконографию: как известно, на парфянских монетах кроме портрета правящего монарха и изображения героического предка династии — Ареша встречаются также боги пантеона селевкидских монархов и полисов Месопотамии: Деметра, Тюхе, Геракла, Аполлон, Афина, Ника, Артемиды-Анахита и др., а также различные символы и изображения животных — инкарнаций различных божеств. Ряд конкретных исследований, предпринятых в последнее время, говорит о том, что вскоре этот источник станет одним из основных по истории и культуре Парфии¹⁸⁴.

Нумизматика Сасанидов изучена значительно лучше, прежде всего потому, что в нашем распоряжении намного больше источников, как письменных, так и вещественных, которые характеризуют все основные стороны жизни этого государства.

Сасанидские монеты чеканились из золота, серебра и бронзы. Основную их массу составляют серебряные драхмы двух весовых стандартов: раннего (монеты Папак — Шапура и монеты Арташира I наиболее ранних типов), равного серебряному стандарту монет Парса, и несколько более позднего (монеты Арташира I поздних типов и всех последующих сасанидских царей), приравненного к так называемой аттической драхме. Переход при Арташире I на биметаллическую систему (введение в обращение золотых денаров) вызвал несколько частных реформ веса драхмы¹⁸⁵. Вес золотых сасанидских денаров в III—IV вв. был приравнен к весу римского ауреуса. В дальнейшем он был сильно снижен. Бронзовые сасанидские монеты не имели устойчивого веса. Для раннесасанидской нумизматики характерна так называемая медная тетрадрахма (монета крупного медного по-

минала, весом около 16 г) и ее кратные доли — $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{6}$. Только в III в. выпускались тяжелые (до 16 г) монеты из так называемого потина (бронза с примесью свинца).

В течение III—IV вв. существовали следующие фракции драхмы: $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{6}$. Последняя фракция называлась данак (букв. «зерно»).

Драхма была денежно-весовой единицей. Это доказывается, в частности, надписями на сасанидской торевтике [Лившиц — Луконин, 1964]. В надписях указывается вес сосуда в драмах (drhm, drn, drhmsng; ZWZN ZWZNsng) и *данаках* (аббревиатура M или описательно: «меньше», «больше»), откуда устанавливается и вес *данака* — 0,6 г.¹⁸⁶

* * *

Для сасанидских монет характерны стабильные изображения на аверсе и реверсе. На аверсе изображался погрудный портрет шаханшаха (вправо), иногда — шаханшаха и наследника престола или тройной портрет (характерен только для монет Варахрана II) — шаханшах, его жена и наследник престола. В круговой легенде чеканились, как правило, имя и официальный титул шаханшаха. На реверсе со времени царствования Шапура I изображался *аташдан* (алтарь огня): колонна с базой и капителью в виде нескольких прямоугольных плит и языками пламени над капителью. По сторонам *аташдана* изображались фигуры шаханшаха и различных божеств (Ахурамазды, Митры, Анахиты). Надпись Šbš дает возможность считать, что формула стандартной легенды реверса монет NWR' ZY X — «огонь» (т. е. «храм огня») X (где X — имя шаханшаха) обозначает название «царского храма» ('twr ZY MLK'), священный огонь в котором возжигался при коронации царя царей (официальная коронация, по древнему обычаю, приурочивалась к празднованию Ноуруза — Нового года), и с этого момента велось летосчисление царствования. Таким образом, сцена, изображавшаяся на реверсе, представляла собой «божественную инвеституру» царя царей верховными божествами зороастризма на власть в Иране, происходящую в коронационном храме. Помимо формулы легенды реверса, дающей название этого храма, об этом свидетельствует раскопанный в Бишапуре храм такого типа с двумя колоннами по сторонам *аташдана*. На колоннах некогда возвышались статуи; на одной из них — определенно статуя Шапура I (об этом го-

ворится в надписи на колонне), на другой, возможно, — статуя Ахурамазды [Гиршман, 1936].

Фигуры царя и различных божеств ясно распознаются на реверсе всех сасанидских монет вплоть до царствования Хормизда II. При Хормизде II композиция не изменяется, но в пламени алтаря появляется изображение головы божества (вероятно — Ахурамазды). При Шапура II мы встречаем изображения *аташдана* того же типа, что и на монетах Арташира I («курильница» с пылающим огнем, без фигур «предстоящих»), обычную для раннесасанидских монет сцену, а также сцену реверса монет Хормизда II (с головой божества в пламени).

Те же изображения характерны для реверса монет Арташира II и Шапура III. В дальнейшем изображение на реверсе сильно схематизируется и застывает, превращаясь в традиционную, но уже никак не осмысливаемую сцену [Гёбль, 1962; 1968].

Как говорилось выше, на аверсе монет Сасанидов представлен «официальный портрет» правящего монарха с тщательно изображенными инсигниями его власти: короной (индивидуальной формы для каждого царя), определенным набором украшений (ленты, серьги, ожерелье, начиная с IV в. — *апезак*). Все эти инсигнии, и прежде всего короны, имели сложную символику, связанную с зороастризмом. Символике сасанидских корон посвящено несколько специальных работ, среди которых наиболее подробной является пространная статья К. Эрдмана [Эрдман, 1951]. В ней дается классификация сасанидских корон с точки зрения символов, отраженных в их деталях. К. Эрдман выделяет короны раннесасанидской эпохи, полагая, что первый этап развития их символов заканчивается к началу царствования Варахрана IV (388 г.).

В раннесасанидских коронах отразились символы следующих божеств: Ахурамазды (короны одного из типов монет Арташира I, Шапура I и Шапура II), Митры (корона Варахрана I с лучами), Анахиты (короны Нарсе, Шапура III, возможно, Хормизда-Арташира) и Вретрагны (короны Варахрана II и Хормизда II, один из типов монет Шапура I).

Символы этих божеств, отраженные в сасанидских коронах, прекрасно сочетаются с изображениями самих божеств на реверсе монет: Ахурамазды (на монетах Шапура I и Шапура II изображался только Ахурамазда), Митры (на монетах Хормизда I, Варахрана I, Варахрана II),

Анахиты (на монетах Хормизда I, Варахрана II). Со времени появления символов Вретрагны в царской сасанидской короне (крылья, птица Варган) появляется и так называемая сасанидская орнаментика во всем искусстве Сасанидов: животные — ипостаси различных божеств. Таким образом, изображения на аверсе и реверсе сасанидских монет точно фиксируют все изменения, происходящие в идеологии, и отражают все изменения в официальном сасанидском пантеоне ¹⁸⁷.

* * *

Итак, для всех сасанидских монет в пределах одного царствования характерна стабильность основных компонентов, составляющих аверс (корона, другие инсигнии власти, легенда) и реверс (*аташдан*, фигуры божеств и царя, легенда). На раннесасанидских монетах, как правило, не обозначались марки монетных дворов (они эпизодически появляются начиная с царствования Варахрана II, но становятся обязательными лишь с V в.) и потому, фиксируя определенные отличия в изображениях на аверсе и реверсе, как резкие (изменение формы короны, содержания легенды, формы алтаря, иконографии фигур у алтаря), так и менее резкие (стиль или манера портретов, стиль изображения одежд и т. д.), мы не можем определить, с чем они связаны — с произволом резчика монетного штемпеля, с традициями определенного монетного двора или с общегосударственным заказом. Тем не менее, учитывая весь приводившийся выше материал официального сасанидского искусства и официальных сасанидских надписей, можно считать, что изменение ряда компонентов, составляющих изображения аверса и реверса, диктовались государством и не зависели ни от традиций монетных дворов, ни от резчиков штемпелей. Эти компоненты следующие: аверс — легенда (официальный титул шаханшаха), корона (ее элементы, связанные с символикой); реверс — легенда (официальное название царского коронационного храма), фигуры у *аташдана* (царь царей и различные божества), форма *аташдана*.

Изучение сасанидских монет, особенно той эпохи, когда обозначение различных монетных дворов становится правилом, как представляется, выясняет и другое, несколько неожиданное обстоятельство: часть мелких отличий в стиле также не зависела от того, где чеканилась монета. Даже тех, в общем случайных указаний на мес-

то чекана монеты того или иного типа (для раннесасанидского периода) достаточно, чтобы считать это характерным для всей сасанидской нумизматики. Близость монетных штемпелей, резавшихся в различных центрах, как нам кажется, можно объяснить лишь тем, что мастера работали по эталонам, создававшимся для всего Сасанидского государства и сравнительно часто менявшимся, точно копируя эти эталоны, и что, следовательно, правильнее говорить не о различных монетных дворах, а о различных монетных мастерских. Быть может, именно этим и объясняется то обстоятельство, что для позднесасанидского времени установлено весьма много (более 200) различных центров, где чеканились монеты. Изложенная гипотеза требует тщательной проверки на материале позднесасанидских монет.

Задача систематизации сасанидских монет весьма сложна: дробная классификация, учитывающая все отличия, отраженные на монетах (на уровне штемпеля), должна быть в каждом случае подкреплена подробным доказательством того, каков характер отличия: связано ли оно с разновременностью или с разнорайонностью выпуска. Задача эта усложняется тем, что при изучении больших коллекций сасанидских монет встречаются единичные экземпляры, чеканенные одним штемпелем аверса и реверса, и не встретилось ни одного случая употребления одинаковой пары штемпелей для нескольких монет.

Весьма редко встречаются также перечеканки [Гёбль, 1968].

Из всего сказанного выше выясняется, что сасанидские монеты уже сейчас используются в качестве одного из основных источников по политической и социальной истории Ирана эпохи Сасанидов. Однако подобное использование их в экономической истории Ирана все еще ограничено, поскольку к исследованию не привлечены многочисленные монетные клады, обнаруженные и в самом Иране, и на его периферии. Пока еще не осуществлены попытки собрать сведения письменных источников для того, чтобы определить реальную стоимость сасанидских монет и их роль в денежном обращении на знаменитых торговых путях Востока¹⁸⁸. Только начинается работа по выявлению влияния монетной системы сасанидского Ирана на монеты периферийных государств — эфталитов, Согда, а также на создание монетной системы арабского Халифата [Гёбль, 1967].

Надпись Нарсе в Пайкули и Бишапурский рельеф¹

Новые данные, полученные в результате анализа раннесасанидской эпиграфики, рельефов, торевтики, монет, позволяют значительно уточнить предлагавшуюся ранее реконструкцию событий в Иране в 70—90-х гг. III в. и значительно расширить сведения по истории Ирана этого периода [Луконин, 1969а, с. 70—123].

Политический кризис в Иране назревал уже давно. После смерти Хормизда-Арташира (274 г.) равное право на престол Ирана имели два оставшихся в живых сына Шапура I — Варахран, тогда правитель (царь) Кермана, и Нарсе, по-видимому в это время еще правивший Сакастаном. Престол достался Варахрану, и уже тогда не обошлось без столкновения, пока скрытого, различных придворных группировок. Кризис особенно обострился после смерти Варахрана I (276 г.), когда, явно в обход преимущественных прав Нарсе (даже по зороастрийским установлениям), на престол был возведен юный сын Варахрана I — Варахран II. Вскоре после восшествия на престол Ирана шаханшах Варахран II и совет знати провозгласили наследником престола недавно родившегося сына Варахрана II и Шапурдухтак².

В это время главные «уделы» (или «царства») — основа административно-политической системы сасанидского Ирана — распределялись следующим образом: Арменией, царством наиболее важным в политическом отношении, «ключом» к восточноримским провинциям, уже несколько лет управлял Нарсе; в Месене — в Южной Месопотамии, также приобретающей все более важное значение ввиду назревающей «большой войны» с Римом, — правили Денак, супруга Шапура, покойного сына Шапура I, с титулом «царица Месены», или один из ее сыновей (старший — Хормиздак?); Сакастан — гро-

мадное «царство Востока», беспокойное, еще не покоренное окончательно, было отдано в удел родному брату царицы цариц Шапурдухтак, внуку Шапура I Хормизду.

В начале 80-х годов Иран стоял на пороге новой войны на западе. Стычки в пограничных районах, рейды иранской кавалерии в римские провинции не прекращались в течение нескольких лет. Иран пытался влиять на политику городов и мелких государств Месопотамии, таких, как Эдесса, Борсиппа, Антиохия, пытался усилить свои позиции в Закавказье. Но успехам на западе препятствовали тяжелый внутренний кризис в стране, междоусобица, еще скрытая, но в любую минуту готовая разразиться борьба претендентов на престол. В 282 г. император Кар послал к иранской границе римские легионы. «Не встречая никакого сопротивления, — пишет Флавий Вописк (Cagus, 8,1), — так как персы были заняты мятежом, поднявшимся внутри их государства, он овладел Месопотамией, дошел до Ктесифона и удостоился прозвания императора Персидского».

Что же это был за «мятеж внутри государства»? Э. Херцфельд [1930, с. 34—35] сопоставил это сообщение с сообщением Маммертина о восстании в Сакастане брата Варахрана II Хормизда, которое произошло «незадолго до 291 года», полагая, что речь идет об одном и том же событии. Однако возможны и другие объяснения.

Вместе с тем рельеф Вiш. IV, где Варахран II изображен на коне, с тремя дротиками в руке, приветствуемый своим военачальником, который предводителем группой пеших арабов, ведущих коней и верблюдов, относится как раз к концу 70-х или началу 80-х годов³. Мятеж в Хире (район Месены), мятеж царя Месены (одного из сыновей Шапура и Денак, см. выше), имевшего такое же, как и Варахран II, право на престол Ирана, вполне мог отвлечь его войска от Верхней Месопотамии; вторжение римлян в этот район, к тому же, возможно, оказавших поддержку царю Месены в его притязаниях, грозило бóльшим, чем потерей столицы.

Учитывая содержание рельефа Вiш. IV (триумф Варахрана II над арабами), сообщение Флавия Вописка о мятеже, поднявшемся внутри государства персов в 282 г., следует связывать не с восстанием Хормизда в Сакастане (как это предлагал Э. Херцфельд), а с событиями в Месене. Причины мятежа неизвестны, неизвестна и роль арабских племен, но, если предположение верно, известен результат: мятеж был подавлен, потомки

«Месенской династии» были заменены Атурфарнбагом (быть может, принадлежавшим к той же династии), который в 293 г. упоминается с титулом «царь Месены» и занимает враждебную позицию по отношению к Нарсе. С другой стороны, становится понятным, почему в числе сторонников Нарсе в 293 г. упоминаются Амр, «царь лахмидов», и Амр, царь Паргана (княжество около Хиры) ⁴. Не исключено, однако, что обе интерпретации сообщения Вописка о мятеже (и предлагавшаяся Э. Херцфельдом — с опорой на сведения Маммертина, и новая — учитывающая положение в Месене и рельеф Viš. IV) правильны и совместимы: акции Варахрана II против рода «царя Месены Шапура» могли послужить одним из поводов восстания в Сакастане Хормизда — сына царя Месены Шапура. В этом случае речь идет о разновременных, но связанных между собой событиях. Силы Хормизда были весьма значительны (Маммертин сообщает, что его поддерживали саки, гелы, кушаны), а намерения весьма серьезны, ведь он чеканил «имперские» монеты со своим именем, хотя и упоминал в их легенде (аверс) имя и титулы шаханшаха Ирана. Судя по Маммертину, события в Сакастане должны датироваться около 291 г. Был ли еще жив в это время Варахран II? Об этом нет никаких данных (согласно НРК, к моменту восстания Нарсе его уже не было в живых), но его наследник Варахран, четырнадцатилетний мальчик, «был еще мал» (пишет о нем Нарсе) и, конечно, не мог руководить ответной акцией. *Хазарапат* Арташир — вот подходящая фигура из всех исторических деятелей этого времени, о которых мы знаем, вот кто мог возглавить карательную армию, вот кто мог спасти трон Ирана от действительно страшной опасности. Иначе зачем было изображать его в BD I (и TQ?)?

Малолетний Варахран III получил около 291 г. титул «царь саков» (под этим титулом он и упомянут в НРК в 293 г.), но был ли он немедленно провозглашен шаханшахом Ирана после смерти своего отца? Ранее казалось бесспорным, что события развивались следующим образом: Варахран II умирает в 293 г., его сторонники при дворе во главе с *магунатом* Картиром и *фраматаром* Вахунамом возводят на престол Варахрана III, и это вызывает немедленную реакцию Нарсе [Луконин, 1969а, с. 117; Хеннинг, 1952, с. 517]. Но теперь, когда открыт рельеф TQ и удалось прочесть надпись на рельефе BD I, прежняя простая схема нарушилась «вмешательством»

хазарапата Арташира, оказавшегося основным героем двух рельефов (или, во всяком случае, BD I) ⁵. Что же возвысило этого вельможу до того, что царица венчала его символом божественной инвеституры? И если правильны приведенные датировки рельефов, почему через полтора-два года этот вельможа оказался в партии Нарсе?

Можно предположить, что после подавления восстания Хормизда и последовавшей затем (перед тем? Тогда еще более оправдан выпуск монет группы «писца загадочной легенды» [Луконин, 1979, с. 39—46]) смерти шаханшаха Варахрана II его супруга Шапурдухтак стала регентшей при своем сыне или, быть может, регентом (до совершеннолетия) был объявлен *хазарапат* Арташир. Так или иначе, главнокомандующий армией (начальник царской гвардии) в тот момент должен был играть выдающуюся роль. Но тут вступает в действие *фраматар* (букв. «отдающий приказы», первый министр государства) Вахунам, сын Татароса.

С этого момента основным источником, описывающим события в Иране, становится надпись NPK ⁶. Вот этот Вахунам, провозгласив царем царей малолетнего Варахрана III, и венчал его короной (MP: wlhl'n ZY sk'n MLK' dydymy L'YŠH 'SLWN).

Далее следует самая сохранный часть надписи. Напомню, что здесь рассказывается о том, как часть придворных, «тех, что при дворе были первейшими и наиболее могущественными», решили возвести на престол Ирана Нарсе, послав ему в Армению посла и приглашая его принять «от богов славу, и страну, и трон свой, и власть своих предков».

Нарсе, решившийся на восстание, двинулся из Армении в Асурестан — «во имя Ахурамазды, и всех богов, и Анахиты, госпожи». Послания Нарсе владыкам пограничных областей, тем, «кто раньше этого признавал [мое право на престол] в Ираншахре», и уверения, что намерения Нарсе — «установить порядок и защиту, а не скверну», дали возможность собрать большие силы. Началась гражданская война. На стороне Нарсе была армия: от того, будет ли во главе государства сильный шаханшах, зависели служба и доходы и высших офицеров, и простых солдат. К тому же «великий царь Армении» сосредоточил в своем уделе во время войны с Римом крупные силы, среди которых наверняка были всецело преданные ему полки. Очевидно, и *хазарапат*

(начальник царской гвардии) Арташир, еще недавно занимавший исключительное положение при дворе царицы цариц и, возможно, даже являвшийся регентом государства (или деливший свое влияние на наследника с царицей цариц, *питиахшем* Папаком, *магунатом* Картиром), был отстранен в результате интриг Вахунама и оказался поэтому на стороне Нарсе.

В борьбе за престол Ирана «царь Армении» Нарсе мог рассчитывать на поддержку владельцев западных областей страны, граничащих с римскими провинциями, ибо только сильная центральная власть могла обезопасить эти области от римского вторжения. В своей борьбе за престол Нарсе мог рассчитывать на сочувствие и возможную поддержку мелких полузависимых государств и городов-полисов Месопотамии, поскольку они, находясь между двух огней, готовы были прийти на помощь шаханшаху Ирана в надежде обеспечить себе его симпатии и тем самым превратить одного из своих могущественных врагов в союзника.

Вот почему среди тех, кто «лично ко двору явились», и тех, «кто прислал послов» по случаю коронации Нарсе (заключительные строки NPK), названы владельцы и цари Хорваника, Шикана, Спандуртана, Парадана (Мидия), Махелонии (в районе Вана), Борсиппы, Антиохии, шейхи лахмидов и «области Абгаров» (Эдесса), *шахрабы* некоторых западных городов. Решительной опорой Нарсе была большая часть придворной знати, которую возглавил *харгунат* (глава ведомства налогообложения) Шапур и в которую входили несколько принцев, *питиахш* Папак, *хазарапат* Арташир, представители знатнейших иранских родов Суренов, «владык» Андегана, Спахбедов и «другие царевичи и вельможи, и рыцари (*азаты*) и *катакхватавы* (главы общин), и персы и парфяне»⁷.

Среди вельмож, поддерживавших Нарсе, упомянут и «*магунат Ахурамазды*» Картир. Если иметь в виду выдающуюся роль этого религиозного деятеля в предшествующей истории Ирана III в. [Луконин, 1969а, с. 70—123], то это упоминание нуждается в комментарии. При жизни Варахрана II Картир, бесспорно, поддерживал идеи наследования трона Ирана потомком именно этого шаханшаха — все престижные памятники той эпохи свидетельствуют об этом. Но что случилось после смерти Варахрана II?

Следует вспомнить традиции сасанидского двора, связанные с провозглашением нового шаханшаха, опи-

санные в так называемом «Письме Тансара»⁸: «Мы хотим того, чтобы шаханшах в этом деле (выборе наследника.— В. Л.) был бы единственным... Напишет он три письма своей рукой и каждое вручит одному из вельмож: одно — главному жрецу, другое — старшине писцов, а третье — главному военачальнику, так что, когда мир останется без шаханшаха, призвали бы главного жреца и эти двое других пришли бы... Пусть они снимут печати с тех писем и остановят свой выбор на ком-нибудь из сыновей шаханшаха. Если мнение главного жреца будет тем же, что и у других, пусть известят народ. А если главный жрец будет против, пусть ничего не раскроют ни из того, что написано [в письмах], ни мнений [каждого из них]. А мнение главного жреца пусть они внимательно выслушают. И жрец пусть совещается только с хербедами, знатоками религии и подвижниками, и пусть помолится богам и тихо поет [молитвы]. И когда они покончат с этим... всему, что бог возбудит в сердце жреца, пусть они окажут предпочтение. В тот же вечер принесут они во дворец венец и трон. Все сословия, обладающие достоинством, пусть стоят на предназначенных им местах. Жрец с хербедами, и вельможами, и всей знатью проследуют к царевичам, и весь ряд [представителей сословий] — за ними и скажут: „Мы держали совет перед богом великим. Он вдохновил нас на истинный путь и осведомил о добре“. Жрец возвысит голос и скажет: „Боги согласились на царствование такого-то, сына такого-то. Вы, люди, также признайте его, и да будет вам радостная весть“. Того царевича сажают на трон, и венчают его короной, и говорят: „Будь согласен с богом великим и верой зороастрийской, которую принял царь царей Гуштасп, сын Лухраспа, а Арташир, сын Папака, возродил“. Шаханшах соглашается с этим договором и говорит: „Буду содействовать интересам подданных!“ Оставляют с ним служителей и охрану, а остальные приступают к своим делам».

Этот отрывок «Письма Тансара» ассоциируется с надписью НРК. Здесь и придворные с жрецом, главным секретарем и военачальником, приглашающие Нарсе «принять от богов славу, и страну, и трон, и владычество», и специальные послания об этом решении «по всей стране», и «все сословия, обладающие достоинством», прибывшие на торжественную коронацию во дворец (конечные строки надписи)⁹, и договор Нарсе, и даже ссылка на Арташира Папакана¹⁰, Близки даже выраже-

пия в приведенном отрывке и в соответствующих строках надписи (44—45). Все происходило согласно ритуалу, но не верховный жрец руководил им. «Совет богов» в надписи NPK слушает *харгунат* Шапур, а Картир хотя и упоминается в списке придворных, но совсем не на почетном месте.

Ритуал выбора шаханшаха понятен. «Письмо Тансара» описывает такую возможную ситуацию, когда при назначении наследника сталкиваются интересы бюрократии и военных, базирующиеся, конечно, на оценке конкретной политической ситуации, и «мнение верховного жреца», отстаивающего установления зороастрийского семейного права. «Письмо Тансара» признает бесспорный приоритет зороастрийского законодательства по наследованию.

Но этот «законный порядок» был как будто бы на стороне Нарсе не только в 293 г., но и много раньше — при восшествии на престол Варахрана II [Луконин, 1969а, с. 104—109]. Тогда «бог возбудил в сердце главного жреца» Картира совсем не то, что должен был бы возбудить при обычных обстоятельствах: сыграла роль не только реформа зороастрийской религии, предпринятая Картиром, но, видимо, и политическая ситуация.

Что же случилось теперь? Ведь Картир был «хранителем души» — духовником Варахрана II, «владыкой» родового храма Сасанидов — храма Анахиты. Кто, как не он, должен был бы покровительствовать сыну Варахрана II в критический момент выбора владыки Ирана? Быть может, перед нами коллизия: Картир — Шапурдуктак — Вахунам? В 293 г. Картиру было никак не менее 70 лет. Во всяком случае, надпись NPK свидетельствует, что при коронации Нарсе был соблюден весь внешний декорум принятого ритуала выбора наследника, но «Ахурамазда, и все азаты, и Анахита, госпожа» освящали нужды конкретной политико-экономической ситуации в державе.

Поэтому «узловым» для понимания событий местом надписи является описание борьбы двух партий. Это блоки C — D — E и C' — D' — E' — место, которое более всего испещрено лакунами, место, которое вызывает глухое раздражение при попытке дать транслитерацию остатков строк и чувство безнадежности при попытке понять, о чем же здесь говорится¹¹. Однако с позиции описанной выше реконструкции событий (которая стала возможна благодаря открытию новых сасанидских

надписей и новой интерпретации памятников культуры) и эти строки, кажется, могут быть восстановлены, а реконструктивный перевод надписи в целом (по среднеперсидской и парфянской версиям) выглядит так:

(А 1) «[Я, поклоняющийся Мазде, владыка Нарсе,] царь [царей] Ирана и не-Ирана, происходящий [от богов, сын поклоняющегося Мазде] владыки Шапура, царя [царей] Ирана и не-Ирана, [внук происходящего от богов владыки Арташира,] царя царей. Монумент [этот (?)... мой.] Нарсе. И мною этот монумент вот для чего сделан... (ОТСУТСТВУЕТ БОЛЕЕ ОДНОГО БЛОКА)¹². (А 2) Я был царем Армении и Армению хранил¹³ (2 БЛОКА)¹⁴. [Варахран (II), царь царей, сын Варахрана]... умер, и Вахунам, сын Татроса, [из-за] своей лживости и [ведомый] Ахриманом и дэвами, повязал диадему [Варахрану, царю саков, и об этом событии] ни мне, ни [*харгунату* и] царевичам не сообщил об этом (А 3) (2 БЛОКА) ... Ни у вельмож и *азатов*, ни у персов и парфян он не спросил ... (2 БЛОКА) ... о том, что] он с самого начала желал [Варахрану], царю саков, повязать на голову диадему ... И тех, кто был не согласен [с этим, *шахрдаров* и царевичей], зная и *азатов* — он убил их и их дома разорил (?)¹⁵. (А 4) (1,5 БЛОКА) ... и захватил их земли¹⁶. И поскольку мой дастакерт был прочен, царь саков разрушить его собрался, и сам [намеревался это сделать (?)]. И тогда и знатные вельможи, [и персы, и парфяне], и другие, кто были [на границах Асурестана¹⁷, сообщили] Вахунаму и [царю саков, сказав] так: (А 5) [Нарсе, царь Армении] — наибольший делоустроитель для персов (= более всего подходит для царствования в Иране¹⁸) (1,5 БЛОКА) ... Вахунаму же и царю [саков?] такое слово и наказ были даны¹⁹, чтобы они (?)²⁰ ... (1,5 БЛОКА) ... и согласились на царствование Нарсе (?), ибо Нарсе происходит из рода Сасанидов, и люди всего владения армянского царя [считают] самым великим и первейшим, и страной (В 1) [он должен] править. И затем уповал я ... (2 БЛОКА С ОСТАТКАМИ СЛОВ). Теперь я сделаю²¹, чтобы было установлено мое царствование и Ираншахр [стал процветающим].

И вот *харгунат* Шапур, и царевич Нарсе, сын Сасана, и *питиахи* Папак, *хазарпат* Арташир, *спахбед* Рахш (В 2), Арташир [Сурен]²², Хормизд Вараз, и владетель Андегана Варахрандад (?), и другие царевичи и вельможи, главы общин и *азаты*, персы и парфяне, которые были величайшими, лучшими, и все подданные из всех

родов (?) ²³ — все судили поступить по обычаю богов и по нашему обычаю и послали ко мне послов (В 3). И когда я благосклонно ... [(1 БЛОК) принял] их, то послы от царевичей и *харгуната*, и вельмож и *азатов* пришли ко мне [, говоря]: „Пусть царь царей во благе проследует из Армении в Ираншахр, и славу, и страну, и свой трон царственный, и власть, которые его предки получили от богов, пусть он [отнимет от] злодеев, и все злое (В 4) [с помощью] богов и людей ... (1 БЛОК), и страна на этой опоре [пусть держится]“ ²⁴. И я, когда увидел это послание, то из Армении отправился в Ираншахр во имя Ахурамазды, и всех богов, и госпожи Анахиты. А в пограничных и горных областях и других местностях ²⁵, тех, что ранее были в Ираншахре ... (В 5) (1 БЛОК) ... [И] когда в других странах и областях стало [об этом] известно, и они были осведомлены о том, что ... власть над страной в Ираншахре, ... [(1,5 БЛОКА) ... и не прочна (?)] ²⁶ в Ираншахре, и другие шахры и области, хоть и разрушены, но под нашим советом и приказом. И вот тогда *харгунат* принял совет, [внушенный] богами и нами (В 6), чтобы охрану Асурестана ... (2 БЛОКА) и других областей, от области к области ²⁷, *харгунат* ... (1 БЛОК) [посоветовал (?)], чтобы не оставить ... (1,5 БЛОКА). И Варахрандад, владетель Андегана, был направлен с лошадьми и людьми к границе Хузистана. И ему был дан наказ: „Все дороги и проходы в Асурестан [закрывать] ... (С 1) (ОКОЛО 2 БЛОКОВ) с тем, чтобы войска] царя [саков] и Вахунама не ... (1 БЛОК) не прошли к Асурестану [и не причинили разрушений в Асурестане и не ... (ОКОЛО 3 БЛОКОВ) ...] и чтобы все то, [о чем услышат в Хузистане, мне бы донесли с тем, чтобы было известно (С 2) царю ...] (3—4 БЛОКА) об этом [и чтобы царь саков и Вахунам] были бы [заперты (?)] ²⁸ ... (1,5 БЛОКА) и чтобы они знали, что теперь они не сильны ²⁹ из-за тебя [, владетель Андегана]. И съедят они ... [все запасы (?) (1 БЛОК)] и битва не произойдет ... (1 БЛОК) И [чтобы] порядок в Асурестане был установлен“. И сам царь царей, и те, кто с ... ним, тогда ... (С 3) (2 БЛОКА) двинулись к границе Асурестана, и часть войска [Вахунама и царя саков] подчинилась царю царей Нарсе. Но не было известно, что в этом войске нет царя саков, что он ушел ... (С 4) (2 БЛОКА) ... В Асурестан в это место я пришел, чтобы воздвигнуть этот монумент. И *харгунат* Шапур, царевич Пероз ³⁰, царевич Нарсе, сын Сасана, и *питиахиш* Папак, *хазарпат*

Арташир, Арташир Сурен, и Хормизд Вараз, (С 5) [Варахрандад, владетель Андегана, (1 БЛОК)] Картир — *магупат* Ахурамазды³¹, Нарсе Карен ... (1 БЛОК), *спахбед* Рахш, Арташир — [*шахраб*] Тахм-Шапура, ... (1,5 БЛОКА), главный казначей страны, виночерпий Джуйгирд, и другие царевици, вельможи и *азаты*, главы общин (*катакхватавы*) и *шахрабы*, казначеи и хранители (С 6), остальные персы и парфяне, которые были в Асурестане, Гармикане и ... [и Хузистане?], все в [местность] Никатор-Авана ко мне пришли. И они предстали перед нами здесь, где установлен этот монумент.

А Варахран, [царь] саков, и Вахунам, сын Татроса, и те, которые были одержимы злом, и с Вахунамом были заодно и были его друзьями (D 1), — они услышали, что я из Армении в Ираншахр выступил и что в Ираншахре собрана армия и из Хузистана и Армении выступила. И вот Вахунам, движимый злобой, у Атурфарнбага, царя Мешана, который ... [, как и я, был из рода Сасанидов, (1,5 БЛОКА)] помощи [попросил], и царю Мешана [такое] послание [отправил]: (D 2) „[Пусть] царь [Мешана?] выступит. Поскольку известно, что сакский царь еще мал (?), пусть царь Мешана ... [(1 БЛОК) станет царствовать], я дам корону царю Мешана, пока царь Армении (= Нарсе) далеко отсюда. Харгупату, [царевичам], вельможам, *азатам* и другим — тем, что в Асурестане ... [(2 БЛОКА) нечто злое³²] я [, Вахунам,] сделаю“. И Атурфарнбаг, царь Мешана, таким образом обратился ко злу (D 3) и так ответил: „[Пусть] Вахунам поднимет восстание. А Мешан отделен Тигром от этого шахра ...“ (3—4 ЗНАКА) и Варахрану, царю саков, и Вахунаму он окажет помощь лошадьми и людьми, и [поможет ?] господствовать над страной. И вместе с сакским царем ... он будет. А Арташира³³ ... (1 БЛОК) ... у царя (?) лошадьми и людьми ... (4—5 ЗНАКОВ) (D 4) (4—5 ЗНАКОВ) ... чтобы помочь ... [(0,5 БЛОКА) с тем, чтобы разбить (?)] сакского царя и Вахунама. И те, кто были с ними, ... (1 БЛОК) ... и их почтили, и несколько раз клялись, что, мол, моим людям ... [(1 БЛОК) будет сделано что-то плохое и убит (??)] я буду, и вместе [с ними] славу царя царей он [Вахунам ?] добудет³⁴. Я [Нарсе] так сделал, чтобы обо мне они услышали — мол, сильным (D 5) я уже стал ... (1 БЛОК) с лошадьми и людьми подошел [Атурфарнбаг ?] к границе [Асурестана]. И от меня в недобрый час они ушли и оказались у прохода, который [один] всадник мог удержать. И их

продвижение было из-за деревьев³⁵ и снега³⁶ стеснено, остановлено и связано — и ни назад они не могли пройти, ни вперед поспешно броситься к добыче³⁷ (D 6). И царь Мешана и Вахунам границ Асурестана не достигли ... (3 БЛОКА), но вместе с этим войском царя саков ... [(1 БЛОК) не было?] и он отделился. И ... (1 БЛОК) к Варахрададу, владельцу Андегана, они пошли [сдались]. И их владелец Андегана послал [ко мне] под сильной охраной. (E 1) ... [(2 БЛОКА) ? ОСТАТКИ ТЕКСТА: „Я достиг“]. И послал я послание царю саков (1,5 БЛОКА): „Предки не были согласны на то, [чтобы ты] утвердился на царствовании ... “[(3,5 БЛОКА, ОСТАТКИ ТЕКСТА: „чтобы ты пошел во дворец“]. И вот гонец ... к [царю] саков... [(1 БЛОК) мною был послан, чтобы] он мне подчинился (E 2) и по моему приказу покорно и добровольно³⁸ [пришел] в Асурестан — в город Варахрам-Шапур ... [(2 БЛОКА) ... и когда царь саков] увидел мое послание, он сложил³⁹ со [своей] головы великую корону и от трона и власти он был отринут (?) ⁴⁰ ... (3 БЛОКА) (E 3) ... [ОСТАТКИ ТЕКСТА]. А Вахунам, когда увидел он ... [(1 БЛОК) что произошло,] и что с помощью богов слава и власть над страной достались мне, когда он узнал, что из-за коварства, которое он [по отношению ко] мне совершил, перед богами он не является [праведным ?] и в обмане и в уклонении ... (4 БЛОКА) (E 4) ... [и что знать решила,] чтобы Нарсе взошел на царствование, и мне так ... [(1,5 БЛОКА) об этом сообщили, все это] Вахунаму они написали [, что] Нарсе — с великою славой, что Нарсе — [потомок] божественного Шапура ... (4—5 ЗНАКОВ), и присягнули мне те, которые были с сакским царем и Вахунамом ... (4 БЛОКА) ... (E 5) [Я приказал] Вахунама схватить и связать, чтобы его к ослу⁴¹ веревкой ... (7—8 ЗНАКОВ) привязали и привезли к моему порогу в Варахрам-Шапур (?) ... (10 ЗНАКОВ). Он был привязан веревкой к ослу и в город Варахрам-Шапур ко двору моему привезен. А царь саков, когда он узнал, что Вахунам ... (1,5 БЛОКА) схвачен и связан (E 6) ... и обман ликвидирован. Я приказал, чтобы за учиненное им зло — прежде всего богам, а потом уже мне и всему Ираншахру [, чтобы] люди страны решили ... [(1 БЛОК), что с ним сделать]. Головы его лишить... [(1 БЛОК) они решили]. И я его покарал и лично ... (ОСТАТКИ ТЕКСТА) убил за то (F 1), что он меня хотел убить ... (1,5 БЛОКА). И собрал я совет всей страны, и *харгунату* ... [(1 БЛОК) и царевичам], вельмо-

жам и азатам, и главам общин — всем тем, кто самые великие и первейшие, им я послал послание: „[(1 БЛОК) Я] ради богов многие труды ... [(2,5 БЛОКА) и тяготы понес] (F 2) (1 БЛОК) ... и благодаря милости ... в Ираншахре и в не-Иране великим господином и владельцем я стал. И вот ... [(2 БЛОКА) меня сделать] царем царей с помощью ... [(1 БЛОК) богов] вся страна захотела. Это случилось потому, что род мой — от Арташира, царя царей ... [(1 БЛОК) и Шапура (?)], царя царей ... (1 БЛОК) (F 3) ... (1 БЛОК) начало рода: [и из них владыка Шапур], царь царей, сын владыки Арташир, царя царей ... (5—6 ЗНАКОВ) обратились к разуму. И из них первым — Шапур ... [(5 ЗНАКОВ) царство ?] хранил. И оба они были охранителями государства ... (1 БЛОК) и ради Ираншахра ... (1 БЛОК) (F 4) и ... (1,5 БЛОКА) Шапуру царю сделал так, что об этом не было известно ... (1,5 БЛОКА) ... сделали (?) Шапура царем [после Арташира]. И он был по отношению к богам еще более деятельным и еще более хорошим и также Ираншахр хранил ... (1 БЛОК) и был могущественным и повелевал. Шапур, царь ... (1 БЛОК) (F 5), чтобы он сказал, что именно меня он желал ... [(1,5 БЛОКА) сделать наследником]. ...и над страной господином пусть этот будет, так как богам он угоден, и дела божественные он [Шапур ?] исполнял бы и Ираншахром владел бы в спокойствии и доверии. И поскольку ... (1 БЛОК) [не было никого (?)] более праведного и более добродетельного ... (ОКОЛО 8 ЗНАКОВ), чем Шапур, царь царей, (G 1) [после] Арташира [, царя царей], над всей страной ... (2 БЛОКА) ... они были добродетельны. И если предок нашего рода (?) ... (1 БЛОК) ... и были они могущественны. И сам я ... (1 БЛОК) добродетелен по отношению к богам Ираншахра. Они так желали, чтобы тот же труд и благоверность, которую они, эти владыки, (G 2) с помощью богов в стране ... [(2 БЛОКА) они осуществляли, и господство, и] трон [свой] утвердили в стране ... [(ОКОЛО 1 БЛОКА) для ее] процветания и блага, установили, чтобы повелитель ... [(2 БЛОКА) Ирана, который будет после них, да будет им подобен]. И поскольку я богам более верен, более высок и более деятелен, поэтому я Ираншахр к процветанию и ... (3 БЛОКА) к спокойствию веду] ... и могущественен как перед своими сторонниками, так и перед врагами. (G 3) И пусть они [, т. е. знать,] теперь дадут ответ, что, мол, страны и области ... [(2,5 БЛОКА) согласны на то, что надлежит

мне] владеть страной и повелевать“. И от *харгуната* ... [(2 БЛОКА) царевичей, вельмож и *азатов*, персов и] парфян пришел ответ на [мое] послание: „[Мол,] приходи!“ И мне правители и царевичи, вельможи и азаты ... [(3 БЛОКА) так написали]: „Относительно Их Величества (G 4) было вынесено такое решение: так как первоначально ... [(2,5 БЛОКА) решено было избрать Их Величество царем царей (?)], то, как только пришло послание Их Величества ... [(2 БЛОКА), решено было ответить, что, поскольку (?)] он выше и более деятелен, пусть станет господином страны. И *шахрдары* и царевичи, и вельможи и *азаты*, и персы ... [(2 БЛОКА) и парфяне согласны в том ?], что так как он по отношению к богам добродетелен, то он еще большего превосходства достигнет и Ираншахр (G 5) сделает еще более прочным и более защищенным ... [(2,5 БЛОКА), поскольку он] — тот, кто во имя богов праведные дела [(1 БЛОК) делает, а] боги славу и власть над страной дали роду Сасанидов ... [(1 БЛОК) и всегда] царем был [кто-либо из этого рода] со времен предков и держал всю страну от имени богов и никогда так не было, чтобы боги о нем не заботились (G 6) ... (6—7 ЗНАКОВ) ... и мудростью, и собственной ... [(1 БЛОК) доблестью ?] злое управление в стране...[(1 БЛОК) было уничтожено]“. И мне трон и власть в стране от дедов и прадедов были даны, чтобы ... (4,5 БЛОКА, ОСТАТКИ ТЕКСТА) ... в высочайшей степени. И *шахрдарам* и царевичам, и *азатам* и главам общин (G 7) я послал послание: „С самого начала ... [(1 БЛОК) царь, который был] в стране мудрейшим ... (4—5 ЗНАКОВ) и ближайшим к богам — он завещал мне править в Ираншахре и вся страна его завещание ... [(3 БЛОКА) приняла]. И он [считал, что я буду] могущественен как к своим подданным, так и к врагам. Пусть ответят ... [(1 БЛОК) мне на это послание]“. И от *шахрдаров* и царевичей (H 1), и персов и парфян мне тотчас ответное послание пришло, чтобы я знал, что, мол, „с радостью ... [(1 БЛОК) будут *харгунат* (?)] и все царевичи, и вся страна будет радостной, и вся страна — твоя ... (ОКОЛО 10 ЗНАКОВ). Их Величество ... [(5—6 ЗНАКОВ) пусть станет] господином страны. И пусть будет известно (1 БЛОК), что Их Величество — самый первый и могущественнейший в стране. (H 2) И Их Величество со славой и самым почетным образом ... (5—6 ЗНАКОВ) [свой трон пусть примет] от богов ... (1 БЛОК) и станет страна возродившейся и управляемой,

и пусть ему будет слава и страна станет радостной⁴⁴. И вот я с помощью и во имя богов и ради собственной [души и по велению] прародителей и предков утвердился над страной. И сюда кесарь и румийцы ради почтения и мира явились (Н 3), и царь кушан ... (4—5 ЗНАКОВ), [и] Аспнай (?), и царь Хорзаман, и Даматикп... сын Кошана (?) (8 ЗНАКОВ) ... *пат*, и Пагримбак (?), ... (ОКОЛО 12 ЗНАКОВ), и Сид (?), военачальник (?) ⁴² из Харева ⁴³, и Пак Мехман, и Бирван Спандвартан, и царь Парадана, и царь Разгурт, и царь Пандфарнак (?) ⁴⁴, и царь Мекрана, и царь Турана, и царь ... и царь ... кана, и царь мескиотов (?) ⁴⁵, и царь Иберии, и царь Сикана, и царь Тиридат, и царь лахмидов Амр, и [царь] Абгаров (?) ⁴⁶, Амр, и ... нахупет Дахистана, и Размгуй, сын Шанбита, и ... Сатарап [из] Демавенда, и ... агуй, владетель Сахура (?) ⁴⁷, [и] Нурасман, владетель Мугана, и Бат, владетель Зурада (?) ⁴⁸, и Михр-васт, владетель Борсиппы, и Занайкан, [владетель (?)] ... и Кура, [владетель (?)]..., и Варахрам, владетель Мошка, и Нарсе, владетель Антиохии, и владетель Лашума, и Вардай ⁴⁹, владетель Чаша (?) ⁵⁰, и владетель ..., (Н 5), и Хратджой, владетель Лака (?) ⁵¹, и Марух, царь Аштабунана (?) ⁵², и остальные *шахрдары* ... (2 БЛОКА) находились под нашим приказом. И я вновь воззвал ко всей стране: «Каждый, кто сам прибыл к нашему двору, или [прислал] к [нашему] двору послов, дары и грамоты, или заложников в знак (верности), тот обретает славу и Его я ... , а его владение и местность стали процветающими. И тот, кто хотел, пришел, чтобы **мне** подчиниться и служить”».

В надписи остались непонятными те места, где говорится о движении воинских отрядов, не совсем ясен порядок обмена посланиями, очень вероятно, что слишком сближены отдельные контексты. Но ясен основной ход событий. Нарсе, представители его «партии» и войска движутся в Асурестан, и до столицы остаются немногие дни пути. Вахунам просит помощи у Атурфарнбага, царя Месены (Мешана), одного из главных врагов Нарсе, предлагая ему регентство над страной до совершеннолетия Варахрана III. Такое решение Вахунама, который, видимо, до сих пор имел безраздельное влияние на Варахрана III, было вызвано свершившимся фактом двоевластия. Теперь требовалось заботиться не только о военном перевесе. Обращение именно к Атурфарнбагу можно понять — ведь Атурфарнбаг был ставленником

Варахрана II. Бесспорно, в острой ситуации, создавшей-ся в стране, он был предпочтителен на роль регента. В случае военного успеха Вахунам и сторонники «царя саков» могли рассчитывать и на «законные» обоснования своих притязаний.

Первым из врагов Нарсе был схвачен и казнен Атурфарнбаг. Лакуны в тексте не позволяют решить, где произошла решающая битва и произошла ли она вообще. Из текста как будто бы ясно, что после разгрома войска Атурфарнбага Вахунам, даже не вступая в Асуре-стан, бежит, его сторонники сдаются Нарсе, а самого Вахунама хватают и подвергают страшной казни. В отрывке упоминается осел, к которому привязывают Вахунама. Понять это место помогает опять «Письмо Тансара» [Минови, 1932, с. 23]. Объясняя Гушнаспу законность применяемых шаханшахом пыток по отношению к еретикам и преступникам, Тансар (или поздний сасанидский компилятор?) перечисляет орудия пыток: «Слон — вот для чего: шаханшах приказывает бросить под ноги слона грабителя и еретика. А „бык“ — это котел, сделанный в форме быка. В нем расплавляли олово и бросали в него преступника. А „осел“ был треножник из железа. Некоторых привязывали снизу за то, что они имеют, пока они не погибнут ... Этим пыткам раньше не подвергался никто, кроме колдунов и грабителей»⁵³. Малолетний «царь саков» Варахран был казнен последним — как будто бы по решению совета нового шаханшаха.

Эти события невольно заставляют вспомнить изображения на рельефе *Viš. VI* — большое панно (более 50 фигур), выбитое рядом с Бишапуром, на левом берегу Руд-и Шапура. Этот рельеф, пожалуй, наименее изучен из всех сасанидских рельефов. Он редко воспроизводится в общих изданиях, мало публиковались фотографии его деталей; существуют противоречивые мнения о его датировке [Херцфельд, 1928; 1935]⁵⁴. Здесь почти та же ситуация «нечитаемости», что и с переведенным выше текстом надписи в Пайкули, — все исследователи единогласно утверждали, что рельеф так и не был закончен (но непременно отмечали «грубость и плоскостность» его стиля). И действительно, перед нами вновь лакуны: сидящий на троне повелитель Ирана (в центре композиции) изображен в неопознаваемой короне. Ясно различим шар над короной, но тулья не закончена скульпторами и могла быть или украшена зубцами (короны Шапура I и Шапура II), или же иметь украшение в виде

распахнутых крыльев (короны Варахрана II, Хормизда II).

Эта неопределенность одного из решающих моментов для датировки, «грубость стиля» (точнее, незаконченность работы) и, наконец, неясность событий, изображенных на рельефе, до настоящего времени оставили его в стороне от внимания исследователей.

Р. Гиршман, издавший рельеф Бишапура, по существу, первый ученый, который дал его подробное описание [Гиршман, 1971, с. 79—89, табл. XIX—XXII, рис. 10]. Рельеф, как и так называемый малый триумф над римлянами Шапура I (на другой стороне реки), разбит на регистры⁵⁵. В центре верхнего регистра на рельефе Viš. VI изображен шаханшах, сидящий на троне. Слева в верхнем регистре — десять фигур сасанидских принцев (в *кулах* особой формы) и вельмож. Справа в том же регистре — сасанидские военачальники, знаменосец (?) и солдаты, ведущие трех пленных врагов, руки которых связаны за спиной, а торсы обнажены. В нижнем регистре слева — слуга, ведущий оседланного коня шаханшаха, и одиннадцать фигур сасанидских солдат. Справа — палач, в одной руке которого отрубленная голова человека, а в другой — венец с длинными лентами; еще один палач, несущий в руке отрубленную голову сасанидского вельможи (судя по форме *кулаха*); у ног первого палача — ребенок. Далее фигура сасанидского принца (или царя, также судя по форме *кулаха*), руки которого связаны. Его ведет один из военачальников. Затем следуют фигуры воинов или свиты (восемь фигур) с непонятными (не законченными скульптором) предметами в руках. Один из воинов сидит на слоне. Все фигуры сделаны начерно, не проработаны детали, не доведена до конца рельефная моделировка, закончен как бы «верхний пласт» рельефа.

Р. Гиршман пишет: «Отрубленные головы враждебных принцев; трагедия царского отпрыска, потерявшего родителей; пленники с обнаженными торсами, со связанными за спиной руками, которых тащит солдатня, — вот те элементы, которые были выбраны шахом, чтобы запечатлеть его победу. Признаемся, что этот рельеф странно не соответствует тем, что мы относим к эпохе Шапура I» [Гиршман, 1971, с. 87]. Исходя из этого, Р. Гиршман предлагает относить рельеф к эпохе Шапура II (309—379), поскольку арабские источники упоминают жестокое прозвище этого шаханшаха — Зу-л-актаф

(«Заплечник» — он якобы расправлялся с пленными, просверливая им лопатки), поскольку Аммиан Марцелин называет его «грозным и жестоким монархом», поскольку мы знаем, как варварски были разрушены Сузы войсками этого царя. Но никаких известий о событиях времени Шапура II, с которыми можно было бы связать изображения на рельефе, не сохранилось. И поэтому обратимся к деталям иконографии, которые помогут судить о его дате, независимой от интерпретации.

Отсутствие детальных фотографий до недавнего времени затрудняло эту работу⁵⁶, но многое убеждает в датировании его до начала IV в. Поза шаханшаха, сидящего на троне, повторяет позу Варахрана II на NBh до таких мелких деталей, как, например, позиция ступней. Его корона, хотя и не законченная скульптором, могла изображать скорее всего корону с шаром и низкой тульей (в пределах III — начала IV в. — или корону Хормизда I, или корону Нарсе). На груди шаханшаха изображены две скреплявшие плащ застёжки, от которых отходят ленты, — так изображали эту деталь одежды шаханшаха лишь в III в. (не позже времени царствования Хормизда II)⁵⁷.

Головные уборы всех принцев и вельмож — такие, какие изображались на рельефах III в. В особенности примечательны *кулахи* принцев и членов царского дома (верхний регистр, слева), некоторые из них увенчаны головами зверей (предпоследний вельможа в ряду — в *кулахе* с головой коня?). Подобные *кулахи* и в нижнем регистре.

Военачальники (верхний регистр, справа) — в тех же позах (вплоть до положения рук), как и на «триумфах» Шапура I.

Прическа и одежда воинов — та же, что и на «триумфах» Шапура I. Все мечи на рельефе подвешены так же, как и на раннесасанидских рельефах: они висят на ремне, проходящем через петлю на ножнах⁵⁸. Рукояти мечей (на фотографиях — у шаханшаха и первого персонажа в верхнем регистре, справа) увенчаны высоким трапециевидным навершием — так, как на рельефах Варахрана II. Наконец, седло коня шаханшаха, бесспорно, римское, не позднее конца III в. [Гиршман, 1973, с. 99—107].

Как можно «прочесть» в свете надписи NPK сюжет этого «триумфа» на рельефе из Бишапура?

На троне — шаханшах Нарсе, по левую сторону от него — вся та знать, которая встретила его в Никатор-

Авана, и его армия, а справа — палачи с отрубленной головой Вахунама, сына Татроса, с головой царя Мешана Атурфарнбага и его венцом, «солдатня» (по выражению Р. Гиршмана), которая тащит связанного царя сакков Варахрана. Что несут в руках остальные палачи — не орудия ли пыток; зачем на рельефе изображен слон — не ему ли под ноги должны бросить остальных врагов, тех, что связанных ведут солдаты к трону шаханшаха; кто этот «царский отпрыск, потерявший родителей» (маленькая фигура рядом с первым палачом), — не сын ли царя Мешана? Последнее очень вероятно. Для Нарсе цари Мешана — от старшего сына Шапура I до Атурфарнбага — это, конечно, мятежная династия, и очень возможно, что одним из результатов переворота было полное ее уничтожение. Во всяком случае, с этого времени Мешан-Месена как самостоятельное владение принцев сасанидского рода уже неизвестен, в отличие от других владений — Кермана и Сакастана, упоминания о которых встречаются вплоть до конца IV в.

О рельефе можно было бы сказать еще очень многое: он интересен, в частности, именно своей незаконченностью, позволяющей судить о том, как подготавливалась композиция этих памятников и как работали скульпторы. Несомненно, макрофотографирование и описание рельефа помогут уточнить многие детали, и тогда, видимо, вновь придется обратиться к НРК.

Но все же почему рельеф, запечатлевший события прихода Нарсе к власти, выбит в Бишапуре?

Бишапур, основанный Шапуrom I как «личный каприз» этого великого монарха, как «сасанидский Версаль» [Гиршман, 1971, с. 9—36], соперничавший своей «западной» роскошью убранства со знаменитой Антиохией, уже после смерти Шапура I превратился в особый для династии Сасанидов город. Официальная столица — Ктесифон — находилась в Асурестане. Первый столичный город Папака — Сасана (древний Истахр) — уже потерял свое значение. Фирузабад, в глубинах Парса, построенный Арташиром I, славился, правда, своим знаменитым дворцом, но его расположение было не столь удобным, чтобы являться центром «царского величия». В то же время рядом с Бишапуrom в естественном гроте был похоронен Шапур I, и над его могилой из колоссального сталактита была высечена статуя. Здесь же после неожиданной смерти Шапура I принял корону от знати его сын Хормизд⁵⁹. Инвеститура Шапура I, два его рельефа,

посвященные триумфальным победам над римлянами, инвеститура Варахрана I, триумф Варахрана II над арабами, наконец, описанный выше рельеф — вот что выбито на скалах рядом с городом. А в самом городе — громадный дворец с мозаиками, великолепный храм, дворец, специально возведенный для пленного Валериана, — воистину средоточие величия страны здесь, в Парсе, в то время идеологическом и политическом центре державы.

О «присутствии» Нарсе в этом городе были до сих пор и другие свидетельства — обломки его большой каменной статуи⁶⁰ и надпись на инвеститурном рельефе Варахрана I: «Это — изображение поклоняющегося Ахурамазде владыки Нарсе, царя царей Ирана и не-Ирана, происходящего от богов, сына поклоняющегося Ахурамазде владыки Шапура, царя царей Ирана и не-Ирана, происходящего от богов, внука поклоняющегося Ахурамазде владыки Арташира, царя царей». Помещение этой надписи на рельефе (впервые на нее обратил внимание Э. Херцфельд) казалось раздраженным, почти бессмысленным жестом, ведь здесь был изображен Варахран I в его индивидуальной короне — в то время достаточно было одного взгляда, чтобы понять это; незачем было искать глазами нечеткую и неглубоко высеченную надпись в правом верхнем углу. Но в феврале 1975 г., ведя раскопки около этого рельефа, расположенного рядом с тем, на котором, как я стремился показать, изображен «триумф» Нарсе, Али Акбар Сарфараз обнаружил фигуру поверженного врага под копытами коня Варахрана I [Луконин, 1979, рис. 18—19]. Фигура, судя не только по иконографическим деталям, но и по следам инструментов скульпторов, добавлена к рельефу позднее основной сцены, скорее всего одновременно с надписью Нарсе⁶¹. Простертый под ногами коня персонаж — в том же *кулахе*, в той же одежде (короткие штаны, заправленные в сапоги), с теми же оковами на ногах, как и персонаж в нижнем регистре справа «триумфа» Нарсе, которого тащит «солдатня» к подножию трона. Это опять «царь саков» Варахран (III), еще молодой, еще безбородый. Вот зачем понадобилась надпись Нарсе на рельефе Варахрана I. Фигуру поверженного «царя саков» высекали тогда же, очевидно, те же скульпторы, что высекали «триумф» Нарсе. Для того чтобы изобразить на той же скале новую инвеститурную сцену, не было, видимо, ни времени, ни средств, как не хватило времени, чтобы закончить «триумф» Нарсе, как не хватило времени, чтобы закон-

чить его инвеститульный рельеф в «святыне Ирана» — в Накш-и Рустаме, там, где он захотел запечатлеть себя венчаемым богиней Анахитой.

Нарсе царствовал немногим более семи лет. И это были тяжелые годы: внутренний кризис в стране сказался, конечно, на ее военном могуществе. Поражение сасанидской кавалерии в пределах Закавказья, успешное продвижение римских легионов в Месопотамии — все это вынуждало Нарсе заключить «позорный вечный мир» с императором Галерием, потеряв на западных границах почти все, что было захвачено раньше⁶².

В своей надписи Нарсе уверяет, что он будет заботиться о славе и процветании Ирана, как это делал «Арташир, царь царей, который был моим дедом, и он прославил страну во имя богов».

Божественное право быть повелителем Ирана, как утверждает Нарсе, дано ему в силу его особых моральных качеств: он «наиболее верен религии, наиболее хорош, наиболее справедлив, наиболее деятелен». Что ж, то же самое писал и Картир о его предшественнике Варахране II: «Варахран, царь царей... тот, кто великодушен, правдив и верен [религии], тот, кто делает дела хорошие и похвальные».

Нарсе уверяет, что он более всех почитает богов. Он отправился завоевывать трон «во имя Ахурамазды, и всех богов, и госпожи Анахиты». Он, будучи еще царем саков, упоминался с эпитетом 'yly mzdysn — «благородный (т. е. „с чистой верой“), поклоняющийся Ахурамазде...» Что ж, именно таким был титул и его предшественника Варахрана II на его монетах, таков был титул и Варахрана I.

Нарсе уверяет, наконец, что он вступил на престол Ирана по наследственному праву, что его право на престол освящается авторитетом основателя государства Арташира, «который во имя богов всю страну прославил, и другого такого [еще] не было».

Но именно так поступал и Варахран I, апеллируя к «богам Арташира» в официальном титуле на своих монетах; так поступал и Шапур I, приказывая высечь рельеф со своим портретом и портретами своих сыновей и дочери, приносящих почтение Арташиру (комплекс NRj); так поступал даже Картир, относя начало своей религиозной карьеры (вопреки истине) в эпоху Арташира (KNRu).

Все это не только пропаганда законности притязаний

на трон Ирана. Это основная концепция сущности власти над страной, модель идеального государя, религиозная основа божественного права царя царей. Царь царей — средоточие добра, его враги — орудие дьявола; царь царей — провозвестник Правды, а все его враги — приверженцы Лжи.

Так рассматривал свое божественное предназначение и царь царей Ирана, Ахеменид Дарий, сын Виштаспы, в своей надписи на Бехистунской скале ⁶³.

Хосров II и Анахита

Хосров II в «Шах-наме»

Хосров II Парвиз — один из главных героев поэмы Фирдоуси «Шах-наме». Фирдоуси посвятил ему 4125 бейтов — более одной трети сасанидской части поэмы, которую современные исследователи в отличие от остальных частей называют «исторической»¹.

Для Фирдоуси то, что он писал в своей поэме, было, конечно, историей его страны. Но это совсем не труд, при создании которого был применен аналитический метод или метод оценки различных версий, т. е. совсем не такая история, как ее понимали, например, Табари или многочисленные переводчики сасанидской «Хватай-намак», или даже те четыре мудреца-перса, которые по приказу правителя города Туса Абу Мансура Мухаммеда ибн Абд ар-Раззака закончили в 959 г. так называемую «Большую Шах-наме».

«Большая Шах-наме» представляла собой свод самых различных книг, не только сасанидских исторических хроник, но и сасанидских «романов» — *андарзов*, преимущественно в их арабских переложениях и переводах. Это был «подстрочник» Фирдоуси. Но Фирдоуси, манипулируя всеми этими материалами по своему желанию, перенося иногда даже большие исторические события из одной эпохи в другую, оставался прежде всего поэтом². Он создавал характеры, исторические образы, выделяя в своем материале те именно поступки и высказывания своих героев, которые казались ему наиболее яркими. «Кем был Рустам до сих пор? — писал он. — Только каким-то сеистанским воином. Я же сделал его Рустамом, сыном Дастана».

Нужно подчеркнуть, что, судя по всему, Фирдоуси даже в этой «исторической» части своей поэмы не воспользовался никакими дополнительными фактами и сведени-

ями, никакими дополнительными источниками, кроме тех, которые содержались в «Большой Шах-наме». Больше, чем политика, много больше, чем конкретные исторические события, Фирдоуси интересовала, так сказать, «культурная история», и потому все три «великие царствования», вокруг которых, в сущности, и концентрируется остальной материал (подготавливая события этих трех царствований или объясняя их последствия), — царствование Бахрама Гура (2600 бейтов), Хосрова Ануширвана (4526 бейтов) и Хосрова Парвиза (4125 бейтов)³ — строятся у него по одинаковой модели. Это «тронные речи», сухое и скучное изложение событий политической и внутренней истории, совсем не подробное и к тому же — с произвольными (точнее, авторскими) акцентами, и, наконец, описание подвигов и поступков его главных героев, их достоинств и недостатков, внешнего антуража дворцов, гарема, богатства, отношений с различными второстепенными персонажами и т. д.

Бахрам Гур у Фирдоуси — прежде всего великолепный воин, охотник, главный кавалер. Он совсем не мудрый владыка, не яростный в своей силе герой, он скорее храбрец. Он мечется по страницам поэмы и по всему своему царству с одной охоты на другую, из одного дворца в другой, он любит посещать гостей — и знатных дворян, и простых подданных — и везде пьет вино. Он совсем не стратег — во время угрожающей Ирану войны с тюрками он поступает не как главнокомандующий иранскими силами, а как лихой полковник, совершая неожиданный рейд на дружины хакана. Он может проникнуть к врагам, скрываясь за дипломатическим статусом официального посла, с целью разведать силы и намерения врага, но дело кончается очередной любовной историей. Этот образ у Фирдоуси, пожалуй, самый человечный, он наделен известной глубиной, динамичен, внутренне интересен⁴.

Хосров Ануширван в этом смысле — подлинный антипод Бахрама Гура. Это — государь государей, «мироустроитель», царь-реформатор, непревзойденный образец повелителя огромной страны, образ этот тяжеловесен, монументален, неподвижен — это не человек, но идеал правителя. Его заботят прежде всего слава и престиж его державы, не только в военной и экономической, но и в культурной сфере: в его царствование осуществляются переводы научных трактатов («Панчатантра», переведенная Барзудей, воспринималась прежде всего как науч-

ный трактат, «книга полная мудрых слов»⁵⁾, и даже «Шатранг» для него — модель для изучения военной стратегии, а «Нард-Неварташир» — модель для астрологических штудий⁶⁾.

Хосров Парвиз — как бы между этими двумя крайностями. Личная храбрость и рыцарское благородство, забота о благе государства, но и любовь к жизненным удовольствиям хорошо сочетаются в этом образе сибарита, мецената и очень осторожного и мудрого политика. Как и у Хосрова Ануширвана, у него — блестящий двор, но это преимущественно не ученые — это поэты, музыканты, строители. Его характер ужесточается к концу жизни: заботясь о блеске, преимущественно внешнем блеске, своей империи, предпринимая большие и изнурительные для страны походы, часто исключительно в престижных целях, он сам исподволь готовит свой страшный конец. Зло, учиненное им в начале царствования, оборачивается против него в его последние дни.

Такой образ Хосрова Парвиза, пожалуй, не очень соответствует тому, что мы узнаем о нем из многочисленных и разноязычных исторических источников, посвященных этому периоду сасанидской истории⁷⁾.

В арабо-персидской традиции (ярче всего, пожалуй, у Динавари⁸⁾) Хосров II прежде всего — завоеватель, деспот. Он обуян гордыней. Характерна в этом отношении упомянутая у нескольких авторов история с одним римским всадником, который хотел одолеть Бахрама Чубина, отнявшего царство у Хосрова. Бахрам рассек его пополам, а Хосров смеялся: «Он упрекал меня и мне понравилось, что он познал тот удар, который победил меня в моем царстве».

Хосров жаждет мести за отца и долго выжидает удобного случая. «Он захотел начать со своих дядей, Биндоя и Бистама, забыв о помощи, оказанной ему Биндоем. Злобу против них он копил в течение десяти лет».

Его обвиняют в неблагодарности, в убийстве многих знатных воинов и вельмож, в том, что обилие собранных им богатств достигнуто «путем взимания хараджа насильственным способом» (были собраны, в частности, недоимки тридцатилетней давности), в угнетении подданных, высокомерии, хитрости...

У христианских авторов Хосров совсем другой. Он озабочен делами христиан и христианской церкви, и в основном под этим углом рассматривается вся его деятельность.

В этой работе я хочу сосредоточиться лишь на вопросе о судьбе христианства в позднесасанидском Иране, даже точнее — на идеологической политике Хосрова по отношению к христианству. Мне представляется, что здесь мы можем различить не только политико-экономическую основу, но и действия, обусловленные личными привязанностями шаханшаха, конкретными событиями его жизни.

Для этой цели «Шах-наме» Фирдоуси представляется благоприятным фоном реконструкции.

Как известно, Хосров пришел к власти благодаря решительной поддержке византийского императора Маврикия. Причины этого союза двух «великих держав», сложные внешнеполитические отношения, их последствия для экономики и внутренней истории Ирана и Византии не раз подвергались анализу⁹.

Но для Фирдоуси вся эта история сводится к чисто личным отношениям — верности Хосрова Маврикию, помогшему ему в критическую минуту, мести за его смерть, помощи его сыну (он для Фирдоуси — реальный претендент на власть в Византии, а совсем не самозванец, который был использован Ираном как повод для начавшейся войны). Уважение к Маврикию окрашивает в поэме и отношение Хосрова к христианству.

Всем обязанный императору Маврикию, называя его своим отцом, Хосров берет в жены его дочь Мариам. Мариам — «разумная, величественная, мудрая» [Шах-наме, т. 9, 1502 и сл.] — имеет на шаха громадное влияние. Он строит для нее христианские церкви, она часто дает ему советы в религиозных спорах. Так случилось, например, когда император в числе даров посылает Хосрову роскошное платье, украшенное изображениями креста. Хосров прочел письмо кесаря и удивился его подаркам.

Потом сказал *шахрийар* своему *дастуру*: «Мол, это румийское платье, украшенное драгоценностями, не было в обычае [носить] именитым декханам, ибо оно — одежда епископа. Раз на нашем платье изображение креста, то надеть его — это обычай христиан. Если не надену его — обижу кесаря... а если надену — то все знатные начнут говорить, что, мол, этот *шахрийар* стал христианским, ибо на нем кресты¹⁰. *Дастур* царя уверяет его, что вера не зависит от платья: «Ты — *пайгамбар*

веры Зардушта, хотя и имеешь связи с кесарем» [Шах-наме, т. 9, 2066].

Шаханшах облачается в епископский наряд и появляется в нем на приеме. «Разумные, когда увидели его в этом платье, поняли, что он предпочел мнение кесаря, а другие говорили, — вот этот властелин мира втайне обращен в христианство». На приеме присутствует сын кесаря Ниятус (так считает Фирдоуси; на самом деле посланником при сасанидском дворе в то время был магистр войск востока Нерсей). Биндой появляется у накрытого к торжественному ужину стола с принадлежностями для застольной зороастрийской молитвы (*вадж*), и Хосров произносит эту молитву. Ниятус отбросил хлеб и с гневом вскочил из-за стола. Сказал: «Вместе *вадж* и крест от кесаря — это обида для христиан!» Начинается драка между Ниятусом и Биндоем. Хосров покраснел от гнева. «Не надо было, — сказал он Бистаму, — давать вина этому безумному быку!» Но Ниятус вызывает свой конвой и требует, чтобы Биндой принес извинения. Шаханшах понимает всю остроту ситуации, но решительно возражает: «Да не будет такого, чтобы веру предков, этих достойных венца и чистых, я преступил и стал христианином, чтобы я не читал *ваджа* за столом и стал бы верить в Христа» [Шах-наме, т. 9, 2092 и сл.].

Скандал улаживает Мариам. Она объясняет Ниятусу, что «истинного величия недостойно менять веру, как меняют платье»¹¹.

Еще одна история, связанная с отношением к христианству Хосрова и косвенно — с Мариам, это история со «святым крестом», захваченным сасанидскими войсками в Иерусалиме. Вот как излагает ее Фирдоуси.

Кесарь обращается со специальным письмом к Хосрову, в котором, восхваляя его правление, его богатства, его мудрость и т. д., между прочим, пишет: «Есть у меня просьба к шахрийару, которая для него совсем ничтожна. Христианское древо храните вы в сокровищнице. Проверьте — и увидите, что это — правда. Уже много лет прошло, [как оно хранится у вас]. Быть может, пошлете его нам назад. Удовлетворив это желание, шахрийар мира одарит у нас великих и малых сим» [Шах-наме, т. 9, 3278 и сл.].

В ответном письме Хосров, как бы между прочим, касается и вопроса о «священном древе». Он пишет о том, что, конечно, «Христос был на нем распят, но ведь потом он вознесся на небеса, и потому, зачем печалиться о ка-

ких-то досках? Когда такие пустые слова исходят от самого кесаря, то над этим смеются даже ничтожные люди. Это Иисусово древо не стоит, конечно, того, чтобы шахи хранили его в своей сокровищнице. Но если я пошлю в Рум это древо из Ирана, то вся страна будет надо мной потешаться. Мобеду покажется, что я стал христианином, что я был обращен Мариам в христианского священника» [Шах-наме, т. 9, 3328 и сл.].

Это все, что пишет Фирдоуси об отношении к христианству Хосрова Парвиза. Хотя в «Шах-наме» вопросы религии занимают Хосрова много меньше, чем остальных шаханшахов (даже в его многочисленных речах и «поучениях» о зороастризме говорится лишь вскользь), все же он — праведный зороастриец, он посещает зороастрийские храмы (в особенности — храм Атур Гушнасп), приносит им дары. Вообще в его время религиозные вопросы — совсем не основное. Видимо, так отражалась идеологическая обстановка в Иране того времени и в сасанидской официальной истории. Во всяком случае, даже захват сасанидскими войсками Иерусалима в 614 г. и вывоз оттуда в Иран главной святыни христиан, этот, по выражению Н. Я. Марра, «факт мирового значения» [Марр, 1909] не столь уж заметен и в арабо-персидской традиции, основанной на «Хватайнамак».

У Фирдоуси «священное древо», как мы видели, издавна хранится в сокровищнице, и он ничего не пишет о захвате Иерусалима¹². Табари и Бал'ами упоминают об этом вскользь. Динавари утверждает, что крест обнаружили после долгих поисков где-то на огороде в Александрии [Колесников, 1970, с. 132].

Важность этого события и для сасанидской политики проявляется лишь в ответах на обвинения, предъявленные Хосрову в конце его жизни. Оппоненты Хосрова, упрекая его во многих грехах, в частности, считают, что он поступил неблагодарно по отношению к кесарю в ответ на оказанную помощь: «... ради него ты не проявил заботы о его сыне и родственниках, когда они явились к тебе с просьбой вернуть им древо распятия, которое прислал тебе Шахин из Александрии». Хосров отвечает на это: «Истинно дороже этого дерева тридцать миллионов дирхемов, которые я распределил среди прибывших со мной ромеев (растрата, в которой его прежде всего и винили. — В. Л.)... Я запер его [это древо] для того, чтобы с его помощью получить в залог их послушание и

чтобы они повиновались мне во всем... вследствие великого воздействия на них этого древа» [Колесников, 1970, с. 133].

Много больше об отношении Хосрова к христианству содержат сирийские, армянские и греческие источники. В некоторых из них упоминаются сведения, не вызывающие сомнений в их достоверности.

Помощь Маврикия Хосрову в его борьбе с Бахрамом Чубином за трон Ирана, возможно, с самого начала была обусловлена какими-то будущими уступками христианам в Иране со стороны шаханшаха. Во всяком случае, судя по сообщению Симокатты (Пигулевская, 1946, с. 97), в Телль-Константине Хосрова встретили специальные посланники Маврикия — епископы Домициан Милитенский и Григорий Антиохийский, которые вместе с официальными переговорами об условиях помощи Ирану вели неофициальные беседы с шахом о религии.

В том же, 591 г. Хосров направляет золотой крест, захваченный в Византии его прадедом Кавадом, со своим посланием церкви св. Сергия в Русаре [Пигулевская, 1946, с. 100].

Большинство христиан в Иране были несторианами. В Иране, в частности, хранилась одна из самых почитаемых несторианских святынь — мощи пророка Даниила. По сообщению Себеоса [Себеос, XII, с. 44—45], они находились в Сузах, в царском казнохранилище, в медной раке. «Персы ее называют Кав-Хосров»; такое название ей было дано, возможно, в честь Хосрова I, пожертвовавшего этому храму значительные суммы денег. Себеос пишет, что Маврикий просил Хосрова Парвиза вернуть в Византию эту святыню. «Царь Хосров приказал исполнить просьбу Маврикия... но вся страна собралась на этом месте, усиленной мольбой и слезным плачем просила Христа не допускать этого». Попытку увоза сопровождали различные знамения. Святыня осталась в Иране.

Несторианской церкви в Иране широко покровительствовал и отец Хосрова, Хормизд, но при Хосрове, помимо этого, в Иране укрепляются и позиции монофизитского духовенства. Эти позиции усилила женитьба Хосрова на дочери Маврикия Марии: по приказу шаханшаха, например, и на государственные средства строятся три большие церкви, в которых служат епископы, состоявшие в его свите.

В дальнейшем покровительство монофизитам еще бо-

лее усиливается — скорее всего потому, что, готовя войну с Византией (после смерти Маврикия), Хосров рассчитывал и на широкую поддержку восточных христиан, которые не могли простить новому византийскому императору Фоке тех привилегий, которые он предоставил папскому престолу и халкедонитам.

Покровительство монофизитскому толку в Иране при Хосрове II (и только при нем) очень важно подчеркнуть. Монофизиткой была также и еще одна жена Хосрова, царица цариц, «христианка из земли Хузистан по имени Ширин» [Себеос, XI, с. 43]. Для нее Хосров возвел монастыри и церковь близ царского дворца. При церкви состояли многие священники, храмы были хорошо украшены, им выделялись специальные средства от казны, «евангелие божьего царства открыто проповедовалось при царском дворе, и никто из старших магов не смел открыть рта и сказать христианину какое-нибудь слово» [Себеос, XI, с. 44]. В день праздника Вербного воскресенья «христиане из монастыря Ширин и из других мест шли к дверям царского покоя, читали во время церковной службы евангелие, получали подарки от царя и уходили, и никто не осмеливался сказать им ни слова» [Себеос, XI, с. 44].

Согласно сирийскому анониму, по настоянию Хосрова, католикосом Ирана становится Григорий Форатский [Пигулевская, 1939, с. 67—68] — соотечественник Ширин, несмотря на желание всех несториан иметь своим патриархом Григория Кашкарского. Вскоре, впрочем, Григорий Форатский был смещен, поскольку был монофизитом, но после него интригами Ширин несторианская церковь оставалась вообще без главы.

Характерна история Гавриила Шигарского, личного врача Хосрова и Ширин, который был монофизитом, потом принял «ересь Нестория», потом вернулся «в лоно истинной церкви», т. е. стал снова монофизитом. Такая беспринципность вызвала много толков, к тому же Гавриила обвинили во взяточничестве, но Хосров решительно стал на его сторону, заявив при этом, что следует поощрять монофизитов.

Помимо уже упоминавшихся монастырей и церквей Агапий и анонимная сирийская хроника сообщают, о строительстве в Бет Лашпар громадного храма в честь «девы Марии» [Пигулевская, 1946, с. 256], что представляется весьма интересным. И на византийских территориях после их захвата войсками Хосров всячески поощ-

рля монофизитский клир. Так, после взятия Эдессы населению этого города было предложено исповедовать или монофизитство, или несторианство, но никак не «халкедонитскую веру» — веру императора Ираклия [Пигулевская, 1946, с. 202].

Наконец, следует еще раз вернуться к главному событию в этой области — к истории о захвате «священного древа распятия» во время взятия иранскими войсками Иерусалима в 614 г. Факты говорят о том, что захват этой святыни — не случайное событие, не просто военная добыча в числе любой другой, но вполне преднамеренный акт увоза реликвии. История эта отражена многими источниками, но наиболее подробно рассказана современником и участником событий — греком, монахом монастыря св. Саввы, Антиохом Стратигом. Полководец Хосрова Шахрвараз взял Иерусалим после двадцатидневной осады, ценой предательства. Город был разграблен и разрушен. Было уничтожено (по ряду независимых друг от друга источников) не менее 60 тысяч жителей. «Святой крест» по приказу Хосрова был взят в храме Гроба Господня так, как он хранился — в большом ящике. В «персидское пленение» вместе с ним отправился и иерусалимский патриарх Захарий, сопровождаемый многими монахами. До Вавилона пленные подвергались надругательствам, маги требовали, чтобы они попирали крест ногами, и, согласно Антиоху, многие предпочли истязания и поношения. Но так было только до Вавилона.

Туда двинулся «навстречу кресту» сам царь царей. По его приказу, с тем чтобы проверить святость креста, прямо перед этой священной реликвией («царь поставил крест перед собой») был устроен диспут между патриархом Захарием и «главным магом» о сущности веры. Антиох уверяет, что Захарий выиграл этот диспут, доказав, что зороастрийский жрец не может совершить чуда, и этот жрец был тут же казнен по приказу царя. «И с тех пор никто из них (неверных) не дерзал приблизиться к господнему кресту... так как от того, что совершилось, все были объаты страхом». Таков рассказ очевидца, нервный, экзальтированный, но верный в деталях — Антиох специально подчеркивает, что все это он видел сам, а о дальнейшем рассказывает с чужих слов, так как в ту же ночь ему удалось бежать.

Он рассказывает, что по просьбе жены Хосрова — «христианки, чтившей древо креста», эта святыня, все еще «запечатанная в ящик», была перенесена в церковь

рядом с дворцом царя, куда поместили и Захария, и остальных пленных христиан и «расточали им почести, дали дары, жаловали в обилии ладан и свечи». Царь царей «почитал Захария, обращаясь к нему как к пророку».

Крест был возвращен уже после трагической смерти Хосрова тем самым полководцем, который уничтожил Иерусалим,— Шахрваразом. Это случилось в 631 г., 21 марта. Крест, «запечатанный по-прежнему в ящик, как он и был взят», был торжественно внесен в Иерусалим императором Ираклием.

Интересны сведения и еще об одном диспуте в присутствии царя царей, происходившем между представителями всех основных толков христианства. О нем сообщают многие источники, но особенно подробно — Себеос [Себеос, XIV, с. 102—105].

После захвата Иерусалима «Хосров, сын Ормизда, приказал всем епископам стран Востока и Ассирии собраться в царский дворец. Он сказал: „Я слышу, что среди христиан две партии и одна предаёт анафеме другую, ибо считает её неправой. Пусть они соберутся все в царском дворце и установят правую веру и отвергнут ложную”». Расследованию должны были подвергаться лишь вероучения Никейского, Константинопольского, Эфесского и Халкедонского соборов. Арбитрами были выбраны царский врач — Гавриил Шигарский (в то время уже монофизит), патриарх Захарий и «много мудрецов, которые были приведены пленными из города Александрия». Хосров сам вмешивается в диспут, так сказать, с позиции «здорового смысла». Он полагает, что поскольку три монофизитских собора состоялись при трех царях, а халкедонитский — только при одном, то «веление трех царей кажется более верным, чем одного». Рассмотрев учение несториан, он вообще приказал удалить их с диспута. Окончательное решение спора Хосров оставил за патриархом Захарием и «мудрецом из Александрии», но сам недоумевал по поводу Халкедонского собора: «отчего те три собора не сказали два естества раздельно (речь идет о божественной и человеческой сущности Христа. — В. Л.), как этот? Кажется, и нас следует разделить и сказать: два царя, а не один. Ибо и я из двух естеств, хотя бы от отца и матери, хотя бы из души и тела. Но божество, которое присутствует везде и не может стать тем, чем желает, или делать то, что желает,— какое это божество?»

По приказу Хосрова в царской сокровищнице отыс-

кали рукопись с изложением символа веры Никейского собора. «Это изложение веры было запечатано перстнями царя Кавата и его сына Хосрова... Копию истинного вероучения царь Хосров приказал запечатать своим перстнем и отдать в царскую казну на хранение». Себеос утверждает, что Хосров издал приказ о том, что все христиане в его государстве обязаны держаться именно этого символа. Этому придерживались «в Ассирийских странах митрополит Каминшов, и другие десять епископов, и боголюбивая царица Ширин, и храбрый Смбат (Багратуни), и главные врач».

А. Кристенсен, отмечая интерес Хосрова Парвиза к христианству, в свое время писал, что шаханшах прибавил к своим многочисленным суевериям еще одно, ни в какой степени не нарушая своей верности зороастризму [Кристенсен, 1944, с. 482]. Однако хорошо известно, что с многочисленным христианским населением — ремесленниками, торговцами и т. д., чем дальше, тем больше приходилось считаться. Приходилось считаться и с христианской религией, учитывая политическое положение Ирана. Достаточно важным было утвердить свое отношение к христианству и потому, что вплоть до смерти Маврикия и восстания Фоки Византия была союзником Ирана, а затем, во время широкого завоевания, предпринятого Хосровом, необходимо было надолго укрепиться в завоеванных областях и в этих целях была неизбежной толерантность по крайней мере к монофизитству.

Нужно иметь в виду также и судьбу самого зороастризма. К концу сасанидского периода ортодоксальный зороастризм уже превратился в сухую догму с необычайно усложненными, регламентированными до мелочей обрядами — недаром именно при Хосрове II потребовалась новая редакция канона. Вместе с тем христианство, занимавшее вполне прочные позиции уже и в начале сасанидской истории¹³, в особенности усиливается к концу периода Сасанидов, удачно соперничая с зороастризмом. Исследователи отмечали и общую тенденцию к монотеизму, неизбежную в условиях новых форм общественных отношений, развивавшихся на Ближнем Востоке [Пигулевская, 1946, с. 234—248].

И все же идеология эпохи царствования Хосрова II представляет собой особый феномен, во многом окрашенный не общими причинами и следствиями, но событиями конкретной истории и, хочу повторить, его личной судьбой.

Как уже говорилось, в «Шах-наме» Хосров Парвиз не очень-то много рассуждает о зороастризме. Христианская пропаганда тоже не очень его затрагивает, и он придерживается «золотой середины» в религиозных спорах. В данном случае у Фирдоуси совершенно верно отражен основной принцип реальной политики Хосрова: *status quo* в религиозных вопросах. По Себеосу, Хосров... отдал приказ: «Никто из незаконных (т. е. для Себеоса — зороастрийцев) да не осмелится перейти в христианство, и никто из христиан да не осмелится перейти в беззаконие; каждый обязан твердо держаться отцовской веры» [Себеос, XI, с. 44]¹⁴. Для Фирдоуси это одна из определяющих черт характера Хосрова Парвиза. Другая черта — любовь к роскоши, и прежде всего к роскоши в «западном» (византийском) духе. Он заворочен западной культурой, в особенности архитектурой, и всячески старается ей подражать. Воистину он *«пайгамбар веры Зардушта, хотя и имеет связи с кесарем»*.

Строительство эпохи Хосрова II

Хосров в поэме строит множество роскошных дворцов и замков. Во многих случаях его архитекторы, декораторы, советники приглашены из Рума. Вот, например, описание строительства знаменитого «Айван-и Хосров» (комплекс Так-и Бостан): «Хосров послал людей в Рум, Индию, Китай и другие страны. И собралось три тысячи мастеров... Из них, из каждого, кто был искусным мастером, чье сердце знало все о кирпиче и ганче, сначала выбрали сотню румийцев, иранцев, из Ахваза и других стран, из них — тридцать мастеров, а из этих тридцати — двух румийцев и двух из Парса, а перед царем предстал самый главный мастер, румиец, который знал персидский язык» [Шах-наме, т. 9, 3687 и сл.].

Все эти упоминания роскошных дворцов и сокровищ, таких, как Тагдиз — «Трон Хосрова» (по описаниям — нечто вроде планетария), Айван-и Хосров, таинственные редкости Гандж-и Хазры, Гандж-и Сухте, Гандж-и Арус, входящего в число царских «сокровищ» архитектора-румийца, коня Хосрова — Шабдеза и др., вероятнее всего, заимствованы из «Большой Шах-наме», где содержались выдержки из так называемой «Парвиз-наме», пехлевийского сочинения, посвященного диковинкам дворца Хосрова. Это сочинение знают и другие арабо-персидские

историки. Так, анонимный автор «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» (начало XII в.) пишет: «И было у него (Хосрова Парвиза.— В. Л.) 18 тысяч коней в конюшнях, и среди них — особенные, подобные Шабдезу, тому, изображение которого высечено в камне у города Керманшаха, около деревни, которую называют Бастам (т. е. Так-и Бостан.— В. Л.) ... В „Парвиз-наме” я читал, что эти изображения в камне высек Китус, сын Самсара, румиец: он же построил Седир и Хаварнаг¹⁵, а приказал ему и другим мастерам [сделать это] Фархад, *сенахбед*.

И по приказу Хосрова здесь над источником был возведен айван и замок над этими каменными изображениями, и до сих пор он стоит на месте. И там шах пил вино со своими вельможами... и там изображения Парвиза, Шабдеза, Ширин и охотничьего *парадиза* — все в камне» [Муджмал ат-таварих].

Об особом интересе Хосрова к западной архитектуре известно и по другим источникам. Издавая грузинский вариант Антиоха Стратига, Н. Я. Марр писал: «Историк искусства, в частности архитектуры, несомненно обратит внимание на то, с какой заботливостью персы брали к себе на родину мастеров — зодчих из Иерусалима: заявлением о своем ремесле зодчие спасали себе жизнь» [Марр, 1909, с. 5]. В «Пленении Иерусалима» Антиох пишет о том, что персы, захватив город, вывезли из церквей многие мраморные колонны. То же — у Михаила Сирийца: «Они вывезли в персидскую землю рабов, всякого рода имущество, даже колонны из мрамора и великое множество [мраморных] плит доставили они в Персию из Романии, Сирии и прочих западных областей» [Михаил Сириец, с. 360; Пигулевская, 1946, с. 266]. То же в «Анонимной сирийской хронике»: «Какой грабеж! Какой захват! ...Какие тяжкие подати! Сколько отправлено в персидские пределы камней, плит, мраморных колонн из церквей, тюков золота и серебра!» [Пигулевская, 1946, с. 266]. Такие сообщения есть и в других источниках.

Архитектурные сооружения времени Хосрова II действительно резко отличаются от тех, что строили в Иране до него. В его эпоху грандиозные постройки возводятся прежде всего в районе Керманшаха и Бехистуна. Это хорошо известный *парадиз* Так-и Бостан с его колоссальной нишей (айваном) и знаменитыми рельефами¹⁶; сравнительно менее известный большой дворец рядом с Бехистуном [Лушей, 1968, с. 129—142, ил. 1, табл. 51, 52],

так называемая Терраса Хосрова [Трюмпельман, 1968, с. 11—17], Тахт-и Нешин в Фирузабаде ¹⁷.

«Старый Караван-сарай» у Бехистуна, «Терраса Хосрова», Тахт-и Нешин и некоторые другие архитектурные памятники того же времени возводились на грандиозных платформах из больших каменных квадратов со своеобразной рустовкой, которые слишком напоминают знаменитую персепольскую. О том, что такие постройки принадлежат именно Хосрову II, знала и арабо-персидская традиция. Так, например, Ибн ал-Факих, описывая «*Дуккан* Хосрова» в районе Керманшаха, украшенный изображениями «Факфура, царя Чина, Хакана, царя тюрок, Дахара, царя Индии, кесаря, царя Рума, и Хосрова Парвиза», особо указывает на то, что *дуккан* стоял на каменном подиуме, сложенном из камней [Ибн ал-Факих, с. 215, 15].

Эта особенность архитектурных сооружений времени Хосрова II впечатляет при посещении знаменитого храма Анахиты в Капгаваре, расположенном недалеко от Керманшаха ¹⁸.

Раскопки этого комплекса, проведенные в 1972—1977 гг. иранской археологической экспедицией совместно с итальянскими реставраторами, заставили отказаться от старого плана реконструкции храма, предложенного еще в 40-х гг. XIX в. Е. Фланденом и П. Костом и использовавшегося во всех работах вплоть до недавнего времени ¹⁹.

Оказалось, что колонн, образующих перистиль по всем сторонам гигантской платформы (230×200 м), не три ряда, как это предполагала старая реконструкция, а значительно меньше (во всяком случае, на южной и восточной сторонах): в исследованной части приблизительно до половины платформы по 24 колонны в один ряд. У южной стены в центре археологами была открыта каменная лестница, которая двумя маршами (по 26 ступеней в марше, высота ступеней — 15 см, ширина около 33 см) вела на платформу. Холм в северо-восточной части еще не раскопан полностью, но уже сейчас ясно, что здание, которое под ним скрывается, — совсем иное по плану, чем предполагали ранее. Наконец, восстановленные от базы до капители колонны оказались не имеющими ничего общего с любыми из классических ордеров. Колонны приземисты и массивны: при высоте в 3,45 м их толщина — более 1,5 м (размер интерколумниев везде стандартен: 4,75 м). Реконструкция платформы еще да-

леко не завершена; по существующим предположениям, она, возможно, была ступенчатой, и здание храма находилось в восточной части. Но при расчистке квадров, вывалившихся с разных сторон платформы, в том числе и в районе лестницы (в одном случае — даже квадра, на котором некогда стояла одна из колонн), были обнаружены многочисленные тамги, знаки и надписи, нанесенные на задние, необработанные стороны квадров. Количество надписей возросло уже до трех десятков. Все они выполнены позднесасанидским письмом и представляют в подавляющем большинстве рабочие пометки мастеров-каменотесов (типа «верхний камень», «убрать слой камня», «отверстие» и т. д.). Чтение части этих надписей уже было опубликовано²⁰.

Итак, тамги, знаки и строительные пометки, относящиеся к позднесасанидской эпохе, позволяют утверждать, что и вся грандиозная платформа Кангавара, и колонны, возведенные на ней, и лестница, ведущая на платформу, — все это должно быть отнесено к позднесасанидскому периоду. Трудно предполагать, что позднесасанидские строители использовали при этом более старые блоки, реставрируя, положим, платформу парфянского или раннесасанидского времени. Этому как будто бы противоречат и приемы обработки внешней поверхности блоков (см. ниже). На одном из блоков платформы «Старого Караван-сарая» у Бехистуна в 1975 г. мне к тому же удалось обнаружить точно такую же тамгу, как и на блоке из Кангавара. Этому противоречит и то обстоятельство, что камней с пометами на обороте (найденны по всей платформе) слишком много, чтобы думать о частичной реконструкции, и то, что аналогичные пометы есть, кажется, на полуобработанных блоках каменоломни недалеко от Кангавара, откуда строители брали камень для платформы и для колонн (устное сообщение С. Камбахшфарда).

Наиболее вероятной датой этого строительства должно быть время Хосрова II. Во всяком случае, дворец у Бехистуна («Старый Караван-сарай») относится к этому времени, поскольку здесь находились капители колонн с изображением Хосрова II (о них далее). «Терраса Хосрова», расположенная также неподалеку, связывается с этой эпохой не только строительными приемами возведения платформы и способом обработки квадров, но и по письменным источникам. Платформа в Фирузабаде (Тахт-и Нешин), имеющая идентичные кон-

структивные особенности, датируется по аналогии с этими двумя. Иных платформ сасанидского времени в Иране не обнаружено²¹. Да и сам облик платформы с колоннадой живо напоминает сведения из источников о строительстве из камня в эту эпоху, которые приводились выше.

Дукт надписей этой дате не противоречит, но в них пока нет точных дат (лишь в одном случае [Камбахшфард, 1968, рис. 4, верхняя строка] — возможно, начало даты: štrywγ — шестой месяц иранского года).

Однако в I в. н. э. на этом месте, бесспорно, находился храм, посвященный богине Анахите. Об этом упоминается в итинерарии Исидора Харакского (Artemius; 1906 в местности Кодоβαρ).

Возможно, он же упоминается и в III в. в надписях *магуната* Картира, который сообщает, что шаханшах Варахран II назначил его «адвенпато» (распорядителем средств, передаваемых храмам «по обычаю») и владыкой храма Анахиты Арташир (этот храм находился в Истахре, в Фарсе) и храма «Анахиты-госпожи» ('nhyt ZY MRWT') [Луконин, 1969а, с. 87] — храма в Кангаваре?

Хосров II и Анахита

С Анахитой уже несомненно эпохи Хосрова II мы встречаемся и на нескольких мраморных капителях, обнаруженных в районе Бехистуна²² и, как полагают, происходящих с территории дворца Хосрова II. Две стороны этих трапециевидных капителей заняты растительным орнаментом, напоминающим орнаменты большой ниши Так-и Бостана, а на двух других — шаханшах Хосров II и Анахита в инсигниях царицы царей с «венцом власти» в руке (таким же, как у бога Ахурамазды на раннесасанидских рельефах). Перед нами, таким образом, инвестирующая композиция — сцена «венчания на царство» Хосрова II богиней Анахитой.

Форма этих капителей необычна для Ирана. Ими подробно занимался Х. Лушей [1968, с. 129—142, табл. 53], приведший наиболее близкие аналогии в Византии (капители стамбульского Археологического музея начала VI в., Сан Марко — VII в., «константинопольская капитель» с именем императора Ираклия и ряд других). Похожие по форме и растительному орнаменту капители

изображены и в скульптурной орнаментации большой ниши Так-и Бостана [Фукаи-Хоручи, 1972, т. II, табл. LVII—LXII]. Известны еще несколько капителей такой же формы, происходящих из различных районов Ирана (в частности, и из района Керманшаха), но только с орнаментальными мотивами.

Та же инвеститурная сцена (венчание Хосрова II богиней Анахитой) изображена и на хорошо известном рельефе Хосрова II в большой нише Так-и Бостана. Анахита и здесь вручает ему венец власти.

Только при Хосрове II выпускается серия драхм, оборотную сторону которых занимает совершенно необычное для сасанидской нумизматики изображение [Херцфельд, 1938а, с. 140—158, табл. VI; Гёбль, 1971, табл. 14, № 216—219]. Это опять богиня Анахита, с теми же иконографическими деталями, как и на капителях. Наиболее ранняя из этих монет, известных сейчас, имеет дату 610 г. На этих монетах, кроме того, появляются (в легенде оборотной стороны) и новые титулы царя царей: 'vl'n 'pzw't'nyt — «увеличивающий [славу] Ирана», 'yl'n 'pyb'ym kltl — «избавляющий Иран от страха [перед врагами]» (или gyh'n 'pyb'ym kltl — «избавляющий мир от страха»), т. е. титулатура, никак не связанная с зороастрийскими религиозными концепциями власти шаханшаха (как на монетах предыдущих правителей), но подчеркивающая политическое значение этой власти. Интересно, что те же титулы Хосрова II упоминает вступление к деяниям христианского собора 596 г.: «царь царей, победоносный (pyrwč=Парвиз), умиротворяющий страны» (gyh'n 'pyb'ym kltl).

Итак, широкое строительство, которое предпринимает Хосров II и которое сосредоточено в основном в районе Керманшаха и Бехистуна, т. е. на главнейшем пути, связывающем Иран с Западом, решительно отличается от всего того, что строили до него иранские владыки. Прежде всего это строительство престижных монументов: храма Анахиты в Кангаваре, громадного дворца у Бехистуна²³, еще одного дворца у Керманшаха, царского *парадиза*, сочетающего в себе охотничий парк и инвеститурные рельефы, в Так-и Бостане. Большинство из них возводится на каменных платформах с лестницами — напоминание о развалинах Персеполя, который уже в позднесасанидское время, возможно, носил название «Тахт-и Джамшид» («трон Джамшида») и воспринимался как дворец основателя древнейшей дина-

стии Пишдадидов, создателя цивилизации и культуры в мире (к нему, согласно позднесасанидским генеалогиям, возводил свой род и Хосров II). Все эти памятники (это, пожалуй, их самая характерная особенность) имеют яркие черты «западного стиля». Это, прежде всего, многочисленные колонны. Нужно, правда, иметь в виду, что остатки колонн *ападаны* и стоколонного зала стояли тогда и в Персеполе (второе сасанидское название Персеполя или, скорее, только *ападаны*: *st stwny* — «сто колонн» <Pers. I, строка 2>), но колоннады совершенно не употреблялись в иранском строительстве в течение всего сасанидского периода до эпохи Хосрова II. О стремлении Хосрова II украсить свои дворцы каменными колоннами и плитами можно заключить из уже приводившихся выше письменных источников — иначе зачем было вывозить все это «из Романии (Малой Азии), Сирии и прочих западных областей»? В «западном стиле» исполнена также орнаментация этих памятников — не только пышные растительные мотивы на колоннах и стенах большой ниши Так-и Бостана, но и оформление всей ниши, в особенности крылатые богини, изображенные на верху арки [Фукаи — Хориучи, 1972, т. I, табл. XVI—XXIV]. Их западный облик, близость к современным им византийским памятникам подчеркиваются во многих работах [Пек, 1969, с. 105].

Еще одна черта этих величественных монументов — присутствие в них изображений богини Анахиты. Эта династийная богиня была чрезвычайно популярна в первое столетие существования державы Сасанидов [Шомон, 1964, с. 167—181; Луконин, 1969а, с. 63—65]. Но уже при Картире и Варахране II (70—90-е гг. III в.) она теряет свой престиж как родовая богиня династии, во всяком случае, ее храмы переходят в ведение верховного жреца. С бесспорно легитимистскими целями повелевает ее вновь изобразить Нарсе на своем инвеститурном рельефе в Накш-и Рустаме (после 293 г.), и это — ее последнее официальное изображение. С тех пор и вплоть до времени Хосрова II, т. е. в течение трехсот лет, Анахиту не изображали на официальных памятниках. Не исключено, конечно, что обращение Хосрова II к покровительству богини Анахиты было связано с подчеркиванием законности его притязаний на престол Ирана в период борьбы за власть сначала с Бахрамом Чубином, а затем и с Вистахмом (Бистам). Во всяком случае, так можно интерпретировать инвеститурную сцену рельефа Так-и

Бостана, где Хосров II изображен в короне, напоминающей корону Пероза (еще одна легитимистская деталь, помимо «философической игры» Пероз — Парвиз; на монетах такая корона Хосрова II не изображалась²⁴). Но зачем понадобилось подчеркивать это в дальнейшем, например, на специальной серии монет (последние монеты этой серии датируются концом царствования Хосрова II), зачем нужно было изображать эту богиню в инвеститурной сцене на капителях его дворца у Бехистуна, причем и в этом и в другом случае — в новом иконографическом варианте, в инсигниях царицы цариц (то же иконографическое отождествление: Анахита — царица цариц, имело место и в раннесасанидский период), зачем, наконец, нужно было строить или, во всяком случае, проводить генеральную реконструкцию ее древнего храма в Кангаваре? Этот храм, как говорилось, был построен не только непохожим, но резко контрастирующим с обычной архитектурой зороастрийских храмов. Зачем, наконец, весь этот «западный стиль»?

Кувшин из Слудки

Быть может, еще с одним изображением богини Анахиты эпохи Хосрова II мы встречаемся на самом первом из найденных на территории нашей страны сасанидском серебряном кувшине. Его история такова: кувшин был найден случайно в 1750 г. у дер. Слудка Пермской обл. во время вспашки поля крестьянином, задевшем сосуд плугом (стенка при этом проломилась). Земли принадлежали барону Строганову, и, будучи в Париже, он показал сосуд президенту французской Академии надписей де Броссу, который издал его в 1755 г.²⁵ В собрании Строгановых сохранился рисунок сосуда (сейчас он находится в Отделе Востока Эрмитажа), выполненный художником Императорской Археологической комиссии И. Н. Медведевым не по подлиннику, а либо по гравюре Е. Хоссара, воспроизведенной в издании де Бросса, либо по какому-то иному, не сохранившемуся рисунку.

Кувшин, или присланный де Броссу в Париж для издания, или вывезенный в 80-х гг. XVIII в. сыном Строганова Павлом (тот жил в Париже со своим наставником, впоследствии известным якобинцем и членом Конвента Шарлем Жильбером Роммо), тогда же пропал, поскольку переиздававший его в 1803 г. Х. Келер писал: «...кувшин этот давно исчез, есть только рисунок у де Бросса,

точно воспроизводящий сосуд»²⁶. Рисунок И. Н. Медведева воспроизвел Я. И. Смирнов [1909, табл. XI, 79].

Судя по рисунку, на кувшине были два (?) овальных медальона, образованных аркой с колоннами. На арке — ряды птиц, ствол колонны орнаментирован виноградной лозой, капители — в виде обнаженных младенцев, стоящих на одном колене и поддерживающих руками арку.

В медальоне женская фигура в фас, в инсигниях царицы цариц с нимбом и царскими лентами. На ней узорчатое («звездное») облегающее платье и плащ. Под обнаженными ногами, на которых надеты браслеты, орнаментированное подножие, под которым — два павлина встречно. В одной руке женщины — птица (на рисунке похожая на попугая), другой она держит в руке обнаженного ребенка. Слева от центральной фигуры — еще один обнаженный ребенок с овцой на плечах («мосхофор»), под базами колонн — обращенные вправо и влево фигурки обнаженных детей. Горло и высокая ножка орнаментированы гравировкой волнистыми линиями, фон сосуда позолочен.

Памятник этот принадлежит к обширной группе сосудов для вина или воды (не менее двух десятков)²⁷ — в основном бутылкам с высоким горлом и небольшим круглым поддоном.

В этой группе только два кувшина с ручкой, прикрепленной к тулову, высоким горлом и длинным сливом, точно таких же, как и золотой неорнаментированный кувшин из Перещепинского клада и эрмитажный кувшин с Сенмурвом [Орбели — Тревер, 1935, табл. 14], — это строгановский кувшин и кувшин музея Метрополитен²⁸.

На всех сосудах этой группы изображены женщины, обнаженные или в легких накидках, почти всегда (за исключением строгановского кувшина) группами от четырех до шести, с различными атрибутами в обеих руках. Форма бутылей не специфична именно для этой группы: известны многочисленные серебряные сосуды той же формы, но с иными изображениями. К этой группе принадлежит и блюдо из Национальной библиотеки в Париже²⁹.

Строгановский кувшин сближается с метрополитенским не только по форме, но и по некоторым деталям орнамента, в особенности архитектурного орнамента, хотя на сосудах и разные капители колонн (на метрополитенском кувшине в виде двух листов аканфа с трилистником между ними³⁰, на строгановском — обнаженные

младенцы, атланты или кариатиды); другие сходные черты будут указаны ниже.

Отличие строгановского кувшина от всех остальных сосудов этой серии в том, что (если судить по сохранившемуся рисунку, воспроизводящему этот сосуд только с одной стороны) на каждой стороне — лишь одно изображение женской фигуры в одежде. Необычны и атрибуты: у ног женщины — два павлина (из всей группы — только на этом сосуде), она держит в руке голого ребенка — этот атрибут встречается редко, на эрмитажных сосудах — только один раз³¹ (возможно, и эта черта сближает по дате все три памятника: строгановский и метрополитенский кувшины и эрмитажную бутыл). Уникальным является также и изображение мосхофора. Судя по рисунку, горло строгановского кувшина орнаментировано волнистым рифлением, что не характерно для сасанидской торевтики, но известно на западных образцах (об исключениях см. ниже).

Сосудам этой группы посвящена многочисленная литература. Уже давно никем не разделяется идея об их принадлежности Средней Азии³². Недавно подверглась резкой критике и идея о том, что на этих сосудах представлены или различные ипостаси богини Анахиты, или жрецы этой богини³³. Следует отметить, что иконография строгановского кувшина, насколько мне известно, никогда не привлекалась участниками дискуссии. Бесспорным для всех ученых сейчас является «дионисийский фон» и главных персонажей сцен этих сосудов, и большинства их атрибутов³⁴. Источник или прототипы иконографии выводятся в основном с Запада, более конкретно (не только основа, но и большинство специфических деталей, элементы которых, кроме как на этой группе, в большинстве неизвестны или несвойственны сасанидскому искусству) — из изображений Месяцев и Времен года на позднеримских саркофагах (например, на бадмилтонском саркофаге III в. из музея Метрополитен), на мозаиках конца II в. из Антиохии, IV в. из Карфагена и т. д.³⁵

Р. Эттингхаузен полагал, что такие изображения на сосудах для вина появились с иранскими религиозными культами дионисийского облика (например, культы, связанные с празднованием Михрагана [Луконин, 1977, с. 160—161]). П. Харпер, отказавшись от интерпретации сюжетов этих сосудов, все же предполагает, что, поскольку базой для создания их иконографии были изображе-

ния Месяцев и Времен года, сходное значение могло сохраняться за этими изображениями и в сасанидском Иране³⁶. Ж. Дюшен-Гиймен считает эти изображения фигурами нимф, тесно, впрочем, связанных с дионисийскими культами, а их появление на сасанидской почве — просто художественной репродукцией различных западных мотивов, хорошо известных сасанидским художникам, которые могли быть введены в иранское искусство, например, по каким-то политическим мотивам³⁷, и, возможно, ассоциирующихся с придворной поэзией, но никак не имевших какой-либо зороастрийской интерпретации [Дюшен-Гиймен, 1974, с. 154].

Основными аргументами для такого решительного заявления для Ж. Дюшен-Гиймена³⁸ являются лишь два: многочисленность фигур на одном и том же сосуде (от четырех до шести) и то, что фигуры изображены обнаженными или полуобнаженными, тогда как в Авесте (Абан-Яшт) помимо описания короны и украшений Анахиты описываются также платье, туфли, меховая накидка (в одежде Анахиты изображена и на двух сасанидских рельефах — в Так-и Бостане и Накш-и Рустаме; правда, в обоих случаях мы имеем дело с официальной иконографией).

Что касается первого аргумента, то он снимается тем фактом, что в сасанидском искусстве хорошо известен и очень распространен принцип повторения одной и той же фигуры (в разных ситуациях) в одной и той же композиции [Луконин, 1977, с. 186—189], и размещение повторяющихся фигур на круглом сосуде могло, таким образом, быть всего лишь изображением одной фигуры, но с разными атрибутами в руках.

В своей первой статье, посвященной зороастрийской интерпретации некоторых памятников искусства Сасанидов, Ж. Дюшен-Гиймен настаивал на отсутствии в Иране того времени (на основании сохранившихся религиозных текстов) каких-то культов плодородия «более или менее эротического характера» [Дюшен-Гиймен, 1974]. Но вряд ли здесь можно высказать что-либо определенное, поскольку по многочисленным примерам известна разница между ортодоксальным культом и ортопраксией, с одной стороны, и древними ритуалами — с другой. То же касается и изображений на предметах, участвовавших в таких ритуалах, в частности серебряных сосудах для вина³⁹. Эти изображения могли далеко отстоять от официального канона и, как в данном случае,

зависеть преимущественно от заимствованного для них прототипа (западных изображений нимф, или менад и вакханок, или, наконец, Времен года).

Мне представляется, что в настоящее время никакую из интерпретаций, предложенных для этих изображений, нельзя ни строго доказать, ни хотя бы строго опровергнуть, быть может, как раз потому, что подобные сосуды могли использоваться, положим, во время ритуалов всех шести *гахамбаров* — основных праздников зороастрийской религии, связанных с календарем, и именно потому не иметь стойкой иконографии. Сейчас с достоверностью можно лишь сказать о западном прототипе этих изображений.

Все сосуды этой группы ученые единодушно датируют V—VII вв., и пока, насколько известно, не существует возможности сузить эти даты.

Впрочем, метрополитенский кувшин, к которому близок строгановский, быть может, имеет несколько деталей, дающих основание для более поздней датировки (VI или VII в.). Сосуд в руках одной из фигур — реплика кувшина в руке богини Анахиты на рельефе Так-и Бостана, как и там, он, кстати, тоже имеет волнистое рифление. О поздней дате говорят и орнаментированное ведерко в руке другой фигуры (ср. с аналогичным предметом на явно позднем блюде из Национальной библиотеки в Париже), и сравнительно поздний тип прически⁴⁰. Строгановский кувшин, конечно, невозможно определенно датировать, ведь сохранился только рисунок. Следует повторить, что, бесспорно входя в описанную группу, он, вместе с тем уникален по своей композиции. Фигура, изображенная на нем, вполне может быть Анахитой даже с ригористической точки зрения — она одна, она одета, ее инсигнии — инсигнии царицы цариц или богини Анахиты, такие же, как на капителях из Бехистуна. Атрибуты на сосуде также, как говорилось выше, уникальны или чрезвычайно редки — мосхофор, два павлина, обнаженный ребенок, которого женщина держит за руку.

Особенно интересны заключения П. Харпер о прототипах изображений этой группы. В качестве наиболее близкого примера П. Харпер приводит бадминтонский саркофаг. На нем, в частности, мы видим и мосхофора — обнаженную фигуру юноши с козленком на плечах [Харпер, 1971, табл. IV, рис. 2]. Между этим изображением и строгановским кувшином помимо всего остального боль-

шой разрыв во времени — не менее двухсот лет, даже если датировать кувшин V в. Но к V в. н. э. юноша с козлом или овцой за плечами — это уже давно «Добрый пастырь» (в западном искусстве — только «Добрый пастырь»).

В это время уже и павлины стали христианским символом. Что касается изображения младенца, то, например, Дж. Лернер, подробно изучая сасанидские печати с христианскими сюжетами, настаивает на том, что сравнительно часто встречающиеся на этих печатях изображения женщин с младенцем следует интерпретировать как изображение Марии и Христа [Лернер, 1977]. Не слишком ли много христианских символов на одном сосуде? Здесь, конечно, одна гипотеза наслаивается на другую. Нельзя решительно настаивать, что строгановский кувшин относится к концу сасанидского периода, тем более ко времени Хосрова II. Нельзя настаивать, что изображенная на нем женщина — это богиня Анахита. Нельзя, наконец, настаивать, что все символы и атрибуты этого изображения — христианские, и, таким образом, перед нами, возможно, синкретический образ Анахиты — Девы Марии.

Однако в таком предположении нет и ничего невероятного. Нужно, видимо, представить себе, каковы были культовые символы и изображения, использовавшиеся в среде христиан в сасанидском Иране, ответить на вопрос, какими конкретными данными мы располагаем, чтобы утверждать, что стандартные сасанидские изображения реинтерпретировались как христианские или превращались в христианские. Процесс такого превращения хорошо изучен в сасанидской глиптике. Глиптика — материал, по своей массовости сравнимый с монетами, как раз намечает те рамки, в которых развивалась христианская иконография в Иране в позднесасанидскую эпоху. Как это будет показано ниже, иконография строгановского кувшина в эти рамки вполне укладывается.

А. Я. Борисов обратил внимание на некоторые из таких изображений⁴¹: кресты, сюжеты «Даниил во рву львином» и «Жертвоприношение Авраама». В ряде случаев печати с такими сюжетами снабжаются среднеперсидскими надписями, среди которых и зороастрийские теофорные имена, и даже зороастрийская религиозная формула 'pstn 'L yzd'n («упование на *язатов*»). Такие печати известны во множестве, но все они (судя по изданным экземплярам) и по стилю (преимущественно —

«Штриховая манера»), и по дукту надписей датируются позднесасанидским периодом.

К этим сюжетам Дж. Лернер [1977, с. 8, табл. 1] прибавила редкие экземпляры печатей со сценой въезда Христа в Иерусалим и интересную печать из собрания отдела средневековья Британского музея, на которой изображены два коленопреклоненных перед крестом ангела с венцом в руках. Отмечая необычность для византийского искусства изображений ангелов с венцом в руках перед крестом, Д. Лернер сравнивает печать с крылатыми Никами большой ниши Так-и Бостана. Крест на печати показан водруженным на платформу так, как он изображался на монетах императора Ираклия⁴². Д. Лернер полагает, что имеется в виду мемориальный крест, водруженный на Голгофе Феодосием II, но не исключено, что это — прославление «священного древа», и печать, таким образом, получает вполне точную дату. Среднеперсидская надпись на печати содержит имя 'rghm gbl'n «Враам, сын Габра (?)»⁴³. Д. Лернер, как говорилось выше, считает, что на ряде сасанидских печатей, на которых представлена женская фигура с ребенком на коленях, тоже изображена Дева Мария с Христом. Кроме того, существует немало печатей с обычными сасанидскими сюжетами, но с добавлением креста⁴⁴.

Рассмотрение всех этих печатей с очевидностью свидетельствует, что в сасанидской глиптике не существовало какого-то отдельного христианского направления, — одни и те же резчики печатей, используя одни и те же каноны, могли превратить зороастрийскую композицию в типично христианскую. Так, например, в сасанидской глиптике распространен сюжет жреца с барсомом в руках, стоящего перед алтарем огня [Борисов — Луконин, 1963, табл. VI, № 152; Бивар, 1969, табл. 5, 1, 3, 4; Жинью, 1978, табл. XXII, 6, 86]. На некоторых печатях в руке жреца вместо барсома изображается крест, на других — крест помещается на алтаре, заменяя языки пламени [Бивар, 1969, табл. 5, 1—3]. Несколько более сложная, но тоже типично зороастрийская композиция: жрец перед алтарем огня, а за ним — изображение барана (жертва храму) [Борисов — Луконин, 1963, табл. VII, № 156; Бивар, 1969, табл. 5, 16; табл. 8, CG 3]. Уже это изображение, снабженное крестом, могло быть истолковано как «Жертвоприношение Авраама». В этой же сцене появляется схематическое изображение человеческой

фигуры на алтаре (вместо языков пламени), и в таком случае перед нами уже почти полная иллюстрация ветхозаветного сюжета: есть и овечка в кустах, и Исаак на алтаре, да и нож в руке Авраама — бывший барсом [Борисов — Лукониц, 1963, табл. VII, № 154; Жинью, 1978, табл. XI, 4, 43]. Сасанидские печати с вариантами этого сюжета, выстроенные в один ряд, показывают, с какой легкостью, используя стандартные композиции и незначительные добавления, мастер трансформирует чисто зороастрийский сюжет в чисто христианский [Гёбль, 1978]. То же можно сказать и о печатях с сюжетом «Даниил во рву львином»: к стандартной для сасанидской глиптики, еще древневосточной композиции «царь или герой сражается со вздыбившимся львом» [Бивар, 1969, табл. 8, СД 1, 2] достаточно было прибавить второго льва ([Борисов — Лукониц, 1963, табл. VII, № 188—189] — на последней в руках Даниила кресты). При этом, как уже говорилось, независимо от сюжета, резчик мог вырезать на печати привычную ему, уже вошедшую в глиптический канон зороастрийскую религиозную формулу. Другим, столь же ярким примером приспособления канонической иконографии зороастрийских божеств к божествам иной религии являются сасанидо-кушанские монеты. Наконец, следует напомнить, что та же Анахита изображалась у Сасанидов с инсигниями царицы цариц и лишь ее место в композиции и контекст дают возможность судить, кто же — богиня или царица — имелась в виду. Хороший пример — серия монет шаханшаха Варахрана II, где на лицевой стороне представлены портреты самого Варахрана и его старшей жены, царицы цариц Шапурдухтак, а на обороте — инвеститурная сцена, где у алтаря огня Варахрана венчает на власть богиня Анахита, изображенная с теми же инсигниями, что и Шапурдухтак [Лукониц, 1979, с. 39—58].

Реинтерпретация в христианском духе не только зороастрийских изображений, но даже и легенды об основании одной из главнейших зороастрийских святынь — храма Атур Гушнасп в Тахт-и Сулеймане, построенного при Хосрове I и особо почитаемого всеми последующими сасанидскими шаханшахами (по Фирдоуси, туда совершает паломничество и Хосров Парвиз), отражена в так называемом Втором рисале Абу Дулафа (середина X в.) [Минорский, 1952, с. 172—175].

Посетив Шиз — место, где находился Атур Гушнасп, Абу Дулаф сообщает, что город этот основал некий Хур-

муз ибн Хосров-шир ибн Бахрам, и далее он рассказывает: когда царя Персии Хурмуза «достигло известие, что благословенное дитя родится в Иерусалиме, в деревне, называемой Вифлеем» и что дарами ему должны быть мирра, масло и ладан, он послал специального посланника с этими дарами, чтобы вручить их его матери и «испросить благословения этого родившегося дитя на свою страну и свой народ». Мария дала послу мешок с землей и сказала, что на этой земле будет основан город. Посол Хурмуза дошел лишь до местности Шиз, где умер, но перед смертью просыпал из мешка землю, которую дала ему Мария. Когда Хурмуз узнал об этом, он послал людей, чтобы на этом месте они выстроили храм огня. На вопрос о том, как они узнают это место, Хурмуз ответил: «Идите, от вас оно не скроется», и действительно, ночью посланец Хурмуза увидел яркий свет, исходящий из той земли, которую дала Мария. «И он подошел ближе, и очертил кругом тот огонь, и провел там ночь. А на утро он приказал, чтобы на этом месте начали строить здание в этом круге, и это был храм огня Шиза»⁴⁵ (Атур Гушнасп).

В. Минорский, отмечая, что и сама история, и имя царя Персии — Хурмузд вполне соответствуют тому, что рассказывается в христианском сирийском памятнике «Пещера сокровищ» (VI — начало VII в.; там один из магов, пришедший в Вифлеем, назван «Хормиздад, царь Персии, который носил титул царя царей и чья резиденция находилась в Адхорвигане» — Атурпатакане), полагает, что Абу Дулаф излагает здесь стойкую традицию.

Нужно сказать, что для проникновения даже в догматику зороастризма христианских идей все же имелась если и не приоткрытая дверь, то по крайней мере — узкая щель: Егише (II, 29), излагая содержание ответа армянских христиан на письмо Михр-Нарсе (*вазург-фраматара* при Бахrame Гуре, Ездигерде II и Перозе), приводит из него следующую цитату: «В прежние времена некто из могпетов, который был совершенен в вашей (зороастрийской) вере, и вы его почитали стоящим выше человеческой природы, уверовал в бога живого [Иисуса Христа]». Речь идет, несомненно, о Мани и его учении⁴⁶.

Учитывая все это, разве не достаточно нескольких явно христианских изображений, чтобы превратить Анахиту в Деву Марию, во всяком случае, для заказчика (или заказчицы?) строгановского кувшина?

Итак, отношение Хосрова II к христианству, или, го-

воря более обобщенно, религиозная политика этого монарха, рассмотрено как бы с четырех сторон. Арабо-персидская традиция не сохранила ясных свидетельств ни о каких существенных идеологических переменах, оставив лишь в качестве одной из отличительных черт царствования этого монарха его повышенный интерес к западным (византийским) культурным достижениям. Современные событиям христианские источники, наоборот, представляют этого монарха не только толерантным к христианам в Иране, но и временами (в некоторых источниках) чуть ли не христианином по вере или, во всяком случае, царем, оказывавшим христианской церкви громадную поддержку даже в противовес зороастрийскому жречеству. У Фирдоуси обе эти черты сведены воедино, и Хосров предстает перед нами «пророком веры Заратуштра», однако с ярко выраженными симпатиями если не к христианству как к религии, то к отдельным христианам: он предстает перед нами владыкой, который может и ослабить узду в какой-то момент, но только по причине личных соображений или из-за стремления превзойти Рум в пышности двора, дворцов, храмов, уборов, богатства, используя для этого чужеземные идеи, чужеземных мастеров и чужеземные вещи.

Наконец, памятники культуры этого периода дают возможность, как мне кажется, приблизиться к пониманию подлинного хода событий. И здесь главными являются те памятники, которые изображают богиню Анахиту или посвящены ей.

Выдвижение этой богини на первый план при Хосрове II (и только при нем, после более чем трехсотлетнего «забвения») как будто не очень оправдывается ни внутренними династийными неурядицами (как, например, в конце III в.), ни явными изменениями в зороастрийском каноне. Однако именно эта богиня выставлена вперед на официальных прокламативных памятниках: на монетах, на рельефе, на капителях колонн дворца — вместе с официальными портретами самого шаханшаха.

Култ Анахиты подчеркивается и генеральной реконструкцией ее храма — одного из самых древних и, вероятно, самого грандиозного.

Детали рельефов Так-и Бостана — внешнее оформление большого айвана с летящими крылатыми Никами, «венцом власти», лентами и чашами — имеют четкие христианские параллели не только в византийских и иных христианских мозаиках, рельефах, но и на дипти-

хах и реликвариях; там композиция летящих ангелов с венцами и сосудами в руках уже давно стала стандартной⁴⁷. Интересно в этом же плане использование в строительстве Хосрова II, в частности при строительстве храма Анахиты, элементов западного декора, прежде всего колонн, детали совершенно неожиданной для традиционной зороастрийской архитектуры.

Наконец, следует иметь в виду не только большую роль христианской религии в Иране того времени, но прежде всего — специфическое отношение к христианству самого Хосрова II. Из источников явствует, что при Хосрове II (и только при нем) в Иране особенно поощрялось христианство именно монофизитского толка. Как хорошо известно, в этом толке особо почиталась богоматерь, в отличие от несторианства, от того самого догмата Нестория, который и вызвал прежде всего резкую критику в богословии: «Мария не рождала божество, но человека — Христа». Здесь нужно вспомнить, например, о строительстве Хосровом II для Мариама громадного храма, посвященного Богородице [Пигулевская, 1946, с. 256; Китаб аль-Унван, т. 8, с. 447], освященного патриархом Антиохии Анастасием.

Другими словами, нет ничего невероятного в том, что при Хосрове II имела место попытка своеобразного «наведения моста» между зороастризмом и христианством, проявившаяся, быть может, ярче всего в попытке очень осторожной реинтерпретации: Анахита — Дева Мария. Это вполне аналогично тому, что пытался осуществить шаханшах Шапур I, приняв при дворе Мани и разрешив пропаганду его учения. Учение это, как теперь с очевидностью доказано, было прежде всего одним из ответвлений иудео-христианских баптистских сект⁴⁸.

Разумеется, не может идти даже речи о робком шаге в сторону официальной замены одной религии другой. Ведь поддержка Хосровом II христианства — это прежде всего политический расчет, пусть с примесью личных симпатий. Анахита, конечно, оставалась зороастрийской, иранской богиней для всех иранцев и всего мира, хотя Хосров и изменил конструкцию ее храма⁴⁹ и до некоторой степени — ее культ. Но, быть может, пусть только в узком кругу, только в его царских покоях, ее и сопоставляли с Богородицей?

Монолитное когда-то здание зороастризма к тому времени уже было расшатано. И в ортодоксии и в особенности в ортопраксии уже появилось много трещин. В

трещины проникало христианство, что отразилось и на памятниках искусства.

И если для дальнейшей реконструкции нужно оценить те четыре взгляда на эпоху Хосрова, которые упоминались на этих страницах, с целью представить себе — для избранного мною конкретного случая, — где же адекватнее всего проявилась специфика эпохи, то, не говоря уже о вещественных памятниках, предпочтительным окажется взгляд Фирдоуси.

Но подлинная цена исторической части «Шах-наме» для реконструкции истории сасанидского Ирана, конечно же, иная и много более обширная тема.

Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии

Цель этой работы — дать анализ основных свидетельств источников о завоеваниях и восточных границах Сасанидской державы в III—IV вв. н. э. Письменные источники, прямо или косвенно отражающие эти события, как и данные эпиграфики и монеты, не имеют однозначной интерпретации. Ими свободно оперируют и для подтверждения, и для опровержения той или иной точки зрения на абсолютную хронологию кушан. Эти источники входят в цепь сведений, которые позволяют считать первым годом «эры Канишки» 135 г. н. э. [Харматта, 1965], 144 г. [Гиршман, 1946; Гиршман, 1957], 230 г. [Гёбль, 1967] и даже 78 г. [Лёхайзен де Лёв, 1949]¹.

Разумеется, возможность подобного использования источников обусловлена прежде всего тем, что в них, как мне представляется, не содержится прямых данных, которые могли бы служить основой для установления кушанской хронологии.

Поскольку речь идет преимущественно о политических событиях, сведения источников следует разделить на две группы: основную (где описываются или упоминаются события на востоке сасанидской державы) и вспомогательную (где характеризуется политика Сасанидов на западе). Вспомогательная группа часто может корректировать данные основной группы.

Работа, естественно, не сводится к простому перечню всех сообщений источников именно в силу того обстоятельства, что мы имеем дело преимущественно с косвенными данными и, следовательно, должны предложить их интерпретацию. Поэтому придется начать с нескольких общих положений.

Прежде всего, необходимо иметь в виду характер сасанидской истории в целом. Для интересующего нас времени (III—V вв.) сасанидскую историю характеризуют следующие этапы внешней политики:

1) Преимущественная ориентация на запад, тяжелая борьба на западных границах с Римом и союзными Риму государствами — 230—300 гг. (царствования Арташира I — Нарсе). Главной областью, за которую шла борьба, была Месопотамия — наиболее развитая в экономическом отношении провинция, которую впоследствии будут называть «сердцем Ираншахра».

2) Стабилизация политического положения Ирана, стабилизация западных границ, начало крупных завоеваний на востоке — 300—370-е гг. (царствование Шапура II).

3) Преимущественная ориентация на восток, тяжелая борьба на восточных границах — 380-е гг. и вплоть до царствования Кавада.

Эти этапы политической истории полностью сопрягаются с этапами внутренней истории, идеологии и культуры [Луконин, 1969а].

В конце парфянской эпохи, как известно, Иран распался на ряд независимых царств, и первым сасанидским монархам пришлось вести долгую борьбу за объединение страны. Эта борьба, начатая Арташиром I, привела к тому, что на первом этапе своей истории Иран был организован как конфедерация, в которую входили три различные категории владений: *дастакерт* («домен») царя царей (первоначально — Парс, но затем и иные районы), обширные шахры (царства, в основном — на востоке, но также и на северо-западе и западе), владельцы которых добровольно подчинились сасанидской монархии, и, наконец, владения Суренов, Каренов, Варазов, Спакпетов, рода Андекан — «староиранского перства». Весь период царствований Арташира I — Нарсе характеризуется борьбой с сепаратизмом представителей знатных родов и локальных династий, захватом части их владений и включением их в «домен» царя царей. Мы можем проследить этапы этой борьбы по строительству в различных пунктах Ирана так называемых царских городов — опорных пунктов в землях «домена», городов, которые носили имя царя царей и управлялись (вместе с приписанной к ним сельской округой) царскими чиновниками — *шахрабами*, и по некоторым другим фактам [Луконин, 1964] ².

В истории идеологии этот период отмечен борьбой различных «толков» зороастризма и зороастрийских сект, нашедшей свое проявление в этапах сложения зороастрийского канона. Это время борьбы зороастризма и манихейства [Пюэш, 1949; Центр, 1955; Луконин, 1967а].

Основную группу источников, отражающую внешнюю политику Сасанидов на востоке на первом этапе их политической истории (230—300 гг.), составляют следующие:

1) описание границ Ираншахра в надписи шаханшаха Шапура I на «Каабе Зороастра» (ŠKZ). Дата надписи — 262 г. [Шпренглинг, 1953; Хонигман — Марик, 1953; Марик, 1958];

2) описание границ Ирана в надписи *магуната* (верховного жреца Ирана) Картира в «пространной редакции» его надписей в Накш-и Рустаме (KN'Ru) и Сар-и Мешхеде (KSM). Дата надписей — 283 г.³.

3) надпись шаханшаха Нарсе в Пайкули (NPK). Дата надписи — 293 г. [Херцфельд, 1924];

4) история царствования Арташира I, изложенная в «Истории Армении» Моисея Хоренского (V в.?)⁴;

5) история царствования Арташира I, изложенная Табари⁵.

Вспомогательная группа, кроме данных о западной политике Сасанидов, содержащихся в уже упомянутых источниках (прежде всего в ŠKZ), состоит из:

1) надписей III в. (между 254—260 гг.) в Дуре-Европосе [Крелинг, 1956; 1959];

2) сообщений Геродиана (III в.) о «западной кампании» Арташира I⁶;

3) данных *Scriptores Historiae Augustae*⁷;

А также некоторых других (главным образом римских) источников, сведения которых весьма кратки⁸.

Табари

В «Истории царей и пророков» Табари источники его рассказа о завоеваниях Арташира I не указаны. Однако эти завоевания описаны весьма подробно — быть может, даже более подробно, чем завоевания других сасанидских царей. При их анализе можно установить, что порядок походов Арташира вначале (до битвы при Хормиздагане с Артаваном V) частично совпадает с описанием «Карнамака» [1896; Нёльдеке, 1878; 1879].

Арташир воюет на побережье Персидского залива с

царем Аставадом (в «Карнамаке» — Хафтанвад), в округе Арташир-Хварре — с Мехраком (в «Карнамаке» — Мехрак Анушзад), в Кермане — с царем Балашом (в «Карнамаке» — Барджан). Так же как и в «Карнамаке», сражение Арташира с Артаваном представлено как поход вельмож юга (Парс, Керман, Мекран) против владетелей севера и запада (у Табари — Исфахан, Ах-ваз, Хузистан, в «Карнамаке» — Рей, Демавенд, Дейлеман, Падишхваргар). Таким образом, возможно, что в описании завоеваний Арташира, до того как он становится царем царей Ирана, Табари зависит от источника, близкого к «Карманаку».

Далее сообщается о двух военных кампаниях Арташира для захвата всех областей Ирана. Во время первой кампании захвачены Хамадан, Азербайджан, Армения, Мосул, Асурестан. Во время второго похода — Сакастан, Гурган, Абаршахр, Мерв, Балх, Хорезм — «до отдаленных границ Хорасана».

Возможно, что этот перечень областей — лишь последовательное перечисление основных провинций Ираншахра, и в таком случае в источнике, котором пользовался Табари, описывались не действительные походы Арташира, а административное деление Ирана — все те области, которые должен был завоевать Арташир, поскольку он был первым царем царей Ирана.

Далее Табари сообщает, что по возвращении из Мерва в Парс «пришли к нему (Арташиру) послы царя кушан, царя Турана и Маркурана с выражением покорности» [Нёльдеке, 1879, с. 17—18]. Быть может, любопытно сопоставить это место с заключительными строками «Карнамака»: «И Кесарь, повелитель румийцев, и Тан-Кафурак, царь индийский, и хакан тюркский, и другие владетели областей (kwstk) пришли ко двору его (Хормизда I) в радости и довольстве» [Карнамак, 1896, с. XXII].

Из сообщений Табари о втором походе Арташира обычно делается вывод о том, что сасанидские войска отторгли от кушанского государства области Балха и Хорезм, и царь кушан стал вассалом Арташира I. Анализ источников Табари и другие возможности интерпретации его сведений у ученых, использующих это сообщение, обычно отсутствуют⁹. Между тем следует напомнить, что еще Нёльдеке сомневался в достоверности сообщения Табари о захвате Арташира кушанских земель, приводя в качестве контраргумента сообщения SHA, соглас-

но которым бактрийцы (кушаны) еще и при Шапуре I рассматривались римлянами как независимый народ¹⁰.

Сомнения в достоверности сообщения Табари еще более увеличиваются, если сопоставить их с данными ŠKZ. Вместе с тем анализ этой надписи (и иных источников) может дать представление о том, что же действительно было завоевано первым сасанидским монархом.

Надпись ŠKZ, как уже неоднократно указывалось [Шпренглинг, 1953, с. 3; Гиршман, 1957, с. 706 сл.], нельзя рассматривать как *Res Gestae* в подлинном смысле слова, поскольку она посвящена событиям на западе страны. Вместе с тем нужно иметь в виду, что, согласно ŠKZ, а также иным источникам¹¹, борьба на западных границах Ирана решала в глазах первых Сасанидов судьбу всей страны.

Данные ŠKZ, относящиеся к эпохе Арташира I,— это список его придворных. Его открывают Сатарап, царь Апенка (?), Арташир, царь Мерва, Арташир, царь Кермана, Арташир, царь саков. Затем следуют: мать Папака Денак, мать Арташира I Родак, супруга и сестра Арташира I, дочь Папака Денак, питиахш, хазарапат, представители рода Варазов (Дихин), Суренов (Сасан), владетель Андикана (Сасан), представители рода Каренов (Пероз и Гок), правитель города (?) Арташир-Хварре (Апурсам), правитель (?) Демавенда (Гилман) и представитель рода (?) Спахпатов (Рахш). Далее упоминаются знать и высшие чины государства¹².

Списки знати, содержащиеся в ŠKZ, конечно, не исчерпывают всего состава двора первых сасанидских царей, но упоминание того или иного персонажа в определенном списке и на определенном месте дает возможность для некоторых выводов. Имена знати в ŠKZ упоминаются в связи с жертвами «за душу и в память [имени]» (Phl.: pty 'rw'n W p'sn'm греч: ἐῖς ... μνησὶν καὶ ὀνόματος συντήρησιν), которые были установлены Шапуrom I из «сверхдохода» (MP: tlykrušyn) — имущества, пожалованного им пяти храмам огня, основанным в честь победы над римлянами. Знать упоминается в четырех последовательных списках (по классификации А. Марика). Первый список содержит имена представителей рода Сасанидов, второй — придворных Папака, третий — придворных Арташира I и четвертый — придворных Шапура I. Из анализа этих списков явствует, что четыре царя (MLK'), упомянутые при дворе Арташира I (список III), не принадлежали к роду Сасанидов, как не

принадлежали к этому роду мать Папака и мать Арташира I¹³. Вместе с тем их почетное место в списке двора и их титулы дают возможность считать, что они — представители местных династий, что их владения (Апренак, Мерв, Сакастан, Керман) находились в вассальной зависимости от Арташира I. Это предположение поддерживает упоминание в составе двора Шапура I (список IV, место упоминания — сразу же после шаханшаха) царей Адиабены (MP: 'rthštr ZY nwthštrkn MLK'; Phl. 'rthštr ntwšrkpn MLK'; греч. : Ἀρταζάσσο βασιλέως τῆς Ἀδιαβήνης), Кермана и Иберии (MP, 30—31; Phl. 24—25; греч. 59—60). И Адиабена, и Иберия, как это будет показано ниже, во времена Шапура I находились в вассальной зависимости от Ирана.

Одному из царей, упомянутых в списке двора Арташира I, царю Сакастана Арташиру, принадлежат медные монеты, аверс которых представляет погрудное изображение правителя (влево), а реверс — изображение жертвенника, типичное для монет Арташира I. Д. Мак Доуэлл показал их прямую связь (по изображению на аверсе, номиналу) с монетами индопарфян¹⁴.

Эти списки свидетельствуют об обычае числить в составе двора сасанидских монархов вассальных государей и союзных владык. Более поздний пример — надпись NPK, в конечных строках которой перечислены цари и владыки, поддержавшие Нарсе в его притязаниях на власть [Херифельд, 1924; Хеннинг, 1952, с. 507—522; Фрай, 1957; Луконин, 1964]. Заключительная формула этой части надписи («и к нам все цари и вельможи и азаты из всех областей пришли, и все области Нашему Величеству... верными стали») вполне сравнима не только со строками, завершающими описание Ираншахра в ŠKZ («и все эти шахры, и их владельцы (шахрдары), и владельцы областей (паткоспаны) платили нам дань и были под нашим господством») [Phl. 3], но и с приводившимся выше местом из «Карманака»¹⁵. О пребывании при дворе Шапура II вассальных царей Армении, хионитов, албанов и др. сообщается в ряде армянских источников и у Аммиана Марцеллина.

Интересно также и то обстоятельство, что в ŠKZ упомянуты лишь три «царских города», основанные Арташиром I (если верна наша интерпретация). Все они находились на западе Ирана¹⁶.

Как уже говорилось, основание Сасанидами городов, посящих имя царей, с царским наместником (*шах-*

рабом) во главе города и приписанных ему земель имело место в том случае, если та или иная территория, завоеванная оружием или присоединенная дипломатией, входила в состав царского «домена» (dstkrty) ¹⁷.

* * *

Итак, данные Табари и современные событиям источники расходятся в описании восточных завоеваний Арташира I. Если следовать сведениям (пусть косвенным) надписи ŠKZ и свидетельствам монет, то, видимо, можно считать, что к сороковым годам III в. на востоке Ирана существовали четыре самостоятельных владения, цари которых признали верховную власть Арташира I: Апренак («верхняя страна»), Мерв, Сакастан и Керман. Известно, что один из этих царей (царь саков Арташир) принадлежал к индо-парфянской династии и выпускал свои монеты, что бесспорно свидетельствует о некоторой самостоятельности его царства. О том, что земли на востоке Ирана в эпоху Арташира I не входили в «домен» царя царей, говорит также и то, что здесь (согласно источникам III в.) не было основано ни одного царского города.

Наконец, следует иметь в виду напряженную борьбу Арташира I на западе (в Месопотамии), которая вряд ли оставляла время и силы для серьезных завоеваний на востоке. Я. Харматта уже отметил, что, по данным Кассия Диона и Зонары, тяжелые войны на западе продолжались без перерыва с начала царствования Арташира вплоть до 232 г. [Харматта, 1965, с. 190—192]. К этому следует добавить, что результаты похода Александра Севера против персов (232 г.) были, во всяком случае, неопределенны, согласно SHA, Александр устроил пышный триумф «за шесть дней до октябрьских календ» ¹⁸ и получил от сената титул Persicus Maximus, Parthicus, но, по сообщению Геродиана, римские войска потерпели поражение от персидской конницы. Вероятно, эта неопределенность вызвала новый персидский поход — в 234 г. ¹⁹, на сей раз как будто бы удачный, поскольку в Армению был назначен римский военачальник (Юний Пальмат). Об этой войне сообщает Геродиан (VI, 6). Она началась «в 14-й год правления (Севера Александра)». Началу войны предшествовал обмен посольствами и специальными письмами с изложением претензий обеих сторон ²⁰. По этому сообщению, в том же году Арташир двинул войска в Месопотамию, прошел

ее всю, захватил богатую добычу и осадил военные лагерь по границе. Александр Север, лично возглавив римскую армию, подошел к Антиохии. Далее Геродиан красочно описывает посольство Арташира к Александру: Арташир направил к нему 400 знатных персов «очень высокого роста, покрытых золотом и драгоценными одеяниями, замечательными красотой их коней и луков». В письме Арташира содержалась претензия на все территории «до Ионии и Карнии», «ибо все эти земли принадлежат персам со времени их предков» (Herod., IV, 9—11).

Вскоре, вероятно, последовали ответные действия: во всяком случае, к началу похода Гордиана III в Иран (241—242 гг.) персы владели Антиохией, Каррами, Нисибинном ²¹.

Итак, по данным римских источников можно предложить следующие даты политических событий в Иране: сразу же после победы над Артаваном (или после коронации) ²² Арташир осаждает Хатру, затем осуществляет поход «в Атропатену и Парфию», а после завоевания их областей — в Армению. 231—232 гг. заняты первой кампанией Арташира I против Александра Севера, 234—235 — второй кампанией. В 239 г. (возможно, и раньше) осуществляется третье вторжение в Месопотамию. Трудно даже предположить, что эта напряженная борьба на западных границах и в западных и северо-западных областях Ирана оставляла возможность для осуществления победоносной войны на востоке. Кажется, таким образом, что сообщение Табари о войнах Сасанидов и на западе их державы, так же как и на востоке, не может служить прочной опорой для реконструкции раннесасанидской истории ²³.

Моисей Хоренский

Согласно Моисею Хоренскому, после битвы при Хормиздагане против Арташира восстал «род Карена Пахлава». Царь Армении Хосров направил послов «к сродникам своим из Парфян и Пахлавиков и ко всему воинству земли Кушанов», призывая их к союзу против Арташира. Однако ни род Суренов, ни род Спахпатов «не изъявили на то согласия... Тогда возвращаются к Хосрову некоторые из его послов, отправленные к благороднейшему племени, живущему в самой внутренней части того государства, а именно в Балхе; приносят они

ему вестъ, что сродник твой — Вехсаджан с родом своим — Кареном Пахлавом не покорился Арташиру и является к тебе на твой зов». Далее сообщается, что Арташир уничтожил весь род Карена Пахлава, «кроме одного мальчика, которого один из друзей дома Карена, по имени Бура, взяв, ушел в землю Кушанов и доставил к его родственникам». Этот мальчик — Перозмат, как сообщает Моисей Хоренский, стал родоначальником Камасараканов [Моисей Хоренский, II, 71—74].

Эти сообщения Моисея Хоренского часто ставятся в связь с приведенным выше местом из Табари. Делается заключение, что и Моисей Хоренский, и Табари повествуют об одних и тех же событиях — сравнительно редкий случай совпадения разноязычных и разновременных источников. К тому же в отличие от Табари Моисей Хоренский указывает свои источники: это прежде всего «История» секретаря Трдата, Агафангела, сочинение, посвященное в основном истории жизни Григория Просветителя. Моисей Хоренский, прежде чем приступить к подробному описанию царствования Хосрова, Трдата и жизни Григория Просветителя, приводит «конспект» сочинения Агафангела [Моисей Хоренский, II, 67], в котором содержатся сообщения о союзе Хосрова с кушанами, об отказе остальных владетельных родов (Суренов и Спахбедов) поддержать Хосрова, а также о том, что представитель рода Суренов Анак по наущению Арташира был послан в Армению для того, чтобы убить армянского царя Хосрова. За это предательство Анаку были обещаны «Балх и вся страна Кушанов» [Моисей Хоренский, II, 74; ср. II, 67].

Второй источник Моисея Хоренского — «историческая книга о древнейших временах... называемая персами «Растсохун» («Правдивое слово»)), написанная Баресмой (Абарсам?) — современником Шапура II. Баресма был взят в плен римлянами во время римско-персидских войн 362—363 гг. Его сочинение, как сообщает Моисей Хоренский, было переведено на греческий язык Хорхбутом, секретарем Шапура II, в то время, когда Хорхбут находился в римском плену вместе с Баресмой. Содержание этого сочинения, приводимое Моисеем Хоренским, с несомненностью свидетельствует о том, что «Растсохун» — не что иное, как один из вариантов «Карнамака» [Моисей Хоренский, II, 70].

Итак, источники, приводимые Моисеем Хоренским, относятся к IV в., и это обстоятельство заставляет, ка-

залось бы, доверять его сообщениям о кушанах и Сасанидах, независимо от того, какую дату принимать для «Истории Армении» самого Моисея Хоренского.

В отличие от Табари Моисей Хоренский насыщает свои сообщения о востоке сасанидской державы именами исторических лиц: кажется, мы можем узнать не только как звали государя кушан — современника Арташира, но и его династийные и родственные связи. Имя правителя Балха — главы рода Каренов Вехсаджана часто отождествляют с Васудевой²⁴. То обстоятельство, что правитель Балха у Моисея Хоренского — из парфянского рода Каренов, объясняется отражением в этом источнике когда-то существовавших связей между индопарфянскими царями и государями кушан²⁵.

Казалось бы, этот счастливый синхронизм может вполне явиться «источником первого ранга», если удастся решить, какой именно Васудева (I, II?) скрывается под *nom de plume* Вехсаджан.

Попробуем, однако, проанализировать характер этих сведений.

Прежде всего — о датах. По упоминанию имен римских императоров и событий, связанных с римско-персидскими войнами (в которых участвует и Армения), можно установить следующую датировку событий:

1. Поход армянского царя Хосрова против Арташира и отправление им посольства к Вехсаджану — между 244—249 гг. (Хосров, готовясь к походу, просит помощи у императора Филиппа Араба²⁶; скорее события происходили в 249 г., поскольку Хосровом завоевана Армения).

2. Поход Арташира (т. е. в действительности — Шапура I) против Вехсаджана — в то же время.

3. Убийство Анаком Суреном Хосрова — 252 г.

4. Рождение Григория Просветителя (от Анака) — около 250 г.

Таким образом, сомнительно, прежде всего, относятся ли походы против кушан ко времени царствования Арташира (если доверять «хронологии» Моисея Хоренского) или Шапура I (если основываться на синхронизме с действительной хронологией). В последнем случае сообщения «Истории Армении» никак не связаны с «Историей» Табари.

Однако, мне кажется, что вся история с кушанами, Балхом и Вехсаджаном, рассказанная Моисеем Хоренским, вообще не имеет отношения ни к кушанам, ни к

Балху, ни к Васудеве. Нужно вспомнить, прежде всего, как Моисей Хоренский формулирует задачи своего труда: это общее изложение «генеалогии происхождения сынов от отцов с кратким (в то же время) указанием, откуда и как возникли все нахарарства в Армении» [I, 1]. Моисей Хоренский на всем протяжении своей «Истории» не раз подчеркивает эту мысль. В особенности же идея «генеалогии происхождения» усиливается как раз в интересующих нас отрывках. Моисей Хоренский, в третий раз излагая генеалогию персидских и армянских царей, пишет: «Впрочем ты (Саак Багратуни.— В. Л.) не должен порицать нас как человека, напрасно трудящегося, который пересказывает однажды уже рассказанное, но знай, что мы охотно повторяем, дабы наши читатели могли иметь полное понятие о сродниках нашего Просветителя» [II, 68].

Итак, и основной источник Хоренского для истории той эпохи (Агафангел), и сама его «История» в качестве главного героя «срединной истории» Армении выдвигают Григория Просветителя. Его отец — Анак принадлежит к «пахлавскому» роду Суренов. Того же происхождения и царь Армении, и Артаван — законный царь Персии. Генеалогическая конструкция, предлагаемая Моисеем Хоренским (или его источником), следующая: Авраам отправляет в восточные земли своего сына Ермана и его братьев (кн. Бытия, XXV, 2; «История Армении», II, 68), от которых «происходит народ парфянский, а от последнего — Аршак Храбрый». Свергнув македонское иго, Аршак становится царем Армении. «Сам он (Аршак Великий. — В. Л.) отправился в Пахл (так везде у Моисея Хоренского. — В. Л.), утвердил там свой престол... Поэтому (т. е. потому, что он правил в Пахле-Балхе. — В. Л.) потомки его были названы пахлавами, как и потомки брата его, Вахаршака, по имени предка названы Аршакуни».

После смерти Аршавира «пахлава» один из его сыновей, Арташес, «задумал потомственно царствовать над своими братьями» — Кареном, Суреном и сестрой Кошм, муж которой был «начальником кавалерии» (*спахбед*). Они соглашались с условием, что получают взамен различные области на востоке, в частности, Карену достается крайний восток с Пахлом (Балхом) — т. е. «земли кушанов» ²⁷.

Таким образом, перед нами — генеалогическое древо Григория Просветителя, основателя христианства в Ар-

мении, сконструированное автором (или авторами) его жизнеописания точно так же, как и генеалогия Саака Багратуни, которому посвящена «История Армении» (он, оказывается, происходит из еврейского рода военачальников на службе Вахаршака), или генеалогия рода армянских спарпетов Мамиконянов (они — выходцы из Китая) или другие «генеалогии» армянской знати. Вот итог, излагаемый Моисеем Хоренским: «Святой Григорий, как известно всем, был родом парфянин из области пахлавской, царского рода, отделившийся Аршакуни, из отрасли Сурена от отца, названного Анаком: из стран, лежащих на востоке от нашей земли, явившийся нам Востоком и духовным лучом мысленного солнца, он был для нас исходом из глубокого зла идолопоклонства, истинным благом, гонителем бесов...» и т. д. [II, 91].

Следовательно, Балх (Пахл) упомянут у Моисея Хоренского только для того, чтобы дать этимологию слова «пахлав, пахлавуни», кушаны — только потому, что, по представлениям Моисея Хоренского, Балх находится на востоке («аравутюн» — «восточный», ср. МР: Вахl ī bāmīg), в земле кушанов, кстати сказать, — по его мнению, народа весьма дикого²⁸, а Вехсаджан — каренид, родственник Артавана V, Хосрова и дядя Григория Просветителя²⁹.

Вряд ли, таким образом, сведения «Истории Армении» могут быть использованы для реконструкции восточной политики Сасанидов, не говоря уже об использовании их для установления абсолютной хронологии кушан.

Раннесасанидские надписи

Если, анализируя данные Табари и Моисея Хоренского, мы имели дело в лучшем случае с глухими отзвуками старой исторической традиции, которые эти поздние источники могли сохранить (и исказить), то данные раннесасанидских надписей предоставляют в наше распоряжение современный событиям материал. Наиболее определенны сообщения ŠKZ о границах Ираншахра³⁰.

«Я — поклоняющийся Мазде, владыка (bgy) Шапур, царь царей Ирана и не-Ирана, происходящий от богов, сын поклоняющегося Мазде владыки Арташира, царя царей Ирана, происходящего от богов, внук владыки Папака, царя. Я — господин (Phl. hwtwy, греч.³¹ δεσπότης) Ираншахра. И владею я шахрами: Парсом, Партавом, Хузистаном, Мешаном, Ассирией³², Адиабеной³³,

Аравией³⁴, Атурпатаканом, Арменией, Вршаном (греч. Иберия), Сиканом³⁵, Арданом (греч. Албания), Баласаканом, вплоть до³⁶ гор Кап и Аланского прохода³⁷ и всей горной цепи Паришвар³⁸, Мадом, Врканом, Мервом, Харивом (греч. 'Ρῆρ — Герат) и всем Апаршахром³⁹, Кареном, Сакастаном, Тураном, Макураном, Партаном, Хиндустаном, Кушаншахром, вплоть до Пашкабура и дальше до⁴⁰ Каша⁴¹, Тогда и границ Шаша. А с другой стороны моря — Мазунхшатр⁴². И все эти многочисленные шахры и шахрдары (hštrdr) и владельцы областей (ptykwspn) — все они платили Нам дань и подвластны были»⁴³.

Итак, Кушаншахр упоминается Шапуром I в качестве одной из завоеванных областей. Вероятно, не следует придавать решающего значения заключительной формуле надписи ŠKZ и, исходя только из этой формулы, утверждать, что Кушаншахр мог быть и не завоеван ('BDkpy), а лишь платить дань сасанидскому шаханшаху (pty b'z HQ'YMWt)⁴⁴. Однако, по-моему, такая возможность вовсе не исключена. Интересны следующие обстоятельства:

1. В надписи ŠKZ император Рима Филипп Араб также назван «данником» Шапура I (Phl. 4: pty b'z HQ'YMWt). Победа Шапура I у Мешиха была очень важной для Ирана, но вряд ли можно думать, что Риму было нанесено сокрушительное поражение. Как известно из той же надписи, во время этой кампании римские провинции в Месопотамии не были завоеваны — Шапур I получил лишь 500 тысяч денаров контрибуции.

2. При перечислении «областей и провинций» Ираншахра Шапур включает в их число Адиабену, Иберию, Армению. Между тем из той же надписи известно, что к 262 г. (дата надписи) эти царства управлялись местными династиями и поэтому, входя в конфедерацию, скорее были зависимы (pty b'z), чем завоеваны оружием ('BDkpy).

3. Уже отмечалось [Хонигман — Марик, 1953], что в ŠKZ границы Ирана на северо-западе, северо-востоке и востоке (в отличие от районов Месопотамии, где разыгрываются основные события, о которых говорится в надписи) доведены до «естественных пределов»: Эльбурза, Каспийского побережья, Мервруда, Инда.

Эти обстоятельства усложняют интерпретацию «географической части» ŠKZ. Но все же будем считать несомненным, что «кони и люди царя царей»⁴⁵ побывали

в кушанском государстве до 262 г., поставив его в зависимость от Ирана. Об этом же говорят и надписи Картира («пространная редакция» NRu — SM), составленные в середине — конце 80-х гг. III в.

«И я, Картир, с самого начала [служа] богам и владыкам, и души своей ради, много труда и муки испытал. Благодаря мне многие огни и маги по всей стране иранской... в Асурестане, ... Мешане, Атурпатакане, Спахане, Рее, Кермане, Сакастане, Гургане, ... Мерве, Герате ... Апаршахре (?) вплоть до Мешавара (?) стали процветающими. И также в странах не-Ирана⁴⁶ огни (храмы огня.— В. Л.) и маги, те, которые были в не-Иране, [туда, куда] кони и люди Шапура, царя царей, дошли — город Антиохия и страна (štry) Сирия, и то, что в провинции⁴⁷ Сирия, город Тарс и страна (štry) Киликия и то, что в провинции Киликия, город Кайсария и страна (štry) Каппадокия, и то, что в провинции Каппадокия вплоть до ('D pl'č 'L) страны (štry) Греция⁴⁸, страна (štry) Армения, и Иберия (wlwč'n), и Албания, и Баласакан, вплоть до ('D pl'č 'L) „Албанского прохода“ — [там, где] Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам ... разрушения и пожарища и ... учинил⁴⁹, там по приказу царя царей магов — тех, которые в тех странах были,— их и организовал [в магустан]»⁵⁰.

Необходимо установить, во-первых, дату похода Шапура I на восток и, во-вторых, — результаты этого похода, т. е. попытаться представить себе, каковы были отношения между государствами кушан и Сасанидов после вторжения на кушанские территории сасанидских войск.

Как уже отмечалось, в 238—239 гг. сасанидские военные отряды вновь вторглись в Месопотамию и захватили Антиохию, Карры, Нисибин. До провозглашения Гордиана III императором Рима, по словам SHA⁵¹, «прихода персов боялись в Италии». В 242 г. Гордиан III двинул римские войска сначала в Мезию и Фракию, а оттуда к Евфрату, причем персидские гарнизоны покидали захваченные ими города почти без сопротивления.

Всего вероятнее, что Шапур в это время был отвлечен подготовкой похода на северо-восток Ирана. Об этом походе сообщается, правда, в сравнительно позднем источнике — «Хроника Арбелы» Мешихазехи (между 540—569 гг.), однако кажется, что раннесасанидская история, изложенная Мешихазехой по труду некоего Авеля (начало V в.), не вызывает серьезных сомнений в достоверности⁵². Согласно «Хронике Арбелы», «в пер-

вые годы⁵³ была у него (Шапура I.—В. Л.) война с хорезмийцами⁵⁴ (?), с мидянами гор, и в жестокой сече он победил их. Оттуда он отправился и победил гелов, дайламитов, гурзанов, что обитают в дальних горах, близ последнего моря»⁵⁵. Это сообщение сопоставимо с упоминанием этих областей в описании областей Ираншахра, а также с тем, что одному из сыновей Шапура I — Варахрану (будущему шаханшаху Варахрану I) — был дан в удел Гилян⁵⁶.

Первая победоносная кампания Шапура I против Рима закончилась к весне 244 г. смертью императора Гордиана III у Мешиха⁵⁷. Таким образом, Шапур I должен был воевать в Мидии и Гиляне очень короткое время («в первый же год царствования», т. е. весной 243 г.) и вряд ли тогда же он мог совершить дальний и трудный поход в Кушаншахр.

Вторая кампания Шапура против Рима началась около 256 г. Поводом для войны явилась борьба между Римом и Ираном из-за Армении. До этого Шапур, по одним источникам, отражал натиск армянских войск под водительством Хосрова, а по другим — сам вторгся в Армению⁵⁸. Война была затяжной и шла с переменным успехом. Можно предполагать два ее этапа: один — поход Хосрова против Шапура⁵⁹ где-то около 249 г., причем Хосров получил помощь от Филиппа Араба; второй этап кампании — 252—253 гг. Этот этап завершился гибелью Хосрова. Вероятно, именно в это время в Армению был назначен наследник престола Хормизд-Арташир с титулом «великий царь Армении»⁶⁰. Титул Хормизда-Арташира подчеркивал ту важную роль, которую играла в это время Армения в политической судьбе всей ирано-римской границы. Римляне предоставили убежище сыну Хосрова — Трдату. Вероятно, вскоре, как пишет Шапур в своей надписи, «кесарь вновь солгал и учинил зло в Армении»⁶¹. «Большая война» началась, вероятно, в 254 или 255 г.⁶², но рейды персидской конницы в Месопотамию, возможно, предшествовали ей. Война продолжалась фактически без перерыва до 262 г. — года победоносного рейда по востоку царя Пальмиры Одената.

Итак, для дальнейшего рейда «коней и людей» Шапура I в пределы Кушаншахра остается как наиболее вероятное время с 245 по 248 г. В этот именно период «Кушаншахр вплоть до Пешавара» мог быть подчинен Шапуру I.

Этот единственный в сасанидских источниках III в. факт, прямо связанный с историей кушанского царства⁶³, может быть по-разному интерпретирован в зависимости от той или иной начальной даты «эры Канишки»⁶⁴. Тем более важно попытаться установить статус вновь захваченных земель. Здесь нам придется опять обратиться к ŠKZ, но уже с той части надписи, где воспроизведены списки рода Сасанидов и вельмож дворов Папака, Арташира и Шапура.

Как уже сказано, четыре династа, правившие на востоке при Арташире I, ко времени царствования Шапура I потеряли свою, пусть призрачную, самостоятельность. Лишь один из них, Арташир, царь Кермана (ʾrthštr ZY klm'n MLK'), сохраняет свое положение: он упомянут на втором месте в списках двора Шапура (в списках двора Арташира он упоминался на третьем месте — после царей Апренака и Мерва). При дворе Шапура появляются новые «союзные» цари — Арташир, царь Адиабены (упомянут на первом месте), Амазасп, царь Иберии (упомянут на четвертом месте)⁶⁵.

Области, которыми раньше владели местные династы, а также вновь завоеванные, переданы в управление (dstkrty — «удел») сыновьям Шапура I, т. е. включены в «царский домен». О расширении «царского домена» при Шапуре I свидетельствует также рост «царских городов» — при дворе Шапура I упомянуты правители (*шахрабы*) пятнадцати городов, носящих имя царя царей (при Арташире I их было, по-видимому, всего три).

Если использовать для реконструкции политической истории титулатуру сасанидских принцев, то следует, видимо, считать, что при Шапуре I был окончательно присоединен Мешан (вероятно, в начале царствования), часть Армении, Мерв, Сакастан, «Инд до побережья моря» (Гедросия и Арахосия?). Царем Мешана был назначен старший сын Шапура I Шапур, а после его смерти — его супруга Денак. «Великим царем Армении» стал наследник престола Хормизд-Арташир. Он был назначен, вероятно, во время войны за Армению (см. выше) и носил этот титул вплоть до своей официальной коронации [Луконин, 1969а]. Третьему сыну Шапура I — Варахрану — был пожалован титул «царь Гиляна» — после захвата этой области в 243 г. Варахран владел Гиляном до 262 г. В дальнейшем, между 262 и 273 гг., он, вероятно, получил в «удел» Керман — об этом свидетельствует гемма с портретом царевича и

надписью: wrhr'n ZY krm'n MLK BRH šhpwhry MLK'n MLK' ⁶⁶ — «Варахран, царь Кермана, сын Шапура, царя царей». Гемма по характеру портрета и дукту надписи должна датироваться III веком [Луконин, 1961] и не могла принадлежать сыну Шапура II Варахрану IV, как это обычно полагают ⁶⁷, поскольку Варахран IV до восшествия на престол Ирана был «царем кушан» [Луконин, 1967, с. 25]. Таким образом, между 262—273 гг. была ликвидирована относительная самостоятельность Кермана, он был также включен в *дастакерт* царя царей.

В землях на востоке Ирана Шапур I основал «царский город» — Нишапур, правителем которого был назначен Чашмак ⁶⁸. «Шахрестаниха-йе Иран» связывает построение этого города с разгромом Шапуrom некоего Пахлечака Тура (phlč'k twl), владевшего этой областью. Однако «Шахрестаниха-йе Иран» — источник слишком поздний, чтобы пытаться определить, кто скрывается под этим именем и когда именно был основан Нишапур ⁶⁹.

Все восточные провинции к 262 г. были объединены в один удел: «Инд, Сакастан и Турестан до побережья моря» ⁷⁰, и этим уделом владел сын Шапура I Нарсе с титулом «царь» ⁷¹.

Титул Нарсе весьма интересен и отличает его от всех остальных сыновей Шапура I: 'yly — «арий, иранец» > «благородный», mzdysn — «поклоняющийся Мазде». Один из эпитетов этого титула (mzdysn) входил в официальную титулатуру царя царей Ирана ⁷².

Быть может, эти зороастрийские эпитеты титула Нарсе были даны ему вследствие того, что в областях входивших в его «удел», господствующими были иные верования. В этом случае мы имели бы параллель с тем, как эти эпитеты появились в официальной титулатуре основателя государства — Арташира I. Здесь могли отразиться также и перемены в религии, происшедшие в ту эпоху [Луконин, 1966; Луконин, 1968].

Во всяком случае, обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на решительное заявление Шапура I о захвате Кушаншахра, титул «царь кушан», «великий царь кушан» в надписи ŠKZ не упоминается. Кушаншахр не был отдан в удел ни одному из сыновей шаханшаха, владетель Кушаншахра из местной династии не состоял при дворе сасанидского шаханшаха и не был, следовательно, его вассалом. На это обратил внимание

В. Б. Хеннинг уже в 1939 г. Позднее он писал: «Странно, однако, что ни «кушаншах», ни какой-либо эквивалентный титул не упомянуты при Шапуре; можно предположить либо то, что Варахран обладал одновременно титулом „царь Гиляна“ и титулом „кушаншах“ и что, таким образом, его титул в стк. 24 (надписи. — В. Л.) сокращен, либо (менее вероятно) то, что Сасаниды владели восточными провинциями столь непрочно в то время, как создавалась надпись, что никакой „кушаншах“ и вовсе не был назначен» [Хеннинг, 1954в, с. 49].

Более вероятным мне кажется второе предположение В. Б. Хеннинга. И действительно, отсутствие титула «царь кушан» легче всего объяснить тем, что поход Шапура I в кушанские земли отторг у кушанских государей лишь те провинции, которые затем вошли в удел Нарсе: Сакастан, Турестан и области Инда⁷³.

До 245—249 гг. (возможная дата похода Шапура I на восток), как уже говорилось, Сакастаном владел потомок индопарфянских династов Арташир, вошедший в сасанидскую конфедерацию при Арташире I, но имевший право на выпуск собственной монеты. Сакастан был основной областью в «уделе» Нарсе — его краткий титул и звучал «царь саков» (sk'n MLK')⁷⁴. Нарсе был пожалован этим титулом, всего вероятнее, между 245—249 гг. и владел областями на востоке, по-видимому, до 273 или 276 г. [Луконин, 1964], после чего стал «великим царем Армении».

В 276 г. титулом «царь Сакастана» был пожалован Хормизд — старший сын царя Мешана Шапура, двоюродный брат шаханшаха Варахрана II. В 283 г. Хормизд восстал против Варахрана II, притязая на престол Ирана. Восстание было подавлено, и в честь этого события на скалах у Бишапура был высечен триумфальный рельеф⁷⁵; в Сакастан назначен сын Варахрана II Варахран⁷⁶, который владел этим уделом до 298 г.

В 311 г. «Индом, Сакастаном и Турестаном до побережья моря» правил старший сын Хормизда II Шапур. Он же владел этим уделом и в 327 г.⁷⁷. Вплоть до этой поры титул «кушаншах» не встречается. В надписи KNRu, отстоящей от ŠKZ на 20 лет, упоминается ряд титулов ('spuṛt, štr'pu и др.) и в том числе — владетель (štrd'ly) Хорасана (место, где он упомянут, пестрит лакунами; возможно, в этой части надписи описываются события восстания Хормизда)⁷⁸. «Царь кушан», как уже указывалось, упомянут в надписи NPK

(293 г.), где перечислен состав двора Варахрана II — Нарсе и ряд полузависимых династов и «союзных царей», но в не восстановленном в настоящее время контексте. Титулы же *kwš'n MLK'*; *RB' kwš'n MLK'* впервые появляются лишь на «сасанидо-кушанских монетах».

* * *

Итак, после проведенного анализа источников, как поздних, так и современных событиям, следует, видимо, считать, что между 245—249 гг. (или в какой-то другой период между началом царствования Шапура I и датой составления ŠKZ; предлагаемая датировка гипотетична) от кушанского царства была отторгнута часть земель, вошедших в восточный удел, — «Инд, Сакастан, Турестан до побережья моря», которым отныне управляли сасанидские принцы. Мы знаем их имена и даты их правления вплоть до первой половины IV в., когда этот титул исчезает из официальных сасанидских надписей. При Шапуре I Сасаниды прочно овладели Мервом и Апаршахром — на мервском монетном дворе Шапур I чеканил золотые монеты с названием монетного двора: *mlwy* — «Мерв». Вероятно, между 262—273 гг. была ликвидирована относительная самостоятельность Кермана — эта область также стала «уделом» одного из сасанидских принцев. Всеми этими областями ограничивались сасанидские завоевания на востоке.

Из сказанного выше явствует, кажется, и то, что эти источники не могут служить базой для установления кушанской абсолютной хронологии: мы не нашли сколько-нибудь достоверных указаний на имена кушанских царей, на внутренние области Кушанского царства, захваченные Сасанидами. Можно, вероятно, считать, что и сасанидские принцы не правили Кушаншахром вплоть до второй половины IV в.

После похода Шапура I к границам Кушаншахра и вплоть до начала IV в. сасанидские цари вряд ли вели какие-нибудь серьезные войны на востоке своей державы: все их силы были исчерпаны тяжелой борьбой на западных границах, закончившейся в 298 г. сокрушительным разгромом персидской армии и весьма унижительным для Ирана «сорокалетним» мирным договором⁷⁹. Кроме того, период 70—90-х гг. характеризуется острым внутренним кризисом в Иране [Луконин, 1964].

Об окончательном уничтожении Кушанского царства, захвате всех новых его территорий и образовании нового «удела» — одной из важнейших частей Сасанидского государства, которым владеют теперь сасанидские принцы с титулом «царь кушан», «великий царь кушан» и даже «великий царь царей кушан», с полной определенностью свидетельствуют «сасанидо-кушанские» и «кушано-сасанидские» монеты⁸⁰, их относительная и абсолютная хронология, основанная на их связи с сасанидскими и позднекушанскими монетами, содержаниями легенд, палеографии, а также на интерпретации некоторых фактов внутренней истории⁸¹.

Выпуск сасанидо-кушанских монет следует датировать временем от эпохи правления Шапура II до конца 60-х годов V в.; выпуск кушано-сасанидских — временем с 379—380 гг. (скифатные монеты Хормизда, возможно, Пероза — сасанидских принцев, сыновей шаханшаха Арташира II, медные монеты этих же правителей) до 30-х гг. V в. или несколько позже.

Поскольку первые кушано-сасанидские монеты типологически тесно примыкают к поздним монетам Васудевы, определение даты этих монет прямо связано с проблемой кушанской абсолютной хронологии. Поэтому полезно будет дополнить эти сведения разбором источников, посвященных политическим событиям IV в.

Эти источники иноязычны, хотя и близки по времени к описываемым событиям. Из них наиболее полным и достоверным является «История» Аммиана Марцеллина⁸². Большое значение имеют также «История Армении» Фавста Бузанда⁸³ и «История Армении» Моисея Хоренского. Корректировать упомянутые в этих источниках события позволяют сасанидские надписи Pers. I, Pers. II, «Жития сирийских мучеников», составленные епископом Маруфой в конце IV—начале V в.⁸⁴, и некоторые другие.

Итак, задача состоит в том, чтобы по возможности точнее определить время похода Шапура II на восток и завоевания Кушанского царства.

Типологические связи первых сасанидо-кушанских монет с сасанидскими монетами (денарами и драхмами) Шапура II не могут пока точно определить время выпуска медных монет с погрудным изображением Шапура II и легендой **𐭠𐭣𐭠𐭥𐭡𐭥** или **šhrwšr** на аверсе, с которых

и начинаются сасанидо-кушанские серии. Сасанидские монеты Шапура II демонстрируют по крайней мере пять типов аверсов и столько же типов реверсов, иногда с весьма наглядными отличительными признаками, однако их относительная хронология затруднена, поскольку в известных мне собраниях отсутствуют перечеканки⁸⁵.

Пока можно лишь утверждать, что медные «сасанидо-кушанские» монеты Шапура II тесно связаны с Мервским монетным двором⁸⁶. Судя по изображению на реверсе этих монет (типа реверса монет Арташира I), можно предполагать, что они выпускались во второй половине IV в., быть может, — в конце 60-х гг.⁸⁷.

Источники, современные событиям или близкие к ним по времени, не сохранили сведений о политике Ирана в период с 310 по 332 г. В это «темное двадцатилетие», согласно Табари [Нёльдеке, 1879, с. 53], воспользовавшись тем, что Шапур II был еще ребенком, пограничные территории Ирана захватили «ромей и турки». Как бы там ни было, но вполне вероятно, что до начала 30-х гг. Иран не вел никакой активной политики, лишь сдерживая натиск своих соседей. Около 335 г. начинается война Шапура II на Кавказе: Шапур II ввязывается в сложный клубок кровопролитных столкновений армян с маскутами (масаха-хоны) и другими племенами Кавказа и интриг Констанция II в этом районе⁸⁸. Стычки на западных границах переросли, наконец, в большую войну: около 338 г. персы вторглись в Месопотамию и осадили Нисибин.

Дальнейшие события вплоть до 357 г. можно наметить лишь фрагментарно. Так, можно считать, что военные действия на западе шли и в 340—341 гг., поскольку в это время в Иране разразилось гонение на христиан⁸⁹. В «Мученичестве епископа Ктесифона Симеона Варсавоя» упоминается, что Шапур II вместе со своими войсками в апреле—мае 341 г. находился в Карха да Лейдан; согласно «Мученичеству Шахдуста», в 342 г. Шапур II пребывал в Селевкии, готовясь к походу. До этих событий (до 340 г.), судя по сообщению «Актос сирийских мучеников», произошло восстание городского населения в Сузах, жестоко подавленное «царем элимитским», под чьей властью находились Сузы. Город был разрушен до основания.

Наконец, согласно Аммиану Марцеллину (XVIII, 5, 7), в 345 или 348 г. римские войска потерпели жесто-

чайшее поражение от персов при Гилеё и Сингаре, причем персидские войска продвинулись в глубь Месопотамии, хотя и не овладели Эдессой.

Приблизительно в это же время персидская армия была разгромлена в Армении. В 353—355 гг. Шапур вновь увяз в «армянских делах», «отгоняя от своих границ дикие народы, которые в своем изменчивом настроении часто наступают на него, а иной раз, когда он идет на вас войною, оказывают ему помощь» (Аммиан Марцеллин, XIV, 3, 1). В Месопотамии пограничные стычки не прекращаются вплоть до конца 356 г. Именно этим годом датируется сообщение Аммиана Марцеллина (XVI, 9) о восточной войне Шапура: «Префект претория Музониан... разузнавал о планах персов через умелых и ловких в обмане соглядатаев. Советником в этих делах он привлекал Кассиана, дукса Месопотамии... Когда они узнали из достоверных и подтверждающих друг друга сообщений лазутчиков, что Сапор, несмотря на тяжкие понесенные им потери людьми, лишь с трудом отражает в крайних пределах своего царства враждебные народы, то попытались завести тайные переговоры через какого-то солдата с персидским военачальником Тамсапором... Тамсапор... написал царю, что Констанций, удрученный жестокими войнами, умоляет его о заключении мира. Много прошло времени, пока это письмо дошло в область хионитов и евсенов, где проводил зиму Сапор»⁹⁰.

Прежде всего, из этого сообщения Аммиана все же не ясно, в каких дальних пределах своего царства воевал Шапур. И хотя конъектура *cuseni* (кушаны) и очень заманчива,стораживает все же сообщение Аммиана, датирующееся началом 358 г.⁹¹. «В это время царь персидский, все еще находившийся на пограничиях своего царства с самыми отдаленными народами, собирался уже вернуться домой, заключив союзный договор с хионитами и геланами (разрядка моя. — В. Л.), племенами, отличающимися особенной воинственностью»⁹². И в данном случае предлагается исправление чтения [Маркварт, 1931, с. 36], но оно уже не так заманчиво: вместо *gelanis* предлагается читать *segestanis* «сакастанцы».

Даже в том случае, если в конце 356—начале 358 г. Шапур воевал на Востоке с кушанами, вряд ли можно заключить из вполне ясного сообщения Аммиана, базирующегося к тому же на проверенных агентурных сведениях, что это был поход Шапура против кушан. Ясно,

что Шапур сдерживал натиск враждебных племен, пытавшихся перейти иранские границы, что он вел упорную войну, нес жестокие потери и что, вероятно, «союзный договор», им заключенный, не означал победы. Тем не менее Р. Гёбль датирует начало завоевания Кушанского царства и гибель последнего кушанского царя Васудевы именно этим временем [Гёбль, 1967; Харматта, 1966, с. 424—426]. Р. Гёбль в качестве подтверждения приводит упоминавшуюся выше надпись Pers. II, в которой якобы упомянут судья (dtwbl) г. Кабула, захваченного, таким образом, к моменту составления этой надписи сасанидскими войсками. Нужно напомнить, что в надписи упомянут не Кабул, а скорее всего г. Кавар (k'wly) в округе «Арташир-Хварра», встречающийся также в «Mātāgdān-ī hazār dātestān» и в «Фарс-наме»⁹³. Надпись Pers. II получает, таким образом, вполне ясный смысл и к тому же датируется скорее всего 327 г.

Ее начальные и конечные строки должны читаться: «В месяц Тир в году 18 (т. е. 327 г.), день Хормизда. И вот я, Селевк (Саревак?),² судья Шад-Шапура и Кавара, прибыл в Сатсутун (Персеполь)...⁹ И отсюда (из Персеполя) пусть я ко двору Их Величества прибуду и Их Величество¹⁰ Шапура, царя царей, благополучным пусть я увижу, а потом в благополучии¹¹ пусть я возвращусь в Кавар (k'wly)».

Итак, 356—358 гг. не подходят для времени завоевания Сасанидами Кушанской державы. Далее, как известно, начинаются длительные и тяжелые войны Шапура II на западных границах. Они хорошо отражены в источниках. Вот их основные этапы: 359 г. — взятие сасанидскими войсками Амиды; 362—363 гг. — война с императором Юлианом, кончившаяся его смертью; 364 г. — затяжная война в Армении; 368—371 гг. — война с Римом из-за Армении и Иберии, затем война в Армении; 374 г. — опять война в Месопотамии.

В описаниях этих событий, оставленных Аммианом, упоминаний о борьбе Шапура II на востоке не встречается. Единственный источник, где такие упоминания есть, это «История Армении» Фавста Бузанда⁹⁴.

Война Шапура II на востоке датируется последним годом жизни армянского царя Аршака, плененного Шапуром II (367 г.), и упоминается Фавстом лишь потому, что в ней отличился любимый евнух Аршака Драсмат, которому в награду позволено было навестить Аршака в «Замке Забвения» в Хузистане. Войну, по сообщению

Фавста, начал «царь кушанов аршакидской династии, сидевший в городе Балхе». В одном из сражений «кушаны разгромили персидского царя Шапуха», причем сам Шапур, сражаясь впереди своих воинов, чуть не поплатился жизнью.

Второе сообщение о войне с кушанами относится к началу царствования в Армении Вараздата (т. е. к 374 или 375 г.). Фавст Бузанд пишет: «В это время персидский царь, который был из рода Сасанидов, вел войну с великим царем кушанов, который был Аршакуни и сидел в городе Балхе». И эта война, согласно Фавсту (V, 7), кончилась сокрушительным разгромом персов. «Кушаны, настигнув войско персов, никого из них не оставили в живых, даже ни одного живого человека не осталось, чтобы весть принести. Но Манвел, сын Арташена из рода Мамиконянов, и брат его Комс, совершив величайшие подвиги храбрости в том же сражении, спасли свою жизнь, и из персидских войск только эти двое пришли пешком и дошли до персидского царя целыми и невредимыми, совершив много подвигов».

Здесь нетрудно заметить те же идеи «генеалогии происхождения», что и у Моисея Хоренского, но в данном случае это скорее стереотип, отражение мнения источника, а не цель. К тому же о войне на востоке и в данном случае Фавст Бузанд упоминает как бы вскользь — главное, что Манвел Мамиконян, совершая чудеса храбрости, оставшись жив и тем прогневав Шапура II, был отослан им в Армению и там законно занял должность *спарапета*, вероломно отнятую армянским царем у его отца.

Кажется, что эти упоминания «вскользь» скорее убеждают в том, что эти события действительно имели место, но, конечно, не с теми результатами, какие им приписал Фавст, — ведь в его «Истории Армении» персы всегда терпят поражение (причем, как правило, уничтожаются почти все)⁹⁵.

Так или иначе, но если иметь в виду события на западе Ирана, то серьезную военную экспедицию в пределы Кушанского царства можно поместить лишь в самый конец 60—70-х гг. IV в. Факт нахождения в пещерном монастыре Кара-тепе (район Термеза) сасанидской надписи с датой 369 г. (60 г. царствования Шапура), быть может, в какой-то степени подтверждает это⁹⁶.

О дальнейших событиях на востоке державы Сасанидов мне уже приходилось писать⁹⁷.

Среднеперсидские надписи из Кара-тепе

Во время раскопок 1963 г. на стене входной части северного пещерного коридора комплекса Б была обнаружена процарапанная по штукатурке надпись (СП-1), которая почти сразу же была определена как среднеперсидская. Открытие этой надписи явилось в известной мере неожиданностью, так как до тех пор на территории среднеазиатского междуречья была известна лишь одна среднеперсидская надпись, начертанная рукой хорошо выученного профессионального писца на стене одного из помещений объекта XVI согдийского города Пенджикента¹. Остальные памятники сасанидской эпиграфики на этой территории ограничивались немногими экземплярами сасанидских монет и гемм, найденных во время раскопок или собранных различными коллекционерами².

В 1964 г. к первой среднеперсидской надписи-граффити в Кара-тепе добавилась еще одна (СП-2), процарапанная по штукатурке на стене южного пещерного коридора комплекса Б³.

Надпись СП-1: граффити, две строки, начало обеих строк отсутствует (обломана штукатурка)⁴.

(1)] XX XX XX I (?)

(2)] tgr/wky

Во второй строке перед первым из сохранившихся знаков (t) виден верхний «усик» предшествовавшего знака; нижняя часть его не опускается под строку и потому всего вероятнее предполагать здесь m, y, d или, менее вероятно — w/g, s, š. В любом случае этому знаку должна была предшествовать еще одна или несколько букв.

Надпись СП-2: граффити, одна строка.

zyk drug — «Зик⁵, писец».

Начертание титула drug характерно для сасанидских

надписей начиная с IV в. Для раннесасанидских надписей III—начала IV в. более обычным является написание *druwr* ⁶.

Обе надписи по дукту относятся к так называемому лапидарному стилю, развитие которого хорошо прослеживается по ряду сохранившихся сасанидских эпиграфических памятников (наскальные надписи, печати, монеты, надписи на торевтике) ⁷. В лапидарном письме ведущим процессом развития знаков является соединение некоторых из них в устойчивые лигатуры. Появление первых лигатур фиксируется уже в надписях магупата Картира (80-е годы III в.; лигатуры 'р, 'w). В дальнейшем, уже в IV в., их количество увеличивается: в надписях Pers. I, Pers. II, TB I, II ⁸ (все они относятся к IV в.) мы встречаемся уже с устойчивым употреблением лигатур *hw*, 'n, 'w.

В надписи Михр-Нарсе из Фирузабада ⁹ (V в.) кроме вышеперечисленных засвидетельствованы также лигатуры *zn*, 'l, *lw*, а также слитное написание идеограммы для изафета (ZY). Надписи более позднего времени ¹⁰ характеризуются множеством лигатур, упрощением написания ряда букв, приобретающих в результате многозначность в чтении.

Лапидарное письмо VI—VII вв. ближе всего по дукту к так называемому книжному пехлеви. Именно в этом стиле исполнена, в частности, упоминавшаяся выше надпись из Пенджикента.

В обеих среднеперсидских надписях из Кара-тепе лигатуры отсутствуют, но это обстоятельство говорит все же только о том, что надписи не могли быть выполнены в VI в. и позднее, поскольку знаки, их составляющие, редко соединяются в лигатуры и в IV, и в V в. Однако общий рисунок знаков — строгость в начертании, относительная равномерность частей, некоторая геометричность форм — заставляет думать скорее о IV—V, чем о III столетии. Особенно характерно в этом отношении несколько угловатое начертание цифр (XX) в первой строке надписи СП-1 и соединение их в нижней части (эта особенность совершенно отсутствует в надписях III в.). О той же дате надписей из Кара-тепе — IV—V вв. — говорят пропорциональное, лишенное вычурных «усиков» начертание знака *t*, геометризованные формы знака *k* (надпись СП-1), а также закрытое, лишенное черты, уходящей под строку, начертание знака *p* (надпись СП-2). Знак *y* в обеих надписях выступает

в форме, типичной для IV—V вв. Он изображен довольно размашисто, его очертания округлы. В целом нужно отметить, что в обеих надписях нет ни одного знака, который было бы необходимо датировать III в.¹¹ Однако материал пока слишком невелик, чтобы судить о палеографической дате надписей Кара-тепе с полной определенностью.

При всей краткости обеих надписей и отсутствии контекста в СП-1 мы с достаточной уверенностью можем считать, что оставлены они посетителями пещер и, как это обычно для надписей такого рода, содержат имена и могут содержать даты¹². В этом отношении издаваемые надписи, процарапанные на стенах пещерного буддийского монастыря, аналогичны поздним среднеперсидским надписям в пещерном буддийском монастыре Канхери¹³ или нанесенным тушью сасанидским надписям на стенах синагоги в Дура-Европосе¹⁴. В Кара-тепе мы имеем дело скорее с титулом и именами армейского писаря и солдат сасанидских отрядов, чем паломников-буддистов, хотя, несмотря на политику преследования инаковерующих в Иране, проводившуюся сасанидским магупатом Картиром (в частности, искоренение им буддизма и брахманизма)¹⁵, сасанидские памятники фиксируют почитание Будды в восточных областях Ирана в IV в.¹⁶ Во всяком случае, надпись СП-2 оставлена официальным лицом — секретарем сасанидского военачальника или правителя пограничной области¹⁷.

Мы можем более конкретно представить себе обстоятельства, при которых на стены монастыря Кара-тепе была нанесена надпись СП-1, если принять гипотезу о том, что верхняя строка этой надписи, где сохранились цифры XX XX XX I, содержит дату.

В сасанидской эпиграфике известны три «эры» и два типа написания дат. Надпись на вотивной колонне из Бишапура содержит следующую датировку: «В месяц фарвардин, в году 58. От огня (т. е. от основания храма огня) Арташира — год 40. От огня (т. е. от основания храма огня) Шапура, (который) из царских храмов огня (т. е. является коронационным храмом огня царя царей) — год 24»¹⁸. В данном случае, как это показал А. Кристенсен, мы имеем дело с начальной датой царской сасанидской эры (т. е. датой узурпации Папаком престола в Парсе — 208 г.), от которой отсчитываются годы коронации Арташира I (227 г.) и Шапура I (243 г.).

Более нигде датировка по «царской сасанидской эре» не встречается. В том случае, если бы палеография надписи СП-1 позволяла нам безусловно датировать ее III в., мы могли бы предположить, что перед нами — второй случай использования сасанидской эры. Датой надписи СП-1 в этом случае оказался бы 268-69 г. н. э.¹⁹

В надписи Шапура I на «Каабе Зороастра» (эта надпись датируется 262 г.) при описании границ Ирана указывается, что Шапур I получал дань (pty b'z HQ'YMWt HWYn) или владел ('BDkpy HQ'YMWt HWYn) «Кушаншахром вплоть до Пешавара и (землями) дальше, вплоть до Согда, Каша и гор Чача»²⁰. Однако, как можно показать²¹, данный пассаж в надписи на «Каабе Зороастра» означал лишь претензию на господство над указанными территориями, а реальные владения Сасанидов на Востоке в то время ограничивались Абаршахром, Мервом, «Сакастаном, Турестаном и Индией до побережья моря» (т. е. Гедрозией и Арахозией).

Все остальные сасанидские надписи, содержащие даты, датируются по годам царствования того или иного шаханшаха либо по «Эре Ездигерда» (Ездигерда III, вступившего на престол в 631 г.) — в том случае, если они относятся к послесасанидской эпохе²². Также датируются и сасанидские монеты начиная с V в. Даты эти представлены либо цифрами (надписи синагоги в Дур-Европосе и надписи на остраках оттуда же — по годам царствования Шапура I; надписи Pers. I и Pers. II — по годам царствования Шапура II), либо словесным обозначением (монеты, надписи Дербента)²³.

Если считать, что цифры в надписи СП-1 содержат дату по царствованию сасанидского шаханшаха, то этим шаханшахом мог быть только Шапур II (царствовал 70 лет, с 309 по 379 г. н. э.), и в таком случае дата надписи — 369—70 г. Такая датировка более соответствует палеографии среднеперсидских надписей Каратепе и тем напряженным политическим событиям, которые развернулись на восточных границах сасанидского Ирана в конце царствования Шапура II. 70-е гг. IV в. — это время упорных войн за земли Кушанского государства, результатом которых явилось окончательное уничтожение империи Великих Кушан, годы, когда на монетном дворе Мерва, а впоследствии — Балха и Кабула начинается регулярный выпуск кушано-сасанидских монет²⁴.

Примечания

Художественная культура древнего Востока

¹ <Эта работа была написана в 1982 г. (в соавторстве с Е. В. Зеймалем) как глава для коллективной монографии «Художественная культура в докапиталистических формациях», где опубликована в сокращенном виде (под ред. М. С. Кагана, Л., 1984, с. 126—149).>

² Здесь и далее принята и широко использована концепция древневосточных цивилизаций И. М. Дьяконова, в наиболее общей форме изложенная в «Истории древнего мира» (Дьяконов и др., 1982).

У истоков древнеиранского искусства

¹ В Западном Иране помимо ассирийцев и вавилонян, говорящих на аккадском и эламском языках, были многочисленные племена и мелкие государственные образования с династиями хурритского и кутийско-касситского происхождения.

² Подробнее об археологии Ирана XIII—VII вв. и ряде проблем, встающих в связи с этими материалами, см. [Дандамаев — Луконин, 1980, с. 39—103], где приведена основная литература вопроса.

³ Возможно, в Марлике — материал нескольких разновременных могильников, отстоящих по датам на целых 1500 лет. О такой возможности говорят и иные материалы из этого же района [Хакеми, 1973; Могаддам, 1972, с. 133—136, рис. 1—3; Эгами — Фукаи, 1965].

⁴ Сосуд представляет собой высокий кубок без ножки, такая же форма почти у всех золотых сосудов Марлика, Хасанлу и из других мест находок. Техника всех этих сосудов также стандартна — чекан с оборота с последующей гравировкой.

⁵ О Мадии и царстве скифов см. также [Дьяконов, 1956, с. 285 и сл.].

⁶ Подробнее о предметах из Зивие см. [Луконин, 1977; Гиршман, 1979].

⁷ Характеристику «звериного» стиля см., например, [Артамонов, 1961, с. 31—46].

⁸ Правда, существует точка зрения, что до прихода на Ближний Восток искусство скифов было «аниконографично», у них не было никакой изобразительности [Раевский, 1985].

⁹ Свернувшаяся в кольцо пантера кургана Аржан (VIII или начало VII в. до н. э.) представляет совершенно иной образ; в памятниках из Зивие есть попытка изобразить нечто подобное (на золотом «яблоке» копыя), но именно эта попытка свидетельствует о весьма слабом знакомстве мастера из Зивие с подобной стилизацией [Сорокин, 1972].

¹⁰ Памятники Зивие датируют VII в. до н. э. только потому, что часть изображений близка к Келермесу, или по исторической интерпретации. Но ведь единственные поддающиеся более или менее точной датировке объекты клада — это фрагменты бронзового саркофага (Ассирия, конец VIII — начало VII в.), резная кость и ас-

сирийская керамика (VIII — начало VII в.). Келермесс датировался по-разному. В каталоге «From the Lands of the Scythians» (New York, 1978) для Келермесса предлагается дата «конец VII — начало VI в. до н. э.».

¹¹ И дело не только в образах — например, на прекрасном серебряном с позолотой блюде VI в. до н. э. на туловищах козлов изображены точно такие же стилизованные пальметты, как и на козлах пекторали Зивие [Шimmel, 1974, № 78]. Подробнее о «стиле Зивие» в ахеменидском искусстве см. [Луконин, 1977, с. 33—36].

¹² В ахеменидское время — как традиционные, уже никак не осмысленные и очень искаженные — они сохраняются лишь на бутеролях мечей [Куликан, 1965, с. 13¹—132].

¹³ О культуре Луристана см. [Ванден Берге, 1973].

¹⁴ О недавно открытой археологами архитектуре мидийских укреплений, храма и резиденции правителя см. [Стронах, 1978].

¹⁵ Походам Александра Македонского, созданной после него селевкидской монархии, а также культуре и искусству эллинистического периода посвящены сотни работ. Из работ на русском языке см., например, [Тарн, 1949; Фрай, 1972; Луконин, 1977]. Собственно искусству посвящены такие работы, как [Порада, 1965; Гиршман, 1976 (с подробной библиографией)].

Сокровища искусства древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии

¹ <В этой работе, написанной в виде брошюры-путеводителя, впервые высказан ряд идей относительно сложения иранского искусства, нашедших развитие в дальнейших исследованиях В. Г. Луконина (Искусство древнего Ирана. М., 1977; Культура и экономика Ирана. М., 1980).>

² <Некоторые датировки, впоследствии уточненные В. Г. Лукониным, приводятся здесь с учетом этих поправок.>

Парфянская и сасанидская администрация

¹ Основные издания: [Дьяконов — Лившиц, 1960; Дьяконов — Лившиц, 1966].

² Сводку эпиграфических материалов парфянского времени (до 1954 г.) см. [Хеннинг, 1958; см. также Хараматта, 1957; Хеннинг, 1959].

³ Коллекция Британского музея: [Рос, 1903; Хилл, 1922].

⁴ CII, pt. 3, vol. 2, portfolio 1 (KSM); portfolio 2 (KNRu); portfolio 3 (KNRj, KKZ, KNRu).

⁵ [Кристensen, 1944]. Последние по времени сводки: [Дьяконов М., 1961; Фрай, 1962; Гаже, 1964] (в этом издании кроме кратких сведений об авторах переведены извлечения из сочинений Зосимы, Геродиана, Аммиана Марцеллина, Scr. Hist. Aug. и др.).

⁶ Происхождение династии парфян описывается у Помпея Трога (эпитома Юстина), а также у Страбона и Арриана — в изложении поздних авторов. Ряд сведений содержится также у Исидора Харакского, Иосифа Флавия и других авторов. О характере власти царей у ряда ученых противоречия: [Уэллес, 1935; Мак Доуэлл, 1935a] (адаптация селевкидских обычаев двора); [Дибвойз, 1938; Дьяконов М., 1961; Фрай, 1962] (кочевнические обычаи) и ряд других.

⁷ До начала I в. н. э. в легендах идет постоянное «наращение» титулатуры. Встречаются многочисленные титулы и элементы: ΒΑΣΙΛΕΩΣ, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ, ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ, ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ, ΔΙΚΑΙΟΥ, ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ, ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ и др. После царствования Митридата II легенда в основном стабилизируется: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΑΡΣΑΚΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ ΔΙΚΑΙΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΣ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ. С эпохи царствования Вологеза I (51—80 гг.) вначале изредка, затем, как правило, наряду с греческой чеканится парфянская легенда, которая в наиболее полном виде (на монетах Вологеза III) гласит: 'všk wlgšy MLKYN MLK'.

⁸ Имя Аршак (αρσάκ) возводится к aršap — «муж, герой» [Бартоломе, 1904, с. 203—204] и связано с мифическим Кави Аршаном, героем-лучником [см.: Штакельберг, 1891, с. 620; Фрай, 1962, с. 276]. Во всем списке царей парфянской династии лишь один — основатель династии (Аршак I) — носил это имя в качестве личного имени (о проблеме «Аршак II или Артабан I» см. [Вольский, 1962, с. 370—378; Кошеленко, 1968] и ряд других работ). Возможен перевод легенд типа βασιλέως αρσάκου как «царя Аршака» [ср. Хеннинг, 1958, с. 93]. Личные царские имена появляются на монетах (в легендах на греческом языке) с I в. н. э. (царствование Артабана III), что почти совпадает с введением легенд на парфянском языке. В документах из Нисы (I в. до н. э.) упоминается Фрипатий (φρυπτή), Митридат I или Митридат II (mtrdt), Готарз I (gwtrz), причем под своими личными именами выступают лишь умершие цари, или личным именем назывался виноградник, доходы с которого шли на литургии pat gwap [см.: Дьяконов — Лившиц, 1966]. Личные имена парфянских царей встречаются также в нововавилонских документах селевкидской эпохи.

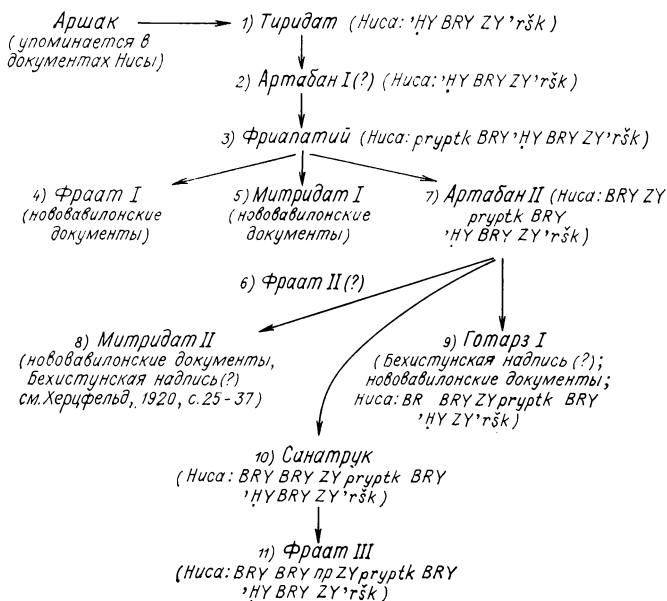
⁹ Иногда этот политический акцент особенно нагляден (ΦΙΛΟΡΑΜΑΝΟΣ вместо ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ на монетах Тиридата, ΒΟΙΛΑΠ на монетах восставшей Селевкии и т. д.).

¹⁰ До сих пор не установлено, когда чеканились ранние парфянские монеты и какие цари их выпускали. От решения этого вопроса, в частности, зависит «приоритетность» появления на монетах того или иного эпитета. Так, например, эпитет ΘΕΟΣ есть на греко-бактрийских монетах Агафокла и Антимаха или на селевкидских монетах Антиоха IV, титул ΘΕΟΠΑΤΩΡ — на монетах Александра Бала. То же можно сказать и о других эпитетах. Противоположные точки зрения на «приоритет» легенд см.: а) селевкидско-греко-бактрийская: [Рос, 1903; Симонетта, 1950 и многие другие]; б) парфянская — лишь [Кошеленко, 1968] (без привлечения дополнительных аргументов).

¹¹ Монетная иконография также не дает возможности судить о характере царской власти. Раннепарфянские монеты представляют на аверсе портрет правителя в национальном «скифском» (по мнению Кошеленко [1968]) или же в так называемом сатрапском головном уборе [Дайе, 1949 и ряд других работ]. Тип реверса, как полагают, заимствован с селевкидских монет (или, быть может, «сатрапских» малоазиатских, см., например, [де Морган, 1936, с. 50, рис. 27]), где фигура Аполлона на омпале заменена фигурой легендарного предка династии Аршакидов — Ареша [ср. Зеймаль, 1982].

¹² Главным образом на том основании, что в версии Арриана ясно сказывается ее обработка под историю прихода к власти Дария [Вольский, 1962 и другие работы]. Следует учесть также версию Марцеллина (вслед за Юстином?): Аршак — предводитель разбойничьей шайки (Аmm. XXIII, 6).

¹³ Документы Нисы: № 1760 (генеалогия Готарза I): [SNT] I CXXXXX IIIIII 'ršk MLK' BR Y [BR Y Z] Y(pry)ptk BR Y 'HYBR Y ZY(?) 'ršk — «Год 157 (91 г. до н. э.). Аршак, царь, внук Фриапатака, сына племянника Аршака». № 306 (генеалогия Санатрука): [SNT] I G] XXXXXX 'ršk [MLK' BR Y BR Y ZY pr yptk BR Y 'HYBR Y ZY 'ršk] — «Год 170 (78 г. до н. э.). Аршак, царь, внук Фриапатака, сына племянника Аршака». № 307 (генеалогия сына Санатрука, Фраата III): SNT ICXXXXXXXXX 'ršk MLK' [B]RY пр ZY [pr y]ptk [BR Y 'HYBR Y ZY 'ršk] — «Год 180. Аршак, царь, правнук, Фриапатака, сына племянника Аршака» [см.: Дьяконов — Лившиц, 1960, с. 20—21, 113; Дьяконов — Лившиц, 1966, с. 143, примеч. 28, табл. IX—IXa, X—Xa]. Данные нововавилонских документов см. [Кемпбелл, 1927; Штрассмейер, 1988; Дибвойз, 1938 и др.]. Генеалогическая таблица выглядит следующим образом:

Последовательность: Тиридат — его сын Артабан I — его сын Фриапатий — старший сын Фриапатия Фраат I — средний сын Фриапатия Митридат I — младший сын Фриапатия Артабан II — сын Артабана Митридат II — средний сын Артабана Готарз I — младший сын Артабана Санатрук — сын Санатрука Фраат III. Находки новых документов позволяют отклонить возражения Э. Бикермана [1966a]. Следует добавить, что конструкция генеалогического списка, предложенная Э. Бикерманом, не находит подтверждения в иранском (в том числе парфянском) материале (см., например, надпись Хвасака из Суз, парфянские варианты раннесасанидских наскальных надписей). С данными остраков Нисы знакомит статья [Шомон, 1968, с. 11—35, особенно с. 14—19].

¹⁴ Издатели документов Нисы уже указывали, что в I в. до н. э. аршакидские цари вели родословную к Фриапатию [Дьяконов — Лившиц, 1966, с. 144].

¹³ Этим, видимо, легко объяснить зороастрийский характер всех личных имен парфянских царей и то, что некоторые из них (gwtgz, hws gw, 'ršk) относятся к «героическому фону» Авесты. Издатели нисийских документов отмечали, что «все без исключения личные имена зороастрийских имен и нет ни одного имени, которое не могло бы принадлежать ортодоксальному зороастрийцу» [Дьяконов — Лившиц, 1960, с. 23]. Ср. также [Дьяконов — Лившиц, 1966, с. 156—157] с выводом: «в восточной Парфии в I в. до н. э. существовал письменный текст Авесты, по крайней мере отдельных ее частей».

¹⁶ [Дьяконов М., 1961; Фрай, 1962]. Мы можем предполагать наличие «эллинистического стереотипа» в сообщении Страбона. Страбону было хорошо известно устройство монархии Селевкидов, где в ближайшем окружении царя находились его *συγγενεῖς* и *φίλοι* разных рангов.

¹⁷ Нужно иметь в виду, что «Письмо Тансара» — памфлет, составленный после ликвидации маздакитского движения, одним из лозунгов которого было разрушение зороастрийского семейного права, и потому приведенная цитата (впрочем, как и весь акцент этого произведения) — полемика с идеями маздакизма,

¹⁸ Ср. данные SKZ (подробнее см. ниже). В совет знати входили кроме родственников царя царей и высших чиновников также и жрецы — MLKT'n hndryčty (Prth.) в надписи SKZ; mwg'n hndrčpt в надписи Pers. I; w'spwtl'k'n h'ndrčpt и ряд других.

¹⁹ До своего восшествия на престол он был наместником («царем») Атропатены и, по словам Тацита, имел родственные связи с даями [Annales, II, 3; VI, 36, 42; Дибвойз, 1938, с. 152].

²⁰ Э. Херцфельд [1930, с. 5] читает *APĒANΩN*, тем самым настаивая на том, что Готарз вообще не был связан с Аршакидами (та же интерпретация легенды у М. М. Дьяконова [1961, с. 394]). Монеты Британского музея подтверждают чтение *APΣAKOY* [см.: Рос, 1903, с. 165, табл. XXVII, 2].

²¹ [Херцфельд, 1920, с. 40—41]. На рельефе представлен Готарз на коне, поражающий врага копьем, и Ника, которая венчает его. Если учесть, что изображение и надпись помещены рядом с так называемым большим рельефом, показывающим нескольких представителей знати, то, возможно, и на «большом» рельефе также изображен Готарз. В таком случае надпись содержит его титул («сатрап сатрапов»), что говорит, возможно, об исключительном положении Готарза. Имя парфянского царя («Митридат») в этой надписи восстановлено Э. Херцфельдом. К тому же Тацит (Annales, XI, 10) упоминает современного Готарзу II правителя «Мехрадата» [см. Дибвойз, 1938, с. 41; ср. Херцфельд, 1920, с. 39].

²² Новые данные см. [Дьяконов — Лившиц, 1966].

²³ [Дибвойз, 1938, с. 74, 99, 100]. Ср. также постоянные попытки свергнуть Готарза и заменить его на парфянском престоле прямым потомком Аршакидов — Михредатом или Варданом. Таким образом, изменения, происшедшие в Парфии к I в. н. э. не следует прямо связывать с событиями внутривосточной борьбы в парфянской династии.

²⁴ См. ту же идею у Аммиана Марцеллина (XXIII, 6).

²⁵ В своей надписи в Пайкули Нарсе говорит (31—32): «Шапур завещал, чтобы над Ираншахром этот (т. е. Нарсе) был господином, ибо он... после Шапура наиболее хорош и наиболее справедлив и наиболее деятелен» (подробнее см. [Луконин, 1979, с. 59 и сл.]).

²⁶ Виноградники artabānukān (культ Артабана I или Артаба-

на II) mihrdatkān (культ Митридата I), fryapatikān (культ Фриапатия), gōtarzākān (культ Готарза, виноградник упоминается при жизни Готарза — в данном случае полная аналогия с надписью SKZ, где упомянуто об основании храмов в честь самого Шапура, его дочери и его сыновей) и другие. Поступления на нужды культа отмечены издателями документов ([Дьяконов — Лившиц, 1966, с. 139]: 'psyk — «налог на ложе огня» интерпретирован как «род церковной десятины, взимавшейся, очевидно, частично деньгами, а частично натурой»). Среди виноградников упоминаются āyazan-papaistānakān — «храмовой нанайстанский» (принадлежащий храму Анахиты-Нанайи) и fravaši (grwšy). Кажется, в Нисе засвидетельствован и технический термин для дохода с имущества, пожалованного храму, соответствующий MP tlylkpyšn, Prth. trkpyšn в SKZ. В Нисе это: документы № 198 (MN 'TPH trkwpy Q[RY], по интерпретации издателей: «из 'TPH называемого „за горами“»; Q[RY] — восстановление издателей), № 478 (MN 'TPH trk[wp]), № 660 — (MN) kwzr MN 'TPH trkwpy — «Из kwzr (название виноградника, упоминаемого в ряде других документов), из 'TPH trkwpy» и др. Издатели выделяют этот род документов в самостоятельную группу ([Дьяконов — Лившиц, 1966], с. 18) — с иной интерпретацией: 'TPN (называемые) «из-за гор» (trkwp, trkwpy) — привоз вина со стороны). В документах упоминаются несколько храмов, а также жрец — 'twršpty.

²⁷ Ср. prtrk ZY 'LHY' — «божественный правитель» на монетах Парса.

²⁸ KKZ, стк. 3: W 'HR 'YK šhpwhry MLK'n MLK' 'L 'LHY'n g'sy 'ZLWN.

²⁹ Ф. Кюмон сопоставляет термин *δαίμων* с иранским религиозным термином фраваша [Кюмон, 1930, с. 217].

³⁰ Ср., например, «Мученичество св. Симеона Варсавоя» (Acta Sanctorum Martyrum Orientalium et Occidentalium. Roma, 1748). Очень вероятно, что и в данном случае мы имеем не более чем «западную адаптацию», ср., например, мнение Эсхила (Περσας, 156—157), Плутарха (Them., 27), где Дарий и Ксеркс объявляются «богами персов», что совершенно не соответствует подлинным ахеменидским материалам. Греческая идея обожествления царя была особенно распространена в селевкидской среде (об идеологической концепции власти ахеменидских царей см. [Дандамаев, 1963, с. 234—261, особенно 243]).

³¹ Ср. ахеменидскую параллель: Beh. I, 11—12: «Говорит Дарий, царь. Милостью Ахурамазды я — царь. Ахурамазда дал мне царство». Здесь нужно отметить аналогии с официальными надписями Сасанидов. Конструкция начальных строк Beh.: 1) царь, предки царя (I, 1—12), 2) административные области (сатрапии, царства), входившие в государство (12—20; 17—20: «Говорит Дарий, царь: эти страны мне достались. Милостью Ахурамазды (они) подчинены мне. Они платили мне дань»). Ср. надпись Шапура I на «Каабе Зороастра»: «Я — поклоняющийся Ахурамазде владыка, Шапур, царь Ирана и не-Ирана, происходящий от богов, сын поклоняющегося Ахурамазде владыки Арташира, царя царей Ирана, происходящего от богов, внук владыки Папака, царя. В Ираншахре — я господин над... (далее перечисляются области страны). И все эти шахры (царства), и их владельцы (шахрдары), и „владельцы пограничных районов“ (Parth. ptykwspn) были мне подчинены и приносили дань». Аналогии в «официальном формуляре» ахеменидских и сасанидских надписей многочисленны.

³² См. например, надпись Апсая в Бишапуре [Гиршман, 1936].

³³ Сообщение Исидора Харакского о коронации Аршака в Ас-

тауэне и о том, что в этом городе «сохраняется вечный огонь» (Manš. Parth. 11), вероятно, нет оснований интерпретировать как сообщение о постройке специального храма огня в честь коронации первого парфянского царя царей. Более интересен острак № 199 из Нисы. Надпись на внутренней стороне острака: MN 'yynu prhtk[n?] — «Из храма Фраата» [Дьяконов — Лившиц, 1966, с. 153, примеч. 68]. Возможно, в данном случае — храм того же типа, что и сасанидский 'twr ZY MLK'.

³⁴ А. Г. Периханян [1968а, с. 35; 1968б] приводит родословные ахеменидских и сасанидских царей.

³⁵ См., например, [Кошеленко, 1966, с. 17—30].

³⁶ Во всяком случае — со времени выпуска монет с изображением правителя в так называемом сатрапском головном уборе.

³⁷ Кроме имени божественного предка — (Kavi) Aršan — об этом свидетельствуют и распространение в парфянскую эпоху восточно-иранских героических сказаний [Бойс, 1957; Минорский, 1946], и некоторые личные имена парфянских царей. Возможные связи с героями сакского эпоса устанавливал Херцфельд [1920, 1932].

³⁸ В документах из Нисы упоминается виноградник artaxšahra-kān, который, по мнению издателей документов, «назван, вероятно, в честь легендарного предка Аршакидов Артаксеркса II» [Дьяконов — Лившиц, 1960, с. 20].

³⁹ Подробнее о политических обстоятельствах, вызвавших к жизни эту идею, см. [Луконин, 1969а].

⁴⁰ О начале этого процесса свидетельствуют легенды сасанидских монет (начиная с монет Шапура III): в официальную титулатуру сасанидского монарха вводится титул kdy — «кейанид». Наиболее пространные «легендарные» генеалогии сасанидских царей содержатся в поздних арабских переводах «Хватав-намак» и связанных с этой летописью исторических сочинениях. Возможно, что интерес сасанидской официальной истории к восточноиранскому героическому циклу именно в самом конце IV—V в. (судя по легендам монет) возникает отчасти потому, что в эту эпоху Сасаниды овладели Балхом — родиной Виштаспы и «священной землей» зороастризма. Следует отметить, что изменения политической концепции происхождения власти в сасанидскую эпоху синхронны этапам развития зороастрийского канона. Можно предположить, что уже в V в. официальная сасанидская история начиналась не с Сасана (как это было в эпоху царствования первых сасанидских шаханшахов, о чем свидетельствуют, например, данные SKZ и надписей Картира) и даже не с Дария (как это было в эпоху Шапура II при создании первого варианта «Карнамака» и новой редакции зороастрийского канона, проведенной Атурпатом Михраспанданом), а с Кейанидов, что позволило в дальнейшем слить в один свод царские исторические анналы и легендарную зороастрийскую историю.

⁴¹ Дата надписи — после 262 г., о чем свидетельствует, вероятно, титул шаханшаха — «царь царей Ирана и не-Ирана» (подробнее о времени появления этой титулатуры см. [Луконин, 1969а], а также в этом издании: «Надпись Нарсе в Пайкули и Бишапурский рельеф»).

⁴² MP, стк. 5—6: 'MT ZNH HTY' SDYTN 'DYNn L'YNY štdi'n W BRBYT'n W wēlk'n W 'z'tn. Prth. 5—6: 'MT LN ZNH HTY' SDYt QDMTH hštrdryn BRBYT'n RB'n W 'z'tn.

⁴³ [Херцфельд, 1924, II]; по нумерации Э. Херцфельда — блоки В 1—5, стк. 2; стк. 3; Н 2—3, стк. 1 и др.

⁴⁴ E'P', стк. 3; В 1—5, стк. 2.

⁴⁵ Сводный текст: W 'plyk štdi'ly W BR BYT' W. RB' W kthwt'y W 'z'tn W p'lsy W plswby MNWn BYT' W 'yr'nštry. Для перевода

«по родам» MNWn BYT' (выражение, вполне напоминающее Бехистунскую надпись Дария), ср. контексты в той же надписи, например. В 1—5, стк. 2 ...RB'n W 'z'tn W p'lsn W plswb'n MNWn BYT'; C' 6—7, стк. 5 RB'n W 'z'tn W 'HRN MNW 'swrstn. Таким образом, становится понятной стандартная формула для титулатуры сасанидских вельмож и чиновников, например надпись на колонне в Бишاپуре (MP, Parth. 260-е гг., стк. 9—10): 'ps'y ZY druwr ZY MN hl'n štrdstn MN NPSH BYT'. Надпись KKZ (280-е гг.): kltyl mgwpt w 'hrpt MN NPSH BYT' и ряд других.

⁴⁶ Камбахшфард 1967, № 61—62, стк. 7—8.

⁴⁷ Так, в арамейских папирусах из Элефантины (см., например, письмо Багавахи w-l-rhmn ušumnk qdm drywhwš mlk' wbnū byt' — Захау, 1911, papirus 1, стк. 2—3).

⁴⁸ Таким образом, речь у Юстина и Плутарха, вероятно, идет о том, что в войско парфян входили 400 chevaliers — *азатов*-всадников (ср.: Prth. 'sb'r — «всадник» в документах из Нисы; в сасанидском «Судебнике» «список всадников» — asabār nipēk, MhD A 16—17 и др., а также специальные земельные наделы «на полное обмундирование» — rat ētōcān — всаднику», MhD A 77, 6—9), а также зависимые от того или иного вельможи (живущие на территории, ему подвластной) свободные члены общин, быть может — вооруженные за счет этого вельможи, и его личная дружина специально обученных профессиональных воинов-рабов. Таким образом, и термин Помпея Трога *servitores*, и термин Плутарха πελάται не следует понимать буквально. Фраза же Помпея Трога: «Их войско не как у других народов, свободно, но в наибольшей части состоит из зависимых, и, так как никому не дано право освобождать их, они рождаются рабами» — является скорее всего неудачным сокращением Юстина (ср. несколько ниже: «Именно это различие есть между рабами и свободными, что рабы — пешие, а свободные выезжают только верхом» — Justin, XL1, 3).

⁴⁹ Эквивалентность терминов štd'ly (MP) = hštrdry (Parth.) = MLK' устанавливается, в частности, контекстом ŠKZ.

⁵⁰ А. Пальяро, как и другие ученые до него, считали термин BR BYT' эквивалентным wšpuhr, который он переводил как «принц крови, племянник царя» [Пальяро, 1947, с. 63—64]. В. Б. Хеннинг считает wšpuhrakān субстантивированным прилагательным от wšpuhrakānīh «исключительность», в значении «особый, специальный», откуда wšpuhr — «особый из сыновей», наследник престола. Таким образом, wšpuhrakān, по мнению В. Б. Хеннинга, обозначает: 1) особо близких царю людей (подобно селевкидским τῶν πρώτων καὶ προτιμωμένου φίλων), а также 2) особую категорию владения — «домен» царя царей (в этом значении термин wšpuhrakān выступает, например, в надписи KNRu: ZKm KN gwnky šhpwhry MLK'n MLK' PWN w'spwhlk'n PKDWN 'BYDWN 'YKt bwny BYT' ZNH 'yw YHWWN, где PWN w'spwhlk'n — «относительно царского домена» (crown-lands) (см. [Хеннинг, 1964, с. 95—96]). О других значениях термина «личное имущество» см. [Периханян, 1965].

⁵¹ В составе двора Арташира I BR BYT' не упоминаются.

⁵² Или Папака, царя Парса, отца Арташира I, или Папака *хазарапата*.

⁵³ Prth.: S'sn BR BYT' MH pty prdkn NHSNt. Род Фарреканов — знатный род, представители которого упоминаются при дворе царя Парса Папака (prdk prdkn) и царя царей Арташира I (wurgu prdkn). Ср. сходный обычай отдавать царевичей на воспитание вельможам в Армении (например, Фаст Бузанд, кн. IV, гл. 2).

⁵⁴ Или Пероза, упомянутого с тем же титулом при перечисле-

нии рода Сасанидов (1-й список ŠKZ), или же, что менее вероятно, внука Шапура I — Пероза, сына царя Месены.

⁵⁵ Prth.: nryshw BR BYT' šhupwhrkñ; MP: nrshy BR BYT' d'tšpwhlyk'n(?) (греч. Σαπουράν). В случае чтения «сын Шапурака» отцом Нарсе мог быть старший брат Арташира I, сын Папака, Шапур (MLK'). Если полагать, что в данном случае мы имеем *nomina gentilitia* [см. Периханян, 1968а], то следует переводить «из рода Шапура» (царя Парса?).

⁵⁶ О высшей форме брака в сасанидском Иране («полноправный») ratəšāyihā zanih подробнее см. [Периханян, 1968а; 1973].

⁵⁷ [Фавст Бузанд, кн. IV, гл. 2; см. также Фрай, 1962а, с. 352—355].

⁵⁸ Именно в таком порядке упомянуты эти вельможи в списках двора Арташира I и Шапура I в надписи ŠKZ. Эти пэры (по выражению Э. Херцфельда) следуют в списках знати *гахнамаков* сразу же за представителями рангов štdl'ly и BR BYT'. Им предшествуют лишь bythš (при дворе Арташира I 'rthštr ZY bythšy (при дворе Шапура I — šhpwhry ZY bythšy) и hz'lwpt (при дворе Арташира и Шапура — r'pky). В греческой части надписи дается только транскрипция обоих этих титулов. В надписи NPK род Варазов не упомянут. При дворе Арташира I непосредственно после этих пэров, а при дворе Шапура I и Нарсе — и до них упоминаются 'sppt (MP), 'sppty (Prth.) — «начальник кавалерии» (ср. данные архива Нисы, где в нескольких документах, например Nov. 218 с датой 66 г. до н. э., упомянут «главный начальник конницы» — mzn 'sppty [см. Дьяконов — Лившиц, 1966, с. 141]). В парфяанское время этот титул носил, возможно, представитель рода Суренов [см. Шомон, 1961]. До сих пор неясно, что такое sp'dpty (Prth.) — титул («военачальник») или знатная фамилия.

⁵⁹ [Кристенсен, 1936, с. 98—99, примеч. 2]. Возможно, эти роды возвысились в более позднюю эпоху (к роду Спендиадов принадлежал Михр Нарсе — первый министр сасанидского двора при Ездигерде II, к роду Михран — знаменитый военачальник Хормизда IV Бахрам Чубин), и их представители создали свои генеалогии с целью подчеркнуть древность рода. В надписи ŠKZ на одном из последних мест в списке придворных Шапура I упомянут, возможно, Михранид ('ršt't ZY dpyr ZY mtr'n ZY MN l'dy (MP); 'ršt't mtrn pty rgrwrtk SPR' (Prth.), греч. ἐπί ἐπιστολῶν «Арштат, эпистолограф, Михранид из Рея», возможен также перевод «сын Михра»). О принципиальном сходстве списков знати в ŠKZ (имена с окончанием -akān понимаются как *nomina gentilitia*) с древнеармянскими *гахнамаками* см. [Периханян, 1968а, с. 40—45; Шомон, 1966, с. 471—497]. Быть может, более специальным термином для глав знатных родов был термин ktkhwt'y (как будто бы об этом говорит порядок употребления терминов знати в NPK), аналогичный армянскому pahapetk' tanutērkt'. Впрочем, «Карнамак» дает иное тождество: ktkhwt'y = MR'HY; MLK', что устанавливается скорее по контексту: 'HL MN mlg ZY 'lksndl ZY hlwm'yg 'yr'nštry 200 W 40 ktkhwt'y YHWWNt (1).

⁶⁰ Crassus. XXI, 6—7. Согласно Плутарху, Сурен — первый среди парфянской знати, и привилегией его рода является коронация царя из династии Аршакидов. Другой представитель этого рода, также близкий царю царей, упоминается Тацитом (Annales, VI, 42).

⁶¹ О происхождении родов Сурен, Карен, Аспახбед подробно сообщает армянский историк Моисей Хоренский (История Армении, кн. II, гл. XXVIII): Карен, Сурен и Арташес и их сестра Кошм, которая была замужем за «начальником кавалерии» (снах-

бедом), были детьми парфянского царя Аршавира (его отождествляют обычно с Фраатом IV). По договору Арташес стал править страной в качестве царя, а Карен, Сурен и Кошм Аспахбед получили уделы на Востоке (в Балхе, у Моисея Хоренского — Пахл) и поэтому стали называться «пахлавуни». Это сообщение Моисея Хоренского вряд ли заслуживает внимания [ср. Кристенсен, 1936, с. 98—99] из-за ряда анахронизмов, наивных этимологических построений и общей искусственной конструкции «генеалогии происхождения», столь характерной для труда Моисея Хоренского. Кроме этих знатнейших родов в списках знати ŠKZ упоминаются представители еще более двадцати знатных фамилий. Среди них наиболее значительными (судя по месту их упоминания в списках) были Фарреканы и Васпухраканы (Аспаруканы).

⁶² Тот же титул имеет и родоначальник (?) династии Сасан, который, судя по арабским источникам, правил небольшой областью в округе Истахра.

⁶³ «Владельцы»: Zwl'dčyn (Зурад), Lšwmčyn (Лашом), Syk'n (Махелония), Bwlspčyn (Борсиппа), 'n]tywhčyn (Антиохия) и др.

⁶⁴ KKZ: 'Pm 'whrmzdy MLK'n MLK' kwl'py W kmly YHBWNt.

⁶⁵ Судя по надписи KKZ, это было высшей ступенью карьеры Картира. Восторг по поводу нового положения прорывается даже через протокольные формулировки надписи; (7—8) 'whrmzdy W yzd'n W NPŠH lwb'n l'dy ZKm BYN štry 'ptly g'sy W p'thštry 'BYDWN 'Pm g'sy W p'thštry ZY wčlk'n YHBWNt — «(Во имя) Ахурамазды и богов и души своей ради этот (т. е. Варахран II) в стране пожаловал мне высочайшее положение и владительность. Дал он мне место и владительность wčlk'n». Интересно отметить, что в своей надписи KNRj Картир титулует себя MR'HY (последняя строка: «написано Бухтаком, писцом Картира, MR'HY»). В то время полный титул Картира гласил: «Хранитель души (духовник) Варахрана, *магупат* Ахурамазды, владыка храма Анахит-Артахшатр в Истахре».

⁶⁶ Ammianus Marcellinus, XVIII, 5—6. Ср. глоссу из источника XI в. «Ноуруз-наме» (речь идет об обычаях при сасанидском дворе): «Перстень без печати — что голова без кулаха (тиары), а голове без тиары не подобает присутствовать при царских советах».

⁶⁷ Денак — дочь Папака, Пероз (BR BYT') и Нарсе (BR BYT').

⁶⁸ Четыре сына царя царей Шапура: царь Мешана (старший сын) по имени Шапур; царь Гиляна Варахран (впоследствии шаханшах Варахран I); великий царь Армении Хормизд Арташир (будущий шаханшах Ирана); царь «Сакастана, Турестана и Инда до побережья моря» Нарсе (будущий шаханшах Ирана) и Атур-Анахит — дочь и старшая жена (MLKT'n MLKT') Шапура I.

⁶⁹ Упомянуты жена царя Мешана по имени Денак (с титулом туš'n MLKT') и жены Нарсе — Шапурдухтак и Хормизддухт.

⁷⁰ Хормиздак — сын Хормизда Арташира, Хормизд, Пероз, Хормиздак, Отобахт, Варахран, Шапур — сыновья царя Мешана и его дочь Шапурдухтак.

⁷¹ Два Нарсе, два Сасана и Валахш (сын Папака). Всем этим персонажам, а также уже умершим членам рода — родоначальнику (?) Сасану, его сыну — царю Парса Папаку, старшему сыну царя Парса — Шапуру, младшему сыну — первому сасанидскому шаханшаху Арташиру I, его жене (матери Шапура I) Мардут, а также связанным родственными узами с родом Сасанидов царице Истахра (?) Хоранзем и ее дочери Вараздухт, приносились жертвы: ежедневно — один ягненок, полтора модия зерна (lgruw 5 hwrp; для hwrp — «горсть» (мера объема), см. [Дьяконов, 1959, с. 70—92] —

данные из писем Аршамы: управляющий именем Аршамы получал в день 2 hwpn белой и столько же черной муки) и 4 p's (мера неизвестна, в греческом тексте — $\pi\alpha\tau\alpha\tau\alpha\varsigma$) вина. Жертвы эти приносились из «сверхдохода» (tlykrušyn) от стад, земель и виноградников, которые были пожалованы Шапуrom I пяти памятным храмам, основанным рядом с «Каабой Зороастра» (ŠKZ: TNHē PWN pršty). Эти храмы были основаны «в память души и (сохранения) имени» (MP: PWN lwb'n W ptn'm; Prth.: pty 'rw'n W p'sn'm греч. $\epsilon\iota\varsigma \dots \mu\epsilon\iota\acute{\nu}\alpha\nu \kappa\alpha\iota \delta\acute{o}\nu\mu\alpha\tau\omicron\varsigma \sigma\upsilon\nu\tau\eta\rho\eta\varsigma\iota\nu$) четырех сыновей и дочери Шапура I.

⁷² Этот совет в кризисный для Ирана период возвел на престол шаханшаха Нарсе (NPK: shpwhry hlgwpt, nrshy ZY BR BYT' ZY s[snk'n] p'pky ZY bthšy, 'rthštr ZY hz'lwpt, 'rthštr swlyn, rhšy sp'hpt, 'whrmzd wr'č, 'rthštr ZY thm š[hpw hr hštrp]...).

⁷³ Подробное описание архитектуры Нисы и Мерва содержится в ряде отчетов Южно-Туркменистанской археологической экспедиции.

⁷⁴ Эдесса принадлежала к «эллинистическому ареалу» парфянского государства (об этом подробнее см. ниже), и многие обычаи в ней были адаптацией селевкидских традиций, стойко державшихся не только в парфянский, но и в сасанидский период [Уэллес, 1935]. Эта адаптация (как и во многих других аналогичных случаях) весьма колоритна: шейхи арабских племен, селившихся вокруг Эдессы, выступают в официальных документах под греческим термином $\varphi\upsilon\lambda\alpha\rho\chi$ и при дворе Абгара титулуются селевкидским $\varphi\acute{\upsilon}\lambda$ и. Однако при этом можно проследить и чисто парфянские черты.

⁷⁵ К. Уэллес [1935] и Р. Мак Доуэлл [1935a] считают, что парфянский двор был аналогичен селевкидскому, однако этому мнению противоречит ряд известий античных авторов (Посейдоний, Филестрат и др.). Это отметил, в частности, Э. Бикерман: «The people of Antioch gave the Seleuci and Antiochi funny names „the aquiline nose“ (Grypos) just as the people of Naples called Ferdinand II „Nasone“. It is difficult to imagine humour at the expense of Arsacides» [Бикерман, 1966б, с. 114]. Устройство сасанидского двора подробно известно из ряда среднеперсидских сочинений, таких, как «Хосров и его паж» [Унвала, 1921], «Аин-наме», «Тадж-наме» (отрывки из них дошли в арабских переводах) и ряда других.

⁷⁶ Известно, например, что многие обычаи сасанидского двора и придворного этикета были заимствованы Византией. Эдиктом Диоклетиана в 398 г. был введен в качестве императорской инсигнии заимствованный у Сасанидов царский венец — золотая диадема, украшенная драгоценными камнями (Chron.min., II. 149; Marcellinus, 2, 69). Кроме того, тогда же был заимствован восточный обычай падать ниц перед императором и лобызать край его одежды.

⁷⁷ Этот титул упомянут в ŠKZ и при дворе царя Парса Папака.

⁷⁸ Надпись на одной из позднесасанидских печатей см. [Хеннинг, 1958, с. 45].

⁷⁹ Упомянут в надписи ŠKZ при дворе Шапура I. В позднесасанидских источниках этот титул, насколько известно, не встречается.

⁸⁰ В греческом тексте надписи ŠKZ дана транскрипция этого титула.

⁸¹ В «Ayādgar ī Wuzurgmīhr» упомянуты титулы этого знаменитого вельможи: h'rgwpt, š'pstn, š'hry 'ntwyk hwsldwy dlykpt — «глава налоговых сборов, евнух и гофмейстер дворца в городе Антиохия-Хосров». В «Хронике Сеерта» упоминается титул tšāgarat.

⁸² Ср. упоминание о вельможе сходного ранга у Фавста Бузан-

да. Он одет в военную одежду, на официальных приемах стоит рядом с царем и держит «царский меч в золотых ножнах, с украшенным драгоценными камнями и жемчугами поясом».

⁸³ Ср. арм. *gund-n matean*. Полк «бессмертных» — институт, известный и при Ахеменидах, упоминается Прокопием, Теофрастом и другими византийскими историками для позднесасанидского времени.

⁸⁴ Титул *zynd'nyk* в значении «тюремщик, палач» засвидетельствован в Талмуде [см. Телегли, 1935].

⁸⁵ В греческой надписи *ŠKZ* этот титул переведен τοῦ ἐπὶ τῆς ἀνωρύης. Другим титулом, обозначающим интенданта, был *mtkdr*. Он встречается в одном из граффити Дура-Европоса (его носил некий *Mnyš BRY Mnyš*).

⁸⁶ В парфянских остраках из Нисы упомянуто несколько казначеев — чиновников, видимо, весьма высокого ранга [Дьяконов — Лившиц, 1960, с. 19].

⁸⁷ В *ŠKZ* греческий перевод титула: τοῦ ἐπὶ τῆς πάθουης.

⁸⁸ Греческий перевод τοῦ ἐπὶ τοῦ κυνηγίου; в Талмуде зафиксировано заимствование из среднеперсидского: *nshčirkañ*.

⁸⁹ Греческий перевод τοῦ ἐπὶ τοῦ οἴνου в документах из Нисы — *hwrygb* — «кравчий». В греческой версии *ŠKZ* переводчик не смог подобрать соответствующих греческих эквивалентов таким титулам, как *plstkpt*, *dlyk'n sld'r* и др., в отличие, скажем, от титула *print'r* (ἐπίτροπος ср., например, в надписи 267 г. из Пальмиры, где местный чиновник сходного ранга упомянут с арамейским титулом *rb trbs* и греческим эквивалентом ἐπίτροπος : *CIS*, part II, t. III, 1926, № 3940—3941) или *w'č'lp* (ἡγοράνυμος, в Пальмире I в. н. э. — *rb šwg*). Быть может, это еще раз свидетельствует об отличии парфянского (и раннесасанидского) двора от селевкидского.

⁹⁰ Так, например, Ктесий (Diodorus, II, 32, 4) использовал в качестве источника «(βασιλικά) διφθέραι ἐν αἷς αἱ Πέρσαι τὰς παλαιὰς πράξεις κατὰ τὰ νύμου εἶγος συντεταγμένας».

⁹¹ В одном из источников об Эдессе сообщается, что при Абгаре «и во всех других владениях царя Абгара все то, что приказывает царь, все то, что говорится в его присутствии, записывается [его секретарем] и хранится в архивах» [Уэллес. 1935].

⁹² В *SKZ* с этим титулом упомянуты сестра и жена Арташира I Денак и дочь и жена Шапура I Атур-Анахит. Среди парфянских источников сходный титул засвидетельствован на монетах Фраатака с портретом его матери и жены Музы. Вероятно, жена Арташира I Денак изображена на аметисте из коллекции Эрмитажа [Борисов — Луконин, 1963, с. 48]. Надпись на гемме все же дефектна в последней строке: *dynky MLKT'n MLKT' mhysty PWN tny š'pstn*. В. Б. Хеннинг предлагает перевод «*ober-Leib-Eunuchen*» [Хеннинг, 1958, с. 45], полагая, что печать принадлежала (или на ней изображена) «Владычице евнухов» Денак. Однако инсигнии портрета, бесспорно, инсигнии царицы цариц. Кроме того, титул *š'pstn* (Prth. špystn) носили крупнейшие государственные чиновники. Быть может, все же надпись следует переводить *mhysty PWN tny š'pstn* — «владычица над *tny š'pstn*», т. е. «над жительницами гарема» и понимать всю надпись как полный титул царицы цариц Денак.

⁹³ Например, Денак — жена сына Шапура I, царя Мешана Шапура; Шапурдухт — жена (и, возможно, сестра) другого сына Шапура I, Нарсе, царя Сакастана (ее титул *skn MLKT'*).

⁹⁴ Мардут — *ML'T'* — младшая (по рангу) жена Арташира I, мать Шапура I, Нарседухт — младшая жена (и, возможно, дочь) царя Сакастана Нарсе (титул *skn ML'T'*). Мать Папака, жена родо-

начальника династии Сасана, Денак (Сасан имел титул MR'HY; Папак — титул MLK'), которая еще значится в составе двора своего внука Арташира I (на одном из первых мест), не носила никакого титула.

⁹⁵ Надпись на гемме [Борисов — Луконин, с. 48, № 46, табл. III].

⁹⁶ Например, Селевкия и др. О характере городов при Селевкидах см. также [Дьяконов М., 1961, с. 167—173].

⁹⁷ Античные авторы различают в Месопотамии «греческие» и «парфянские» («варварские») города [см. Чериковер, 1927, с. 97].

⁹⁸ [Ростовцев, 1932, с. 5—25]. Последняя по времени работа о системе оформления документов на Востоке [Фрай, 19666].

⁹⁹ См., например, Р. Duga 25 [Уэллес, 1934а, с. 379—380; 1959, с. 126—141]. Податной район в пальмирских надписях назван греческим термином $\lambda\iota\mu\acute{\eta}\nu$ [Ростовцев, 1932, с. 20].

¹⁰⁰ Археологические раскопки выяснили, что агора в парфянский период была застроена лавками.

¹⁰¹ Селевк, сын Лисия, был стратегом и эпистатом в 50 г. н. э., стратегом и геноархом в 61—62 гг.; Лисий, сын Лисия, внук Селевка, — стратегом и эпистатом в 136 г. и т. д. Лисии владели крупными земельными угодьями в «городской округе», например виноградником у деревни Набагафа (Р. Duga 18).

¹⁰² Например, Р. Duga 20: Метолбай — *φρουραρχ* (начальник городского ополчения? вряд ли парфянского гарнизона города) и все члены городского суда [Уэллес, 1959, с. 109—116].

¹⁰³ Р. Duga 20. Титулатура Манеса, сына Фраата, в этом документе вызвала много споров [Ростовцев — Уэллес, 1931; Периханиян, 1956, с. 47—48; Фрай, 1962а, с. 352—354].

¹⁰⁴ Все «деловые» даты (например, год возвращения долга и т. д.) даются обычно по селевкидской эре.

¹⁰⁵ Во всяком случае, Артабан настаивает на нарушении городской конституции Суз, утверждая избрание на второй срок (без перерыва) казначея ($\tau\alpha\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$) Гестиея. Ср., однако, мнение В. Тарна [1938, с. 30].

¹⁰⁶ Селевкия была захвачена Митридатом I в 141 г. до н. э. На монетном дворе Селевкии, крупнейшем в Парфянской империи, чеканились не только местные монеты, но и тетрадрахмы [Мак Доуэлл, 19356].

¹⁰⁷ Селевкия на Тигре упоминается в пальмирских надписях вплоть до 24 г. н. э., когда построенный парфянами Вологазкерт занял ее место в транзитной караванной торговле. Тем не менее Селевкия и после этого являлась крупным портом, в который шли товары из Индии. В Селевкии были найдены, в частности, печати чиновников — сборщиков налогов за право причала в гавани [Мак Доуэлл, 1935а, с. 128, 130].

¹⁰⁸ По мнению Р. Мак Доуэлла, городскую аристократию составляли преимущественно греки — крупные банкиры и торговцы [Мак Доуэлл, 19356, с. 224], однако нет оснований не доверять, например, Иосифу Флавию, который сообщает, что в аристократическую партию входили сирийцы и евреи. В Селевкии, несомненно, шел тот же процесс внедрения в аристократию негреческого населения, который был отмечен и для Дура-Европоса.

¹⁰⁹ То, что Фраат, упомянутый в письме Артабана III Сузам, и Фраат, имевший, по словам Тацита, «значительную префектуру» и включившийся в борьбу Артабана III с Тиридатом, — одно и то же лицо, было доказано Ф. Кюмоном [1932, с. 249—250].

¹¹⁰ «Филархii», «архифилархii». Согласно Арриану, царь Эдессы Абгар носил титул филарха, «так как его области (χωρία) назывались φυλαί » (Агг., Parth., fr. 42).

¹¹¹ «Доктрина Адды»: «343 г. царствования греков, при правлении господина нашего Тиберия, императора римлян, и при правлении царя Абгара, сына Ма'ну, второй день первого Тишрин. Абгар Ухама отправил послами Марихаба и Шамашаграма — „первых и наиболее почитаемых друзей и телохранителей“, и с ними Ханнама — секретаря и архивиста» [Уэллес, 1935, с. 126, примеч. 21].

¹¹² В Пальмире в позднюю эпоху существовала система четырех фил, каждая из которых объединяла несколько племен, возводящих себя к общему предку по патронимической линии (например, «сыны Меттабола», «сыны Забдибола» и т. д.). В Эдессе фил было, видимо, больше. Филы и отдельные племена имели свои культовые сооружения.

¹¹³ Это явствует, например, из сравнения двух датировочных формул: 1) «15 год Траяна и 3 год царя Абгара (VII), что соответствует 460 г. эры Александра, во время верховного жречества Шарбела и Барсаумы»; 2) «В 618 г. эры Александра, 14 год Диоклетиана, в стратегию Аббы и Абгара, сына Зоора... при епископстве Канны» [Куретан — Райт, 1864, с. 41].

¹¹⁴ В Р. Dura 2J это 400 драхм серебром, в Р. Dura 19—1000 драхм. Ср. также условия аренды в авроманских пергаментях.

¹¹⁵ Так, например, согласно Табари (I, 820), Арташир I основал восемь городов, из них три в Персиде (Арташир-Хварра, Рам-Арташир, Рев-Арташир), один в Ахвазе (Хормизд-Арташир), два в Саваде (Вех-Арташир и Астабад?), один в Бахрейне (Паса-Арташир) и один около Мосула (Нуд-Арташир) [Нёльдеке, 1879, с. 16, 20].

¹¹⁶ В одном из граффити указана дата первого вторжения: «В 550 г. персы напали на нас» (The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report. Vol. IV, с. 112, № 233). В SKZ захват Дура-Европоса упоминается дважды (в 256 и в 260 г.). В надписях сасанидских солдат на фресках синагоги Дура-Европоса упоминаются даты: «месяц фравартин, год 15, день рашн» (№ 42); «месяц михр, год 14» (№ 43, 50); «месяц михр, год 13» (№ 45) [Крелинг, 1956, табл. XLIV—XLVI]. Даты — по годам царствования Шапура I, т. е. 256—258 гг. Несколько более поздние даты встречаются в иных граффити.

¹¹⁷ Парфянские острака, пергаменты и граффити (см. [Хеннинг, 1959; Харматта, 1957, 1958; Гайгер, 1956, табл. XLIV—XLVII]; CII, vol. III, Portf. I).

¹¹⁸ Так он назван в парфянских острака.

¹¹⁹ Таков его титул во фрагменте парфянского письма на пергаменте (Р. Dura 153).

¹²⁰ Перевод Я. Харматты этого фрагмента: «От Третона — Рашну, хватаву. Приветы (далее — обычная приветственная формула). В виноградунике, называемом ... находится в порядке (все имущество) господина».

¹²¹ thmy — вероятно, обозначение военного отряда.

¹²² Надпись на одной из глиняных булл: центр: nhlmlky («царский канал») ZY wldhšp'ty mgwh (по кругу): wyh 'lthštly (на другой булле — wh 'lthštl štldst'n) [Марик, 1959, с. 267—268; Херцфельд, 1938, рис. 8, с. 418].

¹²³ SKZ, MP: lstk ZY why 'rthštr štrp.

¹²⁴ SKZ. После перечисления областей и государств, входящих в Ираншахр, в надписи говорится: W 'BD [Wm prgwz ššypwhr] SMH dhkhštr W 'BDWm 'whrmzd 'rthštr (сверху добавлено: ššypwhr) SMN,

букв. «и назвал я dhkhštr Пероз-Шапур и Хормизд-Арташир». dhkhštr, возможно, «опустошенная земля». Таким образом, завоевав область в Месопотамии, Шапур I основал в одном из разрушенных в результате войны районов Сузианы (совр. Ахваз) новый город (интерпретация этой фразы А. Мариком: «et nous avons donnée à un fier (dnk «donné, fondé»+hštr «pays, région») le nom de Pérôz-sapor et nous avons donné un nom à Hormizd-artachir» [Марик, 1958, с. 332] — кажется мне сомнительной). Город Хормизд-Арташир (столица Хузистана, после Шапура II заменившая Сузы) упоминается в сасанидском «Судебнике» [де Менаж, 1964].

¹²⁵ SKZ: $\pi\acute{o}\lambda\iota\nu\ \sigma\acute{o}\nu\ \tau\epsilon\rho\chi\acute{o}\rho\omega$ Prth.: MHWZ' 'M prybr hmkwsy; MP: štrdstn MN prw'ry KHDH — «город вместе с сельской округой». Термин prybr (Prth.) — prw'ry (MP) употребляется в этой надписи как собирательный, ср., например, (Prth.) W 'swry' hštr WMH 'pr 'swry hštr prybr YHWt (греч.: $\acute{\epsilon}\theta\nu\eta\ \kappa\alpha\iota\ \tau\epsilon\rho\chi\acute{o}\rho\iota$) — «Сирия и сельские местности, которые имеются в области Сирии». В «Карнамаке» термин prwār означает, возможно, «внешнюю сторону», защищающую городской оазис (указано В. А. Лившицем).

¹²⁶ Ср., например, надпись из района Бирджента [Хеннинг, 1953, с. 134]: gry 'rthštr nhwdr W hštrp.

¹²⁷ В. В. Тарн [1930, с. 23—33; 1938, с. 1—3, 113] считает, что сатрапии парфянского времени соответствовали селевкидской епархии. Итинерарий Исидора Харакского упоминает 18 сатрапий — те, через которые проходила царская дорога.

¹²⁸ В «Книге Эсфири», отражающей парфянское деление на сатрапии, говорится о 127 medīna [Виденгрэн, 1957, с. 218].

¹²⁹ Еще и в IV в. в состав Ираншахра входили самоуправляющиеся города и полувзависимые царства, например Сузы. Около 350 г. в Сузах вспыхнуло восстание против Шапура II, город был окончательно разрушен, и недалеко от него возник новый город — Иран-Хварре-Шапур.

¹³⁰ MhD A 27—13, 28—3; A 26—17, 27—4 и др. Всеми данными «Судебника», касающимися административного устройства Ирана, я обязан любезности А. Г. Периханян.

¹³¹ Mhd 78 11—14 упоминает pāmāk nidān-ī ātaxš ī Xurram-Artaxšahr ī Artaxšahr Xvarra (храмовой архив из деревни Хуррам-Арташир округа Арташир-Хварре).

¹³² Города и области позднесасанидского времени помимо известного сочинения «Города Ирана» [Маркварт, 1931] упоминаются и на глиняных буллах.

¹³³ На ранних монетах Персиды (до конца II в. до н. э.) титул государя — pṛtrk' ZY 'LHY' — «божественный правитель». Затем (в так называемой третьей серии монет) титул чеканится на монетах по формуле: X (имя царя, в более позднее время — bgy X) MLK' BRH Y (позднее — bgy) MLK' (например, d'rvw MLK' BRH wtpṛdt MLK' — см. [Хилл, 1922, с. CLX—CLXXXIII; ср. Хеннинг, 1958, с. 25]).

¹³⁴ Подробнее см. [Хеннинг, 1952а].

¹³⁵ Josephus Flavius. Antiquitates, XX, 3. Речь идет, видимо, о возведении Изада II в ранг парфянской знати, поскольку тиара и драгоценный трон являлись инсигниями власти.

¹³⁶ Талмуд: Schebuot 6a, Sinhedrin 5a, Sabbat 55a, Succa 26a и др.

¹³⁷ См., например, Josephus Flavius. Antiquitates, XX, 3.

¹³⁸ Характерен, например, рассказ Иосифа Флавия (Antiquitates, XIX, 8, 1) о съезде в Тивериаде царей Коммагены, Эмеса и Понта, разогнанном римским наместником Вибием Марсом, «так как он по-

лагал, что столь тесное общение нескольких правителей между собой не может быть особенно полезным в римских интересах».

¹³⁹ Кроме надписей о существовании таких царств свидетельствуют и другие источники. Известны, например, монеты Арташира, царя Сакастана (также упомянутого в SKZ). Эти монеты (легенда парфянским письмом), как показал Д. Мак Доуэлл [1965, табл. XII, № 11], по типу восходят к монетам индо-парфянской династии. Возможно, именно царям Сакастана принадлежал дворец в Кух-и Ходжа, раскопки которого были начаты Э. Херцфельдом.

¹⁴⁰ Такой порядок обусловлен, очевидно, традиционной иерархией царств (ср., например, NPK: W p'rsy W plswby — «и персы, и парфяне»).

¹⁴¹ Описание Ираншахра восходит к формулам ахеменидских надписей, в которых также перечисляются именно административные округа (сатрапии), например, Dag. Beh., I столбец, стк. 12—20.

¹⁴² В надписях на буллах позднесасанидского времени (VI—VII вв.), найденных в Каср-и Абу Наср, в районе Шираза, упоминаются m'd kwst, 'hmt'n kwst. Ср. также: kust i Xwarāsān в «Городах Ирана».

¹⁴³ Надпись Картира NRu-SM (стк. 34—40 NRu, с лакунами): «...Благодаря мне многие огни и маги по всей стране иранской (štly ZY 'y'l'n) в ... Месене, Адиабене, Атурпатакане, Исфахане, Рее, Кермане, Сакастане, Гургане, Мерве ... вплоть до Пашкабура стали процветающими. И также в не-Иране ('nyr'nštry) ... в Антиохии, городе и в сирийской стране, и в провинции Сирия, в Тарсе, городе и стране киликийской, и вплоть до киликийских пределов, в Кайсарии, городе в каппадокийской стране, и вплоть ... и вверх до Греции, в Армянской стране, и Иберии, и Махелонии, в Баласакане, и дальше до „Албанских ворот“».

¹⁴⁴ Помимо этих четырех «сторон» существовали и округа — в основном как податные единицы (в позднесасанидскую эпоху насчитывалось 37 таких округов).

¹⁴⁵ На царском совете «случилось быть одному из известных персов, по имени Гусаназад, по названию Ханаранг; это значит у персов полководец, который в отдаленнейшей части персидской земли правил в области, соседней с эфталитами» (Procopius Caesarensis. De Bello Persico, I, 5).

¹⁴⁶ Полное издание этих булл сейчас подготавливается.

¹⁴⁷ Например, в одной из статей «Судебника» упоминается приказ Хосрова I о замене титула *магуната* Фарса на его официальных печатях: по приказу шаханшаха он должен теперь называться «адвокатом бедняков». На одной из булл мы действительно встречаем надпись: sthly dlgwš'n y'tkgwby W d'twbly [см. Хеннинг, 1958, с. 46]; тот же титул: yzdšpl dlygwš'ny y'tkgwby W d'twbl — на булле из частной коллекции, опубликованной Р. Гиршманом [1962, рис. 303], и на булле, изданной Э. Херцфельдом: mgwpt hwsldw š'tkw'ty (вместо dlgwš'ny y'tkgwby [см. Херцфельд, 1938]).

¹⁴⁸ MhD: nisang (pahang) — 78.3, 13; tasūk — 100.6, 15 [см. Периханян, 1973].

¹⁴⁹ *Останы*, или w'spwtl'k'n; подробнее см. [Периханян, 1956]. В сочинениях арабских авторов встречаются и иные термины для обозначения административных единиц сасанидского Ирана. Например, kūga (от *قوة*, ср. [Табари, 814; Нёльдеке, 1879, с. 3, примеч.]). Ибн Хордадбех (с. 5—6) упоминает о том, что Савад делился на 12 kūga, каждая из которых соответствовала *остану* (например, «кура-остан Шад-Кобад» и др.).

¹⁵⁰ Например, A 26, 11—16 — xwēškārīh-nāmay ī mowbedān,

¹⁵¹ Среди булл Каср-и Абу Наср особенно часты печати *māgōš*, но встречаются и печати *хамаркаров*. Формула таких официальных печатей в основном стандартна: X (название города или села) *mgw ZY Y* (название округа), например *šyl'cy* (Шираз!) *mgw ZY 'rthstr GDH* (Арташир-Хварре). Найдены также оттиски печати *магуната* Фарса, упоминаемого и в «Судебнике» [Уилкинсон, 1936, с. 180—182].

¹⁵² В *MhD* упоминается, например, надел, доходы с которого должны были идти на вооружение всадника. Этот надел в случае смерти его владельца должен был быть возвращен казне (А 77, 6—9). Однако наследники владельца могли сохранить надел, если вступали в персидскую кавалерию — существовал «список всадников» (*aswagān pibeg*), куда были занесены держатели наделов и их сыновья. Участок мог быть отобран в царскую казну, если, например, в случае смерти владельца наследник не уплатил задолженности по налогам.

¹⁵³ Титулы *пйтиахи* и *фраматар* при дворе Шапура I упоминаются дважды: *пйтиахи* Шапур упомянут сразу же после членов рода Сасанидов, *пйтиахи* Кирдисров (*MP kltslwby — κῆρδίσρω*) после перечисления *шахрабов* главных «царских городов»; *фраматар Вахунам* — на почетном месте, сразу же после перечисления перов, *фраматар* Шапур — на одном из последних мест, но перед главным судьей.

¹⁵⁴ Печать Британского музея: СII, IV, 1968, табл. XVII, № 1, Дата печати — V в.

¹⁵⁵ Печать Государственного Эрмитажа [Борисов — Луконин, 1963, № 46, с. 48, 82 (надпись 3); дата печати — VI в.

¹⁵⁶ В эту эпоху появляются, например, *магунаты* отдельных областей.

¹⁵⁷ Последняя по времени надпись с этим титулом — на блюде из Мххеты [Хеннинг, 1961]. Однако в Грузии и Армении этот титул использовался очень долго [Пальяро, 1929]. Об этом титуле см. также [Хинц, 1969, с. 153, 201, 206 («Vizekönig», «Zweiter im Reiche» (*dvitiya), «Vizekönig Irans»); Хеннинг, 1961, с. 355 («Viceroy or Resident»); Пальяро, 1954, с. 143 («King's eye»).

¹⁵⁸ [Фрай, 1956, с. 318], со ссылкой на Агафангела, который сообщает о том, что царь Армении был вторым по рангу в империи персов [ср. Бейли, 1930, с. 64]. Однако в этом случае у Агафангела скорее отражена иерархия при персидском дворе полузависимых царей.

¹⁵⁹ [Хеннинг, 1965, с. 81]. Ср., однако, [Кристенсен, 1944, с. 113]: *hazārabadh* = «премьер-министр».

¹⁶⁰ В сходном значении в согдийских документах с горы Муг употребляется титул *rgm'nd'g* [Лившиц, 1962, с. 134].

¹⁶¹ Mac'уди. Танхис. с. 103—104; *buzurg framāndār* — везир. Титул ОАЗУРКО ФРОМАДАРО, заимствованный из среднеперсидского, вырезан из одной из эфталитских гемм: [Бивар, 1961, с. 321—322].

¹⁶² Вузург-фрамадар — Хосров-Ездиегерд на соборе в Селевкии; Михр-Нарсе в надписи из Фирузабада.

¹⁶³ *Фраматар* Вахунам был главой придворной партии, возведшей на престол Варахрана II [Луконин, 1964].

¹⁶⁴ (*h*)argurat(*i*) из др.-ир. **harāg* от араб. *harāk*, акк. *ilku* [Хеннинг, 1958, с. 41; Фрай, 1962а, с. 353]. Титул (*h*)argurat(*i*), возможно, путался (в парфянское время) с другим титулом *ἀρχαπάτης* Фраат в Дура-Европосе (Р. Dura 28), *αρχαβδης* Михр-Шапур у Феофилакты Симокатты (III, 18), *argarat* Септимий Ород, сын пальмирского царя Одената (его полный титул — *procurator, ducenarius*,

argarat), ἀρχαπέτης Баршапур, упомянутый Петром Патрикиём, — все они могли быть разными чиновниками, гражданскими («глава налогообложения» — hrgwpt) и военными («начальник крепости» — от ἀρχά). Ср. [Шомон, 1962, с. 11.—19]).

¹⁶⁵ В надписях Дербента — 'twrptk'n 'hmrkry; на одной из печатей — glmykn W nwt'rthštrkn hm'lkly — «хамаркар Гармай и Норширакана» (Мосул, см. [Хеннинг, 1958, с. 45]). В Британском музее находится печать еще одного хамаркара — Prth. tyryš 'hmrkry — «Тирич, хамаркар» (CII, vol. IV, pl. IX, № 3).

¹⁶⁶ [Мас'уди, Танбих, с. 103—104; Кристенсен, 1944, Экскурс II]. Ср. известный рассказ Табари о титулах сыновей Михр-Нарсе [Нёльдеке, 1879, с. 110], в котором отразилось скорее сословное деление Ирана (сословие жрецов, податное сословие и сословие воинов).

¹⁶⁷ Например, Ayādgār Бузургмихра, сына Бухтака, который был не только харгунагом, но и евнухом и гофмейстером одного из царских дворцов.

¹⁶⁸ В официальных китайских хрониках ко II в. до н. э. относится путешествие Чжан Цяня, предпринятое им, в частности, с целью разведать возможность торговли с Западом. Как сообщается, вскоре после путешествия Чжан Цяня в Китай были привезены «смена» винограда и люцерны [Бичурин, 1950, с. 161].

¹⁶⁹ Isidorus Charaxenesis. Mansiones Parthicae [Мюллер, 1855]. Список «заморских» товаров содержится, в частности, в «Дигестах» (III в. н. э. — Corpus Juris civilis. Vol. 1. В., 1905).

¹⁷⁰ Плиний называет столицу Маргианы «сирийским» городом (Plin., NH, VI, 47).

¹⁷¹ Например, в 5-й год после покорения Иудеи Римом доходы казны от иудейского бальзама (монополии фиска) составили 800 000 сестерциев (Plin., NH, XII, 118).

¹⁷² Надпись 193 г. [Лидзбарский, 1898, с. 458] составлена в честь синодарха Таймарсы. Его брат Иддай упомянут в другой надписи [Диттенбергер, 1970, № 638]; синодархом был и их отец. Упоминается, что Таймарса вложил в товары своего каравана «300 золотых старой чеканки».

¹⁷³ Примером является прежде всего таможенный тариф Пальмиры, датированный 137 г. [Диттенбергер, 1970, № 645; тариф хранится в Государственном Эрмитаже]. Налоги и пошлины взыскивали откупщики под наблюдением архонтов, декапротов и синдиков. Предметами обложения (в сохранившемся тексте) являются верблюды, возвращающиеся порожняком (за них взимался один денарий), пурпурная шерсть (вероятно, финикийская; шерстяная одежда, окрашенная в пурпур dibarha, по сообщению Плиния, стоила 1000 денариев за фунт), масло (пошлина на этот продукт была очень дифференцирована: верблюжья поклажа масла в алебастровых сосудах — 25 денариев, в мехах — 13 денариев и т. д.), кожи, вино, рыба.

¹⁷⁴ Помимо общеэкономических и социальных причин [см., например, Пигулевская, 1956, с. 150—152; Дьяконов М., 1961, с. 229—231] следует еще учитывать и длительные гражданские войны в Китае (с 184 г. — «восстание желтых повязок»), нарушавшие регулярную торговлю шелком.

¹⁷⁵ [Пигулевская, 1951, с. 207]. Освоив производство собственных шелковых тканей в VI в., Согд попытался наладить торговлю с Византией, минуя Иран. Византийские императоры, в свою очередь, пытались избавиться от монопольного положения на рынках иранских купцов. Византия и Тюркский каганат обменялись несколько-

ми посольствами (Menander, II, 454), после чего был установлен новый торговый путь через Кавказ, в обход Ирана (подробное исследование по этому вопросу: [Иерусалимская, 1967; 1978]).

¹⁷⁶ Издания: [Уилкинсон, 1936; Науман, 1965; Губаев, 1971; Фрай, 1969].

¹⁷⁷ О термине *hambay* — [Бартоломе, 1920, 13; 1915, 14; ср. данные о «товариществах» в сборнике Ишобохта (Syrische Rechtsbücher, III, Yišo' bokht, V, § 4); Пигулевская, 1956, с. 256—261].

¹⁷⁸ <Подробнее об аренде и арендной плате см.: The Cambridge History of Iran. Vol. 3(2). Cambridge, 1983, с. 659—661.>

¹⁷⁹ Подушная подать в государстве Селевкидов упоминается Иосифом Флавием (XII, 142), но лишь для Иерусалима.

¹⁸⁰ Corpus juris civilis. Vol. 1. В., 1905, L, 15, 3. В эпоху римского владычества с населения Сирии собирали те же налоги, что и в более раннее время — поземельный (*tributum soli*) и подушный (*tributum capitis*).

¹⁸¹ «Персидские цари брали до царствования Хосрова Ануширвана в качестве поземельного налога с разных округов то треть, то четверть, то пятую, то шестую часть урожая в зависимости от состояния орошения и состояния земледелия в округе» [Нёльдеке, 1879, с. 241].

¹⁸² Наиболее существенным материалом, позволяющим разрешить эту проблему, являются датированные тетрадрахмы, чеканившиеся в Селевкии. Даты регулярно появляются только с периода царствования Фраата IV. Обычно они содержат обозначения года (по селевкидской эре) и месяца чеканки (по македонскому календарю).

¹⁸³ Из последних публикаций находок в СССР следует упомянуть работы: [Капанадзе, 1955; Голенко — Капанадзе, 1968; Массон, 1949. Кроме того, см. Ле Ридер, 1965].

¹⁸⁴ Описание парфянской монетной системы в целом дает [Рос, 1903]. Кроме того, весьма важны следующие работы: [Марков, 1892; де Морган, 1936; Ньюэлл, 1938; Симонетта, 1948; Дайе, 1949] и др.

¹⁸⁵ Подробнее см. [Луконин, 1968]. При Арташире I, одновременно с введением в обращение золота, вес серебряной драхмы был повышен на 0,6 г (на вес одного «данака» — т. е. существовавшего номинала 1/6 драхмы).

¹⁸⁶ Вероятно, существовали также драхмы повышенного веса, о чем свидетельствует, например, следующий отрывок из Husraw Kawādān ud rēdag-ē [Унвала, 1917]: «pas šāhānšāh Māhhusrāw ī Anōš-husraw framūt kū yāwar ī pad čiš ī ēn rēdag abar rasēd 1200 drahm ī purg („полновесная драхма“) dahēd».

¹⁸⁷ Более детальную характеристику сасанидских монет III—V вв. см. в работе [Луконин, 1969a].

¹⁸⁸ Весьма интересные данные по этим вопросам содержатся, например, в ряде сирийских источников («Хроника Иешу Стилита» и др.), дающих рыночные цены на вино, зерно, масло, ткани для периода V—VI вв. как в урожайные годы, так и во время неурожая.

Надпись Нарсе в Пайкули и Бишапурский рельеф

¹ <Работа была впервые опубликована как глава в книге В. Г. Луконина «Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции» (М., 1979, с. 59—73). В последующие годы В. Г. Луконин продолжал заниматься этой темой. Он успел использовать публикацию дополнительных блоков надписи Нарсе в Пайкули [Хумбах, 1978], но не смог привлечь более поздние работы

Х. Хумбаха и П. О. Шэрвё, посвященные реконструкции, чтению и переводу текста [Хумбах — Шэрвё, 1980; Шэрвё, 1983а]. В настоящее издание вместо отрывка текста (с транслитерацией) включен полный перевод надписи из Пайкули, выполненный В. Г. Лукониным в 1980 г. При этом транслитерация надписи не приводится, за исключением отдельных слов и выражений, вынесенных в примечания к переводу, поскольку читатель располагает теперь транслитерацией текста и переводом, выполненными с учетом дополнительных блоков надписи [Хумбах — Шэрвё, 1980; Шэрвё, 1983]. В издании П. О. Шэрвё, к сожалению, не была учтена книга В. Г. Луконина «Иран в III веке». В отдельных случаях, когда имеются значительные различия между переводами В. Г. Луконина и П. О. Шэрвё, в примечаниях (в угловых скобках) даны для сопоставления ссылки на перевод П. О. Шэрвё.>

² Ср. хронологическую систематизацию монет — [Луконин, 1979, с. 39—54]. Сознвая, сколь опасны всякие заключения по поводу возраста и родственных связей различных исторических деятелей этой эпохи, к тому же до недавнего времени известных только по именам, я все же лишь в этом случае хочу напомнить, что, поскольку в SKZ (260 г.) имя Варахрана II не упомянуто (а оно должно было быть упомянуто, если он родился к этому времени, — ср. упоминание имен детей всех, кроме Варахрана I, сыновей Шапура I), к моменту восшествия на престол ему могло быть не более 16 лет.

³ В известной мне литературе не приводилось никакой интерпретации этого рельефа.

⁴ NPK, MP, стк. 45: W tyldt MLK' ... W 'mrgw lhm'dyn MLK' W 'mrgw 'pgrn'n MLK' (стк. 44—47 — текст MP, NPK с перечислением различных сторонников Нарсе, подробнее см. [Фрай, 1956]).

⁵ Нужно напомнить, что рельефы BD I и TQ вряд ли могли быть высечены при жизни Варахрана II: у царицы царик ин-сигнии, чем на монетах; в таком случае неясен смысл выделения фигуры *хазараната* Арташира как основного персонажа, неясен смысл инвеституры. Портрет Варахрана II (BD II) помещен ниже, чем BD I; он почти идентичен такой же одинокой фигуре Варахрана II в Гуйуме и мог быть высечен раньше BD I.

⁶ Надпись в Пайкули — NPK (Курдистан), открытая еще Г. Роулинсоном, была впервые полностью издана Э. Херцфельдом (1924). Э. Херцфельду удалось дать обоснованную реконструкцию надписи — [Хумбах, 1974, с. 84—85]. В дальнейшем NPK — самой большой из дошедших сасанидских надписей — посвящалось немало работ (библиографию до 1966 г. см. [Луконин, 1969а]). Две из них можно считать основными: [Хеннинг, 1952; Фрай, 1956. См. также: Попп — Хумбах, 1973, с. 38—46; Хумбах, 1974а, с. 199—204].

⁷ Перевод и комментарий этой части см. [Хеннинг, 1952].

⁸ Пехлевийский памятник, дошедший в новоперсидском переводе (с более раннего, арабского перевода, сделанного, очевидно, с пехлеви Ибн ал-Мукаффой). Составление «Письма Тансара» относят к концу VI в., хотя, несомненно, в нем отражены и более ранние традиции и обычаи. Перевод с персидского издания М. Миновы [1932, с. 39—40].

⁹ Восстановление см. [Фрай, 1956]. Впрочем, по мнению Х. Хумбаха, в этой части надписи могут быть серьезные нарушения порядка упоминания имен [Хумбах, 1974, с. 86].

¹⁰ В надписи несколько раз упоминается «царь царей Арташир».

¹¹ Достаточно привести наиболее «сохранные» части «literal translation» Э. Херцфельда: «И Вахунам, сын Татароса, и те злодеи, которые были приверженцами Вахунама и моими врагами, когда они

услышали, что мы из Армении в Ираншахр вернулись, (лакуна) Вахунам своей силой и (лакуна) Атурфарнбаг, царь Месены (лакуна) и царь Месены послание (лакуна) приверженцы царя придут, иначе, если царь саков РНУК (?), то тогда царя Месены это (лакуна) царю (лакуна) дает, пока царь Армении ДНУК (?). И поскольку плохой язык Атурфарнбагом был использован, ему было сказано (лакуна) как Вахунам не проявил настойчивости... и Вахунам, когда увидел с одной стороны лошади и люди. К (лакуна) ...и его на раненом осле (? лакуна) и раненый осел (лакуна)» и т. д.

¹² Ср. [Шэрвё, 1983, с. 28].

¹³ Ср. [Шэрвё, 1983, с. 28]: «и мы пребывали в Армении».

¹⁴ Сохранившиеся блоки обнаруживают некоторую разницу в количестве знаков в строке (например, В 2—8—11 знаков; В 5—10—14; В 6—11—12; В 7—11—12; значительные вариации в В 8—8—13 знаков, где меньшее число знаков в стк. 2—из-за оставленного без надписи места; В 9—13—17 знаков).

¹⁵ 'Pčn BYT' glmykč'n YHBWNn — grm — «летние стоянки»? Может быть, «и их домами стали летние стоянки»?

¹⁶ Prth. dstkrty 'BDWn — «сделал [своим] дастакертом» (восстановление по контексту).

¹⁷ Поскольку в дальнейшем речь идет только об Асурестане, там, видимо, находилась ставка армянского царя Нарсе — город Варахрам-Шапур.

¹⁸ Ср. [Шэрвё, 1983, с. 31].

¹⁹ MLY' p' [4 знака] YHWWNt.

²⁰ [.]styk 'HDWN.

²¹ ZK K'N 'BYDWNm.

²² В Prth. опущен?

²³ MNWN BYT' 'BDky.

²⁴ Prth. hštr HN 'wstm nš[sty?].

²⁵ p'tkwsy.

²⁶ W L' 'YK wlnldy (Prth. r'ywnt).

²⁷ [gy]w'k gyw'k; Prth. W 'HRN 'TRH (L)'T(RH).

²⁸ 'wšy.

²⁹ Перевод по контексту.

³⁰ Только Prth.

³¹ Только Prth.

³² Перевод по контексту.

³³ Сохранилось только в Prth.—'rthštrš. Не ясно, кто он.

³⁴ Контекст не ясен.

³⁵ MN d'l'n.

³⁶ wpl.

³⁷ L' 'pčlwny 'BLWN YHWWN WL' pr'č; Prth. 'w'r nytprywt rhn.

³⁸ plmky W s'td[ly].

³⁹ Букв. «открепил» — ŠL[Y]TN, Prth. wyš't.

⁴⁰ Букв. «сброшен» — LMŸTNt.

⁴¹ Возможно, «осел увечий» (HMR' ZY lšty) орудие пытки. См. об этом ниже.

⁴² šyk'n, Prth. š[y]kn.

⁴³ hl(w)'nyk, Prth. h'rwnyk.

⁴⁴ Pndplnk.

⁴⁵ mskyt'n.

⁴⁶ 'pgrn'n.

⁴⁷ shwlč'n MR'H[Y].

⁴⁸ zwl'dčyn MR'HY.

⁴⁹ wld[.]y.

⁵⁰ Č.š.

⁵¹ l'k'ɲpʲ?

⁵² 'štbnw'n.

⁵³ Нужно вспомнить пассаж из начала НРК: «Вахунам из-за своей лживости [ведомый] Ахриманом и дэвами». «Колдовство» Вахунама упоминается, возможно, и в (D 1): whwn'm P[WN NP]SH y'twkyhy ... (E 3): y'twkyhy ZYm krtý — «колдовство по отношению ко мне (Нарсе)».

⁵⁴ Датировка Э. Херцфельда [1935] — индийский триумф Шапура I (основание: композиция рельефа — в кадрах то же, что и в рельефе-триумфе Шапура I над римлянами, высеченном неподалеку; на рельефе изображен слон); Р. Гиршман [1962] — триумф над кушанами Шапура II; наша [1969 а] — триумф Варахрана II над царем Сакастана Хормиздом (основание: некоторые иконографические детали).

⁵⁵ Зависимость композиции этого рельефа от «малого триумфа» Шапура I отмечает Р. Гиршман.

⁵⁶ Прорисовка Е. Фландена и П. Коста, выполненная в начале 40-х гг. XIX в., дает многие детали в искаженном виде [Фланден — Кост, 1843—1854, т. 1, табл. 50]. Недавно мною были получены от проф. Л. Ванден Берге прекрасные фотографии этого рельефа.

⁵⁷ Позднее и на рельефах, и на блюдах, и на резных камнях и монетах шаханшах изображался со специальной инсигнией — так называемым *апезаком* на груди [Борисов — Луконин, 1963, с. 14—18].

⁵⁸ Последний по времени памятник, на котором изображена точно такая конструкция крепления ножен меча к портупее, насколько мне известно, — эрмитажное блюдо с портретом Шапура II, в более позднее время, хотя основная конструкция не меняется, но петля закрывается дополнительными украшениями.

⁵⁹ «Автобиография Мани»: «Царь Шапур прибыл в Парс. Он прибыл в город Бишапур. Болезнь овладела его телом, он был в великой опасности... Царь Шапур умер и покинул сей мир. Царь Хормизд вззошел на престол и был коронован в этом месте» [Полоцкий, 1934, с. 42].

⁶⁰ Не изданы. Часть головы (с сохранившейся короной Нарсе), более чем вдвое превышающей натуральную величину, мне удалось изучить в музее экспедиции во время моего визита в Бишапур весной 1973 г.

⁶¹ Обследование было произведено доктором Дж. Херман летом 1975 г. (о чем она любезно сообщила мне в письме). Фотографии фигуры изданы пока лишь в журнале «Iran» (1975, табл. III—IV). Там же (с. 271) помещено следующее краткое сообщение: «В январе и феврале 1975 г. г-н Али Акбар Сарфараз, руководитель раскопок в Бишапуре, сделал несколько важных открытий в Танг-и Чоуган... Наиболее интригующее открытие — это лежащая фигура перед конем в инвеститурной сцене Бахрама I. Эта фигура, как кажется, более позднее добавление к рельефу».

⁶² В переговорах об условиях мира с иранской стороны кроме Нарсе участвовал *харгулат* Шапур [см.: Гаже, 1964, с. 231].

⁶³ Стандартность, обязательность присутствия концепции «права на власть» в официозах нужно иметь в виду, в частности, при дальнейшей работе над реконструкцией НРК. При просмотре сохранившихся слов действительно может возникнуть aberrация, что надпись в основном посвящена обоснованию «высшего и неоспоримого морального права Нарсе на трон Ирана» [см. Шэрвё, 1976]. В оценке надписи, конечно, был более прав В. Хеннинг: «Содержание надписи — это рассказ о том, как и почему Нарсе выгнал своего пле-

мянника Варахрана III с престола Ирана — и не более чем это» [Хеннинг, 1952, с. 517].

Хосров II и Анахита

¹ См., например, [Стариков, 1957, с. 518 и сл.].

² Например, многие детали войны с Римом Шапура I отнесены Фирдоуси к царствованию Шапура II.

³ Мною использовано издание: *Фирдоуси. Шах-наме*. Критический текст. М., 1971, т. 9 (далее — *Шах-наме*, т. 9).

⁴ О связи с эпосом см. [Орбели, 1934, с. 9—20].

⁵ Характерен рассказ, сохраненный Динавари (с. 89). Привожу перевод А. И. Колесникова: «Потом он (шпион Хосрова II.— В. Л.) вернулся к Кисре и передал ему, что Бахрам (Бахрам Чубин.— В. Л.) во время похода имеет с правого фланга Мардан Синэ Рувайдашти, а с левого — Езд Джушнаса, сына Халбана, что никто из его войска не осмеливается отбирать у райатов зерно и что, кроме того, он, сделав остановку, потребовал книгу „Калила и Димна“ и не прекращает склоняться над ней во время обеда.

Сказал Кисра своим дядям Биндаю и Бистаму: „Я никогда еще не боялся Бахрама так, как боюсь сейчас, узнав о его увлечении чтением книги „Калила и Димна“, ибо эта книга открывает чело- веку мысли более достойные, чем его мысли, и благоразумие боль- шее, чем его благоразумие, так как все в ней — от адаба и мудро- сти“».

⁶ Об этом см. [Орбели — Тревер, 1936].

⁷ Одна из последних работ, посвященных этому периоду — [Ко- лесников, 1970], где приводятся, в частности, подробная характери- стика письменных источников и обширная литература вопроса.

⁸ См. перевод «Книги длинных известий» в указанной работе: [Колесников, 1970, с. 114—135]. См. также Табари [Нёльдеке, 1879, с. 364—366, Бал'ами, с. 1162, 1175 и др.].

⁹ См., например, [Пигулевская, 1946].

¹⁰ [Шах-наме, т. 9, 2058 и сл.].

¹¹ Быть может, посылка Хосрову этой одежды — реальный факт, Кроме Фирдоуси эта история содержится также у Бал'ами и в ано- нимном сочинении первой половины XI в. «Предел желаний в лето- писях персов и арабов» (Нихайат). См. [Елисеева, 1968, с. 12—13].

¹² Этот рассказ есть в калькутском издании, но не введен в издание критического текста поэмы.

¹³ [Шомон, 1964, с. 165—202].

¹⁴ Статьи «Сасанидского судебногоника» (I, 13—15; 44, 6—8 и др.) запрещают продавать рабов незороастрийцам (и продавший и купив- ший будут подвергнуты клеймению); устанавливают обязательное назначение *стура* в том случае, если у зороастрийца жена — незоро- астрийка и только один несовершеннолетний сын, тоже незороастр- иец; устанавливают, что незороастрийцы не платят долгов умер- шего, но и не наследуют ему, не могут быть *стурами*. Однако, кро- ме того, «что по линии прямой родственной преемственности или [агнатического] родства» (т. е. семейного права), все остальные пра- вовые статьи распространяются на них так же, как и на зороастр- ийцев (60, 16—61, I). См. [Периханян, 1973].

¹⁵ Оба дворца, Седир и Хаварнаг, один — где-то на нижнем Ев- фрате, другой — у Куфы, согласно арабо-персидской традиции, были возведены для Бахрама Гура. Автор «Муджмал ат-таварих» отно-

сит их ко времени Хосрова II, полагая, что строить эти дворцы приказал военачальник Хосрова, Фархад.

¹⁶ Последнее издание см. [Фукаи — Хориучи, 1972]. Комплекс Так-и Бостан сочетает в себе памятники прокламативного назначения (инвентурный рельеф) с парадным охотничьим *парадизом*, таким, каким он и показан на рельефах в большой нише. Весь комплекс был окружен тремя кольцами стен и, бесспорно, использовался как охотничий загон для охоты шаха и его придворных. У Фирдоуси в описании строительства для Хосрова II «Айвана Хосрова» многие детали соответствуют архитектурному плану этого комплекса [Шах-наме, т. 9, 3685 и сл.].

¹⁷ Последнее по времени исследование: [Хуфф, 1972, с. 517—540].

¹⁸ Впервые развалины храма описали Э. Фланден и П. Кост 1854, т. 1, табл. 20—23, с. 403, 410]. Первые пробные археологические раскопки этого памятника вел Херцфельд [1935, с. 50; 1941, с. 281, 380—381]. В 1969 г. систематическое исследование памятника начала экспедиция Иранского Археологического центра (ISAP) под руководством С. Камбахшфарда. Раскопки и реставрационные работы продолжались до 1977 г. К сожалению, до сих пор издано лишь несколько кратких отчетов, все на персидском языке: [Камбахшфард, 1968; 1974; 1975, см. также: Луконин, 1977а, с. 105—111]. Я посетил Кангавар в первый раз осенью 1973 г. по приглашению С. Камбахшфарда и провел там несколько дней, знакомясь с еще неопубликованными материалами раскопок. С. Камбахшфард любезно разрешил мне опубликовать фотографии некоторых интересовавших меня позднесасанидских надписей и знаков на каменных блоках платформы (см. указанную статью). В 1975 г. я вновь посетил Кангавар и имел возможность проверить некоторые детали и обсудить на месте вопросы датировки памятника вместе с моими коллегами — академиком Р. Гиршманом и доктором Д. Стронахом.

¹⁹ См., например, [Кошеленко, 1966, с. 54—55].

²⁰ [Луконин, 1977а, с. 108—109, рис. 4—8]. Мое чтение нескольких новых надписей см. [Камбахшфард, 1974, с. 85 и сл.].

²¹ К эпохе Хосрова II относит Кангавар и «Муджмал ат-таварих»: «из строительства его (Хосрова II) — замок Кангавар, он построил и Каср-и Ширин на дороге в Багдад, и развалины обоих, еще видны» (с. 81—82).

²² О них подробно см. [Херцфельд, 1920, с. 55—56]. Три из них, хорошо сохранившиеся, найдены в Бехистуне. Еще две такие же капители происходят из Исфахана. Одна (сильно испорченная) хранится там в Чехел-Сутун, другая перевезена в Археологический музей Тегерана. Обе они, как полагают, перевезены из дворца Хосрова II близ Бехистуна еще в древности [Лушей, 1968, с. 129—142, табл. 53].

²³ Кроме развалин дворца немецкие археологи обнаружили в этом районе относящиеся к тому же времени развалины громадного моста, дороги, ведущей по направлению к Тахт-и Ширин, и, наконец, грандиозную (в десятки раз превышающую все остальные сасанидские рельефы) нишу в скале рядом с Бехистуном («Терраса Фархада»), подготовленную скульпторами для того, чтобы высечь на этом месте рельефную композицию, но так и не начатую. Длина «Террасы Фархада» — 200 м, высота — 35 м. Х. Лушей связывает этот участок, вырубленный в скале, с «Террасой Фархада», упоминаемой письменными источниками [Лушей, 1968, с. 142—143, план].

²⁴ См. [Херцфельд, 1938а]. Это могло бы датировать рельеф временем официального восшествия на престол Хосрова II или временем его борьбы с Вистахмом, т. е. 591—595 гг

²⁵ Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres. Vol. 30. P., 1755.

²⁶ Göttinger Anzeiger, 1803, с. 541—548; высота кувшина указана де Броссом: ок. 44 см.

²⁷ Кроме строгановского кувшина, три кувшина — в Государственном Эрмитаже [Орбели — Тревер, 1935, табл. 44—46], один — в музее Метрополитен, два — в Кливлендском музее, один — в Бергинском музее, один — в Лувре, один — в Тегеранском музее и, насколько мне известно по фотографиям, — более десятка в различных частных коллекциях и музеях Европы и Японии. Несколько подобных сосудов, появившихся в последнее время на антикварных рынках и происходящих, судя по аукционным каталогам, из Ирана, вызывают серьезные сомнения в их подлинности.

²⁸ Первая публикация: The Bulletin of the Metropolitan Museum of Arts. N. S., 1967, № 26; 1970, № 29; [Харпер, 1971, табл. II, рис. 1—2; Харпер, 1978, с. 60—61, № 18 (описание составлено М. Картер)]. Дата сосуда, приводимая в этом издании, — VI или VII в.; о форме кувшинов этого типа, ее развитии, датах и имитации в ином материале см. [Маршак, 1961, с. 189—191].

²⁹ Издавалось неоднократно; см., например, [Харпер, 1971, табл. I].

³⁰ Так же изображены капители и на бутылки из Государственного Эрмитажа [Орбели — Тревер, 1936, табл. 46]. П. Харпер [1971, с. 513] отмечает особенности капителей этих двух сосудов, известных и на других памятниках прикладного искусства Запада, ближе всего — на диптихе Прибиана (ок. 400 г.); см. [Дельбрюк, 1929, табл. 65].

³¹ Тот же атрибут и на бутылковидном сосуде Кливлендского музея [Шеперд, 1964, с. 66—95]. Однако подлинность этого сосуда вызывает сомнения; наверняка поддельным (в том числе и по металлу) является кувшин музея Цинцинатти с тем же атрибутом (см. Sasanian Silver. Late Antique and Early Medieval Arts of Luxury from Iran. Michigan, 1967, № 19).

³² Аргументацию за среднеазиатское происхождение см. [Пугаченкова — Ремпель, 1965, с. 150 и сл.].

³³ Краткое резюме различных интерпретаций сюжета см. [Эттингхаузен, 1968, с. 36 (там же — основная литература); Дюшен-Гиймен, 1971; 1974].

³⁴ В этом смысле вся группа сопоставляется с известным бадахшанским блюдом (сейчас в Британском музее [Дальтон, 1963]) и его более поздними репликами в Государственном Историческом музее в Москве и в Галерее Фриер (см. [Галль, 1971, с. 193—207, табл. 31—35; Дюшен-Гиймен, 1974, с. 151—152]).

³⁵ Подробнее см. [Харпер, 1971, с. 503—515].

³⁶ Возможно, и после падения династии Сасанидов, но с изменением иконографии. П. Харпер [1971, с. 513—515] упоминает в связи с этим блюдо Национальной библиотеки, которое она датирует серединой или концом VII в. Она отмечает, что на блюде в руках персонажей изображены переносные алтари огня или курильницы (подобные тем, которые известны на росписях Средней Азии), да и композиция этого блюда «показывает действительную трансформацию темы, с включением дополнительных фигур и бесспорно иранских (по ее мнению, возможно — восточноиранских. — В. Л.) ритуальных объектов, что предполагает перерыв в культурных традициях, вызванных арабским завоеванием». М. Картер [1974, с. 198—202] рассматривает изображенных на сосудах женщин и их атрибуты как персонафикации «сезонных» зороастрийских празднеств, напри-

мер, Ноуруза, Сада, Хуррамруза, Вахарджашна и т. д. (ссылки на «Хронологию древних народов» Бируни).

³⁷ Здесь Дюшен-Гиймен в качестве аналогии указывает на концепцию Х. фон Галля [1971, с. 193], который считает, что триумфы Шапура I, изображенные на скалах Бишапура, были имитацией римских триумфов, точнее восточноэллинистических, подобных триумфу Птолемея II в честь Диониса, описанному Афинею.

³⁸ Как и для некоторых участников дискуссии, развернувшейся после его доклада на конгрессе в Риме в 1970 г.

³⁹ См., например, празднование Ноуруза и обычаи, с ним связанные (в том числе — обычай подносить шаханшаху воду в железном или серебряном кувшине), по сообщению Кесрави: «Говорил царь: „похищено это у двух благословенных и двух благородных“ (т. е. Хаурватат и Амеретат). И надевали на шейку кувшина ожерелье из зеленых яхонтов, нанизанных на золотую нитку, в которую были продеты бусы из зеленого хризолита. И похищали эту воду лишь девушки из-под мельниц и цистерн каналов». [Иностранцев, 1909, с. 82—109. См. также: Бируни, т. I, с. 229]. Обычай подносить шаханшаху вино в новом серебряном сосуде в первый день празднования Ноуруза описан в «Ноуруз-наме» Омара Хайама.

⁴⁰ Если в качестве гипотезы принять сопоставление строгановского кувшина (по атрибуту — обнаженный ребенок) и метрополитенского кувшина (по изображению архитектурной орнаментики) с эрмитажной бутылкой [Орбели — Тревер, 1935, табл. 46], то о поздней дате может свидетельствовать и употребление черни.

⁴¹ [Борисов, 1939, с. 235—242]. На эрмитажной печати с изображением креста [Борисов, 1939, табл. 1] надпись: 'whrmzd gwšnspry — «Хормизд Гушнасп» — типичное теофорное зороастрийское имя. См. также [Жинью, 1978, с. 64, табл. XXIII, 7.6] (в надписи — зороастрийское имя); 7.5 (надпись: [kws]ty Y hlb'n W bl'skn w'cwłk k'tlykws — «великий католиком области Хулван и Баласакан»).

⁴² [Рос, 1908, табл. 23, 2—12]. Крест между двумя пальмовыми ветвями изображен на реверсе серебряных монет Ираклия, которые, как полагают, были выпущены в честь победы над персами.

⁴³ [Лернер, 1977, с. 41—43]. Приводится чтение надписи Р. Фраем — 'pn'm gblwn.

⁴⁴ Например, [Жинью, 1978, с. 63—64, табл. XXIII, 7.2, 7.3, 7.7, 7.9, 7.10]. Надпись на 7.2 (мужской и женский бюст, крест с крыльями между ними, крест внизу): имена и формула 'pst'n 'L yzdyt. На 7.7 (мужская обнаженная фигура с крестом в руке) — 'pst'n ['L yzd'n]pzwpu (последнее слово — также часть широко распространенной зороастрийской религиозной формулы); 7.8 (обычный погрудный портрет сасанидского официала, помещенный между двух распахнутых крыльев): 'ptwmydy 'pst'n 'L yšwdy ZY MR'HY — «[имя ?], упование на Иисуса господа» (Ph.Gignoux: «La confiance en Jesus le Seigneur est la fin [с.-à-d. le but de tout chrétien]»).

⁴⁵ Немецкая археологическая экспедиция, открывшая храм Атур Гушнасп в Тахт-и Сулеймане, установила, что храм возведен при Хосрове I или несколько ранее (не ранее V в.); см. [Науман и др., 1966, с. 619—802; Науман, 1976, с. 19—23]. Тахт-и Сулейман — действительно круглый в плане, обнесенный мощной оборонительной стеной.

⁴⁶ Иное отношение к Мани и манихейству у современника Египше, Езника [Езник, с. 39—40].

⁴⁷ О распространении этой композиции, например, в Грузии, см. [Аладашвили, 1977, с. 21—27].

⁴⁸ Секреты элхазайтов.

⁴⁹ Храм в Кангаваре, хотя и резко отличался от обычных зороастрийских, не перестал от этого быть зороастрийским по духу. В V Яште Авесты так описывается храм Анахиты (перевод В. А. Лившица): «У стока каждого из озер стоит здание, прекрасно сооруженное, с сотнями световых отверстий, светлое, с тысячью колонн, прекрасно выстроенное, с десятью тысячами fraškamba». Термин «fraškamba» не вполне ясен: «покрытие, опорные балки, подпорки, арки, портики» [Бартоломе, 1961, с. 1002].

*Завоевания Сасанидов на востоке
и проблема кушанской абсолютной хронологии*

¹ Сводку точек зрения различных ученых, а также разбор всех видов источников см. [Зеймаль, 1968].

² <См. также статью «Парфянская и сасанидская администрация» в этом издании.>

³ Издания: KNRu — CII, vol. II, portf. II; KSM — CII, vol. II, portf. I (эстампажи). Изложение содержания «пространной редакции» см. [Луконин, 1966; датировку надписи — Луконин, 1969a].

⁴ Мною использовано издание: «История Армении», пер. Н. О. Эмина. М., 1893. Интересующие меня места перевода любезно сверил с оригиналом Л. Т. Гюзальян. Последняя работа, посвященная датировке «Истории Армении» и характеристике этого памятника: [Саркисян, 1966 (на арм. яз.)].

⁵ [Нёльдеке, 1879]. Более поздние арабо-персидские источники, связанные с «Историей» Табари, в работе не рассматриваются.

⁶ Herod., VI, 6—11. Пользуюсь французским переводом Halévy, сверенным с подлинником (см. [Гаже, 1964, с. 296—298]).

⁷ Пользуюсь переводом С. П. Кондратьева под ред. А. И. Доватура (ВДИ, 1958, № 3; 1959, № 1—4; 1960, № 1—4).

⁸ Петр Патрикий (фрагменты 13, 14, французский перевод [Гаже, 1964, с. 298—301]); хроника Сеерта (Patrologia Orientalis, t. IV — перевод Addai Scher) и др. Нужно иметь в виду, что все эти источники описывают в основном лишь события на западе Ирана.

⁹ Спор идет преимущественно о дате захвата Арташиром I кушанских земель. Так, по А. Марику [Хонигман — Марик, 1953] и Я. Харматте [1965], это произошло или в начале его царствования, или в 232—233 гг. Согласно Р. Гиршману [1946; 1957], Арташир начал завоевание на востоке сразу же после победы над Артаваном, захват же всего Кушаншахра произошел при Шапуре I. Аргументы в пользу достоверности сообщения Табари не приводятся. Например, Я. Харматта лишь отмечает: «Это сообщение описывает военные кампании Арташира с политической и стратегической точек зрения в таком убеждающем порядке, что в его достоверности в целом трудно усомниться» [Харматта, 1965, с. 190]. Дискуссию см. [Хонигман — Марик, 1953, с. 106; Гиршман, 1957; Харматта, 1965]. См. также ИТН, где события характеризуются особенно определенно: Арташир I воюет с коалицией, состоящей из Армении, кушан, «скифов из-за Кавказа», Рима, знатного рода Каренов; война продолжается два года: 227—229 гг.

¹⁰ [Нёльдеке, 1879, с. 17]; SHA, Valerian, 4; Aurelian, 34, 41 (ВДИ. 1959, № 2, 3; сообщается об участии бактрийских послов в триумфе Аврелиана, о подготовке бактрийских отрядов в помощь Валериану).

¹¹ Herod., VI, 6 — претензии Арташира на захват западных территорий «вплоть до Ионии и Кари», выраженные в его послании

Александрю Северу, которое было отправлено в Рим сразу же после победы над Артаваном. Ср. надпись Картира на «Каабе Зороастра», где те же претензии (захват территории «вплоть до Греции») отражены уже местным источником (отождествление gl'dkyd'y = «Греция» в надписи Картира принадлежит А. Марику [1958, с. 35 и сл.]). <При транслитерации сасанидских текстов используются следующие сокращения: Phl. — парфянская версия (пахлавик), MP — среднеперсидская версия (парсик); греч. — греческая версия, далее — номера строк; [] — полное восстановление знака, () — частичное восстановление знака>

¹² ŠKZ, MP, 28—29; MNW MDM 'rthštry MLK'n MLK' YHWWN st'lyp ZY 'plynk MLK' ('plynk = Апаршахр? ср. [Марик, 1958, с. 322, № 7]. — В. Л.) 'rthštr ZY mlwy MLK' 'rthštr ZY klm'n MLK' 'rthštr ZY sk'n MLK' dynky ZY p'pky MLK' 'MY lwtky ZY 'rthštr MLK'n MLK' 'MY dynky ZY MLK't'n (M) LKT' ZY (p'pkn) 'rthštr ZY bthšy p'pky ZY hz'lwpt dyhyn ZY wr'č s's'n ZY swlyn s's'n ZY' (n) [dy]k'n MR'HY prywzy (греч. πρως. — В. Л.) ZY k'lny 'pwrs'n ZY 'rthštr prry (А. Марик полагает, что это «почетное имя»; см. [Марик, 1958, с. 324, примеч. 2. — В. Л.] [gylm'n dwnb'wntš] (упомянут только в Phl. 24 и греч. — В. Л.) lhšy ZY sp'hpt. Возможно, что 'pwrs'n ZY 'rthštr prry (MP); 'pwrs'm 'rthštr pry (Phl.), 'Αρτασιρσαρ 'Αρτα:ροφάρ следует переводить «Апурсам, [шахраб] (города) Арташир-Хварра». При дворе Шапура I упомянут 'rthštr ZY 'rthštr šnwty — «Арташир [шахраб] (города) Арташир-шнум» (ср. гемму из коллекции Британского музея, по палеографии надписи и иконографии портрета вельможи — III в. н. э. Надпись: mnpwčtry ZY 'rthštr šnwty — «Менучихр [шахраб] Арташир-шнума». Издание см. SPA, vol. IV). Наконец, gyml'n dwnb'wntš (γλμά' από Δουμαουνδ) «Гилман из Демавенда» также, возможно, шахраб Демавенда (ср. при дворе Шапура I 'rtw'n ZY dwnb' wncy греч.: 'Αρταβανου τοδ από Τουμβασουτων, особенно — NPK, MP. 43: š'trp dwnb'w[nčy] — «шахраб Демавенда». Ср. [Хеннинг, 1952]).

¹³ Ср., однако, [Марик, 1958, с. 333 и сл., где Арташир, царь Кермана, считается сыном Арташира I (ссылка на Табари — [Нёльдеке, 1879, с. 10]), что вряд ли имеет основание.

¹⁴ [Мак Доуэлл Д., 1965, табл. XII, 11; чтение Э. Друэна (1895, с. 47)].

¹⁵ Следует сразу же отметить, что в NPK в версии Phl. упомянут, возможно, царь кушан (kwšn MLK'). Однако контекст этого места совершенно неясен.

¹⁶ Табари упоминает восемь городов, носящих имя Арташира, но они также находятся на западе.

¹⁷ См. [Луконин, 1964]; ср. основание Шапуром I города Пероз-Шапур, описанное в ŠKZ, Phl. 3—4; W pty 'swrstn B mšyk ptydymn RB' znbk YHWt gwrtnyws kysr QTLt... W LN mšyk MN ŽK krty prgwz šhupwhr SMH HQ'YMWt — «И у [границы] Асурестана, у Мешиха, великое сражение произошло. Гордиан кесарь был убит. И Мы Меших поэтому назвали Пероз-Шапур».

¹⁸ SHA, Alex. Sev., 50—57; ВДИ. 1958, № 3, с. 256—258.

¹⁹ О нем упоминают SHA непосредственно перед походом Севера против галлов, где Север был убит.

²⁰ Интересно попутно отметить взгляды римской дипломатии и римского двора на события в Иране, отраженные современниками событий. Римляне полагали, в частности, что Арташир узурпировал власть, и считали законным династом Артавана и его сына Артавазда — см. у Геродиана (VI, 6): «После смерти Дария македонцы правили всем Востоком, но враждовали между собой, и Аршак,

парфянин по происхождению, был, говорят, первым, кто побудил варваров этих стран сбросить иго македонян... Он правил с общего согласия парфян и соседних народов» [Гаже, 1964, с. 297]. Сообщения римских авторов о претензиях Арташира I на захват всех территорий, принадлежавших некогда Ахеменидам, также отражают скорее всего точку зрения римской дипломатии. Персидские источники не упоминают о такой претензии [см. Луконин, 1961].

²¹ SHA, Gord.tres., 26; ВДИ. 1959, № 1, с. 236. Одна из надписей Дура-Европоса (греч.) гласит: «В 550 г. в 30-й день месяца Хандикос персы напали на нас». Таким образом, персидские войска находились в глубинных районах Месопотамии весной 239 г. [Энслин, 1949, с. 6; Харматта, 1965, с. 193, примеч. 55].

²² О хронологии Сасанидов см. [Тагизаде, 1943; Хонигман — Марик, 1953, с. 37; Тагизаде — Хеннинг, 1957, с. 113—118; Харматта, 1958, с. 158]. Дата коронации Шапура I — апрель 243 г. кажется твердо установленной. В соответствии с надписью Апсая [Гиршман, 1936], в которой даются даты по сасанидской эре и по учреждению коронационных храмов Арташира I и Шапура I, датой коронации Арташира I является март 227 г. Подробнее см. [Луконин, 1968].

²³ Ср., однако, [Гиршман, 1957].

²⁴ См., например, [Гиршман, 1957, с. 700 и сл. (там же — более ранняя литература)]; ИТН, I, с. 367 и сл., 545]: «Отождествление Вехсаджана с Васудеви не вызывает сомнений. Но при этом неясно, был ли это Васудева II (как полагает ван Лёхайзен де Лёв), или Васудева I (как доказывает Р. Гиршман)».

²⁵ [Харматта, 1965, с. 188]: «Появление принца Капа (erjhuṇa Кара=Куджула Кадфиз) в надписи кхарошти из Тахт-и Бахи, датированной 26 годом правления Guduvhara (=Гондофара), до некоторой степени поддерживает это предположение».

²⁶ [Моисей Хоренский, II, 71]: «Царь (Хосров.— В. Л.), отправив к Карену послов, сам возвратился в Армению в великом горе и раздражении. Затем он немедленно извещает о том римского императора Филиппа, прося его помощи». В данном случае — очень характерный хронологический сдвиг, вызванный отчасти общей концепцией труда Моисея Хоренского.

²⁷ Братьев примирил царь Эдессы Абгар. При этом было решено «Арташесу царствовать потомственно, как тот и думал; братьям его по названию их городов (т. е. Пахла=Балха) и обширной плодородной страны именовать пахлавами, чтобы они как царские потомки считались первыми и почтеннейшими между всеми парсийскими сатрапами» [II, 28]. К сожалению, мне осталась недоступной статья М. Bussagli. Brevi note sui Kuṣāna. Я знаю о ней только по сноске в работе Р. Гиршмана [1957, с. 701, примеч. 53], который пишет: «М. Bussagli... n'a pu rencontrer ni roi de Balxh, ni Kouchan».

²⁸ [Моисей Хоренский, I, 13]: «Мадес, в продолжении двух лет держа под гнетом Армению, протоптал наши границы конскими копытами, подобно разбойникам-кушанам».

²⁹ [Харматта, 1965, с. 188]: «Базируется ли связь кушанской династии с парфянскими Каренами на старой исторической традиции, или на наивных этимологических комбинациях, или на том и на другом, в настоящее время не может быть выяснено». Я. Харматта полагает, что связь кушан с каренидами, возможно, и существовала (см. выше, примеч. 25).

³⁰ Перевод по эстампам надписи, опубликованным М. Шпренглинггом [1953], ср. [Марик, 1958, с. 336 и сл.; Хонигман — Марик, 1953, с. II и сл. (греч. текст), с. 41—110 (комментарий)]. Надпись SKZ, как установлено В. Б. Хеннингом [1939; 1954в], была написана

на МР и с этого текста был осуществлен перевод на Phl. и греч. Начальные строки МР не сохранились.

³¹ Восстановление А. Марика [1958, с. 305].

³² Сохранилось лишь в греч.

³³ Сохранилось лишь в греч. В Phl. ntwšrkñ (ср. Phl. 24; 'rthštr ntwšrkñ MLK'; МР, 30; 'rthštr ZY nwthštrkñ MLK'. См. [Хеннинг, 1954в, с. 49—50; Марик, 1958, с. 304, 4].

³⁴ Сохранилось лишь в греч.

³⁵ В греч. Махелония. О syk'n (Сюник, район оз. Ван) см. [Хеннинг, 1952]. С. Т. Еремян [1967, с. 47—59] базируется, в частности, на равенстве syk'n=siran=lyran (Lairan), что при учете NPK невозможно.

³⁶ Phl.: HN prhš 'L; МР: 'D pīč 'L (ср. KNRu, 36), греч.: ἔως ἐμπροσθεν.

³⁷ Phl.: 'I'nn TR'.

³⁸ Эльбурз.

³⁹ В греч.: πάντα τὰ ἀνωτάτω ἔθνη.

⁴⁰ Phl.: WHN 'L; греч.: καὶ ἔως. Таким образом, нельзя допустить, что далее описываются границы не Ирана, а Кушаншахра. Ср. [Ставиский, 1961].

⁴¹ Ph.: k'š; греч.: κας, по А. Марику,—Кашгар [Марик, 1958, с. 306], но, возможно, и Кеш.

⁴² Phl.: mzw[n h]štr — Оман, см. [Марик, 1958, с. 306, 337]. Далее в греч. и Phl. текст сохранился не полностью: Phl. 2—3; W 'BD[w]m ... SMH dhkhštr W 'BDWm 'hwrmzd 'rthštr šhupwhr (добавлено сверху) SMH греч.: 5: ...η... οσταζουρ ... ἐκχλέατρε, 'Ωρμιζδарт... т. е. букв.: «и сделал я имя (название) Пероз-Шапур dhkhštr, и сделал я имя (название) Хормизд-Арташир-Шапур (или — исправленная писцом ошибка — Хормизд-Шапур?)». И «Пероз-Шапур», и «Хормизд-Аршир» — названия городов, основанных Шапуrom I в Месопотамии после побед над римлянами. Перевод, следовательно, зависит от истолкования термина dhkhštr (или dhyhštr). А. Марик [1958, с. 332] предлагает сравнительно простой выход: dhk («donné», «fondé») + hštr (pays, region) — и переводит: «et nous avons donné à un fief le nom de Peroz-Sapor et nous avons donné un nom à Hormizd-Ardachir», что вряд ли проясняет смысл. Мне кажется, что смысл этого места в надписи заключается в том, что Шапур I, включая вновь завоеванные области Месопотамии в свой *дастакерт*, основывает «царские города» — опорные пункты в землях «доме-на», т. е. перевод может быть следующим: «И основал я в dhkhhštr (dhuk — «опустошенный», «разрушенный», в таком случае — «на опустошенной земле») город Пероз-Шапур, и основал я город Хормизд-Арташир, т. е. букв.: «И сделал я имя опустошенной земле — Пероз-Шапур, и сделал я ей имя Хормизд-Арташир». Об основании города Пероз-Шапур на месте Мешиха в надписи говорится несколько ниже (Phl. 4). Второй город был назван в честь наследника Шапура I — «великого царя Армении», Хормизда-Арташира, который командовал войсками во второй и третьей кампаниях (в SHA — Одомаст. См. SHA.—ВДИ. 1959, № 3).

⁴³ hrw LN pty b'zW 'BDkpy HQ'YMWt HWHn. Для формулировок сасанидских надписей, восходящих еще к эпохе Ахеменидов, ср. Бехистунскую надпись Дария (I стб., стк. 12—2) — пользуюсь переводом М. А. Дандамаева [1963]) — и (для описания границ) так называемые Foundation tablets — золотые и серебряные таблички Персеполя (дата — 517—514 гг. до н. э.); цитирую перевод Э. Херцфельда [19386]: «from Saka that are beyond Sughd, as far

as Kush and from Sind as far as Sardis». В ахеменидских надписях, как и в ŠKZ, описывается административное деление империи.

⁴⁴ Ср. [Луконин, 1967, с. 17], где этому обстоятельству неправомерно придается слишком большое значение. Об этимологии рškbwγ (MP рškrwly) — большая литература. См. [Хонигман — Марик, 1953, с. 106 и сл.; Марик, 1958, с. 350 и сл.]. Отождествление до сих пор не найдено.

⁴⁵ Выражение надписей Картира.

⁴⁶ PWNč 'nyl'n štry. Таким образом, захват римских провинций и «союзных царств» на западе Ирана отразился в новой официальной титулатуре шаханшаха, принятой Шапуrom I: MLK'n MLK' 'yl'n W 'nyl'n — «царь царей Ирана и не-Ирана». Обе надписи времени Шапура I (ŠKZ и надпись Апсая — 262 и 267 гг.) упоминают именно этот титул шаханшаха, так же как и две геммы — так называемый «готский гиацинт» [см. Борисов — Луконин, 1963, с. 17] и аметист с портретом Варахрана, царя Кермана [Томас, 1868, подробнее см. ниже]. Монеты Шапура I вплоть до конца его царствования сохраняют прежний титул (MLK'n MLK' 'yl'n). Титул «царь царей Ирана и не-Ирана» появляется на монетах Хормизда-Арташира. Земли, которые в надписи Картира входят в понятие «не-Иран», были захвачены Шапуrom I во время его третьей кампании — в 259—260 гг. Не исключено, что новый титул был впервые употреблен в победной надписи Шапура I — ŠKZ.

⁴⁷ nsngu = «province» — перевод А. Марика [1958, с. 352, примеч. 1] вслед за В. Б. Хеннингом.

⁴⁸ gl'dkyd'y — отождествление А. Марика [1958, с. 351 и сл.], ср. [Луконин, 1966, с. 76], где неверно — Галатия. Впрочем, в KNRu, 39: [g]l'dky'y.

⁴⁹ wltky W 'twlswhty W 'wdyl'n krt'y, быть может, поддерживает толкование dhkhštr «опустошенная земля».

⁵⁰ Транслитерация по сводному тексту KNRu — KSM: [']šwr[stn]... myš(n) 'twrptk'n W sph'n W [l]d[y] W krm'n W skstn W gwłk'n... W m[łwy] (W) h(l)[yw](y) [W 'p]rš(t)ry 'D pl'č 'L pškrwly.

Разница между надписями Картира и ŠKZ — 20 лет. География Ирана в обоих этих источниках описывается почти одинаково, однако следует обратить внимание на то, что ряд областей, включенных Шапуrom в Ираншахр (Армения, Иберия, Баласакан и т. д.), в надписях Картира входят в «не-Иран».

⁵¹ SHA, Gord.tres., 27, ВДИ, 1959, № 1.

⁵² Хроника Арбелы [Пигулевская, 1956, с. 142—145, 159].

⁵³ Или «в первый же год» — см. [Пигулевская, 1956, с. 159, примеч. 1].

⁵⁴ Поздняя интерполяция? Ср. [Пигулевская, 1956].

⁵⁵ Перевод Н. В. Пигулевской [1956, с. 159].

⁵⁶ ŠKZ, MP, 25: wlhl'n gyl'n MLK'.

⁵⁷ [Хонигман — Марик, 1953, с. 122]. Дата смерти Гордиана III — между 13 января и 14 марта 244 г. [см. Домашевский, 1917, с. 23].

⁵⁸ [Моисей Хоренский, II, 70—73].

⁵⁹ Моисей Хоренский, следуя своей хронологии, относит эти события к царствованию Арташира I.

⁶⁰ ŠKZ, MP, 25: RB' MLK' 'gm'n.

⁶¹ ŠKZ, греч. 10; Phl. 5.

⁶² Подробное исследование дат второй и третьей кампании Шапура см. [Хонигман — Марик, 1953, с. 131—151. Ср., однако, Гаже, 1964, с. 158], где предлагается 253 г., как дата битвы у Барбалиссы и оккупации персами части Сирии, Киликии и Каппадокии. Пергамент № 90 из Дура-Европоса на среднеперсидском языке датиро-

ван 30 апреля 254 г. [Харматта, 1958, с. 156]. Даты, предложенные А. Мариком, поддерживаются надписями (МР) синагоги Дура-Европоса [см. Крелинг, 1956; Гайгер, 1956, с. 283—317, табл. XLIV—XLVII, ср. также Харматта, 1958, с. 153—159; CII, vol. III, portf. I]. Чтение надписей Дура-Европоса, предложенное Б. Гайгером, не всегда удачно. Ниже даются уточнения преимущественно тех надписей, к которым содержатся даты. № 42: ${}_1\text{BYRH prwrtyn MDM } {}_2(\text{S})\text{NT XIII}$ $\text{W YWM lšny } {}_3\text{'Pm yzd 'rth[š]try ZY } {}_4\text{dpywr ZY thmy 'L}_5\text{ZNH BYT' }$ $[\text{YTWNm}] \text{ W ZNH nk'ly } {}_6\text{ptčm}$ — «Месяц Фравартин. В году 15 (258 г.), день Рашн. Я, Язадарташир (Б. Гайгер: yzd'n thmprnby, чтение невозможно), писец thmy («сила», «мощь» — скорее всего название военного отряда; ср., быть может, tgmdr в парфянских документах I в. до н. э. из Нисы — [Дьяконов — Лившиц, 1966, с. 150—152]: tgmdr = tagm(a)dār из греч. ταγμα «полк» + dār — «начальствующий». Б. Гайгер читает zhmy = building — чтение невозможно, неясен смысл, zhmy в значении building не засвидетельствовано в МР). В этот дом пришел и это изображение рассмотрел». № 43: ${}_1\text{BYRH mtry MDM ŠNT } {}_2\text{XIII W YWM tyštr } {}_3[\text{t}(\text{w})\text{rmtry dpywr W}_4\text{...}$ $\text{yzdy ZY lwky Y'TWN } {}_5[\text{HW}](\text{H})\text{nd 'Pšn LZNH BYT' } {}_6[\text{ptyct?}] \text{'Pšn}$ $\text{nk'ly } {}_7\text{...}[\text{'P}]\text{šn } [\text{'p}] \text{lyny krtý}$ — «Месяц Михр. В году 14 (257 г.), день Тиштр. Атурмихр, писец и ... язад, гонец (rawak; Б. Гайгер: gadak, оставлено без перевода; чтение gadak = rdky (?) — невозможно) пришли. Они этот дом осмотрели. Они фрески осмотрели. Они хвалу провозгласили». Ниже в этой же надписи: ${}_1\text{BYRH mtry}_2\text{MDM ŠNT}$ (Б. Гайгер этих строк не приводит). № 45. Дата надписи: «Месяц Михр, год XIII (256), день Михраспанд» (стк. 3 на фотографии неразличима). № 46: ${}_1\text{BYRH 'mlwt W YWM } {}_2\text{prwrtyn 'MT } {}_3\text{šnky}$ $\text{dpyr (sic!) W bwrč'tlwr } {}_4\text{Pšn Y'TNN W BYT'y } {}_5\text{nkylyt}$. Чтение расхожится с чтением Б. Гайгера в основном в стк. 4: вместо BYT'y (ср. надпись на булле из Тахт-и Сулейман № 12: центр: 'twly ZY gwšnspry; край: BYT'y ZY 'twly ZY gwšnspry mgwpt [см.: Науман, 1966]). Б. Гайгер читает bym'y, полагая, что это титул кого-то из служителей синагоги, в сопровождении которого сасанидские солдаты осматривали фрески, ср. надпись № 48: ${}_1\text{BYRH mtrv W YWM}$ $\text{lšnv 'MT n'hy'm 'trhšp't (!) W plhwy } {}_2\text{Y'TWN HWHnd 'Pšn}$ $\text{BYM'Y (?) nkylyt } {}_3\text{BYRH mtry W YWM lšny}$. № 51. Расхождение с чтением Гайгера — в стк. 4—5: 'YK nw'ky GTYtk 'YTY — «мол, хорош этот есть GTYtk» (из GTY — «надпись, документ»? в данном случае, возможно, перевод на персидский понятия «гениза», т. е. другими словами, — название синагоги?). Б. Гайгер предлагает читать 'YK zyw[nd]ky(?) (чтение невозможно), YMYTN 'mt (?) (чтение невозможно) — «living the dead (be) came».

⁶³ В надписи NPK, как говорилось выше, упомянут «царь кушан», но в совершенно неясном контексте.

⁶⁴ Если придерживаться самой поздней даты из приводившихся дат для первого года Канишки — 278 г., то время захвата части кушанских территорий приходится на эпоху правления Куджулы Кадфиза или Вимы Кадфиза (около 165 г. «неизвестной эры»). См. [Зеймаль, 1965, с. 4—5] (продолжительность правления кушинских царей).

⁶⁵ МР, 30—31: ${}_1\text{'rthštr ZY nwthštrkn (Phl. ntwsrkn) MLK'}$, ${}_2\text{'rthštr}$ ZY klm'n MLK' , ${}_3\text{dynky ZY myš'n MLKT' dstkl't šhpwhry}$ («Денак, царица Мешана, *дасракерта* Шапура»; Шапур — старший сын Шапура I, к 262 г. уже умерший) ${}_4\text{'mčspry wlwč'n}$ (греч. Ἰσθρίας) MLK' . Далее в списке двора следуют принцы (BR BYT', греч. τοῦ ἐγ βασιλέως) — сын Папака Валарш, Сасан, «вскормленник [в роду] Фарре:

канов» (MP: s's'n ZY BR BYT' ZY PWN pldk'n d'sty; Phl.: s'sn BR BYT' MH pty prdkn HHSNt; греч. Σασάνου τοῦ ἐγ βασιλέων τοῦ [εἰ] Παρίαν τραφέντος. Род Фарреканов упомянут на втором месте при дворе Папака: MP: pldky ZY pldk'n и на двадцать первом месте при дворе Арташира: MP: wpyly ZY pldk'n), Сасан, «вскормленник [в роду] Кидуканов» (MP: (s)'s('n ZY) BR BYT' ZY PWN ktwk'n d'sty; Phl.: 'HRN s'sn BR BYT' MH pty ktwkn HHSNt; греч.: Σασάνου τοῦ ἐγ βασιλέων τοῦ εἰς κιδουκαν ἀνατραφέντος) Нарсе, сын Пероза, и Нарсе, сын Шапура (сына Папака). Далее следуют главные чины государства — *питуахш* и *хазарапат*, а затем — представители «староиранского пэрства» в следующем порядке: Пероз Спахпат, Арташир Вараз, Арташир Сурен, Нарсе, владетель Андикана, Арташир Карен (ср. порядок упоминания этих родов при Арташире I). Далее перечислены остальные вельможи.

⁶⁶ [Томас, 1868]. Эта гемма, известная под названием «аметиста герцога Девонширского», хранится в Chatsworth House в Дербшире.

⁶⁷ См., например, [Бивар, 1966, с. 44].

⁶⁸ SKZ, MP, 33: čsmk ZY nywšhpwhry; Phl. 26: šsmk nywšhypwhr. Кстати, этим пассажем доказывается, что титул (hštrp) при перечислении в этой надписи мог пропускаться: Phl. 26—27: pry'k why 'ntywk šhypwhr hštrp; srytwd šhyhmwst; 'rthštr hšnw; p'šhr thm šhypwhr; rthštr gwdmn hštrp; šsmk nywšhypwhr; whwn'm šhypwhr hšnw; tyrymtry hštrkrt dyzpty; zy'k nywdpty; 'rtbnw dwnb'wnš; wyndprn 'bkn; rzymwd W p'pyš prgwz šhypwhr šnbytkn; w'rzp g'b hštrp. Далее *питуахш*, два представителя знатных родов, «наставник цариц», меченосец и далее *pryshw rnd hštrp*, *ty'nk 'hmtn hštrp*, затем — другие знатные лица. В этом списке упоминаются, как мне кажется, не носители «почетных имен» [см. Марик, 1958, с. 324, 328], а *шахрабы* городов Гондешапура, Арташир-Шнума, Тахм-Шапура, Годмана, Нишапура, Шапур-Шнума, начальник крепости Шахркарт, *шахрабы* городов Демавенда, Гея, Рида, Хамадана. Список *шахрабов* перебивается упоминанием Зика, *дейпноклетора*, Гандафара, сына Абкана (? ср. [Хеннинг, 1952, с. 515]; ср. также NPK: gwndp[lk]MLK' — «possibly a descendant of the Indo-Parthian King Gondophares»). Далее упомянут Папак из рода *šnbytkn*, *шахраб* города Пероз-Шапур (если следовать MP — основной версии: 32—33: p'pky ZY prywz šhpwhry ZY šnbytkn) и далее все остальные *шахрабы*.

⁶⁹ [Маркварт, 1931, № 15, с. 12, 52]. phlc'k, вероятно, ошибочное написание, вместо phlwck «парфянин». Впрочем, возможно, и phl'k «балхский». И в том и в другом случае в источнике упоминается «туранец».

⁷⁰ MP: hndy skstn W twrstn 'D YM' dnby.

⁷¹ Нарсе, так же как и остальные сыновья Шапура I — цари различных областей, упомянут в SKZ в том месте, где говорится об основании памятных храмов (MP: twry ZY hwsllw — «огонь славы») около «Каабы Зороастра» (MP: TNHč PWN pršt — «здесь у этой надписи»; возможно толкование — «здесь по (согласно) этой надписи»), куда приносились памятные жертвы «за душу и сохранение имени» (MP: PWN lwb'n W ptn'm; Phl.: pty 'rw'n W p'sn'm. Шапур перечисляет пять храмов: «Славен Шапур» (храм основан в его честь), «Славна Атур Анахит» (основан в честь дочери и главной жены Шапура I), «Славен Хормизд-Арташир» (в честь наследника престола, «великого царя армян» Хормизда-Арташира), «Славен Шапур» (в честь сына шаханшаха, Шапура, царя Мешана) и, наконец, «Славен Нарсе» — «за душу и сохранение имени ария (Phl.

'гу; МР 'улу; греч.: 'Αριζ), поклоняющегося Мазде, Нарсе, царя Инда, Сакастана и Турестана до побережья моря.

⁷² 'улу mzdysn встречается также на первых выпусках монет Варахрана II. Быть может, эпитет 'улу и в данном случае, и при титуле Нарсе служил каким-то прокламативным целям: Варахран II был возведен на престол Ирана знатно в обход Нарсе [Луконин, 1964].

⁷³ [Хонигман — Марик, 1953, с. 94—98].

⁷⁴ В перечислении рода Сасанидов (МР, 24, m'slry ZY MLK', Phl. nrshw skn MLK'). Ниже упомянута его старшая жена (и, возможно, сестра) Шапурдухтак с титулом «царица саков», младшая жена (?) Нарседухт («госпожа саков» — sk'n ML'T') и его дочь — Хормиздухтак.

⁷⁵ Фотографии см. [Гиршман, 1962, рис. 225—226].

⁷⁶ О восстании на востоке при Варахране II (в 283 г.) сообщают SHA; ср. [Херцфельд, 1930, с. 34; подробнее см. Луконин, 1969].

⁷⁷ См. надписи Pers. I, II (издание: CII, pt. III, vol. II, portf. III. L., 1963). Pers. I составлена по повелению сына Хормизда II, Шапура, «сакского царя Инда, Сакастана и Турестана до побережья моря» (стк. 2—3: šhpwhly sk'n MLK' hndy skstn W twrstn 'D YM' dnby BRH mzdysn bgy 'whrmzdy MLK'n MLK' 'yr'n W 'nyr'n MNW čtry MN yzd'n) и датируется 2-м годом царствования Шапура II. Надпись Pers. II составлена Селевком, судьей городов Шад-Шапура и Кавара, и датируется 18-м годом царствования Шапура II. В ней также упоминается «царь саков» Шапур: стк. 6: W šhpwhry ZY sk'n MLK' 'LYK YHW't — «А Шапур, царь саков — да живет он долго!». Ср. [Луконин, 1967], где неверно указан Кабул вместо Кавар (юг Ирана).

⁷⁸ Далее приводится транслитерация сохранившихся слов в стк. 38—47 надписи KSM (в квадратных скобках даны номера таблиц издания надписи в CII; они указаны в том случае, если на этих таблицах различимы отдельные знаки — на каждой таблице помещалось 25—30 знаков); ³⁸ 'Pšn KN gwpty 'YK («и им так было сказано, мол...»); ранее это сочетание знаков читалось как титул — kngwpty = «кангупат». Для этого выражения ср. надпись Нарсе, сына Хормизда, датированную 27 годом Шапура II, стк. 4—5: LY nrshy 'whrmzdy ZY gwpt 'YK; Издание надписи [Камбахшфард, 1967]). ZK GBR' ZY krtyr hnglpy W ZK NYSH LCDr HWH (в надписи Нарсе, сына Хормизда, стк. 11—12: MNW LCDr HWH l'ty bw't PWN ZNH dzy psndt) ZY štrd'ry pr'č YNPKWN HWHnd³⁹... W hmyw SGYTnd 'L... lwny W PWN ZK [14 — следы знаков] [15] ... MDM g'sy ZHByn bzmy 'Pš W NYSH W MN 'LHšn 'gl'try MNW MN KZY HZYTH HWHnd 'Pšn ⁴⁰...KN gwpty 'YK čygwn 'ylndy pyt'k 'wgwnč [15 — следы знаков] lwšny m ... bgwn (?) W ... hlpstry m'. YK' YMWNT 'LH ... W'dwyn MHLy YTYBWnt HMMnd LNšn 'MT⁴¹ [13, 14 — следы знаков] HZYTH 'dyp неясные следы: 'py, w W s[gyk] YHWWN HWHnd [15, 16 — следы знаков] ...у пу'd'n L' ... BR' LKWM MH yztn W... WWHč 'spd'ly ⁴² [13, начало 14 — следы знаков] NYSH W GBR' ZY krtyr hnglpy PWN [15, 16 — следы знаков] YHWWnt W krn PWN phn'y msy pyt'k 'YK čygwn PWN dln'y W ZY NYSH W GBR'⁴³ [13, 14 — следы знаков... MWnt 'Pšn KN gwpty 'YK 'h... [15 — следы знаков: 16 — начало — следы знаков] ... HZYTN HWHnd W MN ZK štr'py... 'L pwlsy Y'TWnt W krn 'L pwlsy YHMTWN W krn⁴⁴ [13, начало 14 — следы знаков] ... YDH 'HDWN W ZK štrd'ly [15, 16, начало 23 — следы знаков]... ps... y 'ZLWnt W krn YNPKWN HWHnd W pwlsy 'L ZK šytn 'whmy (?) 'L hwl's'n ⁴⁵ [13, 14, 15, 22, начало 23 — следы знаков]... W ZK

štrd'ly lwty... GBR' ZY krtyr 'nglpy W NYŠH G'TY. 'LH W 'zy ⁴⁶
 [19, 20, 21, 22, 23, начало 24 — следы знаков] MND'M MN ZNH
 'gl'tly lwšntly⁴⁷ [19, 20, 22, начало 23 — следы знаков]... ZK štrd'ly
 'plwn pr'č W 'LH 'dwny g'sy... HBWN... W L' rhy (далее — лишь
 следы знаков вплоть до стк. 52, где надпись восстанавливается с
 помощью текста KNRj. В стк. 51 ...GBR' ZY krtyr hnglpy lwpy PWN
 'ngwsty pm'dyru YHWNt?). Несмотря на почти полное отсутствие
 контекстов, обращает на себя внимание упоминание *шахрдар* Хо-
 расана (стк. 44, выше), титулов 'spd'ly (глава конницы? стк. 41),
шахраб (štr'py — стк. 43), эпитета (?) Картира — hnglpy (или 'nglpy
 из av. hanu — «сан, достоинство»? Возможно — GBR' ZY krtyr
 hnglpy — «тот, кто hnglpy Картира»), какой-то дамы (NYŠH), «всад-
 ников *шахрдар*» (стк. 37: W PWRS štrd'ly HZYTWNm), докумен-
 тов, перехода через какой-то мост (pwlsy). Быть может, некоторые
 строки связаны с самой местностью Сар-и Мешхед, где высечена
 эта надпись (над рельефом, где изображены Варахран, который
 убивает льва, его супруга, Картир и еще один вельможа — *шахрдар*
 Хорасана Хормизд?), — узким горным ущельем, в котором, вероятно,
 был возведен дворец и храм (развалины дворца сасанидского вре-
 мени у рельефа мне удалось осмотреть в 1968 г.; насколько я знаю,
 о них не упоминалось в литературе). Интересны в этой связи стк. 47
 и 51 ('ngwsty pm'dyru — «жест адорации»? Картир и вельможа на
 рельефе изображены с этим жестом). GBR' ZY krtyr hnglpy — воз-
 можно: «тот, кто блюдет достоинство Картира» = Варахран II?

⁷⁹ Мирный договор Нарсе и Галерия подробно изложен авто-
 ром VI в. Петром Патрикием [см. Петр Патрикий, фрагм. В, 14,
 франц. перевод: Гаже, 1964, с. 299—301; ср. Адонц, 1922, с. 243
 и сл.].

⁸⁰ Предлагаемая терминология, как мне кажется, точнее харак-
 теризует монеты, выпускавшиеся сасанидскими владельцами Кушан-
 ского царства. «Сасанидо-кушанскими» я называю монеты с легендой
 МР на аверсе и реверсе и изображениями, типологически связанны-
 ми с изображениями на собственно сасанидских монетах. Их номи-
 налы — денар, драхма, медь. «Кушано-сасанидские» монеты имеют
 легенду МР, но знаками бактрийского письма и типологически вос-
 ходят к поздним эмиссиям Васудевы. Они включают в себя скифат-
 ные динары и мелкие монеты. Быть может, это различие отражает
 различные районы обращения (и выпуска?) этих монет: «сасанидо-
 кушанские» монеты — Мерв, Герат, «кушано-сасанидские» — Балх,
 возможно, Кабул. Для реконструкции истории этих районов в IV—
 V вв. этот факт, вероятно, имеет значение.

⁸¹ Типологический анализ см. [Бивар, 1956, с. 13—42, табл. I—V].
 Последовательность правителей:

I. Сасанидо-кушанские монеты (по А. Бивару, «class II»,
 class III» — исключая № 23—24а, «class IV»); 1) Шапур (шаханшах
 Ирана), 2) Арташир I Кушаншах, 3) Арташир II Кушаншах, 4) Фи-
 руз I Кушаншах, 5) Хормизд I Кушаншах, 6) Фируз II Кушаншах,
 7) Хормизд II Кушаншах, 8) Варахран I Кушаншах, 9) Варахран II
 Кушаншах, 10) Кидара, I, 11) Кидара II. А. Бивар принимает дати-
 ровку Э. Херцфельда, не рассматривая ее подробно и не приводя
 никаких дополнительных аргументов.

«Арташир II Кушаншах» представлен одной медной монетой
 очень плохой сохранности (легенды не читаются). Головной убор
 на аверсе скорее напоминает корону «Хормизда I Кушаншаха». Точ-
 но так же единственная медная монета «Пероза I Кушаншаха»
 (табл. II, 20) относится скорее к «Арташиру I Кушаншаху».

Последовательность Шапур — Хормизд — Пероз обосновывается

анализом клада (?), купленного в Кабуле и состоящего из 80 медных монет, из которых — 1 монета Шапура, 66 монет Хормизда и 10 монет Пероза. Поскольку не ясно, имеем ли мы дело с кладом, или со случайным подбором монет, осторожнее все же полагаться пока на типологический анализ монет и анализ легенд.

II. Кушано-сасанидские монеты (по А. Бивару — «class I», «class II», № 23—24a): 5) Хормизд I Кушаншах, 8) Варахран I Кушаншах, 9) Варахран II Кушаншах, 10) Кидара I. Датировку монет см [Гёбль, 1967; Луконин, 1967, с. 15—33]. Последовательность правителей, обоснованная в этой работе: I. Сасанидо-кушанские монеты: 1), 2), 4), 5), 8), 9), 7), 6). II. Кушано-сасанидские монеты: 4) (медь), 5), 8), 9).

⁸² Использован перевод: Ю. Кулаковский и А. Сонин, 1906—1908.

⁸³ Пер. М. А. Геворкяна. Ер., 1959.

⁸⁴ *Acta Sanctorum Martyrum Orientalium et Occidentalium*. Roma, 1748. Пользуюсь русским переводом в «Христианских чтениях» (т. 26—28, СПб., 1827). Св. Маруфа — епископ Майфериканский дважды назначался послом от Феодосия Младшего к Ездигерду I. Точно установлены лишь две даты его жизни — 380 г. (участвовал в I Константинопольском соборе) и 403 г. — находился при дворе Аркадия. О св. Маруфе сообщают историки V в. Сократ и Созимен.

⁸⁵ Большой клад серебряных монет Шапура II, Арташира II и Шапура III и 12 скифатных «кушано-сасанидских» монет кушаншаха Варахрана и, возможно, Кидары, обнаруженный в Тепе-Маранджан около Кабула [Кюриэль, 1953], не дает опорных точек, поскольку найденные в нем монеты Шапура II, может быть и относящиеся к одному монетному двору, не связаны типологически с сасанидо-кушанскими монетами.

⁸⁶ Денар Британского музея с изображением кушаншаха Хормизда и титулом «Великий царь царей кушан» [Парук, 1924, табл. IX, 201] имеет на реверсе название монетного двора — Мевр (mlwy). То же название выбито и на обороте двух драхм кушаншаха Хормизда, хранящихся в Государственном Эрмитаже (издание одной из них см. [Марков, 1899], фотография на титульном листе кат. № 21), на драхме Хормизда, опубликованной А. Биваром [1956] (табл. IV, 17, табл. V, происходит из коллекции Ф. Парука, сейчас — в Национальном музее Дели), над алтарем чеканено hlwyu — «Герат».

⁸⁷ В СССР в известных мне музейных коллекциях (главным образом в Гос. Историческом музее в Москве и в Гос. Эрмитаже) хранится более 600 монет Шапура II. Я предполагаю посвятить этим монетам специальную работу.

⁸⁸ [Фавст Бузанд, III, 7; Моисей Хоренский, III, 3—5 и 9]. Подробный анализ этих событий см. [Тревер, 1959, с. 188—197].

⁸⁹ «Сие несчастье постигло христиан в 117 году персидской монархии и 31 году царствования Шапура по прозванию „долговечного“». Любопытно сохранение традиции «сасанидской эры» в Месопотамии, которая в данном случае соответствует началу царствования Арташира I.

⁹⁰ В рукописях: *chionitis et eusenī*. Обычная конъектура: *cusenī* = кушаны [Маркварт, 1931].

⁹¹ Консульство Дациана и Цереллия.

⁹² Аммиан Марцеллин, XVII, 5; в рукописях *chionitis et gelanis*.

⁹³ [де Менаш, 1964, с. 154]: округ (nisang) Artachir Xvarrah города Гог (столица округа) Kaserun, Kuvar. Та же ошибка (Кабул вместо Кавар) в моей работе «Кушано-сасанидские монеты».

⁹⁴ [Фавст Бузанд, кн. V, гл. 7]. Ср. Аммиан Марцеллин, XXVII, 12. Обстоятельства смерти Аршака описаны в этих источниках в основном одинаково.

⁹⁵ См., например, [Фавст Бузанд, IV, гл. 40—50], где последовательно перечисляется около 3) походов персов на армян, причем во главе персидских армий Фавст опять-таки последовательно помещает всю персидскую «табель о рангах», от царя царей до наставника магов (гл. 47), евнуха (гл. 46), начальника продовольственных запасов (гл. 48).

⁹⁶ [Луконин, 1969в] <в настоящем издании — см. следующую статью>. Интересно, что при раскопках была обнаружена сасанидская модификация части монастыря (комплекс II) — уже в виде храма огня. То же было и на Сурх-Котале. Но если о дате в Каратепе мы можем судить на основании сасанидской надписи с датировкой по годам царствования Шапура II, палеографии бактрийских надписей и монеты Шапура II, найденной при раскопках, то для даты «сасанидских модификаций» в Сурх-Котале материалов нет. Если исключить материалы, не поддающиеся пока абсолютной датировке (кушанские монеты, дата «большой надписи»), то останутся лишь не публиковавшаяся кушано-сасанидская монета, найденная «à 1 m 50 environ au-dessus du sol antique et au sommet de la couche d'incendie» (Шлюмберже, 1954, с. 173 и примеч. 2), и «незаконченная надпись», в которой Я. Харматта — видимо, правильно — прочел дату: 299 г. (неизвестной эры) [1965]. Таким образом, для решения вопроса о дате разрушения Сурх-Котала необходимо преодолеть слишком много трудностей. Это явствует из всего изложенного выше. Сурх-Котал мог быть захвачен Сасанидами и между 245—250 гг., и между 368—380. Поэтому мне кажутся весьма зыбкими все построения вокруг даты «незаконченной надписи» (Я. Харматта, А. Бивар). Мы не знаем не только абсолютной даты этой надписи, но и того, как она сопряжена с «эрой Канишки», и многого другого.

⁹⁷ [Луконин, 1967].

Среднеперсидские надписи из Каратепе

¹ Надпись состоит из девяти строк: первые две написаны мало-разборчивым, неуклюжим почерком, остальные — рукой первоклассного писца. Обращает на себя внимание смелость и изящество написания некоторых лигатур (о чтении отдельных слов этой надписи см. ниже). Несколько среднеперсидских надписей обнаружено в районе Старого Мерва. Это по преимуществу надписи на черепках (острака) и бараньих лопатках. Один из таких черепков найден в 1936 г. археологом А. А. Марущенко на городище Гяур-кала вместе с черепками с согдийскими и арабскими надписями; о черепках с согдийскими надписями см. [Лившиц, 1962, с. 68]; об арабских надписях см. [Певзнер, 1954, с. 24—37] (там же данные о других надписях, обнаруженных в Мерве; к ним следует добавить две бараньи лопатки с арабскими надписями из раскопок А. Пампелли, хранящиеся в Эрмитаже, — инв. № А1517, А1518). Все эти памятники, как предполагает В. А. Лившиц, являются упражнениями в письме — остатками архивов мервских школ писцов первой половины VIII в. н. э.

Черепок со среднеперсидской надписью из Гяур-калы представляет собой крупный фрагмент хума (часть венчика и стенки, 20×15 см). Надписи нанесены тушью. В верхнем правом углу —

несколько сложных лигатур, ниже — четыре строки надписи по горизонтали: (1) NKSY'KL' (2) 'twrmtr' (3). štl' (4)... i'd'n... (1) «все имущество (2) Атурмихра...» В нижнем правом углу черепка (надпись читается на фотографии снизу вверх): 'whrmzd'twrgwšnsr — «Хормизда тургушнасп». Написание 'whrmzd — обычное для пехлевийского курсива. Написание gwšnsr идентично написанию имени на кольцевом поддоне серебряной сасанидской чаши с изображением Шапура II (?) (см. [Фрай, 1962, рис. 64]: brsyngwšnsr' — имя владельца сосуда). В верхнем левом углу черепка — начальные знаки двухстрочной надписи. Во второй строке, вероятно, также NKSY' = xwāstak (о черепках со среднеперсидскими надписями см. [де Менаш, 1957]).

² О сасанидских геммах на территории Средней Азии см. [Борисов — Луконин, 1963, с. 5—6, 23—30].

³ См. [Ставиский, 1965, с. 23].

⁴ Кусок штукатурки с надписью СП-I и процарапанными рядом по тому же слою штукатурки курсивными бактрийскими надписями был снят со стены реставраторами Эрмитажа и экспонировался на отчетной выставке 1964 г.

⁵ Об имени Зик см. [Юсти, 1895, с. 385]. Это имя в сасанидских надписях встречается неоднократно [см., например, Шпренглинг, 1953].

⁶ [Борисов — Луконин, 1963; де Менаш, 1962, с. 225—230].

⁷ [См. Хеннинг, 1958, с. 43—46, там же библиография; о надписях на торежке см. Лившиц — Луконин, 1964].

⁸ Издание надписей см.: Pers. I, II — СП, pt III, vol. III, portf. III («Малые надписи Картира»); ТВ I, II — [Фланден — Кост, 1943—1854, т. IV].

⁹ [Хеннинг, 1954a].

¹⁰ Надписи Дербента ([см. Пахомов, 1929]; о дате надписей см. ниже), надписи из района Персеполя — [де Менаш 1959].

¹¹ Начертания знаков обеих надписей из Кара-тепе ближе всего к надписям ТВ I, ТВ II (обе эти надписи составлены при Шапуре III).

¹² Вероятно, к тому же разряду надписей принадлежит и среднеперсидская настенная надпись из Пенджикента. До исследования надписи при помощи специальных фотографий (надпись нанесена тушью, текст местами сильно поврежден) трудно дать ее полный перевод. Пока можно отметить, что в конце первой строки читается имя hwsłwb (?), в конце второй — вполне определенно — yzdy (судя по расположению, это не компонент имени собственного, а часть какой-то религиозной формулы). В третьей строке надписи, в начале: yzd'nprhw...)теофорное имя) и, наконец, в предпоследней строке — whwdyp (также скорее всего не имя, а термин — «[исповедующий] добрую веру», «зороастриец»). Таким образом, надпись в одном из парадных залов согдийского города Пенджикента оставлена зороастрийцами и написана профессиональным писцом-персом. Посетители этого зала носили праведные зороастрийские сасанидские имена и употребляли зороастрийские религиозные формулы. Эта надпись скорее всего одновременно стеной живописи зала, исполненной в VII в. Не лишено вероятности, что надпись связана с пребыванием в Самаркандском Согде сторонников (или родственников?) погибшего последнего сасанидского царя Ездигерда III. Ср. упоминание у Табари Хусрава ибн Йаздигарда, сведения китайских источников, а также появление загадочного «перса-полководца» (p'rsyk sr'yš) в мугском документе А-14 (см. [Лившиц, 1962, с. 88—89]).

¹³ Три надписи (из пяти) в Канхери начинаются формулой PWN SMy yzd'n — «во имя богов», содержат зороастрийские теофорные имена и датированы 378 (надписи № 1 и 2) и 390 гг. по эре Ездигерда (т. е. 1009 и 1021 гг. н. э.). См. вполне удовлетворительные чтения в статье: [Вест, 1880, с. 265—268].

¹⁴ [См.: Гайгер, 1956].

¹⁵ KKZ — см. [Шпренглинг, 1953].

¹⁶ На реверсе монеты кушано-сасанидского правителя Пероза в легенде, по предположению Э. Херцфельда, содержится: «Будда, бог» — bwld' yzdy, что, впрочем, не мешает Перозу титуловать себя (в легенде аверса) «поклоняющийся (Ахура) Мазде, владыка» — mzdysn bgy. Пероз правил кушанскими землями в конце 70-х — начале 80-х гг. IV в. (подробнее о дате см. [Луконин, 1967, с. 25 и сл.]). В последнее время, однако, В. Б. Хеннинг предложил читать легенду реверса этих монет как bwld'wndy yzdy — «великий бог». Именно эта легенда читается на реверсе кушано-сасанидских скифатных монет Хормизда, который правил кушанскими землями сразу же после Пероза. На реверсе этих монет изображен Шива с быком. Таким образом, если принять чтение В. Б. Хеннинга, то и на монетах Пероза мы имеем дело с изображением не Будды, а Ахурамазды. Как известно, зороастризму первоначально были не свойственны антропоморфные изображения главных божеств. Образ Ахурамазды был сконструирован в сасанидском Иране лишь в III в., причем при его создании была использована иконография портрета царя царей Ирана (подробнее см. [Луконин, 1968]). Вполне понятно поэтому, что, выпуская монеты для обращения на только что завоеванной территории Кушанского царства, сасанидские правители могли для изображения Ахурамазды использовать иконографию образов привычных для этой территории божеств Шивы и Будды.

¹⁷ Об аналогичных надписях в синагоге Дура-Европоса (также употреблен титул «писец») см. [Гайгер, 1956].

¹⁸ [Гиршман, 1936, табл. 44]. Формулы 'twr ZY 'rthštr; 'twr ZY šhrwhr, как на это указывал еще А. Кристенсен [1936а, с. 126—128], идентичны формулам на реверсе сасанидских монет, что и позволяет переводить их как «царский коронационный храм», т. е. храм, где огонь возжигался в честь коронации царя царей, и с этого момента велось летосчисление царствования (подробнее см. [Луконин, 1968]). Р. Н. Фрай предлагает следующий перевод: «in the month of Fravardin of the year 58, forty years of the fire of Ardashir, twenty-four years of the fire of Shapur, (which is) the king of fires» [Фрай, 1962, с. 209]. Этот перевод менее удачен.

¹⁹ Помимо палеографических особенностей начертания отдельных знаков надписи СП—I, столь ранней ее датировке (III в.) препятствует и то обстоятельство, что единственной пока сасанидской монетой, обнаруженной в Кара-тепе, является монета Шапура II.

²⁰ SKZ, парф. версия, стк. 3.

²¹ [См.: Луконин, 1967, с. 16—18; ср.: Хонигман — Марик, 1953, с. 99—110; Бивар, 1963, с. 498].

²² Кроме упоминавшихся выше надписей из Канхери и некоторых других «эрой Ездигерда» датирована и могильная надпись (билингва: среднеперсидский и китайский тексты), обнаруженная недавно в Китае (см. журн. Каогу, 1964, № 9, с. 458—461, рис.). По «эре Ездигерда», как указал мне В. А. Лившиц, датированы и согдийские надписи IX—X вв. (из Ладакха и еще не опубликованные памятники из Семиречья — долина Таласа), а также некоторые из уйгурских манихейских текстов, происходящих из Восточного Туркестана.

²³ Издание надписей см. [Пахомов, 1929]. Чтение надписей принадлежит Г. Ньюбергу ([Ньюберг, 1929]; см. также [Тревер, 1959, с. 346—353]). Надпись № 3 содержит дату: по Ньюбергу — «год 700» (по селевкидской эре!, т. е. 453 г. — таким ранним временем, судя по палеографии и историческим свидетельствам, надписи Дербента датироваться не могут), по Е. А. Пахомову — 37 г. (Хосрова I — т. е. 567 г., см. [Пахомов, 1930, с. 14—15]; это чтение даты принято В. Б. Хенningом — [Хеннинг, 1958, с. 49]). Мне представляется, что написание даты в надписях Дербента ничем не отличается от ее написания на монетах того же Хосрова I, так что в надписи № 3 мы имеем словесно обозначенный «год третий» (т. е. 534 г. н. э.). Надпись № 2, вероятно, также содержит дату (стк. 3: «четвертый»). Обе эти надписи, как и надписи № 1, 4, 5, одинаковы по содержанию: «это и отсюда вверх [сделано] Бурзнешом (?), сыном Атурпатака, *хамаркаром*» — (вряд ли «*хамаркаром* Атурпатакана», как предлагал читать Ньюберг). То же имя и тот же титул содержат надписи № 7 и 10. Надписи № 6 и 8, 9 — очень плохой сохранности, их чтение станет возможным только после снятия удовлетворительных эстампажей (в надписи № 8 в четвертой строке: ZY MLKy NPSH — «из царского имущества»; надписи № 8 и 9 одинаковы по содержанию). Надписи № 11—13 содержат лишь одно слово (№ 11: «Бурзнеш»?). Надписи № 14, 15 и 20 читаются вполне отчетливо: MN snk' krt' — «сделано из камня» (Ньюберг предлагал читать: mn 'kn klt — «мною сделана штукатурка (*ākan*)»; для последнего слова предлагались также значения «набивка», «начинка», т. е. «забутовка» или из армянского — «ров», «пробоина», «подкоп», см. [Тревер, 1959, с. 350—352]). Точно так же определенно читаются надписи № 16, 18: 'twrgwšnsp' krt' «Сделал Атургушнасп» (Ньюберг предлагал читать: 'twrgyn HNHTWNt «Атуреном положено»).

²⁴ Р. Фрай в своей статье, посвященной обзору работ советских археологов на территории Средней Азии, ошибочно относит эту среднеперсидскую надпись к Пенжикенту, см. [Фрай, 1967].

Список опубликованных работ В. Г. Луконина

Монографии и каталоги

1. Памятники культуры Сасанидского Ирана. Л., 1960, 22 с., 22 табл. (Совместно с Р. В. Кинжаловым.)
2. Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры. Л., 1961, 79,2 с., 36 табл.
3. Иран в III—IV вв. (Сложение сасанидского государства и формирование официального стиля в искусстве). Автореферат канд. дис. Л., 1961, 16 с.
4. Сасанидские геммы. Л., 1963, 222 с. с ил. (Совместно с А. Я. Борисовым.)
5. Persia II. Genève — Paris — Munich, 1967, 232 с. (Archaeologia Mundi.)
6. Сокровища Ирака. Древнее Двуречье. Каталог выставки. М., 1968, 59 с. (Совместно с В. К. Афанасьевой, А. А. Ивановым, Н. Б. Янковской.)
7. Искусство Ирана.— Искусство древнего Востока. М., 1968, с. 85—96.
8. Культура Сасанидского Ирана. Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969, 218 с. с ил., 21 табл.
9. Раннесасанидский Иран. Некоторые проблемы истории и культуры. Автореферат докт. дис. М., 1970, 34 с.
10. Сокровища искусства древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии (временная выставка из собраний музеев СССР). Л., 1971, 30 с. с ил.
11. Тамаддон-е Иран-е сасани. (Иран дар седдеха-йе саввом та панджом-е милади). Техрāн, 1350/1971, 380 с. с ил. (Культура сасанидского Ирана. На перс. яз.)
12. Шахкарха-йе сасани-йе музе-йе Эрмитаж. Техран, 1352/1973, 14 с., 10 ил. (Каталог выставки «Искусство Сасанидов из собрания Эрмитажа» на перс. яз.; франц. яз. 16 с., 9 ил.)
13. Искусство древнего Востока. М., 1976, 375 с. (Малая история искусств.) (Совместно с В. К. Афанасьевой, Н. А. Померанцевой.)
14. Искусство древнего Ирана. М., 1977, 232 с. с ил.
15. Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979, 134 с., 19 табл.
16. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, 416 с. с ил. (Совместно с М. А. Дандамаевым.)
17. Ювелирные изделия Востока, Древний, средневековый периоды.

- М., 1984, 216 с. с ил. (Совместно с А. А. Ивановым и Л. С. Сметовой.)
18. Сасанидский металл. М., 1987. (Совместно с К. В. Тревер.)
19. Памятники искусства Ирана в собраниях СССР. Л., 1987. (Совместно с А. А. Ивановым.)
20. Kunst des alten Iran. Lpz., 1986, 186 с. с ил.

Статьи, рецензии, тезисы

21. Резной аметист с изображением парицы париц Денак (из собрания Государственного Эрмитажа).— Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.— Л., 1960, с. 379—385.
22. Сасанидские буллы.— СГЭ. Вып. 10. 1960, с. 32—35.
23. Некоторые вопросы развития памятников официального искусства эпохи Сасанидов.— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1959 год. Л., 1960, с. 7—8.
24. Iranica, arte. 2. Periodo achemenide. 3. Periodo parthico.— Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Vol. 4. Roma, 1961, с. 196—207. (Совместно с К. В. Тревер.)
25. Библиография к статье К. В. Тревер. Periodo sassanide.— Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Vol. IV, Roma, 1961, с. 217—218. (Совместно с К. В. Тревер и В. М. Массоном.)
26. Опыт датировки группы резных камней сасанидского времени.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 2. М., 1963, с. 182—188.
27. Варахран II и Нарсе (Иран 70—90 гг. III века).— ВДИ. 1964 № 1, с. 48—63.
28. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах.— ВДИ. 1964, № 3, с. 155—176. (Совместно с В. А. Лившицем.)
29. Изучение сасанидского искусства в Государственном Эрмитаже.— Государственный Эрмитаж. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Л., 1964, с. 27—34.
30. Надпись на перстне из кургана в Уч-Тепе.— Иессен А. А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе.— МИА, № 125, 1965, с. 193.
31. Маздакизм. Маздакитское движение.— Советская историческая энциклопедия. Т. 8, М., 1965, с. 906—907.
32. Манихейство.— Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966, с. 36—37. (Совместно с А. Л. Кацем.)
33. Хормизд, великий царь царей кушан (к проблеме хронологии кушано-сасанидских монет).— Тезисы докладов Пленума Института археологии АН СССР. Секция «Нумизматика». М., 1966, с. 8—10.
34. Картир и Мани.— ВДИ. 1966, № 3, с. 65—81.
35. Отдел истории культуры и искусства народов советского и зарубежного Востока.— Эрмитаж за 200 лет. Л.— М., 1966, с. 97—114. (Совместно с А. В. Банк.)
36. Кушано-сасанидские монеты.— ЭВ. 18, 1967, с. 16—33.
37. Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии.— Тезисы докладов и сообщений советских ученых на Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душ., 1968, с. 34—37.

38. Les Monnaies d'Ardachir I et l'art officiel sassanide.— *Iranica Antiqua*. 8, 1968, с. 106—117.
39. Sassanian Rulers of Kushāna State.— *Bhārati* (Bulletin of the College of Indology), X—XI (Central Asian Number). Benares, Hindu University, 1966—1968, с. 141—174.
40. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе.— *Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе*. М., 1969, с. 40—46.
41. Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии.— *ВДИ*. 1969, № 2, с. 2—44.
42. Комментарий.— *Фирдоуси. Шахнаме*. Т. 4 (пер. Ц. Б. Бану-Лахути). М., 1969, с. 403—440.
43. Ма'хаз-е фарханг-е Иран дар доуре-йе сасанийан (Источники по культуре Ирана эпохи Сасанидов).— *Бастаншинаси ва хунар-е Иран*. Тегран, 1969—70, № 4, с. 15—28 (на пер. яз.).
44. Картир — верховный жрец Ирана и его надписи.— *Тезисы докладов 6-й Всесоюзной научной конференции по актуальным проблемам иранской филологии*. Тб., 1970, с. 26—28.
45. Искусство древнего Ирана (основные этапы).— *История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства*. М., 1971, с. 105—121.
46. Исторический аспект в изучении памятников культуры сасанидского Ирана.— *СГЭ*. Вып. 32, 1971, с. 40—43.
47. По поводу булл из Ак-депе.— *ЭВ*. 20, 1971, с. 50—52.
48. [реп. на:] W. Hinz. Altiranische Funde und Forschungen. В., 1969.— *ВДИ*. 1971, № 3, с. 157—165. (Совместно с М. А. Дандамаевым.)
49. Historical Aspects in the Study of the Monuments of Sassanian Art.— *V-th International Congress of Iranian Art and Archaeology Vol. 1. Tehrān*, 1972, с. 291—295.
50. Монеты из раскопок Кара-тепе (1961—1971 гг. Краткая справка).— *Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе*. М., 1972, с. 101—103. (Совместно с Е. В. Зеймалем.)
51. К 80-летию К. В. Тревер.— *ВИ*. 1972, № 1, с. 15—152. (Совместно с Р. М. Джанполадян.)
52. Сокровища искусства древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии.— *СГЭ*. Вып. 37, 1973, с. 100—101.
53. Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии.— *Центральная Азия в кушанскую эпоху*. Т. 1. Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. 1968. Душ., М., 1974, с. 302—307.
54. Новые работы по сасанидской глиптике.— *ВДИ*. 1976, № 1, с. 158—166.
55. К. В. Тревер (1892—1974).— *СГЭ*. Вып. 41, 1976, с. 91. (Совместно с А. А. Иерусалимской.)
56. Археологические памятники Ирана второго-первого тысячелетий до н. э. и новые поступления в Отдел Востока.— *СГЭ*. Вып. 42, 1977, с. 46—51.
57. Храм Анахиты в Кангаваре.— *ВДИ*. 1977, № 2, с. 105—111.
58. Накш-и Раджаб, Иран (раннесасанидские рельефы и надписи).— *Культура Востока. Древность и раннее средневековье*. Л., 1978, с. 78—90.
59. К 70-летию академика Б. Б. Пиотровского.— *История СССР*. 1978, № 2, с. 235—238. (Совместно с Ю. В. Бромлеем и В. Л. Яниным.)
60. [реп. на:] *История древнего Востока*. М., 1979.— *ВИ*. 1981, № 10, с. 142—144. (Совместно с Г. М. Бонгард-Левинным.)
61. [Описание кушано-сасанидской части клада № 5 в кл.:] *Давидо-*

- вич Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979, с. 48—52.
62. Митра на кушано-сасанидских монетах.—Тезисы докладов конференции «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981, с. 93—95.
 63. The Department of the Art and Culture of the Peoples of the East.—The Hermitage. Guide. L., 1981, с. 96—106. (Совместно с А. В. Банк.) <То же на немец. франц., испан. яз.>
 64. Библейский сюжет в сасанидской глиптике.—СГЭ. Вып. 47, 1982, с. 49—50.
 65. Сасанидская держава в III—V вв. [лекция 9].—История древнего мира. Т. 3. М., 1982, с. 182—204.
 66. Political, Social and Administrative Institutions: Taxes and Trade.—The Cambridge History of Iran. Vol. 3. Pt. 2. The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Cambridge, 1983, с. 681—746.
 67. 75-летие академика Б. Б. Пиотровского.—ВИ. 1983, № 1, с. 107—108. (Совместно с В. Г. Тихвинским.)
 68. Художественная культура древневосточных рабовладельческих формаций.—Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование (под ред. М. С. Кагана). Л., 1984, с. 126—148. (Совместно с Е. В. Зеймалем.)
 69. Примечания.—Фирдоуси. Шахнаме. Т. 5 (пер. Ц. Б. Бану-Лахути и В. Г. Берзнева). М., 1984, с. 346—375.

Титульное редактирование

70. Живопись средневекового Востока. Каталог выставки. Л., 1967, 52 с.
71. Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху. Каталог выставки. Л., 1968, 68 с.
72. Культура и искусство народов Востока. Т. 7 (ТГЭ. т. X). Л., 1969, 287 с.
73. Генинг В. Ф., Крамаровский М. Г. Ивдельская находка. Л., 1973, 44 с. (От редактора, с. 3—4).
74. Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Сборник статей. Л., 1978, 239 с. (От редактора, с. 5—6).
75. Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX—XII вв. Очерки. М., 1978, 202 с., 130 ил.
76. Культура и искусство народов Востока. Т. 8 (ТГЭ. т. XIX). Л., 1978, 147 с.
77. Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979, 94 с.
78. Цоцелия М. В. Каталог сасанидских монет Грузии. Тб., 1981, 274 с.
79. Живопись и скульптура Таджикистана. Древность и средние века. Каталог выставки. Л., 1984, 55 с.
80. Сокровища Британского музея. Сост. Ф. Фрэнсис (пер. с англ. В. Луконина). М., 1984, 318 с. (Предисловие, с. 3—7).
81. Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Сборник статей. Л., 1985, 215 с.

Научно-популярные работы

82. [Предисловие к кн.:] Симашко М. Маздак. Исторический роман. А.-А., 1971 [1-е изд.], с. 5—6.

83. Это волнует... [Предисловие к кн.:] Арзуманян А. Братья Орбели. Ер., 1976, с. 3—4.
84. Наука о древнем Востоке.— Наука и жизнь. 1977, № 11, с. 107.
85. Сокровища Эрмитажа.— Аврора. 1979, № 8, с. 160, 3 с. обложки.
86. [Выступление по поводу образования древнейших государств] ...Ранние, древнейшие (Круглый стол журнала «Знание — сила»).— Знание — сила. 1982, № 1, с. 9.

* * *

Рецензии

Иран в эпоху первых Сасанидов

Пигулевская Н. В.— Народы Азии и Африки. 1962, № 3, с. 211—215.

Сасанидские геммы

Pegan E.— Argo. Bulletin on Antiquity and Early Middle Ages History of Art and Museology. Ljubljana, 1964. Leto III, št. 2, с. 59—60.

Talbot Rice T.— Antiquarian Journal. L., 1964, с. 254—255. Numismatica. Anno VII, № 1—3. Gennaia, 1966, с. 150.

Persia II.

Neusner J.— Journal of the American Oriental Society. Vol. 88, № 2, 1968, с. 362.

Göbl R.— Central Asian Journal. 1968.

Perada E.— Artibus Asiae, Vol. XXXI. Pt. 1. 1969, с. 95—96.

Eilers W.— Orientalistische Literatur—Zeitung. 1970, № 5—6 (65. Jahrgang), с. 286—288.

Malekzade Bajani.— Rahnema-ye ketab. Vol. 15, № 5—6. 1972, с. 446—449.

Иран в III веке

Колесников А. И.— Палестинский сборник. Вып. 28 (91). Л., 1986, с. 209—211.

Некрологи

Vladimir Lukonin.— Times. 17.10.1984.

Пиотровский Б. Б. [В. Г. Луконин]— В кн.: Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М., 1984, с. 215.

В. Г. Луконин.— ВДИ. 1985, № 2, с. 215.

Дандамаев М., Лившиц В. В. Г. Луконин.— Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 8. М., 1985, с. 108—109.

Maršak B., Škoda V. Vladimir Lukonin (1932—1984).— Studia Iranica. T. 14, fasc. 1. 1985, с. 7—13.

Зеймаль Е. В. Памяти Владимира Григорьевича Луконина.— СА, 1986, № 1, с. 319.

Vanden Berghe L., Langeraeert-Seeuws. In memoriam Vladimir G. Lukonin.— Iranica Antiqua. Vol. 19.1984, с. IX—XIX.

Сокращенные обозначения памятников надписей и источников

BD	— Комплекс Барм-и Дилак (I— рельеф с инвеститурой Шапурдхтак и надписью; II— рельеф Варахрана II)
Beh. I	— Надпись Дария I в Бехистуне.
Biš.	— Комплекс в Бишапуре (I— рельеф с инвеститурой Шапура I; II— рельеф с «малым» триумфом Шапура; III— рельеф с «большим» триумфом Шапура; IV— рельеф с изображением Варахрана II и арабов; V— рельеф с инвеститурой Варахрана I; VI— рельеф с «триумфом» Нарсе).
Hjab	— Комплекс Хаджиабад.
KKZ	— Надпись <i>магуната</i> Картира на цоколе «Каабы Зороастра».
KNRj	— Рельеф и надпись Картира в комплексе Накш-и Раджаб.
KNRu	— Надпись Картира в комплексе Накш-и Рустам.
KSM	— Надпись Картира в комплексе Сар-и Мешхед.
KZ	— «Кааба Зороастра».
MhD	— Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений».
NBh	— Комплекс Накш-и Бахрам.
NPK	— Надпись Нарсе в Пайкули.
NRj	— Комплекс Накш-и Раджаб.
NRu	— Комплекс Накш-и Рустам (I— инвеститура Арташира I; II— триумф Шапура I; III— Варахран II и его двор; IV— инвеститура Нарсе).
Pers. I	— Надпись в Персеполе царя Сакастана Шапура.
Pers. II	— Надпись в Персеполе судьи Селевка из города Кавара.
SM	— Комплекс Сар-и Мешхед.
Sbš	— Надпись Апсая в Бишапуре.
SHA	— <i>Scriptores Historiae Augustae</i> .
SHjab	— Надпись Шапура I в комплексе Хаджиабад.
SKZ	— Надпись Шапура I на «Каабе Зороастра».
TB	— Комплекс Так-и Бостан.
TQ	— Комплекс Танг-и Кандил.

Сокращения

ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИ	— Вопросы истории. М.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб., Пг.
ИТН	— см. Литвинский и др., 1963.
МАИҚЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.
СА	— Советская археология. М.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТОВЭ	— Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.
ЭВ	— Эпиграфика Востока. М.— Л., М.

- ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
- AA — Archäologischer Anzeiger. Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts. B.
- AAH — Acta antiqua academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.
- AJSL — American Journal of Semitic Languages and Literature. Chicago.
- AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran. B.
- AMI NF — Archäologische Mitteilungen aus Iran. Neue Folge.
- BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Lugduni Batavorum.
- BMM — The Metropolitan Museum of Art Bulletin. N. Y.
- BSO(A)S — The Bulletin of the School of Oriental (and African Studies. University of London). L.
- CII(r) — Corpus Inscriptionum Iranicarum. L.
- CRAIBL — Comptes rendu des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. P.
- GMS — E. J. W. Gibb Memorial Series.
- HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge, Mass.
- JA — Journale Asiatique. P.
- JHS — The Journal of Hellenic Studies. L.
- JNSI — The Journal of the Numismatic Society of India. Bombay
- JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society. L.
- JRASB — The Journal of the Royal Asiatic Society. Bombay Branch. Bombay.
- MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. P., Le Caire.
- MMP — Monument et Mémoires, Foundation Eugène Piot. P.
- NC — The Numismatic Chronicle. L.
- NS ANS — The Numismatic Studies of the American Numismatic Society. N. Y.
- OL — Orientalistische Literatur-zeitung. B.— Lpz.
- PBA — The Proceedings of the British Academy. L.
- RAA — Revue des arts asiatiques. P., Bruxselles.
- REA — Revue des études arméniennes. P.
- RHR — Revue de l'histoire des religions. P.
- RN — Revue numismatique. P.
- RSO — Rivista degli Studi Orientali. Roma.
- SHAW — Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Klasse. Heidelberg.
- SPA — A Survey of Persian Art. L.— N. Y.
- WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Lpz., Wiesbaden.
- YCS — Yale Classical Studies. New Haven.

Список цитируемой литературы

- Абаев, 1965.— *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Агапий.— *Agapius (Mahbood) de Menbidj.* Kitab al-Unvan. Histoire Universelle éditée et traduite en français par A. Vasiliev. Patrologie Orientalis. V.4, VII.4, VIII.3. P., 1909—1915.
- Адонц, 1922.— *Адонц Н. Г.* Фауст Византийский как историк.— Христианский Восток. Т. VI. Вып. 3. Пг., 1922.
- Акургал, 1961.— *Akurgal E.* Die Kunst der Hethiter. München, 1961.
- Аладашвили, 1977.— *Аладашвили Н. А.* Монументальная скульптура Грузии. М., 1977.
- Альтхайм — Штиль, 1952.— *Altheim F., Stiehl R.* Die Inschriften von Tang-i Sarwak.— Asien und Rom. Tübingen, 1952.
- Андре, 1930.— *Andreae W.* Das Gotteshaus und drei Urformen des Bauens in Alten Orient. B., 1930.
- Антиох Стратиг см. Мapp, 1909.
- Артамонов, 1961.— *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении скифского искусства.— *Omagiu lui George Oprescu.* Bucuresti, 1961.
- Артамонов, 1962.— *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении скифского искусства.— СГЭ. Вып. XXII. 1962.
- Афанасьева, 1968.— *Афанасьева В. К.* Искусство Двуречья 5—2 тысячелетий до н. э.— Памятники мирового искусства. Искусство древнего Востока. М., 1968.
- Афанасьева, 1976.— *Афанасьева В. К.* Искусство древнего Ближнего Востока.— Малая история искусств. Искусство древнего Востока. М., 1976.
- Афанасьева, 1981.— Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. Предисловие В. К. Афанасьевой. М., 1981.
- Афанасьева — Дьяконов, 1961.— *Афанасьева В. К., Дьяконов И. М.* Об основных этапах развития изобразительного искусства древнего Шумера.— ТГЭ. Т. 5. 1961.
- Балазури.— *Al-Beladzori.* Liber expugnatione regionum. Ed. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.
- Бал'ами.— *Bal'ami.* Ta'rih-i Tabari. Lit. Caunpur. 1896.
- Барнет, 1959.— *Barnett R. D.* Assyrische Palastreliefs. Prague, 1959.
- Бартоломе, 1904; 1961.— *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (B., 1961).
- Бартоломе, 1915.— *Bartholomae Chr.* Mitteliranische Studien. V.— WZKM. Bd. 29. 1915.
- Бартоломе, 1920.— *Bartholomae Chr.* Zum sasanidischen Recht. III.— SHAW. 18 Abh. Bd. 11, 3.
- Бейли, 1930.— *Bailey H. W.* To the Zamasp-namak.— BSOS. Vol. VI. 1930.
- Бейли, 1954.— *Bailey H. W.* Hārahūna.— Asiatica: Festschrift Friedrich Weller. Leipzig, 1954.
- Бивар, 1956.— *Bivar A. D. H.* The Kushano-Sassanian coin series.— JNSI. Vol. XVIII. Pt. 1. 1956.
- Бивар, 1961.— *Bivar A. D. H.* An unknown Panjab Seal-collector.— JNSI. Vol. XXIII. 1961.
- Бивар, 1963.— *Bivar A. D. H.* The Kaniška dating from Surkh Kotal.— BSOAS. Vol. XXVI. Pt. 3. 1963.
- Бивар, 1966.— *Bivar A. D. H.* The Personal and Administrative Seals of the Sasanian Period.— Proceedings of the 1st International Congress of Iranologists. Tehran. September, 1966.

- Бивар, 1969.— *Bivar A. D. H.* Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Stamp Seals: The Sasanian Dynasty. L., 1969.
- Бикерман, 1938.— *Bickerman E.* Les institutions des Séleucides. P., 1938.
- Бикерман, 1966а.— *Bickerman E. J.* The Parthian Ostrakon № 1760 from Nisa.— *Bibliotheca Orientalis*. Jahrgang XXIII. 1966.
- Бикерман, 1966б.— *Bickerman E.* The Seleucids and the Achaemenids.— *Atti del convegno sul tema: La Persia e il mondo Greco-Romano*. Roma, 1966.
- Бируни.— *Бируни*. Избранные произведения. Т. 1. Памятники минувших поколений. Таш., 1957.
- Бичурин, 1950.— *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. Изд. 2. М.— Л., 1950.
- Бойс, 1957.— *Boyse M.* The Parthian Gōsan and Iranian Minstrel Tradition.— *JRAS*. 1957.
- Борисов, 1939.— *Борисов А. Я.* Эпиграфические заметки.— *ТОВЭ*. Т. 1. 1939.
- Борисов — Луконин, 1963.— *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963.
- Ванден Берге, 1973.— *Vanden Berghe L., Joffroy R.* Bronzes. Iran — Luristan, Caucasus.— *Evocations métallurgiques*. Т. 13. Bruxelles, 1973.
- Вест, 1880.— *West E. W.* The Pahlavi inscriptions at Kaṇheri.— *The Indian Antiquary*. Vol. 9. Calcutta, 1880.
- Виденгрэн, 1957.— *Widengren G.* Quelques rapports entre juifs et iraniens à l'époque des Parthes.— *Volume du Congrès Strasbourg 1956*. Leiden, 1957.
- Виденгрэн, 1960.— *Widengren G.* Iranische-Semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit. Köln — Opladen, 1960.
- Вилкинсон, 1975.— *Wilkinson C. W.* Ivories from Ziwiye. Bern, 1975.
- Вольский, 1962.— *Wolski J.* Arsace II et la généalogie des premiers Arsacides.— *Historia*. Bd. 11. Wiesbaden, 1962. (= *Altheim F., Stiehl R.* Die Araber in der Alten Welt. Bd. 2. B., 1965, с. 370—378).
- Гаже, 1964.— *Gagé J.* La montée des Sassanides et l'heure de Palmyre. P., 1964. (La mémorial des siècles, 5).
- Гайгер, 1956.— *Geiger B.* The Middle Iranian Texts.— *Kraeling C. H.* The Excavation at Dura-Europos. Final Report. Vol. 3. Pt. 1. The Synagogue. New Haven, 1956.
- Галль, 1971.— *Gall H.* Die Mosaiken von Bišchapur und ihre Beziehung zu den Triumphreliefs des Schapur I.— *AMI*. NF. Bd. 4, 1971.
- Гёбл, 1957.— *Göbl R.* Die Münzprägung der Kušan von Vima Kadphises bis Bahram IV.— *Altheim F., Stiehl R.* Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt-am-Main, 1957.
- Гёбл, 1962.— *Göbl R.* Die Munzen der Sassaniden, im Königlichen Münzkabinett. The Hague — Gravenhage, 1962.
- Гёбл, 1964.— *Göbl R.* Zwei neue Termini für ein zentrales Datum der Alten Geschichte Mittelasiens, das Jahr 1 des Kušānkönigs Kaniška.— *Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreich. Akademie der Wissenschaft*. 1964, № 7.
- Гёбл, 1967.— *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. 1—4. Wiesbaden, 1967.
- Гёбл, 1968.— *Göbl R.* Sassanidische Münzen. Haag, 1968.
- Гёбл, 1971.— *Göbl R.* Sasanian Numismatics. Braunschweig, 1971.

- Гиршман, 1936.— *Ghirshman R.* Inscription du monument de Châpour Ier à Châpour.— RAA. T. 10. 1936.
- Гиршман, 1946.— *Ghirshman R.* Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Le Caire, 1946 (MDAFA. T. 12).
- Гиршман, 1948.— *Ghirshman R.* Les Chionites—Hepthalites. Le Caire, 1948 (MDAFA. T. 13).
- Гиршман, 1950.— *Ghirshman R.* Un bas-relief d'Artaban V avec inscription en pehlevi-arsacide.— MMP. T. 44. 1950.
- Гиршман, 1957.— *Ghirshman R.* Le problème de la chronologie des Kouchans.— Cahiers d'histoire mondiale. Vol. 3, № 3. Neuchatel, 1957.
- Гиршман, 1962.— *Ghirshman R.* Parthes et Sassanides. P., 1962.
- Гиршман, 1963.— *Ghirshman R.* Perse. Proto-Iraniens, Médes, Achéménides. P., 1963.
- Гиршман, 1971.— *Ghirshman R.* Бичâpour. T. 1. P., 1971.
- Гиршман, 1973.— *Ghirshman R.* La selle en Iran.— Iranica Antiqua. Vol. 10. 1973.
- Гиршман, 1976.— *Ghirshman R.* L'Iran des origines à l'Islam. P., 1976.
- Гиршман, 1979.— *Ghirshman R.* Le tombeau princière de Ziwiyé et le début de l'art animalier scythic. P., 1979.
- Годар, 1950.— *Godard A.* Le trésor de Ziwiyé (Kurdistan). Haarlem, 1950.
- Голенко — Капанадзе, 1968.— *Голенко К. В., Капанадзе Д. Г.* Монеты, найденные в селении Згудери в 1961—1965 гг.— ВДИ. 1968, № 1.
- Грантовский, 1970.— *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Гропп, 1969.— *Gropp G.* Einige neuentdeckte Inschriften aus sasanidischer Zeit.— Hinz W. Altiranische Funde und Forschungen. B., 1969.
- Губаев, 1971.— *Губаев А.* Сасанидские буллы из замка Ак-Депе (предварительная публикация).— ЭВ. Вып. 20. 1971.
- Дайе, 1949.— *Dayet M.* Monnaies arsacides à bonnet satrapale.— RN. 1949.
- Дайсон, 1959.— *Dyson R.* Digging in Iran. Hasanlu 1958.— Expedition. Vol. 1. № 3.
- Дайсон, 1973.— *Dyson R.* The Archaeological Evidence of the Second Millenium B. C. on the Persian Plateau.— The Cambridge Ancient History. Vol. 2. Pt. 1. Cambridge, 1973.
- Дальтон, 1963.— *Dalton O.* The Treasure of the Oxus. L., 1963 (3^d ed.).
- Дандамаев, 1963.— *Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963.
- Дандамаев — Луконин, 1980.— *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Делугац — Кантор, 1972.— *Delougaz D. P., Kantor H. J.* New Evidence for the Prehistoric and Proto-literature Culture Development of Khuzestan.— Vth International Congress of Iranian Art and Archeology. Vol. 1. Teheran, 1972.
- Дельбрюк, 1929.— *Delbruk R.* Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler. B., 1929.
- Дибвойз, 1938.— *Debevoise N.* A Political History of Parthia. Chicago, 1938.
- Динавари.— *Abû Hanîfa ad-Dinaweri.* Kitâb al-aḥbâr aṭ-ṭiwâl. Publié par V. Guirgass. Leide, 1888.
- Диттенбергер, 1970.— *Dittenberger W.* Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. 1—2. Lpz., 1903—1905; Hildeheim, 1970.
- Домашевский, 1917.— *von Domaszewsky A.* Die Daten der Scriptorum

- Historiae Augustae von Severus Alexander bis Karus.— SHAW. Bd. 8, Heft 1. 1917.
- Друэн, 1895.— *Drouin E.* Monnaies sassanides inedites.— RN. Sér. 3, t. 13. 1895.
- Дьяконов, 1956.— *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.— Л., 1956.
- Дьяконов, 1959.— *Дьяконов И. М.* Рабовладельческие имения персидских вельмож.— ВДИ. 1959, № 4.
- Дьяконов, 1961.— *Дьяконов И. М.* Интерпретация иранских языков, пользовавшихся гетерографической письменностью.— *Фридрих И.* Дешифровка забытых письменностей и языков. Пер. с нем. М., 1961.
- Дьяконов и др., 1982.— История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Т. 1—3. М., 1982.
- Дьяконов — Лившиц, 1960.— *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Документы из Нисы I в. до н. э. (предварительные итоги работы). М., 1960. (XXV Международный конгресс востоковедов).
- Дьяконов — Лившиц, 1966.— *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Новые находки документов в Старой Нисе.— Переднеазиатский сборник. Вып. 2. Дешифровка и интерпретация письменностей древнего Востока. М., 1966.
- Дьяконов М., 1961.— *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Дюшен-Гиймен, 1971.— *Duchesne-Guillemin J.* Art et religion sous les Sassanides.— Atti del convegno internazionale sul tema: La Persia nel Medioevo (Accademia Nazionale dei Lincei). Roma, 1971.
- Дюшен-Гиймен, 1974.— *Duchesne-Guillemin J.* Art and Religion under the Sasanians.— *Mémorial Jean de Menasce.* Louvain, 1974.
- Езник.— *Езник.* Об учении персидских магов. Пер. Г. Эзова. СПб., 1858.
- Елисеева, 1968.— *Елисеева Н. В.* К вопросу об исторической достоверности «Шах-наме» Фирдоуси.— Тезисы докладов IV годичной сессии ЛО ИНА. Л., 1968.
- Еремян, 1967.— *Еремян С. Т.* Страна Махелония надписи «Кааба-и Зардушт».— ВДИ. 1967, № 4.
- Жинью, 1972.— *Gignoux P.* Glossaire des inscriptions pehlevics et parthes. L., 1972 (CIIr. Supplementary Series, I).
- Жинью, 1978.— *Gignoux P.* Catalogue des sceaux, camées et bulles sassanides de la Bibliothèque Nationale et du Musée du Louvre. II. Les sceaux et bulles inscrits. P., 1978.
- Захау, 1911.— *Sachau E.* Aramäische Papyri und Ostraka aus einer jüdischen Militär-Kolonie zu Elephantine. Lpz., 1911.
- Захау, 1914.— *Syrische Rechtsbücher.* Herausgeg. und übersetzt von E. Sachau. Bd. 3. B., 1914.
- Зеймаль, 1965.— *Зеймаль Е. В.* Кушаское царство по нумизматическим данным. Автореферат канд. дис. Л., 1965.
- Зеймаль, 1968.— *Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
- Зеймаль, 1982.— *Зеймаль Е. В.* Парфянский лучник и его происхождение.— СГЭ. Вып. 47. Л., 1982.
- Ибн ал-Балхи.— *The Fairisnâ of Ibnu'l-Balkhî.* Ed. by G. Le Strange and R. A. Nicholson. L., 1921 (GMS NS, I).
- Ибн ал-Факих.— *Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî quod edidit, indicibus et glossario instructum M. J. de Goeje.* Lugduni Batavorum, 1885 (BGA. V).
- Ибн Хордадбех.— *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khor-dâhbeh et Excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn*

- Dja'far quae... edidit indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889 (BGA, VI).
- Иерусалимская, 1967.—*Иерусалимская А. А.* О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье.—СА. 1967, № 2.
- Иерусалимская, 1978.—*Jeroussalimskaia A. A.* La cafetan aux simourghs du tombeau de Mochtchevaja Balka (Caucase Septentrional).—*Studia Iranica*. T. 7. 1978.
- Иностранцев, 1909.—*Иностранцев К. А.* Сасанидские этюды. СПб., 19 9.
- Исидор Харакский.—*Icitori Characeni*. *Mensiones Parthicae*. Ed. W. F. Schoff. Philadelphia, 1914. (см. также: Мюллер, 1855).
- Камбахшфард, 1967.—*Камбахшфард С.* Катиба-йи аз Шапур-и дув-вум шахиншах-и сасани дар Мишкиншахр.—Хунар ва мардум. 1346/1967, № 61—62.
- Камбахшфард, 1968.—*Камбахшфард Т.* Кавишка-йи 'илми дар Кангавар.—Бастаншенаси ва хунар-и Иран. 1347/1968, № 7; 1351/1970, № 8—9.
- Камбахшфард, 1971.—*Камбахшфард С.* Сангнабиште ва сангнегаре-ха-йи Бисутун ва Таг-и Бустан. Тегеран, 1352/1971.
- Камбахшфард, 1974.—*Камбахшфард С.* Кавишка-йи 'илми дар ма'-бад-Анахита Кангавар.—*Proceedings of the 2-nd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran*, 1973, Tehran, 1974.
- Камбахшфард, 1975.—*Камбахшфард С.* Кавиш ва та'мират-и ма'-бад-и Нахид.—*Proceedings of the III-d Annual Symposium on Archaeological Research in Iran*, 1974, Tehran, 1975 (на перс. яз.).
- Каннинггэм, 1893.—*Cunningham A.* Later Indo-Scythians.—*NC. Ser. 3*. Vol. 13. 1893.
- Капанадзе, 1955.—*Капанадзе Д. Г.* Монетные находки Мухетской экспедиции (1937—1948 и 1951 гг.).—ВДИ. 1955, № 1.
- Карнамак, 1896.—*The Kârname-î Artakhshir Pâpakân*. Ed. by D. B. P. Sanjâna. Bombay, 1896.
- Картер, 1974.—*Carter M. L.* Royal Festal Themes in Sasanian Silver-work and their Central Asian Parallels.—*Commemoration Cyrus. Hommage universel*. Vol. 1 (ed. J. Duchesne-Guillemin). Téhéran — Liège, 1974 (*Acta Iranica*, I).
- Кемпбелл, 1927.—*Campbell R.* A Catalogue of the Late Babylonian Tablets in the Bodleian Library. L., 1927.
- Китаб ал-Унван.—см. Агапий.
- Колесников, 1970.—*Колесников А. И.* Иран в начале VII в.—Палестинский сборник. Вып. 22 (85). Л., 1970.
- Кошеленко, 1966.—*Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М., 1966.
- Кошеленко, 1968.—*Кошеленко Г. А.* Некоторые вопросы истории ранней Парфии.—ВДИ. 1968, № 1.
- Крелинг, 1956.—*Kraeling C. H.* The Excavations at Dura-Europos. Final Report. Vol. 3. Pt. 1. The Synagogue. New Haven, 1956.
- Крелинг, 1959.—*Kraeling C. H.* The Excavations at Dura-Europos. Final Report. Vol. 5. Pt 1. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959.
- Кристенсен, 1936.—*Christensen A.* Les Gestes des Rois dans les traditions de l'Iran antique. P., 1936 (Conférences Ratanbai Katrak, III).
- Кристенсен, 1936а.—см. Гиршман, 1936.
- Кристенсен, 1944.—*Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944 (2nd ed.).
- Кулаковский — Сонин, 1906—1908.—*Кулаковский Ю., Сонин А.* Аммиан Марцеллин. История. Пер. с латинского. Вып. 1—3, Киев, 1906—1908,

- Куликан, 1965.— *Cullican W.* The Medes and Persians. L., 1965.
- Куретан — Райт, 1864.— *Curetan W., Wright W.* Ancient Syriac Documents Relative to the Earliest Establishment of Christianity in Edessa. L., 1864.
- Кюмон, 1930.— *Cumont F.* Nouvelles inscriptions grecques en Suse.— CRAIBL. 1930.
- Кюмон, 1932.— *Cumont F.* Une lettre du roi Artaban III à la ville de Suse.— CRAIBL. 1932.
- Кюриель, 1953.— *Curjel R.* Le trésor du Tépé Maranjan.— Trésors monétaires d'Afghanistan. MDAFA. T. 14. P., 1953.
- Ланда — Лапис, 1977.— *Ланда Н. Б., Лапис И. А.* Скульптура столпи и провинций древнего Египта. Л., 1977.
- Ле Ридер, 1965.— *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes. Paris, 1965 (Mémoires de la Mission archéologique en Iran, T. 38).
- Лернер, 1977.— *Lerner J. A.* Christian Seals of the Sasanian Period. Istanbul, 1977.
- Лёхайзен де Лёв, 1949.— *van Lohuizen-de Leeuw J. E.* The «Scythian» Period. Leiden, 1949.
- Лившиц, 1962.— Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962.
- Лившиц — Луконин, 1964.— *Лившиц В. А., Луконин В. Г.* Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах.— ВДИ. 1964, № 3.
- Лидзбарский, 1898.— *Lidzbarski M.* Handbuch der nordsemitischen Epigraphik. I. Weimar, 1898.
- Литвинский и др., 1963.— История таджикского народа. Т. 1. С древнейших времен до V в. н. э. Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963.
- Луконин, 1961.— *Луконин В. Г.* Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры. Л., 1961.
- Луконин, 1964.— *Луконин В. Г.* Варахран II и Нарсе.— ВДИ. 1964, № 1.
- Луконин, 1966.— *Луконин В. Г.* Картир и Мани.— ВДИ. 1966, № 3.
- Луконин, 1967.— *Луконин В. Г.* Кушано-сасанидские монеты.— ЭВ. Вып. 18. Л., 1967.
- Луконин, 1967а.— *Lukonin V.* Persia II. Paris, 1967 (Archaeologia Mundi).
- Луконин, 1968.— *Lukonin V.* Les monnaies d'Ardachir Ier et l'art officiel sassanide.— Iranica Antiqua. Vol. VIII (Mélanges Ghirshman, III). Leiden, 1968.
- Луконин, 1969а.— *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.
- Луконин, 1969б.— *Луконин В. Г.* Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии.— ВДИ. 1969, № 2.
- Луконин, 1969в.— *Луконин В. Г.* Среднеперсидские надписи из Кара-тепе.— Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
- Луконин, 1977.— *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана М., 1977
- Луконин, 1977а.— *Луконин В. Г.* Храм Анахиты в Кангаваре.— ВДИ. 1977, № 2.
- Луконин, 1979.— *Луконин В. Г.* Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.
- Лушей, 1968.— *Luschey H.* Zur Datierung der sassanidischen Kapitelle aus Bisutun und des Monuments von Taq-i Bostan.— AMI NF. Bd. 1. 1968.

- Мак Доуэлл, 1935a.— *Mc Dowell R. H.* Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935 (University of Michigan Studies. Humanistic Series, 36).
- Мак Доуэлл, 1935b.— *Mc Dowell R. H.* Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935 (University of Michigan Studies. Humanistic Series, 37).
- Мак Доуэлл Д., 1965.— *MacDowall D. W.* The Dynasty of the Later Indo-Parthians.— NC. 7th ser. Vol. 5. 1965.
- Марик, 1958.— *Maricq A.* Classica et Orientalia. 5. Res Gestae Divi Saporis.— Syria. T. 35, fasc. 3—4. 1958.
- Марик, 1959.— *Maricq A.* Classica et Orientalia. 7. Vologésias, l'empire de Ctésiphon.— Syria. T. 36, fasc. 3—4. 1959.
- Маркварт, 1931.— *Markwart J.* A Catalogue of the Provincial Capitals of Eranshahr (Pahlavi text, version and commentary), ed. by G. Messina. Roma, 1931.
- Марков, 1892.— *Марков А. К.* Неизданные арсакидские монеты.— ЗВОРАО. Т. 6. 1891 год. СПб., 1892.
- Марков, 1899.— *Markoff A. K.* Catalogue des monnaies arsacides, subarsacides, sassanides etc. St. Petersburg, 1899.
- Марр, 1909. *Антиох Стратиг*. Пленение Иерусалима персами в 614 г. Грузинский текст исследовал, издал, перевел и арабские извлечения приложил Н. Я. Марр.— Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Кн. 9. СПб., 1909.
- Мартин, 1937.— *Martin N. C. F.* Coins of Kidara.— JRASB. Vol. 47, Num. suppl., 1937.
- Маршак, 1961.— *Маршак Б. И.* Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв.— ТГЭ. Т. 5. Культура и искусство народов Востока. Л., 1961.
- Массон, 1949.— *Массон М. Е.* Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 года.— Материалы ЮТАКЭ. Вып. 1. Ашхабад, 1949.
- Массон, 1955.— *Массон М. Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства.— Труды ЮТАКЭ. Т. 5. Ашхабад, 1955.
- Мас'уди, Танбих.— *Kitab at-tanbih wa'l-ischrâf auctore al-Masûdi...* ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894 (BGA, VIII).
- Матье, 1968.— *Матье М. Э.* Искусство древнего Египта.— Памятники мирового искусства. Искусство древнего Востока. М., 1968.
- Меллинк, 1966.— *Mellink M. J.* The Hasanlu Bowl in Anatolian Perspective.— Iranica Antiqua. Vol. 6. 1966.
- де Менаш.— *de Menasce J. P.* Inscriptions Pehlevie en écriture cursive (Катибехâ-йи пахлавй-сâсâни).— Гузаришхâ-и бâстаншинâси. Техран, 1338/1959.
- де Менаш, 1957.— *de Menasce J.* Ostraka and Papyri.— CIIr. Pt. 3. Vol. 4—5, portf. 1. 1957.
- де Менаш, 1962.— *de Menasce J.* Un cahet parthe.— Syria. T. 39, fasc. 3—4. 1962.
- де Менаш, 1964.— *de Menasce J. P.* Les données géographiques dans le Mâtigân i hazâr dâtistân.— Indo-Iranica. Mélanges présentés Georg Morgenstierne... Wiesbaden, 1964.
- Мингана, 1907.— *Mingana A.* Sources syriaques. I. Moussoul, 1907.
- Миннс, 1915.— *Minns E.* Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan.— JHS. Vol. 35. 1915.
- Миновы, 1932.— *Minovi M.* Tansar's epistle to Goshnasp. Teheran, 1932.
- Минорский, 1946.— *Minorsky V.* Vis u Râmin, a Parthian roman-

- се. I.—BSOAS. Vol. 11. 1946; II.—BSOAS. Vol. 12. 1947; III.—BSOAS. Vol. 16. 1954.
- Минорский, 1952.—*Minorsky V.* Two Iranian Legends in Abū-Dulaf's Second Risālah.—*Archaeologica Orientalia in Memoriam Ernst Herzfeld*. N. Y., 1952.
- Михаил Сириец.—*Le Syrien Michel*. Chronique. P., 1910.
- Моралдам, 1972.—*Moghaddam M.* Prospections archéologiques au Deylaman.—Vth International Congress on Iranian Art and Archaeology. Tehran, 1968. Memorial Volume. Vol. 1. 1972.
- Моисей Хоренский.—*Мусей Хоренский*. История Армении. Пер. Н. О. Эмина. М., 1893.
- де Морган, 1936.—*de Morgan J.* Manuel de numismatique orientale de l'Antiquité et du Moyen Age. Publication achevée sous la direction de K. J. Basmadjian. T. 1. P., 1923—1936.
- Муджмал ат-таварих.—Муджмал ат-таварих ва-л-кисас та'лиф-и сāl-и 520 хиджрӣ, бā тасхӣх-и Малик аш-шу'арā' Бахār. Тегеран, 1318 х. с. (1939—1940) (на перс. яз.).
- Мюллер, 1855—1861. *Geographi Graeci Minores*. Ed. C. (K.). Müller. Vol. 1—2. P., 1855—1861 (repr. Hildesheim, 1965).
- Науман, 1966.—*Naumann R., Huff D., Kleiss W., Boehmer R., Wiggartz H.* Takht-i Suleiman und Zendan-i Suleiman. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in den Jahren 1963 and 1964.—*Archäologischer Anzeiger*. 1965. Heft 4, 1966.
- Науман, 1976.—*Naumann R., Naumann E.* Takht-i Suleiman. Ausgrabung des Deutschen Archäologischen Instituts in Iran (Ausstellungskataloge der prähistorischen Staatssammlung. Bd. 3). München, 1976.
- Негахбан, 1964.—*Negahban E. O.* A Preliminary Report on Marlik excavation. Tehran, 1964.
- Нёльдеке, 1878.—*Nöldeke Th.* Geschichte des Artachšīr-i Pāpakān.—*Beiträge zur Kunde der indo-germanischen Sprachen*. Bd. 4. Göttingen, 1878.
- Нёльдеке, 1879.—*Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden*. Aus der arabischen Chronik des Tabari übers. und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen von Th. Nöldeke. Leyden, 1879.
- Ниландер, 1970.—*Nylander C.* Ionians in Pasargadae. Studies in Old Persian Architecture. Uppsala, 1970.
- Нюберг, 1929.—*Нюберг Г. С.* Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента.—*Известия Общества обследования и изучения Азербайджана*. Баку, 1929, № 8. Вып. 5.
- Нюберг, 1946.—*Nyberg H.* Quelques inscriptions antiques découvertes récemment en Géorgie.—*Eranos*. T. 44. 1946.
- Нюберг, 1964.—*Nyberg H. S.* A Manual of Pahlavi. Vol. 1—2. Wiesbaden, 1964—1974.
- Нюберг, 1970.—*Nyberg H.* The Pahlavi inscription at Mishkin.—BSOAS. Vol. 33. 1970.
- Ньюэлл, 1938.—*Newell E. T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints. From Seleucus I to Antiochus III. N. Y., 1938 (NS ANS, № 1).
- Орбели, 1934.—*Орбели И. А.* Бахрам Гур.—Бахрам Гур и Азаде из «Шах-намэ» Фирдоуси. Л., 1934.
- Орбели — Тревер, 1935.—*Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. Л., 1935.
- Орбели — Тревер, 1936.—*Орбели И. А., Тревер К. В.* Шатранг. Книга о шахматах. Л., 1936.

- Пальяро, 1929.— *Pagliario A. Mediopersano bitaxš, armeno bdeašx*: ὁ οφθαλμός του βασιλέως — RSO. T. 12. 1929.
- Пальяро, 1947.— *Pagliario A. Note di lessicografia pahlavica*.— PSO. T. 22. 1947.
- Пальяро, 1954.— *Pagliario A. Riflessi di etimologie iraniche nella tradizione storiografica Greca*.— Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei Lincei. Ser. 8, vol. 9. Roma, 1954.
- Парро, 1946.— *Parrot A. Archéologique mésopotamienne*. T. 1. P., 1946.
- Парро, 1961.— *Parrot A. Assur*. P., 1961.
- Парук, 1924.— *Paruck F. D. J. Sasanian Coins*. Bombay, 1924.
- Пахомов, 1929.— *Пахомов Е. А. Пехлевийские надписи Дербенда*.— Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 8. Вып. 5. Баку, 1929.
- Пахомов, 1930.— *Пахомов Е. А. К толкованию пехлевийских надписей Дербенда*.— Известия Азербайджанского научно-исследовательского института. Т. 1. Вып. 2. Баку, 1930.
- Певзнер, 1954.— *Певзнер С. Б. О двух арабских азбуках из раскопок в Мерве*.— ЭВ. Вып. 9. 1954.
- Пек, 1969.— *Peck E. H. The representation of the costumes in the reliefs of Taq-i Bustan*.— *Artibus Asiae*. Vol. 31. 1969.
- Периханян, 1956.— *Периханян А. Г. Древнеармянские востаники*.— ВДИ. 1956, № 2.
- Периханян, 1959.— *Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении*. М., 1959.
- Периханян, 1965.— *Периханян А. Г. Armeno-Iranica. I*.— Известия АН Армянской ССР, 1965, № 11.
- Периханян, 1968а.— *Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране*.— ВДИ. 1968, № 3.
- Периханян, 1968б.— *Perikhanian A. G. Notes sur le lexique iranien et armenien*.— REA. NS. T. 5. 1968.
- Периханян, 1973.— *Периханян А. Г. Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений»*. Ер., 1973.
- Петр Патрикий.— *Петр Патрикий*. Фрагменты 13, 14. Перевод на франц. яз.— Гаже, 1964.
- Пигулевская, 1937.— *Пигулевская Н. В. К вопросу о податной реформе Хосроя Ануширвана*.— ВДИ. 1937, № 1.
- Пигулевская, 1939.— *Пигулевская Н. В. Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов (Сирийские источники по истории Ирана и Византии)*.— Записки ИВАН СССР. Т. 7. 1939.
- Пигулевская, 1946.— *Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков*. М.—Л., 1946.
- Пигулевская, 1951.— *Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию*. М., 1951.
- Пигулевская, 1956.— *Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье*. М.—Л., 1956.
- Пиотровский, 1962.— *Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту*. VIII—VI вв. до н. э. Л., 1962.
- Полоцкий, 1934.— *Polotsky H. Manichäische Homilien*. Stuttgart, 1934.
- Попп — Хумбах, 1973.— *Popp V., Humbach H. Die Paikuli-Inschrift im Jahre 1971*.— *Bagdader Mitteilungen*. Vol. 6. 1973.
- Порада, 1964.— *Porada E. Problems of Interpretation in a Cylinder Seal of the Akkad Period from Iran*.— *Compte rendu de l'onzième rencontre assyriologique internationale*. 1962. Leiden, 1964.
- Порада, 1965.— *Porada E. The Art of Ancient Iran*. N. Y., 1965.
- Порада, 1972.— *Porada E. Problems of Iranian Iconography*.— Vth International Congress of Iranian Art and Archaeology. Memorial Volume. Vol. 1. Tehran, 1972.

- Пугаченкова — Ремпель, 1965.— *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусства Узбекистана. М., 1965.
- Пуллейбланк, 1964.— *Pulleyblank E. G.* [рец. на:] *Altheim F. Geschichte der Hunnen.* Bd. 1—3.— OL. 1964.
- Пюш, 1949.— *Puech H. C.* Le manichéisme: son fondateur, sa doctrine. P. 1949 (repr. P., 1967).
- Раевский, 1985.— *Раевский Д. С.* К характеристике основных тенденций в истории скифского искусства.— Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.
- Рос, 1903.— *Wroth W.* Catalogue of the Coins of Parthia [in the British Museum]. L., 1903.
- Рос, 1908.— *Wroth W.* Imperial Byzantine Coins (in the British Museum). L., 1908.
- Ростовцев, 1932.— *Rostovtzeff M.* Seleucid Babylonia: Bullae and Seals.— YCS. Vol. 3. 1932.
- Ростовцев, 1935.— *Rostovtzeff M.* Dura Europos and the Problem of Parthian Art.— YCS. Vol. 5. 1935.
- Ростовцев, 1941.— *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 2. Ox., 1941.
- Ростовцев — Уэллес, 1931.— *Rostovtzeff M., Welles C. B.* A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos.— YCS. Vol. 2. 1931.
- Саркисян, 1952.— *Саркисян Г. Х.* Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии.— ВДИ. 1952, № 1.
- Саркисян, 1966.— *Саркисян Г. Х.* Армения эпохи эллинизма и Моисей Хоренский. Ер., 1966 (на арм. яз.).
- Сасанидское серебро, 1967.— *Sasanian Silver. Late Antique and Early Medieval Arts of Luxury from Iran.* Ed. by O. Grabar. Michigan, 1967.
- Себеос.— История епископа Себеоса. Перевод С. Малхасянца. Ер., 1939.
- Симонетта, 1948.— *Simonetta B.* Osservazioni intorno alle monete consiate dei primi re Parthi.— Numismatica. T. 14. 1948.
- Симонетта, 1950.— *Simonetta B.* A proposito di monete Arsacidi con beretto satrapale.— Numismatica. T. 16. 1950.
- Смирнов, 1909.— *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.
- Сорокин, 1972.— *Сорокин С. С.* Свернувшийся зверь из Зивие.— СГЭ. Вып. 34. Л., 1972.
- Ставиский, 1961.— *Ставиский Б. Я.* О северных границах кушанского государства — ВДИ. 1961, № 1.
- Ставиский, 1965.— *Ставиский Б. Я.* Работы Среднеазиатской экспедиции в 1964 г.— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 г. Л., 1965.
- Стариков, 1957.— *Стариков А. А.* Фирдоуси и его поэма «Шах-наме». — *Фирдоуси. Шах-наме.* Т. 1. М., 1957.
- Стронах, 1978.— *Stronah D., Roaf M.* Excavations at Tepe Nush-i Jan. Part 1. A Third Interim Report.— Iran. Vol. 16. 1978.
- Табари — см.: Нёльдеке, 1879.
- Тагизаде, 1943.— *Taqizadeh S. H.* The early Sasanians.— BSOAS. Vol. 11. 1943.
- Тагизаде — Хеннинг, 1957.— *Taqizadeh S. H., Henning W. B.* The Dates of Mani's Life.— Asia Major. NS. Vol. 6. 1957.
- Танбих.— см. Мас'уди.
- Тарн, 1930.— *Tarn W. W.* Seleucid-Parthian Studies.— PBA. Vol. 16. 1930.

- Тарн, 1938.— *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938; 2^d ed.— 1951.
- Тарн, 1949.— *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Телегди, 1935.— *Telegdi S.* Essai sur la phonétique des emprunts iraniens en araméen talmudique.— JA. T. 226. 1935.
- Тревер, 1959.— *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959.
- Томас, 1868.— *Thomas E.* Sassanian Inscriptions.— JRAS. NS. Vol. 3. 1868.
- Трюмпельман, 1968.— *Trümpelmann L.* Die Terrasse des Hosrow.— AA. 1968.
- Уилкинсон, 1936.— *Wilkinson Ch. K.* Notes on the Sasanian seals found at Kaşr-i Abu Naşr.— BMM. Vol. 31, № 9. 1936.
- Унвала, 1917.— *Husrav-i Kavātān ut rētak-ē.* Ed. J. M. Unvala. P., 1917.
- Унвала, 1921.— King Husrav and his Boy. Ed. and transl. J. M. Unvala. P., 1921.
- Уэллес, 1934.— *Welles C. B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934.
- Уэллес, 1934a.— *Welles C. B.* Die zivilen Archive von Dura.— Papyri und Altertumswissenschaft. Bd. 19. München, 1934.
- Уэллес, 1935.— *Welles C. B.* The Constitution of Edessa.— YCS. Vol. 5. 1935.
- Уэллес, 1936.— *Welles C. B.* Dura Pergament 21, Hypothek and Exekution am Euphratufer in 1. Jahrhundert.— Zeitschrift der Savignistiftung für Rechtsgeschichte. Bd. 56. Weimar, 1936.
- Уэллес, 1959.— *Welles C. B.* a. o. The Excavations at Dura-Europos. Final Report. Vol. 5, Pt. 1. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959.
- Фавст Бузанд, 1953.— *Фавст Бузанд.* История Армении. Ер., 1953.
- Фавст Бузанд, 1959.— История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. М. А. Геворкяна. Ер., 1959.
- Фалькенштейн, 1936.— *Falkenstein A.* Archaische Texte aus Uruk. B., 1936.
- Фланден — Кост, 1843—1854.— *Flandin E., Coste P.* Voyage en Perse. T. 1—8. P., 1843—1854.
- Флиттнер, 1958.— *Флиттнер Н. Д.* Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л.—М., 1958.
- Фрай, 1952.— *Frye R. N.* Pahlevi Heterography in Ancient Georgia.— Archaeologica Orientalia in Memoriam E. Herzfeld. N. Y., 1952.
- Фрай, 1956.— *Frye R.* Notes on the Early Sasanian State and Church.— Studio orientalistici in onore di G. Levi della Vida. Vol. 1. Roma, 1956.
- Фрай, 1957.— *Frye R. N.* Remarks on the Paikuli and Sar-Mašhad Inscriptions.— HJAS. Vol. 23. 1957.
- Фрай, 1962.— *Frye R. N.* The Heritage of Persia. L., 1962.
- Фрай, 1962a.— *Frye R. N.* Some Early Iranian Titles.— Oriens. Vol. 15. 1962.
- Фрай, 1966a.— *Frye R. N.* The Persepolis Middle Persian Inscriptions from the Time of Shapur II.— Acta Orientalia. Vol. 30. 1966.
- Фрай, 1966b.— *Frye R. N.* The Use of Clay Sealings in Sasanian Iran.— Proceedings of the 1st International Congress of Iranologists. Tehran. September 1966.
- Фрай, 1967.— *Frye R. N.* The significance of Greek and Kushan archaeology in the history of Central Asia.— Journal of Asian History. Vol. 1. Wiesbaden, 1967.
- Фрай, 1969.— *Frye R. N.* Inscribed Sasanian Seals from Nayeri Col-

- lection.—Forschungen zur Kunst Asiaens. In Memoriam Kurt Erdman. Istanbul, 1969.
- Фрай, 1972.—*Фрай Р. Н.* Наследие Ирана. М., 1972.
- Фрай, 1972a.—*Frye R. N.* The Cologne Greek Codex about Mani.—*Ex Orbe Religionum. Festschrift Geo Widengren.* Vol. 1. Leiden, 1972.
- Фукаи — Хориучи, 1972.—*Fukai Sh., Horiuchi R.* Taq-i Bustan. Vol. 1—2 (Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition. Report 13). Tokyo, 1972.
- Хакми, 1973.—*Hakemi A.* Excavations in Kaluraz, Gilan.—*Bulletin of the Asia Institute.* Vol. 3. Shiraz, 1973.
- Харматта, 1957.—*Harmatta J.* The Parthian Parchment from Dura-Europos. AAH. Vol. 5. Budapest, 1957.
- Харматта, 1958.—*Harmatta J.* Die parthischen Ostraka aus Dura-Europos.—AAH. Vol. 6. Budapest, 1958.
- Харматта, 1965.—*Harmatta J.* Minor Bactrian Inscriptions.—AAH. Vol. 13. Budapest, 1965.
- Харматта, 1966.—*Harmatta J.* New Evidences for the History of Early Medieval Northwestern India.—AAH. Vol. 14. Budapest, 1966.
- Харпер, 1971.—*Harper P. O.* Sources of Certain Female Representations in Sasanian Art.—*La Persia Nel Medioevo (Accademia Nazionale dei Lincei).* Roma, 1971.
- Харпер, 1978.—*Harper P. O.* The Royal Hunter. Art of the Sasanian Empire (Catalogue). N. Y., 1978.
- Хеннинг, 1939.—*Henning W. B.* The Great Inscription of Šāpūr I.—BSOAS. Vol. 9. Pt 4. 1939.
- Хеннинг, 1952.—*Henning W. B.* A Farewell to the Khagan of the Aq-Aqatārān.—BSOAS. Vol. 14. 1952.
- Хеннинг, 1952a.—*Henning W. B.* The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak.—*Asia Major.* NS. Vol. 2. 1952.
- Хеннинг, 1953.—*Henning W. B.* A new Parthian inscription.—JRAS. 1953.
- Хеннинг, 1954a.—*Henning W. B.* The Inscription of Firuzabad.—*Asia Major.* NS. Vol. 4. Pt 1. 1954.
- Хеннинг, 1954b.—*Henning W. B.* [рец. на:] *Altheim F., Stiehl R.* Asien und Rom. Tübingen, 1952; Das erste Auftreten der Hunnen.—Baden-Baden, 1953.—*Gnomon.* Vol. 26. 1954.
- Хеннинг, 1954в.—*Henning W. B.* Notes on the Inscription of Šāpūr I.—*Prof. A. V. W. Jackson Memorial Volume.* Bombay, 1954.
- Хеннинг, 1955.—*Henning W. B.* The Inscription of Sar-Mašhad.—CIIr. Pt. 3. Vol. 2, portf. 1. L., 1955.
- Хеннинг, 1957.—*Henning W. B.* The Inscription of Naqš-i Rostam.—CIIr. Pt. 3. Vol. 2, portf. 2. L., 1957.
- Хеннинг, 1958.—*Henning W. B.* Mitteliranisch (Handbuch der Orientalistik. Hrsg. B. Spuler. 1. Abt., 4 Bd.; Iranistik, 1. Abschnitt: Linguistik). Leiden — Köln, 1958.
- Хеннинг, 1959.—*Henning W. B.* The Iranian Documents.—*Welles C. B.* The Excavations at Dura-Europos. Final Report. Vol. 5. Pt. 1. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959.
- Хеннинг, 1959a.—*Henning W. B.* New Pahlavi Inscriptions on Silver Vessels.—BSOAS. Vol. 22. Pt. 1. 1959.
- Хеннинг, 1961.—*Henning W. B.* A Sasanian Silver Bowl from Georgia.—BSOAS. Vol. 24. 1961.
- Хеннинг, 1963.—*Henning W. B.* The Minor Inscriptions of Kartir.—CIIr. Pt. 3. Vol. 2, portf. 3. L., 1963.
- Хеннинг, 1964.—*Henning W. B.* The survival of an ancient Term.—

- Indo-Iranica. Mélanges présentés à G. Morgenstierne. Wiesbaden, 1964.
- Хеннинг, 1965.— *Henning W. B.* Surkh Kotal und Kanis̄ka.— ZDMG. Bd. 115. Heft 1. 1965.
- Херцфельд, 1920.— *Herzfeld E.* Am Tor von Asien. Felsdenkmäler aus Irans Heldenzeit. L., 1920.
- Херцфельд, 1924.— *Herzfeld E.* Paikuli. Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire. Vol. 1—2. B., 1924 (Forschungen zur islamischen Kunst, 3).
- Херцфельд, 1928.— *Herzfeld E.* La sculpture rupestre de la Perse sassanide.— RAA. Vol. 5. 1928.
- Херцфельд, 1930.— *Herzfeld E.* Kushano-Sasanian Coins. Calcutta, 1930 (Memoirs of the Archaeological Survey of India, № 38).
- Херцфельд, 1932.— *Herzfeld E.* Sakastān. Geschichtliche Untersuchungen zu den Ausgrabungen am Kūh-i Khwādja.— AMI. Bd. 4. Heft 1—2. 1932.
- Херцфельд, 1935.— *Herzfeld E.* The Archaeological History of Iran. L., 1935 (The Schweich Lectures of the British Academy, 1934).
- Херцфельд, 1938.— *Herzfeld E.* Notes on the Achaemenid Coinage.— Transactions of the International Numismatic Congress 1936. L., 1938.
- Херцфельд, 1938a.— *Herzfeld E.* Khusrau Parwiz und der Ṭāq-i Vastān.— AMI. Bd. IX. 1938.
- Херцфельд, 1938b.— *Herzfeld E.* Altpersische Inschriften. B., 1938.
- Херцфельд, 1941.— *Herzfeld E.* Iran in the Ancient East. L.— N. Y., 1941.
- Хилл, 1922.— *Hill G. F.* Catalogue of the Greek coins of Arabia. Mesopotamia and Persia (in the British Museum). L., 1922.
- Хинц, 1969.— *Hinz W.* Altiranische Funde und Forschungen. B., 1969.
- Хонигман — Марик, 1953.— *Honigmann E., Maricq A.* Recherches sur les Res Gestae Divi Saporis. Bruxelles, 1953 (Académie Royale de Belgique. Classe des lettres et des sciences morales et politique. Mémoires. T. 47, fasc. 4).
- Хумбах, 1974.— *Humbach H.* Sir Henry Rawlinson's Copies of the Paikuli Inscription.— Memorial Jean de Menasce. Louvain, 1974.
- Хумбах, 1974a.— *Humbach H.* The Paikuli Inscription.— Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. H. 32. München, 1974.
- Хумбах, 1978.— *Humbach H., Skjærvø P. O.* The Sasanian Inscription of Paikuli. Part 1. Supplement to Herzfeld's Paikuli. By H. Humbach. Wiesbaden, 1978.
- Хумбах — Шэрвѳ, 1980.— *Humbach H., Skjærvø P. O.* The Sasanian Inscription of Paikuli. Part 2. Synoptic Tables. Wiesbaden, 1980.
- Хуфф, 1972.— *Huff D.* Der Takht-i Nishin in Firuzabad.— AA. 1972. Heft 3.
- Ценер, 1955.— *Zaehner R. C.* Zurvan: a Zoroastrian Dilemma. Ox., 1955.
- Чериковер, 1927.— *Tcherikover V.* Die hellenistische Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Lpz., 1927.
- Шах-наме.— *Фурдоуси.* Шах-наме. Критический текст. Т. 9. М., 1971.
- Шеперд, 1964.— *Shepherd D.* Sasanian Art in Cliveland.— Bulletin of the Cliveland Museum of Art. 1964, № 51.
- Шиммель, 1974.— Ancient Art in the Norbert Schimmel Collection. Ed. O. W. Muscarella. Mainz, 1974.
- Шишова, 1956.— *Шишова И. А.* Дура-Европос — крепость Парфянского царства.— Ученые записки ЛГУ. № 192. Сер. Исторические науки. Вып. 21. 1956.

- Шлюмберже, 1954.— *Schlumberger D.* Le temple de Surkh Kotal en Bactriane.— JA. T. 242. 1954.
- Шманд-Бессерат, 1977.— *Schmandt-Besserat D.* An Archaic Recording System and the Origin of Writing.— Syro-Mesopotamian Studies. Vol. 1. 1977.
- Шманд-Бессерат, 1981.— *Schmandt-Besserat D.* The Envelops that Bear First Writing.— Technology and Culture. Vol. 21. 1980.
- Шманд-Бессерат, 1981.— *Schmandt-Besserat D.* From Tokens to Tablets: A Re-evaluation of the So-called «Numerical Tablets».— Visible Language. Vol. 15. Cleveland, 1981.
- Шомон, 1961, 1962.— *Ghaumont M.-L.* Recherches sur les institutions de l'Iran ancien et de l'Arménie.— JA. T. 249. 1961; T. 250. 1962.
- Шомон, 1964.— *Chaumont M.-L.* Les Sassanides et la christianisation de l'Empire iranien au IIIe siècle de notre ère.— RHR. T. 165. 1964.
- Шомон, 1965.— *Chaumont M.-L.* La culte de la Anāhitā (Anahit) dans la religion des monarques d'Iran et d'Armenia au Ier siècle de notre ère.— JA. T. 253. 1965.
- Шомон, 1966.— *Chaumont M.-L.* L'ordre des préséances à la cour des Arsacides d'Arménie.— JA. T. 254. 1966.
- Шомон, 1968.— *Chaumont M.-L.* Les ostraca de Nisa. Nouvelle contribution à l'histoire des Arsacides.— JA. T. 256. 1968.
- Шпренглинг, 1940.— *Sprengling M.* Shapuhr I, the Great, on the Kaabah of Zoroaster.— AJSL. Vol. 57. 1940.
- Шпренглинг, 1953.— *Sprengling M.* Third Century Iran. Sapor and Kartir. Chicago. 1953.
- Штакельберг, 1891.— *von Stackelberg R.* Iranica.— ZDMG. Bd. 45. 1891.
- Штейн, 1920.— *Stein E.* Ein Kapitel vom persischen und vom byzantinischen Staate.— Byzantinischen-neugriechischer Jahrbücher 1. 1920.
- Штрассмейер, 1888.— *Strassmeier J. N.* Arsaciden-Inschriften.— Zeitschrift für Assyriologie. Bd. 3. 1888.
- Шэрвё, 1976.— *Skjærvø P. O.* Interpreting Paikuli Inscription.— Zusammenfassungen der für den VII. Internationalen Kongress für Iranische Kunst und Archäologie vorgesehenen Vorträge. München, 1976.
- Шэрвё, 1983.— *Humbach H., Skjærvø P. O.* The Sassanian Inscription of Paikuli. Pt. 3. 1. Restored Text and Translation. By P. O. Skjærvø. Wiesbaden, 1983.
- Шэрвё, 1983а.— *Humbach H., Skjærvø P. O.* The Sassanian Inscription of Paikuli. Pt. 3. 2. Commentary. By P. O. Skjærvø. Wiesbaden, 1983.
- Эгами — Фукаи, 1965.— *Egami N., Sono T., Ikada J., Fukai S.* Preliminary Report on the Excavations of Partho-Sasanian Graves at Hasani, Mebaleh and Ghalekuti Sites, Dailaman District in 1964.— The Memoirs of the Institute of Oriental Culture. The University of Tokyo. № 39. 1965.
- Энслин, 1949.— *Ensslin W.* Zu den Kriegen des Sassaniden Schapur I. München, 1949.
- Эрдман, 1951.— *Erdmann K.* Die Entwicklung der sāsānidischen Krone.— Ars Islamica. Vol. 15—16. 1951.
- Эттингхаузен, 1968.— *Ettinghausen R.* Persian Treasure.— Arts in Virginia. 1968.
- Юсти, 1895.— *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
- Янг, 1965.— *Young T. C.* A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500—500 B. C.— Iran. Vol. 3, 1965.

Содержание

От составителей	5
Художественная культура древнего Востока	10
У истоков древнеиранского искусства	63
Сокровища искусства древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии (временная выставка из собраний музеев СССР)	90
Парфянская и сасанидская администрация	106
Надпись Нарсе в Пайкули и Бишапурский рельеф	156
Хосров II и Анахита	177
Завоевания Сасанидов на востоке и проблема кушанской аб- солютной хронологии	207
Среднеперсидские надписи из Кара-тепе	231
Примечания	235
Список опубликованных работ В. Г. Луконина	275
Сокращенные обозначения памятников, надписей и источников	280
Сокращения	280
Список цитируемой литературы	282

Владимир Григорьевич Луконин
ДРЕВНИЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИРАН
Очерки истории культуры

*Утверждено к печати
Государственным ордена Ленина Эрмитажем*

Редактор *Н. Б. Кондырева*. Младшие редакторы *Н. Л. Петрова*, *А. В. Бодянская*. Художник *Л. С. Эрман*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*.
Технический редактор *З. С. Теплякова*. Корректор *Л. М. Кольцина*

ИБ № 15672

Сдано в набор 16.01.87. Подписано к печати 22.06.87. Формат 84×108^{1/2}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отг. 15,75. Уч.-изд. л. 18,34. Тираж 6300 экз.
Изд. № 6271. Зак. № 36. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука» 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Доктор исторических наук В. Г. Луконин (1932—1984) — автор более десяти книг и многочисленных статей по истории культуры и искусства древнего и раннесредневекового Ирана. По окончании восточного факультета ЛГУ (1955 г.) он работал в Государственном Эрмитаже, сочетая плодотворную научную деятельность с практической музейной, более двадцати лет заведовал Отделом Востока. Одинаково полно и свободно владея разными видами источников — эпиграфическими, археологическими и нумизматическими материалами, сообщениями древних и средневековых авторов и произведениями монументального искусства, В. Г. Луконин всегда исследовал их комплексно, в единстве, как разные проявления эпохи и общества, их создавших. Наиболее значителен вклад В. Г. Луконина в разработку концепции древнеиранского искусства, а также в исследование истории и культуры Ирана III—V вв.

